Институт этнологии и антропологии
Российской академии наук

Научный совет Российской академии наук
по комплексным проблемам этничности
и межнациональных отношений

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

РОССИЯ: ВОСПРИЯТИЕ БУДУЩЕГО

Москва
2024

УДК 005.212+572+316
ББК 60.5+ 63.5
Р76

Работа выполнена по программе научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков), проект «Образы России: проектирование будущего» (FMNU-2023-0002)

Рекомендовано к изданию Ученым советом Ордена Дружбы народов
Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Рецензенты:
чл.-корр. РАН А.В. Черных (ИГИ УрО РАН)
канд. ист. наук Р.А. Старченко (ИЭА РАН)

Россия: восприятие будущего. Опыт социально-антропологического исследования: коллективная монография / А.Л. Андреев, О.Ю. Артемова, Ю.А. Артемова и др.; Под ред. В.А. Тишкова; сост. О.В. Кульбачевская – Москва: ИЭА РАН, 2024. – 374 с.

ISBN 978-5-4211-0338-7
DOI: 10.33876/978-5-4211-0338-7/2024-12/1-374

Коллективная монография инициирует тему антропологии будущего на примере современного конструирования образа России на разных уровнях и с участием как ученых разных дисциплин, так и политтехнологов и сферы медиа. Современное российское общество в лице политиков и экспертов вовлечено не только в обоснование будущего страны как уникальной и суверенной нации-цивилизации, но и занято поисками новых контуров справедливого, полицентричного мира суверенных наций-государств. В книге содержится обзор культурных смыслов таких общественных и личностных ориентаций будущего, как общественное и жизненное планирование, нациестроительство, ожидания, озабоченности и стремления людей разных возрастных групп и социального положения. Особое внимание – желаемый образ будущего России и ее место в мире. Книга написана с использованием социологических и антропологических подходов, включая оригинальные социологические обследования и полевые наблюдения, а также контент-анализ медийного дискурса. Монография содержит практико-ориентированные рекомендации в части формирования российской идентичности и патриотизма.

УДК 005.212+572+316
ББК 60.5+ 63.5
ISBN 978-5-4211-0338-7

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Антропология будущего: введение в тему *(В.А. Тишков)* 4

Часть первая

БУДУЩЕЕ В НАУЧНОМ И ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСЕ

Глава 1. Конструирование будущего: определение координат в публичном и научном дискурсе *(В.А. Тишков)* 12

Глава 2. Футурологический потенциал антропологии в эпоху глобальных перемен *(Т.С. Гузенкова)* 51

Глава 3. Российские исследования в области социологии будущего *(А.Л. Андреев)* 83

Часть вторая

ИДЕЙНЫЙ, ЦЕННОСТНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВА

Глава 4. Образы будущего России и жизненные ожидания граждан *(А.Л. Андреев)* 94

Глава 5. Молодое поколение россиян: ценности, гражданские установки и образ страны в мировоззрении строителей будущего *(О.В. Кульбачевская)* 119

Глава 6. Миграционные и профессиональные стратегии студенческой молодежи *(О.А. Зыкина)* 162

Часть третья

ОБЩЕСТВО В ПОИСКЕ БУДУЩЕГО

Глава 7. Сдержанный оптимизм и «латентный патриотизм» (что думают россияне о недавнем прошлом, настоящем и будущем) *(О.Ю. Артемова, Ю.А. Артемова, М.И. Драмбян)* 186

Глава 8. Надежды и опасения москвичей по данным экспертных источников и Рунета *(О.Н. Подлесных)* 247

Глава 9. Новые сельчане в поиске будущего *(И.С. Савин)* 271

Глава 10. Медийные дискуссии о будущей России *(В.К. Малькова)* . 303

Глава заключительная. Образ России: проекты и результаты анализа *(В.А. Тишков)* 354

Об авторах 373

АНТРОПОЛОГИЯ БУДУЩЕГО: ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

В.А. Тишков

В период инициированных Россией после начала специальной военной операции на Украине переустройства мирового порядка и тектонических сдвигов имеет место столкновение главных геополитических сил за формирование перспективной повестки мироустройства. Представления о будущем ныне в значительной мере строятся на прогнозах катастрофических событий, связанных с различными факторами: экологическим кризисом, демографическими проблемами, угрозой ядерной войны, рисками порабощения человечества искусственным интеллектом и т.д. При поиске ответов на подобные вызовы и угрозы ключевую роль играет то, чьи интересы затрагиваются при их возникновении. В политическом измерении наблюдается принципиальное расхождение во взглядах между сторонниками глобализации и космополитизма и приверженцами национального суверенитета и государственной самостоятельности. В общественно-научном дискурсе имеет место множественность подходов и разная вовлеченность в данную научную повестку и, конечно, воздействие политических и медийных предписаний.

Глобалисты в качестве основополагающих продвигают принципы т.н. *ответственного глобализма* и *устойчивого развития*, в интересах которого предлагается пересмотреть философию примата национального государства в пользу укрепления механизмов глобального управления. В свою очередь, целый ряд государств, включая нашу страну, отстаивает принцип национального суверенитета, в том числе и в видении своего будущего. Данная коллизия отчетливо проявилась в принятии Организацией объединенных наций 22 сентября 2024 г. документа под названием «Пакт будущего». Его положения отражают многие мировые озабоченности, связанные с гонкой вооружений и вооруженными конфликтами, а также экологические и технологические вызовы, на которые будущие поколения должны найти адекватные ответы. Невключение в текст пакта положения о невмешательстве во внутренние дела национальных государств и некоторые скрытые риски навязывания глобалистской установки на «мировое правление» вызвало отказ Российской Федерации и ряда других стран поддержать дан-

ный документ. Однако 56 положений пакта представляют интерес с точки зрения, как влиятельная международная организация представляет себе будущее и что под ним подразумевает.

России, стремящейся занять достойное место в новом мироустройстве и являющейся одним из лидеров формирующегося многополярного мира, необходимо иметь собственную стратегию развития. В сегодняшнем мире складывается также ситуация *самоопределения цивилизаций*, понимаемых как регионы и крупные государства-нации с историко-культурной отличительностью и выдающимся вкладом в мировую культуру и историю. Здесь имеет место выбор возможных «парадигм современности», осуществляемый в условиях конкуренции глобальных проектов и моделей развития. Проектирование и созидание будущего России ныне становится уже не только ее внутренним делом, но и фактором глобального порядка. По существу, наша страна вновь выступает в той же роли «дизайнера будущего» и генератора новых исторических смыслов, в которой она явилась за столетие до этого – в октябре 1917 года.

Оживление интереса к будущему на рубеже двух веков произошло под воздействием ряда важных обстоятельств. Сначала это были объявленные Ф. Фукуямой «конец истории» и С. Хантингтоном «конфликт цивилизаций», когда провозглашалась глобальная победа либерального проекта над авторитарными формами правления и тотальная гегемония западной цивилизации. Это был конец исторического процесса на основе конкурирующих проектов организации социальных коллективов и открытие новой эры «постистории» с тотально восторжествовавшим вариантом социального порядка, т.е. «порядка без истории». Этот порядок представлялся идеальным и отныне вечным. Российский (1990-х гг.) вариант интеграции с Западом был фактически из разряда «конца истории», но под отечественным брендом, отразившемся в новом гимне страны: «широкий простор для мечты и для жизни грядущие нам открывают года». На сей раз не было никаких «разрушим до основания» и не было строительства «нашего нового мира». Будущее постсоветскости представлялось как вхождение в нормальный мир прогресса на основе демократии и рыночной экономики. Некоторые полагали, что все это можно сделать даже за 500 дней!

В этой ситуации рождались крайне бедные проекты будущего как в России, так и в других странах бывшего СССР. Они были построены не на «наличном ресурсе» (из чего строить будущее) и не на идее долговременной стратегии созидания (что и как строить), а на идее «пере-

хода» от одной системы к другой, на «интеграции» в другую уже существующую реальность, в существующий вариант общественного устройства и человеческого общежития. Кстати, что-то подобное произошло после Второй мировой войны и с постколониальным миром после распада империй и образованием новых государств. Отечественная гуманитарная наука в эпоху Горбачева-Ельцина не была настроена на глобальные размышления о будущем с учетом нашего исторического опыта, наличного человеческого капитала, культурной составляющей и многих других факторов за пределами экономического монетаризма и модели представительной демократии.

У политических верхов не было ощущения будущего времени применительно к собственной стране, ее народу и с учетом внешнего окружения. Приведу несколько примеров из 1992 года, – краткого момента моего пребывания в составе правительства Российской Федерации. Вот несколько ситуаций, которые вызвали коллизию с более высокими руководителями и в конечном итоге привели к моему решению выйти из правительства: я не завизировал президентский указ о государственной поддержке российского казачества с его дефиницией казачества как этнической общности; я настаивал на поддержке введения украинско-русского и молдавско-русского официального двуязычия в Украине и Молдове, где русский язык тогда был первым языком знания и общения для большинства населения этих новых государств; я предлагал при заключении российско-германского межправительственного соглашения о сотрудничестве в области поддержки российских немцев предусмотреть возможность возвратной миграции в Россию в случае неуспешной интеграции в Германии. Все эти мои позиции исходили из чувства предвосхищения будущего и знания некоторого мирового опыта, и все эти три позиции были решительно отвергнуты теми, кто тогда был облачен властью принимать окончательные решения. Эти мои «стилистические разногласия» с правительством Ельцина отражали не только тогдашнюю «политику будущего», но одновременно и разные восприятия политическими функционерами и учеными-гуманитариями факторов культуры и идентичности в так называемой «стреле времени».

Одновременно с легковесным проектом будущего в рамках либерально-рыночного варианта в мировом общественном дискурсе возник еще один культурно-историософский вариант будущего на основе но-

вого типа конфликтов между разными культурными системами под названием *цивилизации*. Его отечественным вариантом был сначала проект *нового евразийства* как антиатлантической (позднее и антизападной-европейской) формы будущего мироустройства, который в последние годы обрел облик настоящего будущего России как «державы-цивилизации» на основе концепции Русского мира. Россия в нем представлена как образованное русским этносом государство, а будущее страны как телеологическая реализация идеи русского суперэтноса, вобравшего в себя все другие этносы России. Этот проект пока мало повлиял на российскую антропологию и этнологию, хотя в его содержании довольно щедро присутствуют отсылки к отечественным авторам типа Данилевского и Гумилева, а в одном из обязательных для всех вузов страны учебном пособии данный концепт представлен как «основа базиса» российской государственности. Недавние попытки последователей А.Г. Дугина обвинить российских этнологов в «деонтологизации этноса» ничем особым не закончилась, но только напомнили, что задачу конструирования будущего страны в культурно-антропологическом контексте не следует отдавать на откуп неофитам. А попытки политтехнологов построить в будущем вместо организации объединенных наций некое новое сообщество «объединенных цивилизаций» нам представляются малоперспективной импровизацией.

Социально-культурная антропология, как никакая другая гуманитарная дисциплина, подходит для изучения того, как мы ориентируемся на будущее в повседневной жизни, поскольку будущее влечет нас своими надеждами и ожиданиями, предвосхищением или фантазиями, верой в судьбу и предсказания. Человек или сообщество готовят проекты желаемого или ожидаемого будущего с помощью мыслей и желаний, которые опережают реальное настоящее. Наши действия, ориентированные на будущее, формируют отношения в настоящем и то, как мы решаем, что и как сохранять и использовать наше прошлое. В итоге главный исследовательский посыл для данной темы – это выяснение *как будущее пробуждает настоящее*, используя категории, которые в свое время выделили и вокруг которых построили свое изложение в книге об антропологии будущего антропологи Ребекка Брайант и Дэниэл Найт. Это – *предвосхищение, ожидание, размышления, возможности, надежды и предназначение* (*Bryant, Knight* 2019).

Цель авторов этой книги – представить культурные смыслы *ориентаций на будущее* как способ мышления о неопределенных *телеоло-*

гиях[1] повседневной жизни. Надо сказать, что отношение к телеологии в социальных науках до настоящего времени было довольно настороженным из-за ее идеалистического понимания т.н. закономерного движения человечества по линии прогресса. Однако сегодня имеет место возрожденное понимание телеологии в смысле допущения множественных способов продвижения повседневного к "целям" (*телосу* в аристотелевском смысле) как способа осознать роль будущего в ориентировании повседневных действий. Сегодня все больше под вопросом понятие линейного времени, и в этой ситуации телеологический подход оказывается важен для осмысления повседневной жизни. Таким образом, *концепция ориентаций на будущее призвана помочь разобраться во взаимосвязи между будущим и современным действием*. Как пишут Брайант и Найт, «задача преобразовать возвращение к футуральности в более программный метод размышления о будущем в рамках антропологии. Мы утверждаем, что наше представление о настоящем – как о происходящем из будущего *настоящем* (our concept of the present *as present* derives from the future); что без концепции будущего настоящее перестает существовать как таковое» (Там же: 16).

На эмпирическом уровне во многих случаях довольно сложно определить характер *ориентаций на будущее*. Где, например, надежда переходит в предположение или когда ожидание становится предвосхищением? Однако эвристические различия позволяют провести ана-

[1] Из справки в Википедии: **Телеоло́гия** – учение об объяснении развития в мире с помощью конечных, целевых причин. Ставит перед собой задачу ответить на вопрос «зачем, с какой целью?». В современной методологии рассматривается как принцип объяснения, дополняющий традиционную причинность причинами-целями. Корни телеологического подхода к действительности следует искать в тех теряющихся в глубокой древности антропоморфных представлениях, когда люди стали приписывать явлениям и процессам природы целесообразный характер своих действий и поведения. Возникшие позднее попытки объяснения целесообразности в природе и обществе с помощью принципов механистического детерминизма и причинности потерпели тогда неудачу. Уже в античной философии предпринимаются усилия по объяснению процессов развития в живой природе и истории с помощью особых целевых причин. Телеология идеалистически связывает природные предметы и процессы с действием целеполагающих начал для осуществления предустановленных целей. Этот тезис предполагает наличие сверхразумного творца, лежит в основе телеологического доказательства бытия Бога.

лиз способов и средств, с помощью которых временные ориентации формируют настоящее действие. Основываясь на индивидуальном и коллективном опыте, мы утверждаем, что время может восприниматься коллективно, и у нас может возникнуть ощущение, что мы живем в период, который обладает определенной временностью и набором ориентаций (см. подробнее: *Тишков* 2003: 260–276). На общественном уровне временные пространства и их влияние часто описываются в просторечии в эпохальных терминах – «революционная эпоха», «время войны», «время процветания, «время перестройки». Мы называем этот коллективный опыт эмоционального времени “народными временными пространствами”, эпохальным способом мышления, который устанавливает (воображает или конструирует) определенные эмоциональные структуры и характеристики темпоральности. Для одних Великий Октябрь 1917 г. был началом новой эпохи всемирной истории, а для других – это был «переворот» и не более того.

Жизнь в по-разному обозначенные времена в темпоральных категориях будущего может вызывать разные настроения людей: «с песней по жизни», апокалиптические спекуляции, отстраненное смирение и многое другое. Во время кризиса и конфликта надежды на «светлое будущее» могут быть размыты или даже отброшены, будущее может казаться «туманным». Такие времена гораздо больше требуют и вызывают коллективные реакции, создают свои эмоциональные временные ориентации, придавая пространству времени особый ритм и отличительные характеристики параметров человеческой деятельности.

Ориентации на будущее могут сделать будущее более податливым для конструирования (это из категорий стремлений и надежд) или быть жесткими и не обсуждаемыми (отражение в категориях *предназначение* и *рок*). Они отражают своего рода качели между желаниями и страхами, которые есть в каждом человеке. Хотя любые ориентации предполагают планирование и образы будущего, они также часто заканчиваются «крахом надежд и жизненных планов» или просто «исчерпываются усилия» думать и заниматься будущим.

В этом процессе есть моменты временных катаклизмов, когда надежда может смениться апатией, неудачное планирование – разочарованием, а воображение – усталостью умственных усилий. Как пишут Брайант и Найт, «в наше намерение входит обратить внимание антропологической науки на ориентации, которые могут помочь нам глубже

осознать роль будущего в формировании жизни людей. Внося свой вклад в будущее как новую область антропологии, мы предлагаем концепцию ориентаций как способ лучшего объяснения неопределенных телеологий повседневной жизни. … Внимание к ориентации на будущее добавляет ценные детали к нашим этнографическим поискам в целях лучшего понимания повседневности. Будь то мимолетные моменты или результат долгосрочного планирования, будь то индивидуальные чувства или часть коллективного народного языка, мы постоянно предвкушаем, ожидаем, надеемся и размышляем о будущем – и таким образом живем им. Мы полагаем, что эти ориентации на будущее следует включить в наш методологический и аналитический инструментарий» (*Bryant, Knight* 2019: 19–20).

Таким образом, цель нашего исследования – на основе междисциплинарного подхода *выявить образы и представления населения* (в том числе экспертного сообщества и молодого поколения) *о стране и ее желаемом будущем, содержательные характеристики идеалов и устремлений граждан России и оценки ими рисков и перспектив развития российского государства*. Результаты исследования позволят предложить некоторые подходы и механизмы для конструирования жизненных смыслов россиян на современном этапе развития страны, разработать оптимальные подходы к проектированию России будущего. Важным моментом может быть разработка концепции России как одной из крупнейших наций мира в сообществе современных государств и самостоятельной цивилизации с точки зрения историко-культурного наследия и вклада в мировую культуру.

Научная литература

Bryant, Knight 2019 – *Bryant R., Knight D.M.* The Anthropology of the Future. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Восприятие времени / В.А. Тишков. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

-

Часть первая

БУДУЩЕЕ В НАУЧНОМ И ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСЕ

Глава 1

КОНСТРУИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО: ОПРЕДЕЛЕНИЕ КООРДИНАТ В ПУБЛИЧНОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В.А. Тишков

Дополнение к введению

Эта глава и коллективная монография в целом не о будущем науки антропологии и этнологии, а об *антропологии будущего*, т.е. о том, как может социально-культурная антропология с ее этнографическим и другими дисциплинарными методами изучать тему конструирования будущего, имея в виду под последним не климат, природные ресурсы и окружающую среду, а тем более – не глобальную эволюцию нашей планеты и ее ойкумены. В данном случае предмет изучения – это человек и создаваемые им социальные коалиции (от семьи до государства), а также практики на уровне индивидуальных стратегий и ожиданий, коллективные проекты и устремления в их культурном измерении.

Другими словами, нас, например, не так интересует историческая эволюция семейно-брачных союзов с точки зрения биологического воспроизводства или медико-технологического обеспечения рождаемости и выращивания новых людей будущего. Нас прежде всего интересуют социальные и культурные смыслы, которые люди придают т.н. первичной ячейке общества в форме парной семьи и ее вариантам, которые составляют основу жизни человеческих коллективов, их воспроизводства и развития. Конечно, культурные смыслы также заложены и в самом феномене биологического воспроизводства человека, включая практики рождения и выращивания потомства, не говоря уже о процессах социализации и воспитания. Но все-таки для антрополога важен прежде всего вопрос, как и с какой будущей целью человек строит свой семейный союз, в каком направлении эволюционирует практика брачных союзов и каково ожидаемое будущее привычной для нас семьи и семейно-родственных связей. Это вопрос более чем актуальный в условиях нынешнего наступления *культуры инклюзивности* и *радужного разнообразия*, которые пытаются распространить на сферу семьи и биологическое воспроизводство человека.

Точно также можно сказать и о других сюжетах *изучения будущего*, как, например, судьбы научно-технологического прогресса и образа жизни людей через несколько десятилетий или проекты политического переустройства общества и эволюция мировых систем, не говоря уже о глобальной озабоченности обеспечения мирного сожительства людей разных культур и разных государств, предотвращения глобальных катастроф и разрушительных вооруженных конфликтов. Во всем этом, помимо строгих цифровых расчетов и экстраполяций из прошлого в будущее, есть и даже доминируют смыслы сегодняшнего дня и актуального культурного контекста. Люди озабочены будущим, но это *сегодняшние* озабоченности, т.е. *изучение будущего – это изучение современности*. Как замечают некоторые авторы, «классификация различных вариантов будущего является непременным условием этнографии настоящего» (*Persoon, van Est* 2000: 7–28).

Следует признать, что конструирование будущего – это весьма сложный и чувствительный процесс, поскольку в нем заключается один из источников власти, определяющий, что возможно, вероятностно и желательно для общества. В этом смысле можно утверждать, что *представления о будущем времени* (как, кстати, и представления о прошлом) *являются формой управления*, поскольку они определяют, какими путями должны следовать люди, какими наборами квалификаций, ценностей и моделей поведения им следует обладать, какие сохранять или, наоборот, подвергать изменениям.

Итак, *антропологическое изучение будущего – это прежде всего знание о сегодняшнем настоящем, о том, кто, почему и как думает и действует в координатах жизненных смыслов и устремлений*. Другими словами, для антрополога важны не столько точность прогноза и реальная осуществимость тех или иных проектов конструирования будущего, а что движет людьми и социальными коллективами в определении индивидуальных и коллективных стратегий и конкретной деятельности. Я бы здесь ввел понятие *политики устремлений (антиципаций)* примерно в духе того, о чем пишет Арджун Аппадураи на примерах индийской городской бедноты в своей фундаментальной книге «Будущее как культурный факт» (*Appadurai* 2013).

Например, есть проблема – в какой мере нынешние политические лидеры информированы и озабочены рисками использования атомного оружия и возникновения «ядерной зимы», т.е. глобальной катастрофы

существования человеческой жизни на Земле. Для социокультурного антрополога интерес представляют не только степень информированности и степень профессиональной ответственности человека-политика-генерала в процедуре принятия судьбоносных решений. Интерес представляют также культурные бэкграунды политика или военного, включая его образовательную подготовку и даже религиозную традицию с особыми для религиозных доктрин установками о ценности жизни и принципах мироустройства. Этот социокультурный бэкграунд принимающего решения включает также наставников-профессоров и книги, которые сопровождали человека в период его обучения. В качестве конкретного примера назову нашедший отражение даже в программных документах интерес высокопоставленного персонала спецслужб к терминологии геополитики («хартленд», «лимитроф», «панрегион», «государство-остров» и т.д.), в чем явно отражается обучение в профильных академиях по книгам Хаусхоффера, Маккиндера, Бжезинского или Дугина и Цымбурского.

Сюда же можно отнести личностно-семейный опыт принимающего решения (вспомним слова из песни Владимира Высоцкого: «значит нужные книги ты в детстве читал»). Этот опыт также включает озабоченность человека о судьбе своих детей и о продлении своего рода. Кстати, вполне резонным был недавний вопрос к некоторым западным лидерам: есть ли такая озабоченность будущим страны и мира у целого ряда нынешних бездетных лидеров западных стран? Наконец, в какой степени образ страны-Родины, принцип служения и понимание, скажем, национального интереса мотивируют действия людей в экстремальных условиях межгосударственных противостояний или здесь может иметь место сочетание меркантильного и символьного интересов (борьба за ресурсы и борьба за статус и влияние). Или в конструировании будущего может проявляться то, что антропологи называют ощущением игры (feeling of game), т.е. настрой и эмоциональная одержимость человека или группы людей свершить что-то потрясающее и необязательно в положительном варианте? Однако может быть и такое в ориентации на будущее, что «верхние» и «нижние» участники социального действа руководствуются гедонистическим чувством сопричастности к большим проектам, включая желаемые ими переустройство страны или мира (вспомним слова «Интернационала»: «Мы наш, мы новый мир построим…»).

О Форсайте и о Пакте во имя будущего

Антропологический подход отличается от т.н. *футурологических практик*, которые в более академическом варианте обрели название Форсайта (почему-то это слово принято писать с заглавной буквы?!) – технологии моделирования образа будущего на основе желаемых представлений и путем т.н. мозгового штурма с использованием разных источников информации с целью выработки стратегических вариантов действий. По большому счету это такое же социальное конструирование, но только применительно к задачам перспективных действий. Если классическая футурология является не наукой, а одной из предсказательных практик на основе опыта, предчувствий и просто элементарного гадания, то Форсайт – это уже из категории современных инновационных технологий, в которые вовлечены в т.ч. и эксперты из сферы науки. Правда, издаваемый уже почти два десятилетия российской Высшей школой экономики научный журнал «Форсайт» производит смешанное впечатление: слишком много в нем пустых по смыслам текстов, рассчитанных больше на наукометрическую зачетность.

Однако существующий в этом вузе Международный научно-образовательный Форсайт-центр производит разного рода доклады и другие разработки, востребованные как экономистами, так и политиками (см. программные статьи в журнале «Форсайт»: *Гохберг* 2007; *Кинэн* 2007; *Кузьминов* 2007; *Соколов* 2007: 8–15). Занимаясь «сканированием горизонтов» (одно из выражений лексикона Форсайта), авторы российского журнала высоко оценивают возможности цифровизации научного труда и искусственного интеллекта (ИИ), которые, по их мнению, «при грамотном запросе могут выполнить социальный анализ и прогнозировать будущее лучше, чем опытные эксперты». Не исключаю, что для сферы экономики Форсайт на основе ИИ может давать полезные результаты и даже прозрение. Тем не менее, убедительные результаты Форсайта мне неизвестны, хотя у него могут быть и закрытые зоны из сферы политических, информационных и военных технологий.

За рубежом изучение будущего методом Форсайта развивается с 1980-х гг., когда в калифорнийском Пало-Альто был создан Институт Форсайта и где, кстати, работал знаменитый физик и философ Ричард Фэйнман (в честь последнего институт присуждает премию в области нанотехнологий). Интересно, что Фэйнман был очень увлечен историей и культурой Тувы и по этой причине имел контакты с Институтом

этнографии АН СССР (лично переписывался с С.И. Вайнштейном), но так и не успел при жизни посетить этот край.

Со временем Форсайт как метод стратегического предвидения распространился по всему миру, особенно в развитых странах. В Европейском Союзе имеется целая сеть центров оценки проектов территориального перспективного планирования/форсайта. Существуют региональные форсайт-центры и ведутся исследования во Франции, Италии, Испании, Германии и других странах. Опубликовано большое число тематических форсайт-анализов (о развитии городов, сельских районов, электрогенерации, потребительских запросов, инвестиционной политики, логистики и т.п).

Форсайтом не брезгуют и политологи, используя этот метод для анализа перспектив политического процесса или для выработки предписаний в части определения направленности и результатов политического действия. Как пишет Э.И. Крымова в статье о Форсайте как политической коммуникативной технологии, «в настоящее время Форсайт – системный инструмент формирования будущего, позволяющий учитывать возможные изменения во всех сферах общественной деятельности: науке и технологиях, экономике, социальных и общественных отношениях, культуре т.д. Методология Форсайта схожа с такими науками и методами работы с будущим, как прогнозирование, футурология и стратегическое планирование» (*Крымова* 2009: 297). Форсайт используется для стратегического планирования будущего развивающихся стран, и здесь Форсайт выступает как метод продвижения инноваций, проактивного формирования будущего. «Цель Форсайта в качестве фактора в управлении заключается в повышении способности руководящих лиц привлекать и формировать события в долгосрочной перспективе» (*Фуэрт* 2009: 17; *Fuerth* 2009: 14–32; см. также *Dreyer, Stang* 2013).

Темой стратегического прогнозирования и планирования внешней и оборонной политики довольно активно занимаются российские ученые-международники (*Подберезкин* 2015; *Дынкин, Миловидов* 2023: 6–23). Не наша задача выявлять, как практически реализуются наработки ученых и в каких формах и действиях осуществляется соединение научного прогнозирования и конкретных решений. По крайней мере, в России есть специальный Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Россий-

ской Федерации» от 8 ноября 2021 г. № 633, в котором поставлена задача совершенствования системы стратегического планирования, особенно в части требований к качеству, оперативности, эффективности научно-методического обеспечения стратегического планирования.

Отдельный сюжет из этого же разряда – это политико-стратегические трактаты от имени разных международных организаций и сообществ, претендующих на перспективное видение глобальных процессов в мире. Таких деклараций, пактов, конвенций, аналитических докладов очень много, и их подавляющее большинство произведено в т.н. западном мире, а точнее – в евро-американском экспертном и политическом сообществе. Некоторые носят глобальный характер и получают распространение и влияние в мире вплоть до создания под них политических партий, корпораций, мега-научных проектов, институтов, вузовских специальностей и профессий.

К таким ориентированным на будущее глобальным концептам последних двух-трех десятилетий можно отнести проекты и программы устойчивого развития, зеленой революции, толерантности и культуры мира, защиты меньшинств и инклюзивности, спасения вымирающих языков и культурного наследия и еще с добрый десяток инициатив, которые исходили от таких авторитетных организаций, как ООН, ЮНЕСКО и аффилированных с ними организаций. Почти все они основаны на прогностических оценках развития в близкой или дальней перспективе и носят озабоченный ходом дел в мире характер. Многое в них имеет вполне оправданный смысл и приносит заметную пользу: будь это состояние окружающей среды или культурная среда. Социокультурные антропологи, главным образом из западных институтов, принимали и принимают активное участие в этой «работе на будущее», особенно по темам устойчивого развития, защиты меньшинств и миграциям, языкового и культурного многообразия, аборигенных народов. В Международном союзе антропологических и этнологических наук более 20 лет действует подкомиссия по устойчивому развитию, одним из сопредседателей которой является российский этнолог. Однако, в чем проблема с большими международными проектами и программами, ориентированными на будущее? Проблема в узости взглядов их творцов и исполнителей, которые не выходят за пределы неолиберального (пост)модерна и обладают политической ангажированностью в пользу концерта ведущих развитых стран евроатлантического

сообщества. Геополитические потрясения основ «первого мира», «деколониальный поворот», а самое существенное – это утверждение нового «многополярного большинства» прорисовали контуры новых вариантов будущего, которые неизбежно будут утверждаться и менять остальной мир. Но пока большинство членов ООН принимают сочиненный экспертами «первого мира» документ под названием «Пакт во имя будущего».

О чем этот пакт, точнее – о каком и о чьем будущем? «Пакт во имя будущего», одобренный 23 сентября 2024 г. Генеральной ассамблеей ООН («за» проголосовали 143 государства), призван «защитить потребности и интересы нынешнего и будущих поколений» посредством 56 обязательств, которые берут на себя государства-подписанты. Если их выполнить, то, как утверждается в преамбуле документа, можно «добиться такого мира, в котором царят безопасность, мир, справедливость, равенство, инклюзивность, устойчивость и процветание, мира, в котором благополучие, защищенность и достоинство, а также здоровье планеты обеспечены для всего человечества».

Обязательства (или «действия», как они названы в пакте) охватывают едва ли не все проблемы, с которыми сегодня сталкиваются государства: «поставим на первое место ликвидацию нищеты», «покончим с голодом», «устраним дефицит финансовых средств для достижения целей в области устойчивого развития в развивающихся странах», «будем инвестировать в людей», «обеспечим гендерное равенство», «активизируем действия по решению проблемы изменения климата», «проведем реформу Совета Безопасности», «будем защищать и развивать культуру и спорт», «удвоим усилия по устранению коренных причин конфликтов», «обеспечим защиту всех гражданских лиц в вооруженных конфликтах», «будем использовать возможности, которые представляют наука, техника и инновации, на благо людей и планеты» и далее в том же духе.

Почему Россия и еще шесть стран проголосовали против, а 15 стран воздержались? Основной аргумент – это отказ включить положение о сохранении равенства государств и принципа невмешательства в их внутренние дела, а также наличие некоторых положений, наделяющих международных чиновников в лице руководителя ООН и подчиненных ей международных организаций функциями мирового правительства в «глобальных кризисных ситуациях». В заключительной части данной

главы мы покажем, почему нынешние попытки глобалистов нарисовать *единое, общее будущее* по собственным лекалам не подходят для многих народов и стран, для которых ныне более актуален «деколониальный поворот», а для России и ее союзников также не менее важен нацеленный на будущее проект, который некоторые эксперты называют «консервативный модерн» (*Гиринский, Азыркин* 2024: 41–59) или новый многополярный мир.

Философский дискурс о будущем России

Среди гуманитариев ближе всего к теме будущего и дальше всего от социокультурных антропологов располагаются философы, ибо философия – это не о том, что было, а о том, что есть и еще в большей степени – что будет. В поиске «чистого разума» философы обожают объяснять существующие схемы мироустройства и строить планы новых миров. Именно философы, как правило, оказываются впереди ниспровергающих кампаний, революционных переворотов, обновленческих проектов и программ, исправления, по их мнению, неправильно устроенных сообществ или смены неправильных правителей. Именно философы формулируют идеи и на их основе навязывают политикам мироустроительные проекты. Именно представители этой дисциплины вместе с околоцерковными авторами породили сам феномен утопии как умозрительные конструкции ожидаемого будущего и *понятия предназначения и судьбы* как чего-то, что раз и навсегда предопределено прошлым. В западном варианте есть близкая теория т.н. исторической колеи (path dependency). Именно от философов в научный дискурс поступают привлекательные, но чаще всего непроверяемые концепты про уникальные цивилизации со своими коллективными генетическими кодами и извечными ценностями.

Надо сказать, что послужной список философских прозрений современных мыслителей насчет будущего достаточно скромен, если не считать провокационных философских рассуждений в пользу неограниченного самоопределения народов и святости т.н. освободительных проектов под лозунгами декоммунизации или борьбы с религиозным фундаментализмом (на ум приходят имена французов Андре Глюксмана и Бернара-Анри Леви). Сюда же можно отнести серого кардинала «всепобеждающего либерализма» американцев Фрэнсиса Фукуяму и проповедника нового мира цивилизаций, неотойнбиста Сэмюэля Хан-

тингтона. Влияние этих западных философов на идеи мироустройства и в целом на гуманитарную научную мысль нельзя недооценивать. По крайней мере, в России цивилизационный подход становится основой определения историко-культурной сущности самой страны, включая доктринальные документы стратегического планирования и т.н. *пентабазис* в нынешнем политико-технологическом проекте под названием «ДНК-Россия».

Из отечественных пророков и прорицателей будущего можно составить целую антологию, ибо в истории России радикальных реформаторов, ниспровергателей и отрицателей прожитого и настоящего было хоть пруд пруди, а на философию мирового переустройства отечественная общественная мысль может оформить мировой патент: одни только М.А. Бакунин, Л.Д. Троцкий и В.И. Ленин чего стоят! Не говоря уже о таких корифеях, как народоволец Н.А. Морозов (предсказание вечного террора), философ-футуролог Н.Ф. Федоров (философия общего дела), философ-мистик В.С. Соловьев (Душа Мира и идея всеединства) и еще добрый десяток блестящих имен.

Особо отличилась отечественная философия в конструировании образа России, который включал не только желаемый идеал страны, но и ее мировое предназначение. Сюда относятся философские поиски в рамках концепции *евразийства* во всех его вариантах и на разных исторических этапах, включая современную жизнь. Сюда же относятся многие известные имена и их работы, связанные с эмиграцией начала XX в., критикой коммунизма и политики большевизма, с предложениями как изменить ситуацию и вывести Россию на правильную историческую магистраль.

Что интересует антрополога во всех этих изысканиях, особенно современных российских философов, чтобы лучше ориентироваться в системе дисциплинарных координат и определить собственную нишу в теме конструирования будущего? Во-первых, интересны смыслы, которые философы вкладывают в само понятие Родины-России и ее предназначение. Здесь лидерами выступают религиозные публицисты и авторы-идеалисты, которые озабочены такими субстанциями, как душа, дух, судьба, миссия, воля и т.п. В своих «Основах борьбы за национальную Россию» И.А. Ильин разъясняет, почему мы должны бороться за ее восстановление, возрождение и процветание: «Родина не есть то место на земле, где я родился, произошел на свет от отца и

матери или где я привык жить; но то *духовное* место, где я родился *духом* и откуда я *исхожу в моем жизненном творчестве*. И если я считаю моей родиной Россию, то это означает, что я по-русски люблю, созерцаю и думаю, по-русски пою и говорю; что я верую в духовные силы русского народа и принимаю его историческую судьбу своим инстинктом и своею волею. Его дух мой дух; его судьба моя судьба; его страдания мое горе; его расцвет моя радость» (*Ильин* 2007).

Отметим, что логика размышлений у философов и антропологов существенно различается. Ильин пишет: «Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Один за всех, все за одного. Только жертвою и служением восстановим Россию» (*Ильин* 2016). Предлагаемый нами антропологический анализ все-таки ближе к социологическому подходу, а именно – от частного, личностного и группового к общему в смысле государственного, странового и к глобальному в смысле общецивилизационного и всечеловеческого.

Эти две стратегии могут встретиться в едином образе или существенно различаться в зависимости от историко-культурного контекста. Можно напомнить, что не все в нашей стране «любят, созерцают и думают» о России, а тем более – исключительно на русском языке. Вот как иронично ответил на этот вопрос известный писатель, абхазец Фазиль Искандер в рассказе «Думающий о России и американец»:

> *«Внятно мы слышим только разговор американца и Думающего о России.*
>
> *– Что делают в России?*
>
> *– Думают о России.*
>
> *– Я спрашиваю, что делают в России?*
>
> *– Я отвечаю – думают о России.*
>
> *– Вы меня не поняли. Я спрашиваю, что делают в России! Какими делами занимаются? Дело, дело какое-нибудь есть?*
>
> *– В России думают о России. Это главное дело России».*

Еще один важный для антрополога обращенный в будущее концепт – это *идея страны.* Не всем и не всегда при употреблении этих слов ясно, что же имеется в виду под этим понятием. Название своей книги «Национальная идея России» я сопроводил поясняющими словами «Российский народ и его национальное самосознание» (М.: АСТ,

2021). Именно об этом идет речь без претензии на некую идею-формулу, о которой мечтали и которой жаждут до сих пор многие неофиты от науки и политики. Для нас идея России – это признать и наполнять смыслами российский национальный проект, т.е. обосновывать понятие и восприятие российского народа как одной из крупнейших наций мира, историко-культурная отличительность которой и вклад в мировую культуру позволяют говорить о ней как об отдельной цивилизации (см. также: *Тишков* 2023).

Мы в свое время критически оценили высказывание Н.А. Бердяева по поводу французской нации и его понимание категории *нация* (*Тишков* 2003: 138–139), отметим, что таких эмоционально окрашенных и вычурных по форме «национальных образов мира» более чем достаточно (см. напр.: *Гачев* 2008). Есть даже работы про евразийскую ментальность, но суждения о работах психологов мы оставляем за рамками данной монографии. Нам важен, во-первых, аспект будущности, а, во-вторых, не что, а кем и как высказывается образ страны. Напомним некоторые суждения по теме идея России или о т.н. Русской идее.

Понятие Русской идеи существовало в отечественной философии и публицистике начиная примерно с национально-освободительных революций на Балканах в первой половине XIX века. Это было время поиска народами тогдашних империй своих историко-культурных основ. Именно тогда формировался исторический выбор ряда восточноевропейских народов, и отечественный поиск располагался в этом русле с той спецификой, что русские мыслили себя в роли старшего брата, помощника и освободителя других угнетенных славянских народов. Для религиозного философа В.С. Соловьева русская идея была идеей национального самоотречения. Он полагал, что мы – мост между Востоком и Западом, и прежде всего мы призваны воссоединить распавшиеся конфессии христианской церкви. По Соловьеву идея нации не в том, что она думает о себе во времени, а в том, что Бог думает о ней в вечности. Н.А. Бердяев понимал русскую идею, исходя из незыблемости форм человеческой природы. Его образ идеальной России будущего связан с поиском ответов на вопросы о смысле жизни, о правильном выборе в ситуациях исторической неопределенности, о нравственном выборе.

Из прошлых авторов сегодня чаще всего цитируется И.А. Ильин, который высказывался об идее государственно-правового устройства стра-

ны после большевиков-коммунистов: «России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески-содержательное по своей цели. Для того, чтобы создать такое правосознание, русское сердце должно увидеть духовную свободу, как предметную цель права и государства, и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать свободную личность с достойным характером и предметною волею. России необходим новый государственный строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению новой справедливости и настоящего русского братства». Ильин считал, что только воля к духу освобождает от духовного сиротства, а обретение родины следует как акт духовного самоопределения. Будущая Россия для Ильина – это Россия переделанная, переиначенная, возрожденная или обретенная, но только никак и никаким образом не сохраненная в своем существующем бытии (*Ильин* б.г.). В этих рассуждениях много эмоций и идеальных суждений в отношении того, что философ называет «национальным строением» в условиях «многоплеменности», т.е. нациестроительством в полиэтничной стране, если использовать современную терминологию.

Вот еще одно из его красочных рассуждений: «Куда бы мы ни взглянули, к какой бы стороне жизни мы ни обратились, – к воспитанию или к школе, к семье или к армии, к хозяйству или к нашей многоплеменности, – мы видим всюду одно и то же: Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении именно этим духом – духом сердечного созерцания и предметной свободы. Что такое русское воспитание без сердца и без интуитивного восприятия детской личности? Как возможна в России бессердечная школа, не воспитывающая детей к предметной свободе? Возможна ли русская семья без любви и совестного созерцания? Куда заведет нас новое рассудочное экономическое доктринерство, по-коммунистически слепое и противоестественное? Как разрешим мы проблему нашего многоплеменного состава, если не сердцем и не свободою? А русская армия никогда не забудет суворовской традиции, утверждавшей, что солдат есть личность, живой очаг веры и патриотизма, духовной свободы и бессмертия… Таков основной смысл формулированной мною русской идеи. Она не выдумана мною. Ее возраст есть возраст самой России» (Там же).

Таким образом, отечественная философско-политологическая мысль постоянно вращалась вокруг вопроса о месте России в будущем мироустройстве. Профессор МГУ О.С. Суворова подводит итоги своего сравнительного анализа следующим образом. Почти все мыслители писали о месте России в мире, хотя и с разными аргументами и содержанием. Чаадаев полагал, что страна может стать духовным лидером мировой истории, ибо не замыкается в собственной культурной традиции. Для славянофилов историческая миссия России представлялась в утверждении христианства в форме русского православия с характерным для него типом веры и ментальности. Западники связывали мировое лидерство в соединении экономических и политических ценностей Запада с нравственными ценностями России. Данилевский настаивал на исключительности и превосходстве российской культуры над западной. Евразийцы будущее России видели в ориентации на страны Азии и другие не западные народы (*Суворова* 2017: 104).

Особый сегмент философской мысли составляют своего рода пророчества современных ученых, политиков и литераторов по поводу будущего России. Вот, например, высказывание Александра Зиновьева, которые датируются 2000 г.: «Мы, россияне, должны отбросить всякие иллюзии насчет XXI века. Он будет не веком благополучия, праздников и развлечений, а веком ожесточенной борьбы одних – за выживание, других – за господство над первыми, одних – за национальные интересы России, других – за закабаление ее глобальным западнистским сверхобществом. Рассчитывать на то, что произойдет какое-то чудо, что кто-то нам поможет, кто-то нас спасет, бессмысленно. Все зависит от нас самих, от того, сможет наш народ выдвинуть из своей среды достаточное число мужественных, честных и умных людей или нет, сможет народ поддержать борьбу этих людей за его же интересы или нет, окажется власть и интеллектуальная элита на стороне своего народа или нет. Это – все азбучные истины социальной борьбы. Их следует принять не просто как общие фразы, а как практически действующие принципы поведения» (*Зиновьев* 2000).

Современных российских философов привлекают высказывания политических технологов, а последние зачастую используют философские наработки. Сбрасывать со счетов эту сферу коммуникаций было бы ошибкой, ибо именно политтехнологи оказываются ближе всего к тем, кто принимает властные решения и формулирует идеологию вы-

сокого уровня. Так, например, в свое время помощник главы государства Владислав Сурков опубликовал в «Независимой газете» статью под названием «Долгое государство Путина». В ней он рассуждал о будущей идеологии страны, путях развития отечественной государственности. По его мнению, пройдя через потрясения распада, ныне «органически сложившаяся модель политического устройства явится эффективным средством *выживания и возвышения российской нации на ближайшие не только годы, но и десятилетия, а, скорее всего, и на весь предстоящий век*». Модель, созданная современным лидером России, по его словам, стала четвертой в ряду созданных историческими деятелями – Иваном Третьим, Петром Великим и Владимиром Лениным. Как пишет этот политтехнолог, «у нашего нового государства в новом веке будет долгая и славная история. Оно не сломается. Будет поступать по-своему, получать и удерживать призовые места в высшей лиге геополитической борьбы. С этим рано или поздно придется смириться всем тем, кто требует, чтобы Россия “изменила поведение”» (*Сурков* 2019).

Статью Суркова известный философ А.Г. Дугин назвал признаком последней стадии существования государства: «По сути дела, Сурков хочет сказать одно: “Путин будет вечен. И даже когда Путина не будет, будет путинизм, в котором будет тоже Путин”. То есть, это не кончится никогда… Обычно это происходит в последний момент государства. Когда оно перестает уже полностью осознавать адекватную реальность, оно заявляет, что будет существовать всегда». По мнению Дугина, каким будет будущее России, предсказать невозможно: «Будущее будет совершенно другим. Причем, каким, мы сказать не можем. Оно может быть намного лучше, чем то, что есть сейчас, и в этом надежда нашего общества, с другой стороны, оно может быть гораздо хуже, чем при Путине. Потому что он не сделал необратимыми некоторые процессы. Мы можем вернуться в 90-ые и даже рухнуть в чистый ад» (*Агония и гипноз* 2019).

Спустя некоторое время на сессии «Горизонт-2040: Россия на карте мира» на Петербургском международном экономическом форуме 2023 г. этот философ сформулировал свои варианты будущего страны. У России есть три варианта будущего. Первый – наша страна является колонией. Доминант в мире – глобальный Запад, а остальное человечество – его провинция. Как жить и куда двигаться, есть только один ва-

риант. И Запад его будет указывать. Вариант второй – суверенная Россия, одно из государств в контексте того же глобального Запада. Суверенная страна интегрируется в глобальный западноцентричный мир, оставаясь национальным государством. Вариант третий предполагает Россию как суверенную цивилизацию со своим путем, традиционными ценностями. Дугин абсолютно категоричен: Россия оказалась в «ментальной колонизации», поэтому выбор первого варианта – «глобальный Запад» – будет означать, что наша страна обречена. Только третий вариант означает свободу и успешное будущее. Третья стратегия – это «построение Русского мира». «Если мы идем по пути суверенной цивилизации, мы строим какую-то свою неземную Россию. Россию, которая сравнивает себя с самой собой, которая отказывается от того, что мера находится вне ее. Вот как раз у нее особенная стать, аршином общим не измерить, “в Россию можно только верить”» (*Ампелонская* 2023), – сказал он.

Образ России к 2040 г. вызывает много эмоций и ярких высказываний. «Мы восставшая провинция Карфаген, которая говорит, что больше не хочет быть колонией», – заявил в своей речи на ПМЭФ-2023 Дугин. На данном этапе такая идеология суверенного государства, по его мнению, вполне приемлема, однако ближе к 2040-му г. нужно встать на курс построения полноценного государства-цивилизации. «Запад идет в одном направлении, а мы в другом. В каком? Давайте спросим наш земский собор, юношей, детей, матерей, старцев, обратимся к классикам», – предложил Дугин. Он отметил, что в основу цивилизационной идеи России надо положить такие понятия как народность, державность, человечность, миссия спасения, сакральное миролюбие, которое не исключает войны, коллективизм и любовь.

Участвовавший в дискуссии тогдашний первый вице-премьер правительства Андрей Белоусов предложил еще вспомнить соборность. По его словам, движение в сторону проекта «Россия – государство-цивилизация» уже началось, но впереди еще долгий путь. А главное – надо понять, «кто мы такие, куда мы идем и как будем выстраивать свои отношения с другими». «Мы травмированная империя или национальное государство?» – спросил тогдашний вице-премьер, ныне – российский министр обороны. Цивилизационной идеи, по его словам, у России по-прежнему нет, но власти не теряют надежды с помощью экспертов ее все-таки найти.

Самую внушительную помощь данному суждению оказали российские политологи в союзе с политтехнологами, и эти наработки, ставшие почти всеобщими установками, заслуживают анализа в интересующем нас аспекте образов будущего.

Политтехнологический вариант будущего России

За последние примерно пять лет в нашей стране был реализован масштабный проект под названием «ДНК России». Этот верхушечный проект был замыслен и реализован с участием и при поддержке Администрации Президента и привлек большое число вузовских преподавателей из числа политологов и историков. Проект (его другое название «Пентабазис») имел своим главным результатом разработку учебного курса и пособий для всех вузов страны под названием «Основы российской государственности». Последний был подготовлен в разных вариантах для вузов социогуманитарных специальностей и инженерно-естественного профиля. При некоторых концептуальных и фактологических изъянах данных пособий, о которых были высказывания со стороны академического сообщества (структуры РАН не были привлечены к данному проекту, кроме Государственного академического университета гуманитарных наук, который числится как ассоциированное с РАН учебное учреждение), результат данного проекта искренне впечатляет. Так, например, я могу сравнить реализованный мною ранее в сотрудничестве с преподавателями МИФИ и некоторыми академическими коллегами проект по созданию учебного пособия для вузов инженерного профиля «Основы гуманитарного знания» (*Тишков* 2019) с изданным по проекту «ДНК России» вариантом учебного пособия «Основы российской государственности», также подготовленным на базе МИФИ (*Ларионов* и др. 2023). Нельзя не признать, что последний курс гораздо более значителен и целенаправлен по своему содержанию в плане образования и воспитания ответственного гражданина из числа студентов, которые выбрали техническое, инженерное образование, но они также нуждаются в знании своей страны, идейном и нравственном воспитании.

В равной мере мы позитивно оцениваем курс основ российской государственности для гуманитарных специальностей, который подготовлен под руководством и с участием известных российских историков, политологов, публицистов, базирующихся на факультете политологии МГУ (*Перевезенцев* 2023а). Для этого пособия характерны цен-

ностный подход и консервативная идеологическая основа с заявкой изложить некую историко-философскую концепцию «русского хранительства». В пособии в качестве заключительного раздела содержится интересующая нас тема образа будущего России, о чем следует сказать особо. Напомним, что весь проект «Пентабазис» или «ДНК России» выполнялся под руководством А.Д. Харичева (АП РФ), А.В. Полосина (РАНХиГС), которые в большей мере представляли категорию идеологических политтехнологов и сами отметились лишь скромными журнальными публикациями по теме (*Харичев* и др. 2022: 9–19), написав также краткие предисловия к основным учебным пособиям.

В рамках масштабно организованного проекта его участники исследовали базовые факторы и структуры, влияющие на мировоззрения российского общества, и задались вопросом о «смысловом „общенациональном цивилизационном коде“», который, как они пишут, «с одной стороны, является ограничителем „спектра допустимого“ в конкретном обществе, для отдельного человека и государства, а в целом – для представлений, затрагивающих глубинное восприятие роли и места человека в государстве и обществе, с другой – раскрывает направления, по которым создание базирующихся на общенациональных ценностях концепций и стратегий, имеющих отношение к мировоззренческим сферам, может быть наиболее эффективным» (*Перевезенцев* 2023а: 481). Авторы пришли к выводу, что речь идет о таких факторах и структурах, как *человек*, *семья*, *общество*, *государство*, *страна*, а также о наличии таких ценностных доминант российского общества, как: *патриотизм* (для уровня страны), *доверие к общественным институтам* (для уровня государства), *согласие* (для уровня общества), *традиции* (для уровня семьи), *созидание* (для уровня человека). Из таких пяти факторов и пяти «ценностных доминант» и была выстроена конструкция под названием *пентабазис*. Своего рода пятичленная схема для изложения и освоения названного учебного курса и для просветительско-пропагандистской работы среди населения страны, прежде всего – среди молодежи.

Как отмечают авторы данного пособия под редакцией профессора С.В. Перевезенцева, образ будущего является неотъемлемым элементом процесса формирования российской идентичности. Они выделяют две составляющие этого образа: с точки зрения личности, образ будущего есть обязательная часть картины мира отдельного человека, и образ будущего придает законченный характер смысловой триаде «про-

шлое – настоящее – будущее», которая обеспечивает устойчивость общества и государства. В последнем случае, т.е. будущее в общественно-государственном воображении, – «это позитивная модель ожидаемого будущего, идеальные представления о государстве и обществе в перспективе, отражающие ожидания разных социальных групп и политических субъектов в конкретном историческом и социокультурном контексте... Создание образа будущего в процессе формирования национальногосударственной идентичности происходит вслед за определением исторических оснований существования политического сообщества (образ прошлого) и с опорой на скрепляющие его ценности и символы в настоящем» (Там же: 499).

Критически отметим, что эта несколько вычурная, но вполне логичная трактовка образа будущего, была преимущественно ориентирована на рискованный поиск в прошлом общеразделяемой и даже идеальной нормы для будущего (родовой порок идеологии консерватизма). При этом основу построений составили утвердившиеся в российском государственном руководстве и в таких влиятельных институтах, как Русская православная церковь, обновленный общенациональный исторический нарратив, а также планы и установки развития страны на ближайшую и дальнюю перспективу.

Для обозначения верхушечного, идеального варианта будущего в современной России имеются обозначенные Президентом и другими государственными документами цели развития страны. Среди них назовем Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Самые главные из этих целей – это сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация. Элементы будущего, как цели развития, имеются и в других документах стратегического планирования. «Однако если посмотреть на них сквозь призму проблемы формирования национальногосударственной идентичности, – пишет автор раздела о будущем пособия для гуманитариев И.И. Кузнецов, – то можно увидеть в них ответы на ключевые вопросы, связанные именно с образом будущего. Как распорядиться богатствами, доставшимися россиянам от предков? Как сделать близкими труднодоступные территории России? Как новые технологии будут работать в интересах российского государства и общества?

Второе важное направление создания образа будущего – определение места России в системе международных отношений» (Там же: 500).

Ценностные и идейные основания во многом определяют «работу с будущим» в современной России не только одних политологов. Именно идейные основания в гораздо большей степени были заложены в новую редакцию Конституции РФ и легли в основу документов стратегического планирования последнего времени. Именно вокруг них идут нынешние общественно-политические дискуссии по конструированию образа будущего России. Ориентация на ценностный подход в определении будущего уже несколько по-иному выстраивает этот образ. Здесь главными становятся обеспечение суверенитета России, сохранение и развитие человеческого капитала как неотъемлемой ценности, сохранение и продвижение традиционных духовно-нравственных ценностей как условие национальной безопасности.

Обратим внимание, что традиционные семейные ценности служат одной из составляющих образа будущего России. По мнению идеологов проекта «ДНК России», эти ценности не только обязывают общество и государство к действиям по передаче традиционных духовно-нравственных основ от поколения к поколению и борьбе с деструктивными идеологиями, но и определяют образ страны на международной арене – «образ Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей» (Там же: 472). Это – безусловно направленная в будущее амбициозная заявка на место России в мире, но надо признать, что наметившаяся тенденция переезда в Россию жителей западных стран, не принимающих новую этику и норму «радужных культур», подтверждает ее вероятную обоснованность.

Обратимся к той части *элитного уровня в работе по формированию образа будущего России*, которая представлена проектами исследовательских центров и экспертного сообщества политехнологического профиля. Еще в самом начале 2000-х гг. Фонд прикладных политических исследований ИНДЕМ («Информатика для демократии») подготовил «Четыре базовых сценария будущего России». Три из них были обозначены как «Вялая Россия», «Мрачная Россия», Smart Russia, а катастрофический сценарий развития никак не был назван. Первый вариант развития России предполагал консолидацию существующих элитарных групп с единственной целью – сохранения существующей расстановки политических сил. Прогноз «Мрачная Россия» также вы-

текал из нежелания властных структур расставаться с властью, но предполагал раскол элит и установление диктатуры. Третий сценарий Smart Russia был ориентирован на наличие подлинной политической конкуренции. Проект Института современного развития (ИНСОР) «Россия XXI века: образ желаемого завтра» видел будущее политической системы России в плюрализме и состязательности, возникновении многопартийной политической системы с двумя «большими партиями». Модернизация страны должна была строиться на «человеческом капитале» в лице прежде всего высококвалифицированных работников, а инновационная экономика – на частном капитале и рынке при государстве как арбитре (Доклад 2010).

На факультете политологии МГУ под руководством профессора Е.Б. Шестопал были проведены многолетние исследования представлений россиян об образе будущего. Замеры 2021 г. выявили три типа образов: представлений о личном будущем, о будущем для своих близких (семьи) и о будущем России. Как отмечает Е.Б. Шестопал, «в образах личного будущего выделяется ряд смысловых блоков. Первый из них указывает на стремление к стабильности, уверенности, безопасности и семейному счастью. Второй связывает личное будущее с деньгами, доходами и недвижимостью. Третий блок личного будущего сфокусирован на решении проблем, связанных с работой, карьерой, успехом и развитием». Важно, что «будущее для страны выглядит практически также оптимистично, как и будущее для своей семьи. При этом опрошенные выделяют в образе будущего несколько иные смысловые акценты, чем в семейных и личных образах. Главным в нем они считают экономическое развитие и процветание, за которым следует развитие социальной сферы и укрепление места России в мировой политике» (*Шестопал* 2021: 99–112).

Профессор МГУ С.В. Перевезенцев в своем проекте «Русский мир в XXI веке» обосновывает концепцию Русского мира как «глобального цивилизационного проекта русского народа, объединившего вокруг себя многие другие народы на основе русской духовной традиции, единой государственности, русского языка, русской культуры и общей истории». Он выделяет принципы Русского мира, которые повторяют положения вышеназванных стратегических документов «верхнего порядка» и дополняют их некоторыми идеалистическими пожеланиями «русского созидания». Как, например, принцип осознанного ограничения потребительских потребностей, основанного на традиционных ре-

лигиозных и нравственных ценностях, и отказ от потребительского отношения к ближним и окружающему миру. Еще одна предлагаемая константа будущего – это возвращение к традиционной многодетной семье, в которой присутствуют духовное единство детей и родителей, господство нравственных ценностей и удовлетворяются их духовные и материальные потребности (*Перевезенцев* 2023б: 706–735).

Среди сторонников академизма в области общественных наук вышеизложенные сведения о политтехнологических предписаниях в конструировании будущего общества и государства могут вызвать серьезные сомнения в корректности оценок как прошлых событий и существовавших норм, так и научной обоснованности ряда базовых концептов, как «цивилизационный код», «русское хранительство» и другие, не говоря уже об идеалистических, никогда не существовавших и невозможных для воплощения в настоящем и будущем трактовок природы человека, семьи и социальных коллективов, включая государственные сообщества. Но, видимо, без доли идеализма невозможны современные коллективные предписания и мобилизации по осуществлению «больших проектов», каким ныне является Российская Федерация как государство, одна из крупнейших и влиятельных наций мира.

Сделав некоторые критические замечания, признаем, что современные российские политтехнологи, реализуя вышеописанные проекты, оставляют место и для научного поиска и дискуссий вокруг жизнеустроительных проектов, а профессиональное научное знание остается для них главным критерием в том числе и в области идеологии, несмотря на возможности нынешнего массового манипулирования, изощренные методы индоктринации и даже на появление признаков фантома *постправды*, т.е. правды и истины, которые сегодня нам, избранным, и только нам представляются таковыми. Вот как заканчивает свое предисловие к учебному пособию его ответственный редактор, проректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации доктор политических наук А. В. Полосин: «Мы полагаем, что для формирования системного знания о России, для здорового критического мышления и осознанного выбора ценностных ориентиров необходимо быть честными – как в диалоге с другими, так и в отношениях с самими собой. Это значит, что необходимо принимать развитие России таким, каким оно было в действительности и как его представляют современные общественные науки. Необходимо смело и беспристрастно обращаться к

науке, исследовать труды самых разных направлений и течений мысли. Было бы неверно сводить всю палитру российского культурного наследия к некой идеологической рамке, руководствуясь субъективными или конъюнктурными соображениями» (*Ларионов* и др. 2023: 7–9).

Взгляд социологов на тему будущего

Отечественная наука уступает зарубежной по количеству и разнообразию публикаций на темы социологии будущего. В своих поисках она обычно отталкивается от западных образцов и сверяется с ними, но при этом есть различия в подходах в социологии будущего в России и в странах Запада. Западная социология склонна к технологическому детерминизму, когда общество рассматривается как некая социотехническая система, прогрессирующая трансформация которой обусловлена в основном прогрессом науки и появлением новых технологических возможностей. При таком подходе общество в целом как объект познания растворяется в узко специализированных по своему предмету прогнозах, а попыток интегрировать результаты частных анализов в целостный образ будущего практически не предпринимается.

Размышления российских ученых о будущем в большей степени сфокусированы не на технологических, а на собственно социетальных факторах и аспектах развития, прежде всего – на коллективном целеполагании, социальном поведении, общественных настроениях, динамике идентичностей и образах будущего, складывающихся в массовом сознании. В настоящее время (в отличие, к примеру, от 1990-х гг.) подавляющее большинство российских социологов, безусловно, мотивированы на анализ аутентичной российской реальности и понимание ее специфики.

К разряду изучения будущего относятся многие социологические работы, особенно из числа тех, в которых задаются вопросы разным категориям населения об их представлениях о будущем России и мира, о политических перспективах и задачах, о планировании собственной жизни. Но сюда же относятся и те вопросы, в ответах на которые заключены ожидания и озабоченности граждан и целых коллективов, включая представителей этнических сообществ и иммигрантских групп. В этом разрезе социология смыкается с антропологическим анализом, чаще всего различаясь методами получения знания (через включенное наблюдение или через социологический опрос). Хотя обе дисциплины используют ныне разные методы получения информации:

опросом занимаются также и антропологи, с информантами в полевых условиях работают и социологи. Из социологических разработок выделяются те, которые прямо направлены на выявление образов будущего среди российского населения и особенно молодого поколения (см., напр.: *Горшков* и др. 2023).

Актуальными для изучения перспективных ситуаций и настроений среди различных групп населения в регионах России являются социологические исследования вопросов восприятия социальной справедливости в сфере межэтнических отношений и по отношению к мигрантам, а также содержание исторической памяти россиян, социальных ценностей и культурных идентификаций. Некоторые из социологических работ содержат важные выводы и рекомендации по формированию российской идентичности, гуманистической человекоцентричной идеологии будущего (*Волков* 2021; *Волков* 2023; *Дробижева* 2021; *Тихонова* 2020).

Как следует из глав А.Л. Андреева в данной монографии, в современной социологии будущего можно найти несколько вариантов определения ее исследовательского поля. Социология может изучать будущее через анализ образов будущего в культуре, целей, намерений, традиций и решений социальных акторов, действиями которых, собственно, и создается будущее. Предметом изучения может стать динамика представлений о будущем, социальных мотиваций и моделей социального поведения с анализом последствий этих изменений, для изучения будущего предлагается анализ социальных целей, надежд (эмоционально окрашенных представлений о вероятном положительном исходе тех или иных процессов и результатах тех или иных усилий), мечтаний, идеалов (представления о должном), ожиданий (представления о ближайших событиях, которые нельзя контролировать, но следует учитывать в планах и действиях), страхов (отражающих угрозы индивидуальному и коллективному благополучию). Современная российская социология отказывается от привычного для классического марксизма концепта законов истории (исторических закономерностей), делая упор на анализ реально складывающихся тенденций, которые в каждый данный момент могут сочетаться по-разному. При этом в прогнозировании ключевую роль играют не линейные экстраполяции, а выявление ритма различного рода волновых и циклических социальных процессов.

Антропологический поворот к будущему

30 лет тому назад в журнальной статье «Ежегодного обзора антропологических исследований» Нэнси Манн, рассматривая работы по теме темпоральности (изучение культурных смыслов временных факторов и восприятия времени), отметила, что до эпохи окончания холодной войны и распада СССР тема будущего слабо присутствовала в повестке социокультурных антропологов (*Munn* 1992: 93–123). Однако это не совсем так, ибо еще в 1980 г. профессор Стэндфордского университета Роберт Текстор подготовил нечто наподобие учебного пособия по подготовке и проведению этнографических обследований и анкетирования по теме представлений о будущем среди сельского населения Таиланда, где он работал как антрополог. До этого им была опубликована статья о будущем культурного развития Таиланда (*Textor* 1978: 347–360). После он опубликовал результаты своего проекта в виде журнальной статьи (*Textor* 1995: 461–471) в специальной подборке журнала «Futures». Эта подборка была посвящена теме изучения будущего с позиций социокультурной антропологии. Во вводной статье редакторы подборки В. Рэзек и С. Коул писали: «Антропология и исследования по изучению будущего имеют общие цели и интересы. Представители обеих дисциплин считают, что понимание роли культуры имеет жизненно важное значение для будущего, и оба направления заняты обсуждением роли, прав и ответственности ученых относительно будущего изучаемых народов. При подготовке данного специального номера мы старались опираться на растущий интерес среди антропологов к изучению будущего по мере того, как они становятся все больше вовлечены в будущие судьбы объектов своего изучения» (*Razak, Cole* 1995).

Можно отметить, что до поворота конца 1980 – середины 1990-х гг. интерес к будущему был не более как своего рода продолжение линии времени в парадигме преемственности (прошлое-настоящее-будущее). Этот подход лучше всего отражался в таких фундаментальных понятиях, как «возникновение», «развитие», «процесс» (в отечественной этнологии это также схожие понятия «этногенез», «этнический процесс»). Вообще для отечественной этнографии был характерен как основной *принцип историзма*, т.е. объяснение культурных форм и явлений в парадигме «возникновения» и «исторического развития». Именно так воспринималась влиятельная концепция этногенеза и этнической истории. Место для будущего отводилось в качестве не более как

предопределенного результата культурного прогресса с его логикой т.н. исторической преемственности. Собственно говоря, и зарубежная антропология от Франка Боаса и Бронислава Малиновского также основывалась на схожих постулатах с некоторыми отличиями в пользу эволюции и «культур», и диффузии культурных элементов. Эволюционизм и марксизм здесь имели много схожего.

В современной России историко-эволюционный подход среди антропологов-этнологов возродился с особой силой, в какой-то мере вступая в противоречие с открытостью и неопределенностью движения социального времени и его явной зависимостью как от индивидуального и коллективного опыта, так и от личностной воли и непредвиденных (стохастических) последствий человеческих деяний, не говоря уже о недостаточно известных нам тектонических сдвигах природно-техногенного содержания. Еще большую коллизию нынешняя одержимость восстановлением и следованием прошлой норме представляет собой перед неопределенностью результатов разработок в области искусственного интеллекта и перед угрозой изобретения новых видов оружия и ведения войны вплоть до возможности глобальной катастрофы в результате ядерного конфликта.

Нет сомнений, что основной причиной, почему антропологи недооценивали важность изучения будущего, – была сосредоточенность исследователей на прошлом, на поиске и описании довольно мифической традиционной культуры, которая долгое время в отечественной этнографии относилась ко времени конца XIX – начала XX вв. (до эпохи советской модернизации). Надо сказать, что и вся мировая этнология и антропология во многом строились на понятии *традиции* не как вчерашней инновации, а как долговечной и неизменной культурной формы, а также на восприятии нормативного характера социального порядка как своего рода исторического предписания (см.: *Strathern* 2005: 464–481; *Appadurai* 2013).

Однако исследования последних двух десятилетий историков и социологов о природе исторического времени и о социальном конструировании реальности (см. работы Р. Козеллека и Н. Лумана: *Koselleck* 2004; *Luhmann* 1998; переводы на русский язык: *Козеллек* 2004: 226–241; *Луман* 2011) оказали влияние и на нашу дисциплину. Эти идеи побудили антропологов при обращении к теме будущего обратить внимание на собственные изыскания в части восприятия в разных культурах времени и пред-

ставлений о будущем, на то, какую культурную специфику имеет само понятие прогресса, рожденное европейским модерном, но совсем не имеющее глобального значения и к тому же пребывающее в тупике современного кризиса европейской культуры.

Антропологи все больше стали критически воспринимать западные временные линии прогресса, анализировать феномены множественного времени и то, как образы и ожидания будущего воздействуют и даже определяют реальность настоящего, т.е. не то, как прошлое определяет будущее, а то, как будущее определяет настоящее, а значит и прошлое. В своей статье в журнале «Current Anthropology» о перспективах антропологии будущего голландский антрополог Петер Пелс писал, что «антропологи, как и большинство ученых в области социальных наук, были подвержены примитивным темпоральным классификациям эпохи модерна и особенно их склонности к эпохальному мышлению. Чтобы преодолеть этот недостаток восприятия, нам необходимо определить идеологическое воздействие футуристического мышления и утверждать более сложное понимание множественности современных будущностей. Этнографический и исторический взгляды на сосуществование открытых и свободных вариантов будущего, а также тенденция на преуменьшение значения настоящего тем, что еще не случилось, будут иметь своим результатом такую антропологию, которая станет более универсальной, поскольку она признает опыт множественных темпоральностей» (*Pels* 2015: 779–796; см. также: *Hannerz* 2016; *Collins* 2008).

Действительно, интерес к будущему заметно вырос в последние два десятилетия в связи с глубокими трансформациями в области глобальной экономики и технологий, острого геополитического соперничества, быстрыми социальными и демографическими переменами, которые изменили облик целых государств и регионов мира. Будущее многих стран и целых регионов оказалось не столь определенным и тем более – благополучным. Высветилась глобальная озабоченность безопасностью стран и народов, проявились новые формы насилия, принуждения, контроля и воздействия на людей, на целые страновые коллективы.

В этой ситуации социальные науки и экспертиза уже не могли обойтись только лишь тривиальным планированием и разного рода прогнозами (по большей части несостоявшимися). Появились обзорные статьи и коллективные монографии антропологов, в которых на

временной оси прошлое–настоящее–будущее интерес перемещается к тому, как выглядят и чем обусловлены планы, ожидания, предчувствия, надежды и тревоги сегодняшних людей и целых коллективов в их отношении к будущему (см. обзорную статью: *Valentine, Hassoun* 2019: 243–260, а также: *Salazar* et al 2017). В эти годы произошел отход антропологов от прежней вовлеченности в прогнозирование будущего, чем занималась классическая футурология, а также разного рода планировщики и дизайнеры. Хотя телеологический подход недавно получил новый ракурс в монографии Брайанта и Кнайта.

Ценность антропологического анализа будущего, в отличие от форсайта и философского рассуждения, содержит в себе почти обязательную историческую преемственность свершаемого и ожидаемого, то, что называется «связью времен», а также соединение в анализе факторов политики, социальности и условий окружающей среды, которые предшествовали и сопровождают сегодняшнюю трансформирующуюся неопределенность. Для этнолога невозможно рассуждать о будущем, скажем, аборигенных или миноритарных сообществ и народов постколониальных стран без знания и отсылки к кризисам и разрывам в развитии, пережитом насилии, лишении ресурсов и культурного достояния. Все это были значимые глобальные явления для бесчисленного множества людей на протяжении веков, и некоторые антропологи называют ныне живущих *деколонизирующимся поколением* (*Allen, Jobson* 2016: 129–148).

Также полезно утверждение, что анализ будущего в антропологии привязан к определенному времени и месту, то есть к моменту, когда «будущее» стало неотвратимой социально-политической (а в последнее время и экологической) проблемой на т.н. Глобальном Севере, когда «будущее» стало угрожать мирной жизни столичных мегаполисов и государственных институтов, когда «будущее» стало оказывать влияние на пути профессиональной карьеры и на характер академического труда. Эти контексты времени и места во многом определяют содержание новой антропологии будущего, которая оказывается привязанной прежде всего к факторам радикальных социальных, экологических и технологических изменений.

Тема будущего в антропологическом разрезе связана с культурным восприятием времени, которое имеет отличия в разных сообществах и эпохах и тем самым создает временную множественность. По этой причине различаются и сами образы будущего, а его коллектив-

ное воображение труднодостижимо. Общим может быть только признание открытости и неопределенности будущего, которое подвергается самым разным воздействиям. Антропологический опыт подсказывает, что будущее не может быть моно-образом, удовлетворяющим всех, а тем более общим для информанта и для самого антрополога. Кроме того, многие антропологи не верят в прогресс как в историческую закономерность и готовы воспринимать будущее в форме возврата к прошлому через отрицание настоящего. В принципе та же самая культура отмены обращена не к будущему, а к прошлому.

Сходные ориентации на некогда существовавшую историческую традицию и духовно-нравственные ценности как образец строительства будущей России выражают часть политиков и экспертов, а также религиозные активисты в нашей стране. По всей вероятности, обращение к прошлому есть норма человеческого поведения на личностном и коллективном уровне, но в нашем понимании такое обращение должно предполагать *инновации и перемены как условие развития*, как подтверждение тезиса об открытости будущего, включающего в себя неизбежный элемент неопределенности.

При рассмотрении структуры образов будущего огромное влияние оказывают не только культура и политика, но и эмоциональная наполненность того, что мы относим к представлениям о будущем: планирование, надежды и устремления, тревожное ожидание, утопические проекты и т.д. Эта множественность ориентаций будущего становится важным сюжетом в антропологических работах, особенно связанных с крахом проектов модернистского планирования, кризисом гражданских сообществ в национальных государствах, ростом многополярности в экономике и политике и намерением народов многих стран реализовать собственные проекты развития и обрести подлинную суверенность.

Напомним, что проекты модернизации обещали благополучное общее будущее всем, кто подписался на участие в разных «зеленых революциях», «устойчивом развитии», «открытых границах», «мировом правительстве» и т.п., но их явный или частичный провал вызывает самые разные реакции, в том числе разочарование, апатию и гнев. Крах «больших проектов» наглядно виден в миграционном кризисе, торговых, санкционных и информационных войнах, возврате грязных технологий, росте экстремизма и терроризма, угрозе изобретения невиданных средств уничтожения людей и инфраструктуры.

Помимо планировщиков и стратегических экспертов, в осмыслении будущего есть место и для антропологов, которые считают, что в нынешней дезорганизации мирового порядка есть потенциал для возрождения эффективного управления и многовариантного развития – своего рода *непрерывного коллективного будущего* (*Hannerz* 2016). Некоторые антропологи выступают с критикой узурпации антропологии планирования будущего сторонниками неолиберализма (*Urry* 2016), другие призывают вернуться к чему-то сродни социалистическому планированию (*Appadurai* 2013), а третьи предлагают способы переделать теорию модернизации в более надежный проект будущего (Guyer 2007: 409–421). В этой связи напомним озабоченности, высказанные еще в 1990-е гг. известным антропологом Кэтрин Вердери в ее монографии о системе социализма в Румынии. Уже самим названием своей монографии «Что представлял собой социализм и что будет после него?» она задавала вопрос, а что будет после разрушения системы планирования в условиях «фактически существовавшего социализма» (*Verdery* 1996).

Исчезновение планируемого социалистического будущего совсем не гарантировало успех капитализма и рыночной экономики и никак не учитывало культурно-исторические факторы и ожидания людей. Кстати, что-то схожее произошло с объединением двух Германий, когда механическое присоединение бывших восточных немцев к варианту устройства жизни ФРГ вызвало стремление вернуть некоторые нормы жизни времен Германской Демократической Республики. В свою очередь такой вариант будущего никак не принимается западными немцами, а значит речь идет о *возможности разных вариантов коллективного будущего* даже в рамках одного сообщества.

Будущее как культурный фактор глобализации

Примечательно, что антропологи подключились к теоретическим изысканиям и проектам, связанным с упадком системы государственного планирования в условиях глобальной рыночной экономики, задавая вопросы, что ожидать, к чему стремиться, какие культурные факторы и политические инструменты задействовать в целях сконструировать общее будущее для страны и даже для мира. Вспомним оказавший огромное влияние на тогдашнюю реальность трактат Римского клуба полувековой давности «Пределы роста». Но для того времени это были озабоченности Глобального Севера, мало затрагивающие остальной мир и большинство населения Земли. Как, кстати, и позднейшая концепция

«устойчивого развития», в которую уже более активно вложились антропологи разных стран. Затем последовали проекты будущего и эксперименты антропологов в работе с информантами по части людских ожиданий и путей выхода из, казалось бы, вечного «капиталистического будущего» и низовых представлений людей разных стран, занятий и статуса о «хорошей жизни» (*Miyazaki* 2004; *Allison* 2013).

Ряд авторов обратился к идее обстоятельно изучать сам феномен *надежды и ожиданий* как способ преодоления непредсказуемости жизненных условий для ряда социальных групп и профессий. Вообще феномен надежды стал исследоваться более внимательно и на разных этнографических примерах (Япония, Монголия, Индия, другие страны и культуры). Как считает А. Аппадураи, надежда – это «сила, которая преобразует пассивное состояние “*ожидания*” в активное состояние “*ожидания, чтобы*”, и ожидание, как и “ *стремление*”, – это сложная и поразному проявляющаяся культурная практика» (*Appadurai* 2013: 127).

Внимание к надежде и ожиданиям (очень схожие понятия) растет вместе с возобновлением интереса к *утопиям* как форме человеческой практики. Антропологов в этом сюжете интересует как люди представляют себе некие альтернативные социальные порядки и как через воображаемые миры зачастую реализуются заземленные сегодняшним днем политические стратегии (*Harvey* 2000; *Jameson* 2007; *Price, Nonini, Tree* 2008: 127–159). Этнографический метод работы с информантами дает многое для выяснения степени и форм распространенности утопических проектов вплоть до общественных движений и политических организаций, а также помогает понять, как ожидания-надежды направлены на достижение конкретных целей повседневной жизни.

Интерес к представлениям о будущем также возникает из-за навязчивого распространения так называемой квир-теории, напрямую затрагивающей представления о нормативности человеческой сексуальности, которая обеспечивает через рождение ребенка воспроизводство людей и будущее развитие. Американский антрополог и психоаналитик Ли Эдельман еще 20 лет тому назад написал книгу под названием «Без будущего: квир-теория и драйв к смерти». Речь в ней идет о том, что «ребенок, который представляет собой нуждающееся в защите невинное создание, воплощает собою возможность существования будущего. В противоположность этому квир-теория и культура воплощают в себе бескомпромиссный нарциссизм, антисоциальный и отрицающий будущее путь к всеобщей смерти (*Edelman* 2004). Однако

среди западных антропологов, которые частично присоединяются к критике квир-теории и культуры «радужности», есть и те, кто пытаются защищать современный гомосексуальный «драйв в никуда», который, по их мнению, требует изучения для лучшего понимания, что есть норма в человеческой культуре (*Muñoz* 2009).

Надо сказать, что множественность в конструировании образов будущего наиболее отчетливо проявилась в последние годы в связи с так называемым антиколониалистским взглядом не только на историю, но и на положение дел в современном мире. Исходная позиция здесь заключается в том, что сама по себе «логика истребления», т.е. исчезновения аборигенных жителей в процессе образования государств на переселенческой основе, не предполагала для этой части населения места в будущем: насилие и ассимиляция были и частично остаются в арсенале т.н. переселенческих государств (прежде всего это США и Канада, Австралия и Новая Зеландия). Избавление от наследия колониальных империй и нынешнего неоколониализма, обретение автохтонными народами своего суверенного будущего стало одним из общественных драйвов и одной из привлекательных тем исследований антропологов, которых интересует тема будущего (см.: *Wolfe* 2006: 387–409; *Smith* 2010: 242–268; *Rifkin* 2017; *Dillon* 2012).

О деколонизированном будущем сегодня пишут многие авторы из числа представителей колонизованных стран и народов, и деколонизация предполагается как обязательный вариант социально-политического и этнокультурного развития в будущем. Как это видно из работ, разброс идей, представлений и мотивированных будущим действий очень разнится в страновом, региональном, религиозном разрезах: от приверженности американских ирокезов к территориальному суверенитету до сооружения подземных городов-гетто как форме противодействия насилию и бескомпромиссной приверженности проекту создания палестинской государственности среди жителей сектора Газа (*Ritskes* 2016: 78–86; см. также: *Nielsen* 2011: 397–423).

Своего рода вариантом будущего может быть отказ от (со)участия в каких-либо общих проектах «предписанного либерального будущего» с его пустыми обещаниями инклюзивности и общности жизненного обустройства. Среди африканских антропологов и специалистов по африканским культурам формируется направление так называемого *африканского фьючерса* или *афрофутуризма*, в котором «в качестве культурного капитала будущее заменяет прошлое» (*Piot* 2010: 16). Африканские

народы все более определенно через свою интеллектуальную элиту формируют отказ от участия в неолиберальных проектах, якобы, «антирасистского будущего», ибо африканский футуризм основан на радикальном неприятии прошлого и сопротивляется попыткам исправить его с помощью сугубо западных трактовок истории (*Rouse* 2016: 116–126).

Из всего этого следует вывод, что *в современной антропологии при изучении проблемы будущего как культурных практик планирования, надежд, ожиданий, верований и опасений невозможно обойтись только взглядами, порожденными в обществах благополучия и форпостах колониального прошлого и настоящего*. Необходимо включить в реестр телеологических объяснений и образов будущего представления, взгляды, научные разработки, порожденные «стойкой деколонизацией мышления» (*Viveiros de Castro* 2014) и отказом от западных онтологических подходов объяснения основ бытия (*Biehl, Locke* 2017). По словам канадского антрополога – метиски с региона Ред-Ривер Зои Тодд, «перед нами стоит задача сделать антропологию такой, какой она должна быть. Или, может быть, целиком отказаться от всего этого и начать что-то новое» (*Todd* 2018).

Заключение

Столь радикальный призыв сторонников «деколониального поворота» начать науку антропологии с чистого листа представляется чрезмерным. Как видно из нашего обзора, а также из обзора, сделанного Т.С. Гузенковой, накопленные научные наработки и потенциал социокультурной антропологии вполне достаточны для разработки избранной нами темы, столь актуальной для современной России, да и для всего мира. Еще раз обращаю внимание на ряд положений, обозначенных в данной главе, а также в новейших работах зарубежных коллег, особенно выдающегося антрополога Арджуна Аппадураи и голландских исследователей Ребекки Брайант и Дэниэля Найта (*Appadurai* 2013; *Bryant, Knight* 2019).

Во-первых, важен *культурный аспект перспектив хозяйственной деятельности в мире*, помимо обычных исследований наличия ресурсов, технологий их использования, логистики, торговли, финансового обслуживания экономики и населения в целом. Антропологи обращают внимание на наличие разных культурных концепций обмена и различающихся ценностных систем в разных регионах мира, этнокультурных и религиозных сообществах. Последние противятся мировому

господству американского доллара как всеобщего средства платежа и как формы капиталонакопления. Аппадураи отмечал это обстоятельство на примере экономической деятельности местных общин в Индии, Фредерик Барт – на примере региона Дарфур в Судане, Кэролайн Хамфри – на примере бартера в постсоциалистических странах.

Как утверждают ученые, хотя внешней причиной, по которой торговля между Востоком и Западом принимала форму бартера, было отсутствие на Востоке резервов твердой западной валюты, но на самом деле реальную причину следует искать в существовании различных культурных концепций обмена и ценности в разных экономических системах и в сохраняющихся между ними ментальных границах. *Для выстраивания торгово-финансовых систем будущего это наблюдение может иметь важное значение, особенно в аспекте культурного конфликта монетаристских и немонетаристских обществ*.

Во-вторых, антропологический анализ выявляет проблемность будущего для глобалистского проекта европейского модерна. Последний нацелен на «всемирное распространение современности» и на экспорт демократии в их западных вариантах. По сути – это замаскированное навязывание «экономического и этического империализма». Этот проект столкнулся с сопротивлением со стороны других культур, которым он хотел навязать себя. Причина в том, что *европейский модерн проявил свою неспособность достичь процветания, благосостояния и справедливости для остального мира*, которые его адепты намеревались достичь посредством «распространения целенаправленной информации, институтов и инструментов в области технологий, производительности труда, частного предпринимательства и всеобщего образования» (*Appadurai* 2013: 222).

Примечательно, что мечта о благополучной современности для всех под единым мировым правлением разбилась о те же самые новые коммуникационные технологии на основе Интернета и связанные с ним инструменты. Последние через использование доступной и быстрой коммуникации вызвали в большой части неблагополучных стран и сообществ разочарование глобализацией. По иронии судьбы, Интернет и новые технологии коммуникации и распространения информации послужили ресурсом для утверждения не космополитических сообществ, а узко групповых коалиций на основе культурной схожести или специфических интересов, включая террористов, хакеров и производителей детской порнографии.

В-третьих, Аппадураи вводит понятие «траекторизм» (от слова *траектория*), под которым он понимает познавательную позицию, которая предполагает, что у всего существует некий путь от одной точки к другой, от прошлого к настоящему, от настоящего к будущему. «Траектория – это идея о том, что стрела времени неизбежно имеет телос[1]…Современная социальная наука наследует этот телос и превращает его в метод изучения человечества» (Там же: 239). Кстати, точно о том же писали Брайянт и Найт, возрождая телеологический подход к изучению будущего. Однако негативные последствия траекторизма проявляются в том, что социальные науки склонны рассматривать инновации как процесс, который начинается с нуля, т.е. с научной идеи и с новой технологии, и внедряется в общество, которое как бы пассивно приспосабливается к инновациям.

Изучая воздействие новых технологий, социальные науки плохо понимают инновации, довольствуясь упрощенной и однонаправленной версией социальных процессов. *Траекторизм лежит в основе прогнозов, основанных на знании тенденций, которые определяли предыдущую эволюцию разных видов экономической, финансовой и в целом общественной деятельности.* Согласно этому способу мышления, если до сих пор все шло именно так, вполне вероятно, что так же будет происходить и в будущем, т.е. *вероятное преобладает над возможным*. Но трудно уйти от обстоятельства, что в мире происходят катаклизмы и разные потрясения, которые невозможно было предугадать методом экстраполяции прошлой траектории на будущее и которые относятся в категории непредсказуемых событий и явлений, названных ливанским писателем и финансистом Нассимом Николас Талебом «Черным лебедем» (*Талеб* 2012).

В итоге *антропологический подход обеспечивает более сложное и полное понимание феномена человеческих устремлений к переменам, к достижению счастья и благополучия, которые обусловлены культурными факторами*. Этот взгляд на человека и общество помогает лучше понять, как конструируются занимающие центральное место в политике и в повседневной жизни ценности, которые обусловлены не только традицией, но и взглядом и ожиданиями будущего.

И еще одно заключение, которое касается судьбы самой глобализации. Последнюю обычно связывают с гомогенизацией форм соци-

[1] В древнегреческой философии *телос* – это конечная цель чего-либо, один из четырех основных принципов бытия в философии Аристотеля.

альной и культурной жизни, с распространением единых стандартов и ценностей и нивелировкой культурных различий в пользу культурного потока так называемой масс-культуры (см.: *Тишков, Филиппова* 2016). Однако идущий снизу поток партикулярных культур, чаще всего называемых этническими, совсем не иссякает, воспроизводит себя в разных модифицированных формах, становится брендом в репертуаре культурных производств мирового уровня и распространения. Поэтому *глобализация – это не только гомогенизация, но и гетерогенизация в форме своеобразного торжества локальных культур, систем ценностей, стилей и вкусов. Точно также наверняка будут сохраняться различия в формах власти, властных отношений и социального контроля, далеко не сводимых к так называемой представительной демократии или другим вариантам*. Содержание понятия «надлежащего правления» (good governance) будет разным для разных сообществ, живущих в разных природных, пространственных, социальных условиях и традициях государственности.

Источники и литература

Агония и гипноз 2019 – Агония и гипноз. Дугин о статье Суркова про «век путинизма» // *Независимая газета*. 11.02.2019.

Ампелонская 2023 – *Ампелонская А*. Дугин рассказал о трех сценариях развития России к 2040 году // Фонтанка.ру. 15.06.2023. https://www.fontanka.ru/2023/06/15/72400664/

Ильин 2016 – *Ильин И.А*. За национальную Россию. Гл. 18: о здоровом правосознании // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. 29.11.2016. https://pereklichka.livejournal.com/891556.html

Ильин 2007 – Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. Под редакцией О.А. Платонова. М.: Алгоритм, 2007.

Ильин б.г. – *Ильин И.А*. Наши задачи // Русская идея. http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/100.htm (дата обращения: 16.09.2024)

Сурков 2019 – Владислав Сурков. Долгое государство Путина // *Независимая газета*. 11.02.2019.

Научная литература

Волков 2021 – *Волков Ю.Г.* Российское общество в XXI веке: личностное измерение социального развития. М.: РУСАЙНС, 2021.

Волков 2023 – Гармонизация межэтнических отношений населения регионов Юга России в зеркале социальной справедливости. Под ред. Ю.Г. Волкова. М.: КНОРУС, 2023.

Гачев 2008 – *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2008.

Гиринский, Азыркин 2024 – *Гиринский А., Азыркин П.* Консервативный модерн // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 5, сентябрь-октябрь. С. 41–59.

Горшков и др. 2023 – *Горшков М.К.* и др. Молодежь и Россия будущего. Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. РИСИ. М.: Весь Мир, 2023.

Гохберг 2007 – *Гохберг Л.* Будущее как стратегическая задача // Форсайт. 2007. № 1(1). С. 4–5.

Доклад 2010 – Доклад ИНСОР «Россия XXI века. Образ желаемого завтра» М.: ЭконИнформ, 2010.

Дробижева 2021 – *Дробижева Л.М.* Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Антропология и этнология: современный взгляд: сборник статей. М.: Изд-во «Политическая энциклопедия», 2021. С. 242–257.

Дынкин, Миловидов 2023 – *Дынкин А.А., Миловидов В.Д.* Наука дальновидности: как преуспеть в стратегическом прогнозировании и планировании // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3(198). С. 6–23.

Зиновьев 2000 – *Зиновьев А.* Планируемая история. Сборник. М.: АСТ, 2000.

Кинэн 2007 – *Кинэн М.* Форсайт приходит в Россию // Форсайт. 2007. № 1(1). С. 6–7.

Козеллек 2004 – *Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени»). Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241.

Крымова 2009 – *Крымова Э.И.* Форсайт как политическая коммуникативная технология // Известия Алтайского государственного университета. Экономика и бизнес. 2009. С. 297.

Кузьминов 2007 – *Кузьминов Я.* Перспективы Форсайта в России безграничны // Форсайт. 2007. № 1(1). С. 26–29.

Ларионов и др. 2023 – Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей / рук. проекта *А.А. Ларионов* (иеромонах Родион), науч. ред. *П.Ю. Уваров*, ред. *О.А. Чагадаева* / Авт. колл.: А.П. Шевырёв и др. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

Луман 2011 – *Луман Н.* Общество общества. Дифференция. Самоописания. Пер. с нем. М.: Изд-во «Логос», 2011.

Перевезенцев 2023а – Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгенье-ва и др.; под ред. *С.В. Перевезенцева*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

Перевезенцев 2023б – *Перевезенцев С.В.* Русский мир в XXI веке // Русский мир: очерки истории с древнейших времен до наших дней. М., 2023. С. 706–735.

Соколов 2007 – *Соколов А.* Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1(1). С. 8–15.

Подберезкин 2015 – Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики. В 2 т. / под ред. *А.И. Подберезкина*. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО–Университет, 2015.

Суворова 2017 – *Суворова О.С.* Россия в будущем социальном мире: прогностические идеи отечественных мыслителей XIX – начала XX веков // *Ценности и смыслы*. 2017. № 2(48). С. 92–105.

Талеб 2012 – *Талеб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2012.

Тихонова 2020 –*Тихонова Н.Е.* Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 1. С. 6–30.

Тишков 2019 – Основы гуманитарного знания. Учебное пособие. Под ред. *В.А. Тишкова*. М.: НИЯУ МИФИ, 2019.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 138–139.

Тишков 2023 – *Тишков В.А.* Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН, 2023.

Тишков, Филиппова 2016 – Культурная сложность современных наций. Под ред. *В.А. Тишкова и Е.И. Филипповой*. М.: Наука, 2016.

Фуэрт 2009 – *Фуэрт Леон С.* «Форсайт и предварительное управление» // Форсайт. 2009. Vol. 11. № 4. С. 17.

Харичев и др. 2022 – *Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19.

Шестопал 2021 – *Шестопал Е.Б.* Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 99–112.

Allen, Jobson 2016 – *Allen J.S., Jobson R.C.* The decolonizing generation: (race and) theory in anthropology since the eighties. *Current Anthropology*. 2016. Vol. 57(2). P. 129–148.

Allison 2013 – *Allison A.* Precarious Japan. Durham, NC: Duke Univ. Press Books, 2013.

Appadurai 2013 – *Appadurai A.* The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. London: Verso, 2013.

Biehl, Locke 2017 – *Biehl J., Locke P.* Unfinished: The Anthropology of Becoming. Durham, NC: Duke Univ. Press, 2017.

Bryant, Knight 2019 – *Bryant R., Knight D.M. The Anthropology of the Future*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Collins 2008 – *Collins S.G.* All Tomorrow's Cultures: Anthropological Engagements with the Future. New York: Berghahn, 2008.

Dillon 2012 – *Dillon G.L.* Imagining Indigenous futurisms. Walking the Clouds: An Anthology of Indigenous Science Fiction. Tucson: Univ. Ariz. Press, 2012.

Dreyer, Stang 2013 – *Dreyer I. & Stang G.* Foresight in governments – practices and trends around the world // EUISS Yearbook of European Security 2013. Paris: EU Institute for Security Studies, 2013. http://www.iss.europa.eu/ uploads/media/YES_2013_ 01.pdf (дата обращения: 10.09.2024)

Edelman 2004 – *Edelman L.* No Future: Queer Theory and the Death Drive. Durham, NC: Duke Univ. Press Books, 2004.

Fuerth 2009 – *Fuerth Leon S.* Foresight and anticipatory governance // Foresight. 2009, Vol. 11, no. 4. P. 14–32.

Guyer 2007 – *Guyer JI.* Prophecy and the near future: thoughts on macroeconomic, evangelical, and punctuated time. American Ethnologist. 2007. No. 34 (3). P. 409–421.

Hannerz 2016 – *Hannerz U.* Writing Future Worlds: An Anthropologist Explores Global Scenarios. London: Palgrave Mac, 2016.

Harvey 2000 – *Harvey D.* Spaces of Hope. Berkeley: Univ. Calif. Press, 2000.

Jameson 2007 – *Jameson F.* Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. London: Verso, 2007.

Koselleck 2004 – *Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time. New York: Columbia Univ. Press, 2004.

Luhmann 1998 – *Luhmann N.* Observations on Modernity. Stanford, CA: Stanford Univ. Pres, 1998.

Miyazaki 2004 – *Miyazaki H.* The Method of Hope: Anthropology, Philosophy, and Fijian Knowledge. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 2004.

Munn 1992 – *Munn N.* The cultural anthropology of time: a critical essay. *Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21. P. 93–123.

Muñoz 2009 – *Muñoz J.E.* Cruising Utopia: The Then and There of Queer Futurity. New York: NYU Press, 2009.

Nielsen 2011 – *Nielsen M.* Futures within: reversible time and house-building in Maputo, Mozambique. *Anthropological Theory.* 2011. Vol. 11(4). P. 397–423.

Pels 2015 – *Pels P.* Modern times: seven steps toward an anthropology of the future. *Current Anthropology.* 2015. Vol. 56. P. 779–796.

Persoon, van Est 2000 – *Persoon G.A., van Est D.M.* The study of the future in anthropology in relation to the sustainability debate // van Beek W. E. A., Persoon G.A., & van Est D.M. Eds. The Study of the Future in Anthropology. Focaal, 2000. P. 7–28.

Piot 2010 – *Piot C.* Nostalgia for the Future: West Africa after the Cold War. Chicago: Univ. Chicago Press, 2010. P. 16.

Price, Nonini, Tree 2008 – *Price C., Nonini D., Tree E.F.* Grounded utopian movements. *Anthropology Quarterly.* 2008. 81(1). P. 127–159.

Razak, Cole 1995 – *Razak V., Cole S.* Anthropological perspectives on the future of culture and society. *Futures*. 1995. Vol. 21(4). P. 375–384.

Rifkin 2017 – *Rifkin M.* Beyond Settler Time: Temporal Sovereignty and Indigenous Self-Determination. Durham, NC, London: Duke Univ. Press, 2017.

Ritskes 2016 – *Ritskes E.* Beyond and against White Settler Colonialism in Palestine: Fugitive Futurities in Amir Nizar Zuabi's 'The Underground Ghetto City of Gaza'. *Cultural Studies, Critical Methodologies.* 2016. Vol. 17 (1). P. 78–86.

Rouse 2016 – *Rouse C.M.* African futurism: dreaming in real time. *Proceedings of the African Futures Conference*, 2016. Vol. 1. P. 116–126.

Salazar et al 2017 – *Salazar J.F., Pink S., Irving A., Sjöberg J*. Anthropologies and Futures: Researching Emerging and Uncertain Worlds London: Bloomsbury, 2017.

Smith 2010 – *Smith A.* Queer theory and Native studies: the heteronormativity of settler colonialism. *GLQ Journal of Lesbian Gay Studies.* 2010. Vol. 16 (1–2). P. 242–268.

Strathern 2005 – *Strathern M.* Robust knowledge and fragile futures. In: Ong A. and Collier S.J. Eds. Global Assemblages: Technology, Politics, and Ethics as Anthropological Problems. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2005. P. 464–481.

Textor 1978 – *Textor R.* Cultural futures for Thailand: an ethnographic enquiry. *Futures*. Vol. 10(5). Oct. 1978. P. 347–360.

Textor 1995 – *Textor R.* The ethnographic futures research method: an application to Tailand. *Futures.* 1995. Vol. 27(4). P. 461–471.

Todd 2018 – *Todd Z.* The decolonial turn 2.0: the reckoning. *Anthro{dendum} Blog* 2018. June 15 // https://anthrodendum.org/2018/06/15/the-decolonial-turn-2-0-the-reckoning/

Urry 2016 – *Urry J*. What Is the Future? Cambridge, UK/Malden, MA: Polity, 2016.

Valentine, Hassoun 2019 – *Valentine D., Hassoun A.* Uncommon Futures. *Annual Review of Anthropology*. 2019. Vol. 48. P. 243–260.

Verdery 1996 – *Verdery K. What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1996.

Viveiros de Castro 2014 – *Viveiros de Castro E.* Cannibal Metaphysics. Minneapolis: Univocal, 2014.

Wolfe 2006 – *Wolfe P*. Settler colonialism and the elimination of the native. *Journal of Genocide Research.* 2006. Vol. 8(4): 387–409.

Глава 2

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТРОПОЛОГИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Т.С. Гузенкова

Будущее как предмет общественного и геополитического интереса

Нынче писать о будущем в любых его проявлениях стало неблагодарным делом. Мировая мода на тему превратила ее из высокого искусства «от-кутюр» в массовые изделия «прет-а-порте». Будущее оккупировало книжные полки, выплеснулось в СМИ, превратилось в инструмент политического влияния, стало предметом множества экспертных футурологических обсуждений и, конечно, по-прежнему оказывается неизменным источником вдохновения для писателей-фантастов, художников, кинематографистов, архитекторов, инженеров, да по сути дела всех, кто занят творческим трудом. Кажется, что не осталось ни одного сколько-нибудь значимого футурологического сюжета или проблемы, которые так или иначе не получили бы своего рационального или образно-чувственного освещения.

Внимание к событиям, явлениям и процессам, которые еще не произошли, но только могут произойти (или не произойти), в целом считается естественным свойством человеческого разума. Но это свойство существенно усиливается в эпохи радикальных перемен, в моменты крушения прежнего миропорядка, слома привычного уклада жизни, когда, казалось бы, понятная столбовая дорога оборачивается опасным лабиринтом, сложной развилкой, тропинкой в тумане.

Считается, что современный мир как раз и находится в состоянии глобального перехода в некое новое качество. С трудом формируется новый мировой порядок, внедряются принципиально иные технологии, вырабатываются новые экономические принципы, идет социальная пересборка, обсуждаются контуры «нового гуманизма». В такие периоды представления о правильности вектора движения и конечной (но всегда промежуточной) цели становятся как никогда важны и при этом далеко не всегда очевидны.

В обычной жизни, особенно в крупных городах будущее подстерегает и завлекает обывателя буквально на каждом шагу. Вот некий банк свои предложения по валютной доходности назвал «Взглядом в будущее». А другой – информацию о выделении кредитной линии для пенсионеров сопроводил трогательной картинкой счастливых дедушки и внука с выразительным комментарием: «Это будущее, и для него ничего не жалко». Вы идете к метро и на тротуаре наступаете на рекламу, которая обещает обучить детей ментальной математике. Многозначительный слоган «Будущее уже близко» на внушительного размера билборде всего-навсего означает, что строительная компания объявила старт продаж жилья. Известная фирма по производству кормов для животных, рекламируя «детскую еду» для маленьких домашних питомцев, вооружилась девизом «Правильное питание – здоровое будущее». Известные, малоизвестные и совсем неизвестные бренды одежды широко используют тему будущего в дизайнерском оформлении своей продукции. Так что увидеть на улице симпатичную девушку с надписью на спине «Я твое будущее» или мрачного парня со слоганом на груди «Будущее в наших руках» (или что-то подобное) в наши дни не такая уж и редкость.

Малая толика приведенных здесь примеров свидетельствует о том, что производители и маркетологи оценили эмоциональный потенциал категории «будущее» в попытках восстановить потребительскую активность своего населения, заметно снизившуюся в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры. В условиях рецессии мировой экономики покупательная способность населения стран G7 упала в диапазоне от 15,6% (Франция) до 26 % (Канада). В России в 2022 г. реальное потребление товаров повседневного спроса также оказалось ниже, чем даже в кризис 2014–2015 гг. (Падение спроса 2023). Для того чтобы потребители отважились на длительный вклад, долговременный заем или дорогостоящую покупку в ситуации финансовой неустойчивости и неопределенности, они должны оптимистично смотреть вперед. Соответственно, цель футуристических рекламных конструктов – заставить вопрос о цене конкурировать с другими значимыми ценностями. В этом случае на первый план выступает новое уникальное качество предлагаемых товаров и услуг – они как будто становятся залогом уверенности в завтрашнем дне, расширяют жизненный горизонт и мобилизуют на постановку и достижение долгосрочных целей.

Однако утилизация образов будущего в потребительских целях это далеко не самое главное. В настоящее время идет настоящая война ос-

новных геополитических сил за формирование своей перспективной повестки. Представления о том, какое будущее предпочтительно и что для этого нужно делать, сейчас в значительной мере строятся на прогнозах катастрофизма из-за самых разных причин – в связи с экологическим истощением, демографическим перенаселением, ядерной войной, технологической сингулярностью, порабощением человечества искусственным интеллектом, столкновением с Землей небесных тел. Этот ряд можно продолжить.

Ответы на таким образом сформулированные вызовы и угрозы зависят от того, чьи интересы в них представлены. Линия разлома проходит между парадигмами глобализма (или космополитизма) либерального толка и государственного (национального) суверенитета. Так, глобалисты, представленные, в частности, экспертами Римского клуба (РК), в качестве основополагающих продвигают принципы т.н. ответственного глобализма и устойчивого развития, в интересах которого предлагается пересмотреть философию превосходства национального государства в пользу укрепления механизмов глобального управления, главным институтом которого называется система ООН. Эксперты РК прямо заявляют, что в современных условиях внутренний суверенитет каждого из 200 государств–членов ООН представляет серьезную экологическую проблему за счет несогласованной деятельности (Come On! 2018). Эта концепция вполне согласуется с нынешней позицией ООН, взявшей на вооружение идею устойчивого развития в качестве краеугольного камня своей политики на длительную перспективу (17 целей б.г.).

В свою очередь, целый ряд государств отстаивает принцип национального суверенитета, в т.ч. и в видении своего будущего. Например, китайская неоконфуцианская модель развития носит государственнический характер и базируется на идеологии меритократии и социального равенства (Ведущие мировые 2023). Российский президент В. Путин назвал шесть принципов нового миропорядка, в соответствии с которыми наша страна хотела бы выстраивать будущие международные отношения. Это 1) открытость мира; 2) многообразие как фундамент развития; 3) коллективность в принятии решений; 4) всеобщая и неделимая безопасность и прочность мира, отказ от блокового подхода; 5) справедливость для всех; 6) равноправие (Заседание дискуссионного клуба 2023). Такая позиция явно идет вразрез с концепцией антропологического пере-

хода, согласно которой человечество разделится на две группы (трансэлиты и транслюди для обслуживания), которые будут различаться между собой как два вида (*Фурсов* 2023).

Вариативность образов будущего в публичной сфере явно свидетельствует об активации футуристических изысканий, а также о сохранении устойчивого общественного интереса к вопросам инновационного характера, символизирующих движение в сторону грядущего. Так, в 2017 г. в список топовых запрашиваемых инновационных тем, по версии Google, вошли роботы, биткоин, блокчейн (Биткоин возглавил 2017). В 2018 г. в запросе о выборе профессии (вопрос «Как стать…?») в первую десятку, помимо блогера, модели, программиста, стюардессы, фитнес-тренера, вошла и номинация «космонавт» (Итоги года 2018). Пандемия COVID-19 в 2020–2022 гг. по понятным причинам на некоторое время существенно изменила тематику поиска. Но уже в 2023 г. в рейтинге топовых запросов в Яндексе второе место наряду со здоровьем, спортом и досуговыми развлечениями заняли темы, связанные с новостями в сфере космических открытий, развития новых технологий, поиска внеземных цивилизаций и форм жизни (Рейтинг запросов 2023).

В общественном сознании космическая сфера, пожалуй, в наибольшей степени олицетворяет собой будущее. Не случайно Американское космическое агентство NASA имеет многомиллионную армию подписчиков в социальных сетях: Instagram – 65,2 млн, Twitter – 44,1 млн, Facebook – 25,1 млн, Youtube – 11,5 млн пользователей (NASA Socials). Отечественный Роскосмос в этом существенно уступает NASA. Однако и у официального сайта Роскосмоса насчитывается 634 тыс. подписчиков, у Роскосмоса ТВ – 967 тыс. Согласно статистике, на этом ресурсе с 2009 г. совершено 283 млн просмотров. В апреле 2023 г. в России вышел в прокат фильм «Вызов» – первая в мире художественная кинокартина, часть съемок которой велась в космосе профессиональными кинематографистами (режиссер Клим Шипенко). Несмотря на противоречивые отзывы и порой строгую критику, за время показа (апрель–октябрь 2023 г.) фильм посмотрели 6,8 млн зрителей, что вывело его на вторую строчку лидеров кинопроката 2023 г. по числу зрителей (Самые кассовые 2023).

Британские социологи, авторы книги «Вопросы будущего: действия, знания, этика» полагают, что будущее можно рассказать, приручить, трансформировать. Им можно торговать, его можно пройти и

даже превзойти. Именно в соответствии с этими действиями и выстроено содержание монографии (*Adam, Groves* 2007).

Будущее выступает предметом анализа многих научных дисциплин и сфер знания, где представлены различные аспекты, стороны, характеристики, фрагменты, а иногда и целостные картины воображаемого, вычисленного, сконструированного грядущего. Выделим лишь некоторые, наиболее важные из них.

Футурология

Относительно новой дисциплины, главным объектом которой как раз и является прогнозирование (предсказание, предвидение) будущего человечества в его различных проявлениях, выступает футурология. В сферу ее компетенции вошли такие аспекты, как выработка концепций о будущем человечества, поиск причин, ускоряющих развитие мира, а также конструирование футуристических образов, основанных на прогнозах, расчетах и интуиции.

Зарождение футурологии относится к середине 1940-х – середине 1960-х гг., когда в поствоенных условиях экономического и демографического роста, бурного развития технологий резко возросла потребность в прогностике на уровне правительств и крупных корпораций. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. начали складываться современные подходы в понимании и изучении будущего. Короткий период конца 1960-х – начала 1970-х гг. оказался богат на футурологические бестселлеры. В 1967 г. был опубликован знаменитый труд Г. Кана «Двухтысячный год – база для размышлений о следующих тридцати трех годах» (*Кан* 1969). Увесистый том был полон неиссякаемой веры в способность научно-технического прогресса разрешить самые серьезные проблемы человечества, что позволило считать его автора родоначальником «технооптимизма».

В 1970 г. в США в издательстве Рэндом Хаус в свет вышла, как впоследствии оказалось, знаковая книга американского футуролога Элвина Тоффлера, написанная в соавторстве с женой Аделаидой Фаррелл, под интригующим названием «Шок будущего» (Future Shock) (*Тоффлер* 2002). Эта книга, переведенная на десятки языков, почти сразу стала мировым бестселлером, а ее тираж достиг более 6 млн экземпляров. Очень скоро она приобрела качество футурологической классики, к которой вот уже без малого шесть десятилетий обращают-

ся все новые поколения исследователей. На сегодняшний день это произведение не только не устарело, но наоборот приобрело особую актуальность, т.к. до известной степени позволяет выяснить, а все ли произошло именно так, как предсказывал более полувека тому назад признанный эксперт по будущему.

Основная задача авторов состояла в структуризации и описании реакции людей на «слишком большие перемены, происходящие за слишком короткое время», определяемой как шок, где под шоком подразумевались такие характеристики, как разрушительный стресс, дезориентация, страх перед будущим и неспособность успевать за непрекращающимися требованиями перемен. Автор назвал это болезнью перемен, вследствие которой «миллионы простых, психологически нормальных людей окажутся в резком конфликте с будущим» (Там же: 20). В результате за ним закрепилась репутация технопессимиста.

Следует отметить, что в США задолго до миллениума стали готовиться к его приходу. Так, в еще 1965 г. Американская академия искусств и наук создала «Комиссию по 2000 году» («Commission on the Year 2000»). Ее председателем стал известный социолог Д. Белл, автор широко поддержанной в экспертных кругах концепции общественно-исторического развития от доиндустриального через индустриальное к постиндустриальному обществу (*Bell* 2009). В 1966 г. были созданы международные организации – Всемирное общество будущего («World Future Society») со своим журналом «The Future», а также Всемирная федерация изучения будущего («World Futures Studies Federation»). В том же году Элвин Тоффлер, тогда еще только приобретающий широкую известность, впервые начал преподавать в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке курс, посвященный футурологии.

С тех пор в свет вышло немало футурологических трудов, ставших бестселлерами на долгие годы (см., напр.: 49 книг 2017). В число классиков футурологии вошли такие имена, как Жак Аттали, Аурелио Печчеи, Джон Нейсбит, Ричард Уотсон, Рэй Курцвейл, Мичио Каку и многие другие. Дисциплина проделала по-настоящему гигантский скачок, стала междисциплинарной и получила целый ряд новых направлений, значительно расширив свою концептуальную базу и методический аппарат (*Батин, Турчин* 2012). Были разработаны наиболее популярные концепции – постиндустриального, посткапиталистического, информационного, цифрового общества, новых мировых систем и др. Су-

щественно изменился понятийный аппарат. Помимо прогнозирования появились новые направления – форсайт, визионерство, трендвотчинг.

По мнению экспертов, современная футурология в большей степени сосредоточена на изучении динамики ключевых трендов в инженерных, технических и технологических сферах с учетом перспективности использования изобретений в будущем. Отдельными направлениями называется изучение подрастающих поколений как потенциальных носителей предстоящих изменений, а также анализ того, что происходит в отраслях, формирующих будущее (космос, ВПК, IT-технологии и др.) (К гадалке не ходи 2022).

В самое последнее время появилось новое увлечение – составление прогнозов и создание картин будущего с помощью искусственного интеллекта (ИИ) на 10, 20, 50 и более лет вперед. Причем ответ на такой запрос может получить не только специалист, но и любой маломальски знакомый с компьютерной грамотностью пользователь. Автор статьи также попытался получить прогноз на будущее от ИИ с помощью программы Chat GPT. Вот что из этого получилось.

Таблица 1. *Прогнозные оценки будущего России и мира на ближайшие 20 лет (по запросу в Chat GPT 19.09.2023)*

Будущее России	Будущее мира
Предсказать будущее России через 20 лет с высокой степенью точности невозможно, так как оно зависит от множества переменных и событий, которые могут произойти в течение этого времени. Однако можно рассмотреть некоторые тенденции и возможные сценарии: 1. *Экономика:* В зависимости от развития мировой экономической ситуации и внутренних экономических реформ, Россия может стать более диверсифицированной и инновационной экономикой. Она может укрепить свои позиции в сферах энергетики, технологий и сельского хозяйства. 2. *Политика:* Политическая ситуация может продолжать эволюционировать. Важным вопросом будет, какие решения	Предсказать будущее мира через 20 лет сложная задача, и точный прогноз невозможен из-за множества неопределенностей и переменных. Однако можно рассмотреть некоторые глобальные тенденции и вызовы, которые могут повлиять на ход событий: 1. *Изменение климата и окружающей среды:* Продолжающееся изменение климата и угрозы для окружающей среды станут еще более серьезными. Мир будет сталкиваться с усиливающимися стихийными бедствиями, подъемом уровня морей и другими экологическими проблемами. 2. *Технологический прогресс:* Развитие и внедрение новых технологий, таких как искусственный интеллект, квантовые

будут приняты в области гражданских свобод и прав человека, а также какие реформы будут проведены в политической системе.

3. *Международные отношения:* Отношения России с мировыми державами будут ключевым фактором. Их характер будет зависеть от ряда факторов, включая геополитические события, экономические связи и внешнеполитические решения.

4. *Социальные изменения:* Общество России также будет меняться. С учетом демографических трендов, изменения в структуре населения и развития образования можно ожидать эволюции общественных ценностей и потребностей.

5. *Экология и климат:* Проблемы окружающей среды и изменения климата будут становиться все более актуальными. Россия может усилить свои усилия в области экологической устойчивости и использования природных ресурсов.

6. *Технологии:* Развитие технологий, таких как искусственный интеллект, кибербезопасность и биотехнологии, будет оказывать влияние на все сферы жизни в России.

7. *Мировые кризисы и события:* Глобальные кризисы и события, такие как пандемии, финансовые кризисы или конфликты, также могут повлиять на будущее России.

Исходя из этих факторов, будущее России будет зависеть от ряда стратегических решений, которые будут приняты на государственном уровне, а также от реакции общества на различные вызовы и возможности.

вычисления и биотехнологии, будет продолжаться. Это повлияет на все сферы жизни, от экономики до здравоохранения и образования.

3. *Демографические изменения:* В мире будет происходить изменение в структуре населения, с увеличением доли пожилого населения и разнообразием культур и этнических групп.

4. *Геополитические изменения:* Распределение мировой власти и влияния будет меняться, и возможно, появятся новые геополитические игроки. Возможны различные сценарии развития отношений между великими державами.

5. *Безопасность и конфликты:* Мир может столкнуться с новыми вызовами в области безопасности, включая кибератаки, борьбу за ресурсы и терроризм.

6. *Глобальная экономика:* Экономические системы будут подвержены изменениям, и мировая экономика может столкнуться с финансовыми кризисами и сдвигами в торговых отношениях.

7. *Здравоохранение и биологические угрозы:* Здравоохранение будет продолжать быть ключевой областью внимания, и мир может столкнуться с новыми эпидемиями и пандемиями.

8. *Социальные и политические изменения:* Общественные движения и изменения в политических системах могут повлиять на распределение власти и ресурсов.

Следует отметить, что будущее зависит от действий, которые мы совершаем сегодня, и от наших решений в ответ на глобальные вызовы. Сотрудничество, инновации и устойчивость будут важными факторами в создании будущего мира.

Как видно, полученный от нейросети ответ в данном случае носит весьма размытый и осторожный характер. Но можно несколько иначе сформулировать запрос, использовать другую программу и получить иную картину. Так, блогер под ником Denis Sexy IT задал программе GPT text-davinci-003 следующую роль: якобы известный на весь мир доктор наук в области истории и экономики в 2050 г. описывает ключевые последствия военного конфликта на Украине, начавшегося в 2022 г., с описанием ключевых событий по годам (Telegram: Contact@denissexy). Следует отметить, что вымышленный профессор из далекого будущего, от имени которого вещает ИИ, оказался очень похож на нынешнего оппозиционно настроенного либерала. По его расчетам, Россию якобы ждут массовые протесты, отставка правительства, вывод войск из Украины, отказ от Крыма. Виртуальный профессор предсказывает принятие новой Конституции с существенно урезанными полномочиями исполнительной власти, государственные меры поддержки по защите прав ЛГБТ. В общем, прогнозы неизбежно приводят к выводу о треке на конвергенцию России с Западом на условиях и под надзором последнего, что с очевидностью противоречит тем трендам, которые можно наблюдать в настоящее время.

Подобные разночтения уже давно стали предметом дискуссий о том, способен ли ИИ реально предсказать будущее человечества. Некоторые скептически настроенные эксперты сомневаются в возможностях человека заложить в алгоритмы те данные по сложным социальным процессам, от которых зависит верный ответ (*Коробатов* 2023). Зато другие весьма оптимистично оценивают прогностические способности нейросетей в будущих исследованиях, апеллируя к использованию более совершенных инструментов (Predicting 23.09.2022).

По словам Тимоти Мака, президента Всемирного общества будущего с 2004 по 2014 гг., футурологи, в чьих выводах заинтересованы крупные кампании и правительственные ведомства, прибегают к самым различным методам (сканируют новости масс-медиа и опубликованные результаты научных исследований, проводят опросы Делфи, создают компьютерные симуляции, проводят ролевые игры) лишь бы избежать ошибок в предсказании отдельных событий и трендов (10 самых выдающихся 2019).

Незавершенность формирования футурологического направления, динамичность его изменения и пополнения концептуального багажа

футуристических построений отчасти отражается в материалах Википедии, где номинация «Футурология» подвергается регулярному редактированию и постоянно наполняется новым содержанием, так что текст соответствующей страницы, относящийся, например, к редактуре 2015 г. имеет весьма мало общего с одноименной статьей в редакции августа 2023 г.

Так, в 2015 г. в категории «Футурология» была выделена основная статья под одноименным названием и еще 59 позиций (интернет-страниц), в алфавитном порядке (а по сути дела, в калейдоскопическом беспорядке) раскрывающих содержание понятий. В их числе были представлены следующие «подкатегории»: *Будущее Земли, Будущее разума, Глобальная катастрофа, Гравитационный поезд, Демографический взрыв, Дикий мир будущего, Звездолет, Мир без нас, Мозгматрешка, Планетарная цивилизация, Последние и первые люди, Постгендеризм, Постгуманизм, Технологическая сингулярность, Трансгуманисты, Трансчеловек, Физика будущего, Футурошок* и др. Кроме этого в категории «Футурология» выделялись еще 13 подкатегорий: *Антропоморфная футурология, Искусственный интеллект, Колонизация космоса, Космические лифты, Литература по футурологии, Нанотехнология, Пик нефти, Робототехника, Сети будущего, Устойчивое развитие, Футуризм, Футурологи* (Категория: Футурология б.г.).

Спустя 6 лет статья «Футурология» приобрела совсем иной вид. Она по-другому структурирована, в ней появились новые разделы и термины, в частности, *Научная фантастика, Проект Венера, Римский клуб, Москва в XXIII веке, Экстеловедия Вестранда, Психоистория, Ретров* и др. При этом статья имеет рабочий, незавершенный вид. В ней говорится, что «текущая версия страницы пока не проверялась опытными участниками и может значительно отличаться от версии, проверенной 31 марта 2023 года» (Футурология б.г.). Так что вполне вероятно, что еще через какое-то время новая версия статьи также будет заметно отличаться от предшествующей.

Несмотря на крайнюю популярность прогностических изысканий, остается нерешенным до конца вопрос о том, является ли футурология в точном смысле этого слова наукой с присущей ей обоснованностью, доказательностью и верификацией получаемых знаний. Есть точка зрения, что это только собирательный термин для обозначения различных исследований будущих состояний общества с применением понятийного аппарата, инструментария и методов других наук.

Кроме того, на какие бы методы и процедуры ни опирались самые квалифицированные эксперты в разработке прогнозных выводов о развитии мира в целом или его отдельных сфер и отраслей, в частности, эти знания остаются в зоне предположений, догадок и носят вероятностный характер. Удостовериться в их истинности или ложности можно только по прошествии периода, к которому относится прогноз. Нередко эти знания к тому времени теряют свою актуальность и становятся артефактами, отражающими лишь состояние общенаучных методов и прогностики на тот момент.

И тем не менее именно футурология в настоящее время является своеобразным фронтиром в науке, во многом задающим направления и тематику многих исследований.

Будущее как предмет антропологии

Несомненная одержимость современного общества будущим способствует тому, что в ряде научных дисциплин гуманитарного цикла, казалось бы, весьма далеких от этой тематики, появляются свои футуристические направления. Общественно-политические трансформации диктуют новую исследовательскую повестку для философии, социологии, политологии, политической экономии, экологии. В целом можно заметить, что тесная связанность футуристических построений с развитием передовых технологий делает во многом общим предметом исследования такие проблемы как искусственный интеллект, роботизация, освоение космоса. А вызовы в виде глобализации, усиливающегося неравенства между глобальным Севером и Югом, экологического, демографического, экономического кризисов и в целом меняющегося миропорядка вызывают особую озабоченность и становятся полем междисциплинарных исследований, так что зачастую эта проблематика носит нерасчлененный на специфические предметные области характер.

В этом контексте правомерно встает вопрос о месте социально-культурной антропологии (этнологии) в системе футуристических изысканий. Обращение к понятийно-терминологическому дискурсу, описывающему предметную область данной научной дисциплины, заставляет сомневаться, а уместно ли вообще ставить вопрос под таким углом. Ее классическими объектами чаще всего называются материальная и духовная культуры, в первую очередь ее традиционного слоя,

религиозные верования, обряды и обычаи, социальные стратификации ранних, первобытных доклассовых или раннеклассовых, бесписьменных, в общем экзотических культур. Современное общество в этом случае выступает в представлении антрополога преимущественно как хранилище реликтов, так или иначе встраивающихся в новые для них обстоятельства.

С этой точки зрения не является ли в этом смысле оксюмороном то обстоятельство, что сугубо историческая отрасль науки, традиционно концентрирующаяся на изучении архаических доиндустриальных обществ и до сих пор остающаяся сокровищницей систематизированных научных знаний о «примитивных» культурах и их носителях, вдруг заявляет о визионерстве и прогностике. Сразу отметим, что однозначного ответа на этот вопрос «да» или «нет» не существует. Проблема может проясниться в пространственно-временных контекстах, а вывод едва ли будет отличать определенность и безальтернативность.

Антропология в эпоху модерна. Напомним, что формирование социально-культурной антропологии (этнографии) относится к первой половине – середине XIX в. В значительной мере она является продуктом модерна – эпохи быстрых изменений, индустриализации, урбанизации, научного прогресса, секуляризации и рационализма. Выдающиеся достижения антропологии этого периода зиждились на эволюционистской теории имманентного развития культуры от простого к сложному, а также на материалистическом (не всегда последовательном) понимании истории. Труды Герберта Спенсера, Джемса Фрезера, Эдуарда Тейлора, Адольфа Бастиана, Шарля Летурно, Льюиса Моргана составили целую эпоху в развитии этнографии/антропологии того периода.

Именно тогда широкую поддержку нашли идеи прогресса, постепенного совершенствования, перехода от простого к сложному, от примитивного к развитому. Постулат Моргана о единстве происхождения человечества, сходства человеческих потребностей на одной и той же стадии развития, единообразия деятельности человеческого ума при одинаковом общественном строе (*Морган* 1935: 3) представлял собой великую гуманистическую идею, которую в ту пору разделяли далеко не все.

Непревзойденный знаток отечественной и зарубежной историографии в области этнографии и антропологии русский, советский этнограф С.А. Токарев, говоря о периоде последних десятилетий XIX – начала XX вв., отмечал огромный прирост фактического материала,

развитие науки вширь: «Ко времени начала Первой мировой войны на мировой карте этнографических исследований осталось очень мало белых пятен. Почти вся земля стала доступной взору этнографа» (*Токарев* 1978: 93). За каких-нибудь 25–30 лет картина изученности туземных народов резко изменилась, открыв «цивилизованным» обществам мир доисторических культур.

Не следует забывать, что в этот период утвердились новые формы колониального управления, потребовавшие принципиально иных знаний и представлений о жителях колоний. В этих условиях весьма противоречиво выглядело положение ученых-антропологов. Как отмечал российский этнолог А.А. Никишенков, с одной стороны, большинство из них руководствовались гуманными соображениями изучения и сохранения местных культур и защиты аборигенного населения, с другой, не могли предотвратить негативных последствий не только политики колониальной администрации, но и собственных действий (*Никишенков* 2008: 458).

В целом, усилиями антропологов общество модерна как будто смогло увидеть свой исторический путь из прошлого в настоящее, которое для изучаемых ими объектов всегда оказывается будущим. Тем не менее было бы большим преувеличением приписывать ученым-антропологам XIX в. сколько-нибудь значимые футуристические интенции. Их интересы лежали в основном в иной тематической плоскости и другом временном пространстве.

В начале XX в., а также в межвоенный период категория будущего эпизодически всплывала в теоретических работах народоведов и культурологов. Так, британский антрополог-функционалист Бронислав Малиновский в своей работе «Научная теория культуры» (посмертное издание 1944 г.) писал: «Какое бы определение мы ни дали слову «наука» в рамках конкретной философской или эпистемологической системы, ясно, что наука начинается с использования прошлого наблюдения для предсказания будущего… Поэтому обсуждать, почему научный подход к изучению человека оказывается вкладом нынешней и будущей антропологии в гуманитарные науки в целом, – вовсе не столь пустое и самонадеянное занятие, как могло бы показаться на первый взгляд» (*Малиновский* 2005). Но безусловной доминантой исследовательских усилий оставался метод реконструкции.

В свою очередь европейский модерн образца второй половины XIX в. продемонстрировал по крайней мере два настолько мощных

прорыва в будущее, что они вот уже более полутора столетий продолжают будить воображение множества сменяющих друг друга поколений. Авторами самого новаторского политэкономического проекта будущего стали К. Маркс, которого нередко называют отцом коммунизма, и Ф. Энгельс. Марксистская теория, представляющая собой сплав диалектического и исторического материализма, политической экономии капитализма и научного коммунизма, говорила о неизбежности победы социалистической революции в ходе классовой борьбы при ведущей роли пролетариата. Высшей целью революционной борьбы называлось уничтожение частной собственности и товарного производства, установление коммунистического общества, обеспечивающего условия для всестороннего гармоничного развития личности и удовлетворения ее потребностей («от каждого по способностям, каждому по потребностям»). Знаменитая фраза К. Маркса о том, что «Философы лишь различным образом объясняли мир. Но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Маркс) оказалась не только словами. XX в. стал временем реализации коммунистического проекта на значительной части земного шара.

Следует отметить, что в своих трудах классики марксизма использовали на тот момент новейшие научные достижения, в частности работы специалистов по первобытной истории И. Бахофена и Дж. Мак-Леннана. Особенно высоко ими ценилось творчество Л. Моргана, широко представленное в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где автор более 80-ти раз упоминает имя Моргана и ссылается на его выводы и наблюдения.

Крах марксизма как теории преобразования мира и не состоявшийся социально-философский прогноз К. Маркса и Ф. Энгельса о приходе на смену капитализму коммунизма стали серьезным ударом по социальной прогностике. Во всяком случае очевидно, что с конца XX – начала XXI вв. мир развивается явно не по марксистскому сценарию.

Другим захватывающим путешествием в будущее стало творчество современника К. Маркса – Жюля Верна, основоположника жанра научной фантастики. Первый роман писателя «Пять недель на воздушном шаре» об экспедиции вглубь Африки на воздушном шаре был написан в 1863 г. С тех пор многочисленные произведения Жюля Верна были переведены на 150 языков. По данным ООН, после Агаты Кристи он остается самым переводимым автором в мире (15 удиви-

тельных фактов 2018). Вымышленный подводный корабль «Наутилус» капитана Немо из «Двадцати тысяч лье под водой» и «Таинственного острова» стал символом технического прогресса. Первая в мире атомная подводная лодка в 1958 г. получила имя Наутилус (США) («Наутилус». Фантастика 2023). Это имя до сих пор любят присваивать техническим новинкам – морским судам, подлодкам, космическим аппаратам, компьютерной технике и пр.

Разумеется, стремительные социально-культурные трансформации не оставались вне поля зрения антропологов позднего модерна. Рост городов, распространение урбанистических форм жизни, миграции, технический прогресс – множество изменений меняли облик и отчасти предмет исследования. Стало очевидно, что внимания антрополога требуют не только «примитивные» культуры и первобытные формы социальной жизни, но и собственные социокультурные пространства. В 1950-е гг. это очень точно обозначил в своей работе «Структурная антропология» Клод Леви-Стросс. Он уподобил антрополога астроному социальных наук, раскрывающему смысл различающихся своим порядком и удаленностью величин, находящихся внутри его же собственного сообщества. «Экспансия западной цивилизации, развитие средств коммуникации, частота перемещений, характеризующих современное общество, привели человеческий род в движение. Практически сегодня не нужно объезжать половину земного шара и разыгрывать из себя исследователя-путешественника. Такие крупные города, как Нью-Йорк, Лондон, Париж, Калькутта или Мельбурн, начитывают среди своих жителей множество представителей самых различных культур», – писал основатель структурной антропологии 65 лет тому назад (*Леви-Стросс* 1983: 336).

Таким образом, можно полагать, что эпоха модерна завершилась для антропологии многократным приращением теоретико-методологического, идейного и методического багажа. Почти вековая история развития социально-культурной антропологии, занявшая период середины XIX – середины XX вв., свидетельствует о достаточно быстрой смене концептуальных направлений и парадигм. В данной работе нет никакой возможности (да и нет необходимости) хотя бы вскользь упомянуть основные вехи и научные достижения этого периода. Однако важно отметить, что, развиваясь в логике своего предметного поля, антропология не испытывала потребности во включении в него футуристиче-

ского компонента, предпочитая анализировать то, что есть, а не то, что, возможно, еще только будет.

Постмодернизм и антропология будущего. О постмодернизме написано столько, что любое изложение будет носить фрагментарный и неполный характер. Применительно к теме данной работы стоит обратить внимание лишь на некоторые моменты. Хронологически начало постмодернизма чаще всего принято относить к 1960-м – 1970-м гг. и трактовать как некое культурное течение, противостоящее модерну и характеризующееся настроениями разочарования, критики идеалов и ценностей европейского Возрождения и Просвещения, неверия в идеи прогресса, безграничных возможностей человека, рациональности (*Малиновская* 1997: 348–349).

Признанными теоретиками постмодернизма считаются Ж. Лиотар, который, собственно, в своих работах и конституировал этот термин, М. Фуко, Ж. Деррида Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ф. Гваттари. Постмодернистский стиль мышления опирается на герменевтическое видение мира, где принципам интерпретации текстов или понятий придается первостепенное значение по сравнению с пониманием и трактовкой собственно авторской идеи произведения. Кроме того, он предполагает акцентацию внимания на состояниях нестабильности, непознаваемости, относительности, сомнения (*Ратников* 2002). Так, классик постмодернизма Мишель Фуко в своей работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966) писал: «Психоанализ и этнология занимают в нашем знании особое место. Дело не в том, что они лучше всех других гуманитарных наук уловили собственную позитивность и осуществили прежнюю установку на достижение подлинной научности, но, скорее, в том, что на границах любого познания о человеке они образуют… некий постоянный источник беспокойства, вопрошания, сомнения, критики и оспаривания всего того, что могло бы иначе показаться несомненным» (*Фуко* 1994: 392).

Постмодернистский тезаурус включает в себя такие понятия как: эклектика, гибридность, иронизм, деконструкция, постгуманизм, релятивизм, текст, симулякр, виртуальность, постистина, постправда и др. По утверждению американского социолога Стива Фуллера, ситуация постистины состоит в том, что ее участники всегда думают о том, в какую игру они играют и какой очередной ход нужно сделать в этой игре. В таком обществе перестает действовать посыл о том, что у его членов есть общая реальность и общее понимание истины (*Фуллер* 2021: 348).

В этой связи стоит обратить внимание на сравнительно недавно разразившуюся международную полемику относительно доктрины так называемого «международного порядка, основанного на правилах». Суть разногласий состоит в том, что российская сторона выступила с резкой критикой политики навязывания размытых, некодифицированных, нигде и никем не принятых «правил» западного мира и обвинений в их нарушении, как только кто-то выступает не в соответствии с этими правилами. «Вы сейчас сказали “порядок, основанный на правилах”. Вы видели когда-нибудь эти правила? Нет, потому что их никто никогда не писал и никогда никто ни с кем не согласовывал. Как же можно говорить о порядке, основанном на правилах, которых никто не видел? С точки зрения здравого смысла это нонсенс, это какая-то чушь. Но это выгодно для тех, кто пропагандирует такой подход. Потому что, если этих правил никто не видел, это значит, что те, кто говорит об этом, сами придумывают эти правила от случая к случаю так, как им это выгодно. В этом и есть колониальный подход», – так отреагировал российский президент В. Путин на сложившуюся ситуацию (Интервью президента России 2023), которая вполне вписывается парадигму постистины.

Нынешняя интеллектуальная рефлексия, находящаяся под влиянием потсмодернистского течения, правда, уже преодолевшего свою пиковую точку, предполагает свободный переход из одного концептуального пространства в другое. По утверждению американского литературного критика и теоретика неомарксиста Фредрика Джеймисона, на смену различным разновидностям глубинных моделей пришло неупорядоченное поглощение всех стилей прошлого. Бóльшую значимость приобрели концепции практик, дискурсов, текстуальной игры, где глубина также замещается поверхностью или множеством поверхностей и где комментарии создают специфическое поле постмодернистских языковых практик в целом. Таким образом, развитые страны представляют собой поле лингвистической и дискурсивной разнородности без какой-либо нормы, что создает новый странный концептуальный пейзаж (*Fredric* 1991: 392–393).

Специфику современной интеллектуальной деятельности некоторые исследователи видят в отсутствии универсального повествовательного метаязыка и в снижении значимости научного знания. Соответственно, меняется вес и статус носителей разных функций. Иссле-

дователь постмодернизма Н.Б. Маньковская отмечает, например, что ведущей фигурой оказывается не профессор, а участник мозгового штурма, не эксперт, а экспериментатор (*Маньковская* 2000: 2003–204). Этот ряд можно продолжить. В современном контексте в публичной сфере выше «котируются» даже не эксперты, а комментаторы, не кабинетные ученые и аналитики, а политические шоумены. И даже экспериментаторы в общественном сознании уступили свое место менеджерам (от науки, политики, СМИ и т.д.).

В гуманитарной сфере широкое распространение получила практика терминологических заимствований, часто из весьма далеких друг от друга сфер знания. В результате немалое количество важных понятий потеряло свой первоначальный смысл, приобретя многозначность или нечеткость в своем новом качестве. Разнородность, многозначность, эклектика и гибридность составляют нормативное поле исследования и анализа. В немалой степени и по этой причине нередко довольно трудно поддаются пониманию и классификации новые социально-политические явления и процессы. Гибридизация теоретико-методологического и понятийного аппарата, утилизация (нередко поверхностная) разнородных концепций и методик вошла в нормативную практику гуманитарных исследований. При этом не исключаются возвраты к традиционной повествовательности, с помощью которой излагается, доносится классическое знание, по-прежнему претендующее на истинность. Философия постмодернизма во многом освобождает человека (исследователя) от моральных обязательств, принятия некоторых единых измерений правды и справедливости, следствием чего становится отрицание абсолютной истины (*Гузенкова* 2020: 53).

Постмодернисты утверждают, что прошлого как бы не существует, а есть представленное в дискурсе информационное поле, которое, собственно, и есть история. Отечественный историк А.Я. Гуревич явно в постмодернистском духе отмечал, что картина канувшей в Лету цивилизации исторически изменчива, и ни одна из истин, о ней высказываемых, не устанавливается на вечные времена. Он предупреждал, что историк должен отдавать себе отчет в том, что любые утверждения рано или поздно могут быть уточнены, видоизменены, либо поставлены под сомнение, а также пересмотрены и заменены новыми объяснительными моделями (*Гуревич* 2014:11). А текст в понимании постмодерниста всегда будет преградой между историком и событием, которое он изучает.

Жан-Франсуа Лиотар ввел в оборот понятие «метанарратив» или «метарассказ», обозначающее широкие объяснительные схемы, философские доктрины эпохи модерна (например, идея познаваемости мира), но и сам же его разоблачил: «Мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов. С выходом из употребления метанарративного механизма легитимации связан, в частности, кризис метафизической философии, а также кризис зависящей от нее университетской институции. Нарративная функция теряет свои функторы: великого героя, великие опасности, великие кругосветные плавания и великую цель. Таким образом, грядущее общество соотносится не столько с ньютоновской антропологией (структурализм или теория систем), сколько с прагматикой языковых частиц» (*Лиотар* 1998: 10–11).

Антропология также не избежала посмодернистской деконструкции. Ее следы можно видеть в заимствовании, скорее похожем на присваивание терминов из других сфер знания. Одним из таких понятий стало, например, слово «идентичность», заимствованное из психологии и ставшее идеей фикс ученых антропологов в конце XX в. В 2003 г. в издательстве «Наука» вышла в свет монография известного российского этносоциолога М.Н. Губогло под названием «Идентификация идентичностей: Этносоциологические очерки» (*Губогло* 2003). И хотя этот монументальный, без малого восьмисотстраничный труд носит вполне академический характер, в заложенном в названии плеоназме угадывается некая самоирония.

Влияние постмодернизма в антропологии проявилось и в эклектике исследовательского пространства, проявившейся, например, в сосуществовании мета- и микронарративов. С одной стороны, значительная часть культурно-антропологических исследований приобрела фрагментированный, частный характер. Получила свое широкое распространение практика микроисследований (то, что раньше пренебрежительно называлось мелкотемьем). Но сохранялся и метарассказ, к которому следует отнести, например, концепцию столкновения цивилизаций Сэмюэла Хантингтона или нарратив о «конце истории» Фрэнсиса Фукуямы.

Постмодернизм способствовал, с одной стороны, потере интереса к одним темам и проблемам, и включению в поле зрения – других. Так, потеряли свою актуальность такие аспекты, как этнографическое картографирование, истоки которого восходят к традициям эволюциониз-

ма, энтогенетические исследования, формационно-классовая типологизация этнических процессов, но зато приобрела огромную популярность гендерная тематика.

В исследовательское поле социально-культурной антропологии были включены современные социальные системы и разнообразные группы идентичности с их динамическими тенденциями. Правда, российский этнолог Татьяна Щепанская со ссылкой на зарубежных коллег обратила внимание на сложившийся перекос в сторону изучения т.н. аномических, выходящих за пределы социальных норм сред и субкультур (*Щепанская* 2003). Ярким примером в этом смысле может служить исследование американского социолога и антрополога Митчела Дюнейра «Тротуар», в котором автор описывает жизнь бездомных афроамериканцев, торговцев дешевых книг на одной из улиц в центре Нью-Йорка (*Duneier* 1999) или труд американского антрополога Филиппа Бургуа «Праведный наркоман», описывающий опыт 12-летнего исследования группы бездомных наркоманов, обитавших под мостом в Сан-Франциско с 1994 по 2006 гг. (*Bourgois* 2009).

Усилился интерес к проблемам экономических, культурных и социальных последствий миграционных процессов. Интенсифицировались исследования в области урбанистической антропологии. Обобщенное знание об основных институтах человеческой культуры дополнилось более специализированными исследованиями, проводимыми в рамках самостоятельных субдисциплин, таких как политическая, экономическая, экологическая, гендерная, аграрная, медицинская антропология.

Общие настроения беспокойства, тревоги, недоверия, характерные для эпохи постмодерна, конвертировались в изучение конфликтов и войн, различного рода столкновений. В сферу особого внимания антропологов по всему миру вошла экологическая проблематика, актуальность которой нарастала, начиная с 1970-х гг., и в наши дни достигла настроений катастрофизма, заложенного еще первым докладом Римского клуба «Пределы роста» в 1972 г. (авторы Донелла и Деннис Медоуз, Йорген Рандерс, Уильям Беренс III). Основной посыл работы состоял в прогнозировании близкой к необратимой деградации человеческой цивилизации вследствие утраты контроля над текущими тенденциями роста. В 1992 г. и еще 10 лет спустя авторы не только подтвердили выводы, но и обнаружили, что человечество уже вышло за пределы самоподдержания Земли (*Гузенкова* 2019: 23). Эта линия Рим-

ского клуба и сейчас остается весьма влиятельной, широко поддерживаемой и продвигаемой по всему миру. Достаточно сказать, что экология превратилась в академическое научное направление и образовательную дисциплину. Многие университеты имеют свои академические программы экологической антропологии.

Следует отметить, что алармистский энвайроментализм и общая атмосфера неустойчивости и неопределенности 1980-х – 1990-х гг. привела к поиску различного рода альтернатив в недрах социальных наук. В частности, были предприняты попытки выявить футуральный ресурс, казалось бы, не подходящей для этого «архаичной» и «традиционалистской» антропологии.

В середине 1990-х гг. известный американский антрополог Рой Раппопорт, пожалуй, один из первых поднял проблему будущего антропологии и будущего глазами антропологии на концептуальном уровне. Называя антропологию одной из самых отсталых и «примитивных» среди других современных наук, он, тем не менее, предвидел ее лидирующие позиции в становлении постсовременной науки. Будущее антропологии состоит в помощи человечеству понять и реализовать свое место в мире, которое понято превратно или не понято совсем. Опираясь на продвигаемую Римским клубом точку зрения о конечности мира как результата разрушительной деятельности человечества, автор утверждал, что человечество заняло доминирующее положение в экосистемах и дестабилизировало их до такой степени, что это уже стало представлять угрозу для продолжения эволюции на Земле.

В самой природе человеческой мысли, по утверждению автора, нет ничего, что удерживало бы ее от изобретения безрассудных способов самоуничтожения, которые благодаря нарастающей технологической мощи достигли уровня, способного обеспечить уничтожение всего сущего. По словам Р. Раппопорта, у антропологов нет ответов не то что на все, но даже и на часть жгучих вопросов, возникающих в связи с угрозой исчезновения человечества. Но у нее имеются способы концептуализации некоторых из этих проблем. Эти способы в существенных моментах отличаются от придуманных концепций и понятий, которые настолько не соответствуют структуре мира, что направляемая ими деятельность оказывается разрушительной (*Раппопорт* 1995: 19).

Футурологические вызовы XXI века и антропология

На обращение к услугам искусственного интеллекта по запросу: «Будущее глазами социально-культурного антрополога» (Chat GPT от 13.11.2023) нами был получен ответ, состоящий из четырех тезисов.

1. Взгляд на будущее через призму культурного антрополога предполагает изучение того, как современные изменения в обществе, технологии и культуре могут сформировать будущие общественные и культурные динамики. Культурный антрополог может рассматривать тенденции в изменении ценностей, образах жизни, социальных отношениях и взаимодействии человека с окружающей средой.

2. Антрополог может интересоваться тем, как технологические инновации, такие как искусственный интеллект, биотехнологии и виртуальная реальность, влияют на культурные практики и восприятие реальности. Он может исследовать, как изменения в мировоззрении и ценностях людей могут повлиять на формирование новых социокультурных моделей.

3. Культурный антрополог может рассматривать будущее в контексте глобализации, миграции и смешения культурных элементов. Он может анализировать, как эти процессы формируют новые идентичности, стереотипы и формы социального взаимодействия.

4. В целом, будущее через призму культурного антрополога представляет собой интересное поле исследований, которое позволяет понять, как современные изменения могут повлиять на формирование будущих культурных ландшафтов и общественных структур.

Казалось бы, в этом бот-тексте нет никаких особых откровений. Однако обратим внимание на некоторые моменты. В тексте частично представлен новый лексикон, получивший распространение в последние годы. Это термины: «искусственный интеллект», «биотехнологии», «виртуальная реальность». ИИ предполагает в будущем существенные изменения в мировоззрении, ценностях, культурных практиках, социальных структурах. Так что футуристическая повестка вырисовывается вполне определенно.

Есть немало признаков того, что человечество вступает в новую эпоху, отделяющую его от времен постмодернизма. Ее устоявшегося названия пока еще нет, хотя предлагаются различного рода номинации, где есть и постпостмодернизм, и неомодернизм. Точного названия нет,

но уже отчетливо видны новые веяния и тенденции, в которых может быть заметен и антропологический след.

В этом смысле в определенной степени пороговой между постмодернизмом и новыми временами стала работа нидерландских исследователей Реббеки Брайант и Дэниела Найта «Антропология будущего» (2019), выполненная в духе антропологии темпоральности, что, в понимании авторов, переориентирует дисциплину с бытия на становление, со структуры на деятельность и концентрирует внимание на хрупких и тонких вещах – на чувствах, эмоциях, планировании повседневности, действиях, с помощью которых настоящее проецируется в будущее, а будущее притягивается к настоящему и прошлому (*Bryant, Knight* 2019: 192).

Базовая идея книги заключена в выражении «будущее пробуждает настоящее». Авторы заявляют о том, что они поставили будущее в центр антропологического исследования, сосредоточив внимание на ориентациях в повседневной жизни: «Люди постоянно предвосхищают, ожидают, на что-то надеются, размышляют о будущем – и, таким образом, живут им в повседневной жизни. «Ориентированность на будущее – это часть того, кто мы есть и как мы воспринимаем повседневную жизнь. Нас тянет в направлении будущего множеством эмоциональных способов – надеждой и большими ожиданиями, предвкушением или фантастическими предположениями, актами веры или верой в судьбу. Мы постоянно готовим почву для будущего с помощью мыслей и желаний по мере того, как мы продвигаемся к реализации своего потенциала» (Там же: 193).

Таким образом становится понятно, что будущее как темпоральная категория становится полноправным объектом антропологического анализа, о чем, собственно говоря, идет речь как в книге Брайан и Найта, так и в дискуссии, развернутой на страницах «Этнографического обозрения» в 2021 г. (*Ссорин-Чайков* 2021: 83–103; *Агапов* и др. 2021: 104–128).

В начале XXI в. предметная область антропологии дополнилась новыми темами и направлениями, например, антропологией киберкультуры, интерактивной, сетевой, космической антропологией (последняя помогает астронавтам подготовиться к полетам в условиях замкнутого пространства космической станции). В гуманитарных науках стал конституироваться термин «антропоцен» – неформальное понятие геохронологического шкалирования эпохи, отличающейся высоким

уровнем человеческой активности, существенно сказавшейся на дикой природе и экосистемах Земли. Одни считают, что начало антропоцену положила промышленная революция XVIII–XIX вв., другие связывают его с «большим ускорением» после Второй мировой войны.

Но в любом случае в наши дни нередко звучит критическая оценка антропоцена и ставится вопрос о планетарной роли человечества в т.ч. с позиций антропологии. Так, в 2018 г. в свет вышла книга американских исследователей Эндрю Бауэра и Моны Бхан «Климат без природы: антропология антропоцена», где климат рассматривается как исторический продукт гетерогенных по своей природе композиций, состоящих из «тел, материалов и организмов», где люди трактуются как составные части этого ансамбля как биологические и геофизические агенты природы (*Bauer, Bhan* 2018). На примере жителей южных районов Индии преобразования, связанные с климатом, рассматриваются в сложных, исторически длительных отношениях людей и не людей, живого и неживого (камней, снега, травы, дров, животных и пр.), где «не люди» выступают важными участниками социального порядка (Op. cit.: 76).

По сути дела, речь идет о зарождении постгуманитарной антропологии, в которой по-новому интерпретируется роль человека как субъекта, нераздельно связанного с остальным, внечеловеческим, миром (*Кожевникова* 2018: 25–54). В этом отношении весьма примечательна публикация американского антрополога Анны Лёвенхаупт Цзин «Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма», где повествование об отношениях между людьми, ландшафтами, природой ведется от лица одного из самых дорогих деликатесов в Японии – гриба мацутакэ (*Цзин* 2017).

В последние годы в антропологии получило распространение еще одно направление, связанное с футурологией, а именно с теорией трансгуманизма, основанной на технологическом мировоззрении. Согласно этой теории, естественный отбор как основной фактор эволюции человека, доминировавший сотни тысяч лет, теряет свою прежнюю значимость. На первый план выступает трансформация человека за пределами его биологической формы с помощью научных и технологических достижений генной инженерии, ИИ, нанотехнологий, крионики и других передовых отраслей знания. Смысл этих изменений в существенном расширении физических и умственных способностей человека, замедлении старости и достижении такой продолжительности жизни, при которой уже можно говорить о бессмертии. Трансгума-

нистический подход предполагает свои этапы эволюции, которые включают появление трансчеловека (как промежуточного типа) и затем постчеловека.

На эту тему появилось уже немало нетривиальных исследований, свидетельствующих о том, что современная антропология способна довольно чутко реагировать на изменчивость современного мира (*Соколовский* 2018; *Соколовский* 2022; *Алексеева, Аршинов, Чеклецов* 2013: 12–21). В рамках этого направления обсуждаются различные аспекты проблемы трансгуманистической альтернативы человеку. Правда, по утверждению российского антрополога С.В. Соколовского, до самого последнего времени это в гораздо большей степени относилось к зарубежной антропологии, где уже имеются значительные разработки на эту тему. Отечественные исследования по этой тематике стали появляться только в последнее время (*Соколовский* 2020: 5–22; *Соколовский* 2023).

И все-таки при всей неординарности новых подходов в расширении предметного и концептуального поля современной антропологии, остается не вполне проясненным вопрос о ее футуральном онтологическом значении, несмотря на то, что попытки ответить на него предпринимались не раз.

Так, Р.А. Раппопорт утверждал, что «отсталая» антропология предоставляет возможности для более полного и объемного понимания мыслительной и практической деятельности человека, способной «спасти мир». Ей присуща гуманистическая озабоченность вопросом о том, что означает быть человеком. Кроме того, антропология озабочена качественной стороной дела, привержена холизму (принцип целостности), демонстрирует уважение как к объективному, так и к субъективному знанию (*Раппопорт* 1995: 28).

К этой позиции примыкает философский концепт, разрабатываемый в рамках традициологии, согласно которому культурные традиции рассматриваются как важные универсальные функции социальной самоорганизации, развития и постоянного обновления общества. Представитель традициологической школы философ С.А. Горяйнов полагает, что усталость человечества от бешеных скоростей прогресса и модернизации вызывает потребность остановиться, оглядеться. «Зарождающееся новое общество будет максимально внимательно к традиции, получая от нее и оптимальный темп культурно-социальных инноваций и осмысленную направленность этих иннова-

ций» (*Горяйнов* 2015), – полагает философ. Другие исследователи также утверждают, что современной культурной антропологии досталось «по наследству» понимание культуры как формы биосоциальной адаптации, ей присущ культурный релятивизм, постулирующий универсальную ценность каждой культуры вне зависимости от стадиального уровня ее развития (*Терешкович* б.г.).

В 2003 г. американский социолог, специалист в области киберантропогенных систем У. Бейнбридж в статье «Будущее социальных наук» писал об отставании социальных наук от темпов и масштабов изменений в окружающем мире. Тем не менее, говоря об очевидной необходимости «думать совсем по-другому», в числе идей, способных «вдохновить общественную науку», он (наряду с появлением новых информационно-ориентированных социальных наук) выделил и возможное возрождение культурной антропологии (*Bainbridge* 2023).

В таком консервативном подходе, безусловно, есть свой резон. Российский культуролог Михаил Эпштейн в своей книге «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» писал: «…Мы пытаемся вставить надежные тормоза в ускоряющуюся машину прогресса. Эсхатология притормаживает разгон технологии на крутых поворотах, а значит, с ускорением прогресса будет возрастать и роль тормозов. Люди боятся мыслящих машин, вирусов, клонов, искусственных генов, новой расы киборгов, потому что за всем этим чудится “то самое”, “Конец”. Люди будут одной ногой нажимать на газ технического прогресса, а другой ощупывать эсхатологические тормоза. И только так, работая двумя педалями, мы сможем двигаться вперед по крутому рельефу будущего, не срываясь в пропасть» (*Эпштейн* 2004: 154–155).

Если продолжить эту образную линию автора, то логично предположить, что антропология как раз и представляет собой ту сферу знания, где о спасительных «тормозах» известно очень многое. Давно и широко распространена практика в определенные критические моменты или в конфликтных ситуациях обращаться к опыту и знаниям этнологов/антропологов. Известный британский социолог-футуролог Джон Урри в своем бестселлере под названием «Как выглядит будущее?» (2016) предлагает ввиду их особой важности для общества вернуть исследования будущего социальным наукам и сделать их привычной темой (*Урри* 2019: 291).

Но на сегодняшний день вызовы человечеству настолько серьезны по своим масштабам и небывалые по своему содержанию, что этого мо-

жет оказаться явно недостаточно. Постепенно формируется новый дискурс постчеловека и искусственного интеллекта. Кто они? Пока – объекты наблюдения и изучения. Но, возможно, наступит момент, когда они превратятся в субъекты, а типаж классического антрополога-полевика станет предметом снисходительного любопытства и анализа со стороны новых форм разума. Во всяком случае в философской среде тема выхода за пределы человеческого познания мира и негуманистического рационализма уже обсуждается полным ходом (Ведущие мировые 2023: 33).

Кстати, научная фантастика уже дала образцы такого варианта развития событий. Например, американский писатель-фантаст Майкл Салливан в 2014 г. в эпическом романе-фэнтези «Полый мир» смоделировал подобную ситуацию. Машина времени переносит наших современников в далекое будущее, где они оказываются в роли музейных раритетов, изучаемых бессмертными и бесполыми существами, а поверхность Земли представляет собой гигантский природный заповедник (*Салливан* 2022).

Это фантастический образ отдаленного будущего. Но уже сегодня вполне обоснованно говорят о «смерти» журналистики, виной чему является искусственный интеллект, способный генерировать любые тексты, основываясь всего на одном исходном предложении (Искусственный интеллект 2023). Но если продолжить рассуждения в этой логике, то можно говорить и о смерти собственно человеческого текста как такового. Какой ответ даст на это антропология? Вопрос остается открытым.

Источники и материалы

Биткоин возглавил 2017 – Биткоин возглавил список самых популярных запросов «Яндекса» // LoginCasino. 18.12.2017: https://logincasino. com/blog/bitkoin-vozglavil-spisok-samih-populyarnih-zaprosov-yandeksa21061.html

Заседание дискуссионного клуба 2023 – Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин принял участие в пленарной сессии юбилейного, XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». // Президент России. 05.10.2023. http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444

Интервью президента России 2023 – Интервью президента России Владимира Путина Медиакорпорации Китая. Стенограмма // Российская газета. 16.10.2023. https://rg.ru/2023/10/16/interviu-prezidenta-rossii-vladimira-putina-mediakorporacii-kitaia-stenogramma.html

Искусственный интеллект 2023 – Искусственный интеллект грозит смертью журналистике // Хайфак. https://hifak.ru/iskusstvennyj-intellekt-smert-zhurnalistiki (дата обращения: 23.11.2023)

Итоги года 2018 – Итоги года по версии Google: главные темы в поиске 2018. 12.12.2018. https://adindex.ru/news/digital/2018/12/12/210847.phtml

К гадалке не ходи 2022 – К гадалке не ходи: что представляет собой профессия футуролога? // РБК. Тренды. 08.12.2022. https://trends.rbc.ru/trends/futurology/5df7a5ef9a79471c7c10c3b2?page=tag&nick=future_scenario&from=infinityscroll

Категория: Футурология б.г. – Категория: Футурология // Википедия. Свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 10.12.2017)

Коробатов 2023 – *Коробатов Ярослав*. Способен ли искусственный интеллект предсказать будущее человечества // Комсомольская правда. 08.02.2023. https://www.kp.ru/daily/27463/4718011/

Маркс – Маркс Карл. Тезисы о Фейербахе // Вики Чтение. https://fil.wikireading.ru/30261 (дата обращения: 14.11.2023)

«Наутилус». Фантастика 2023 – «Наутилус». Фантастика, воплощенная в жизнь // Pikabu. https://pikabu.ru/story/nautilusfantastika_voploshchenaya_v_zhizn_6961801 (дата обращения: 14.11.2023)

Падение спроса 2023 – Падение спроса на потребительские товары побило рекорд кризиса 2014 года. Почему россияне стали меньше покупать // РБК. 20.01.2023. https://www.rbc.ru/business/26/01/2023/63d12d 289a 7947589f083053

Рейтинг запросов 2023 – Рейтинг запросов Яндекс 2023: что ищут пользователи в будущем? https://vnechaev.ru/reiting-zaprosov-yandeks-2023-cto-ishhut-polzovateli-v-budushhemhttps://vnechaev.ru/reiting-zaprosov-yandeks-2023-cto-ishhut-polzovateli-v-budushhem (дата обращения: 04.11.2023)

Салливан 2022 – *Салливан Майкл*. Полый мир: фантастический роман / Пер. с англ. Н. Гаввы. М.: Изд. АСТ, 2022.

Самые кассовые 2023 – Самые кассовые фильмы // Кинопоиск. URL: https://www.kinopoisk.ru/index.php?level=6&view_best_box=1&view_best_box=12&view_year=2023 (дата обращения: 09.11.2023).

Терешкович б.г. – *Терешкович П.В.* Антропология культурная. Новейший философский словарь // ВикиЧтение. https://info.wikireading. ru/ 232309 (дата обращения: 13.11.2023)

Фурсов 2023 – *Фурсов А*. Закрытый доклад мировых элит. Четыре варианта будущего. https://yandex.ru/video/preview/4891565904546801630 (дата обращения: 20.11.2023)

Футурология б.г. – Футурология // Википедия. Свободная энциклопедия // https://ru.wikipedia.org/wiki/Футурология (дата обращения: 05.11.2023)

10 самых выдающихся 2019 – 10 самых выдающихся футурологов современности // Pikabu. https://pikabu.ru/story/10_samyikh_vyidayushchikhsya_f uturologov_sovremennosti_5363156 (дата обращения: 18.09.2023)

15 удивительных фактов 2018 – 15 удивительных фактов о Жюле Верне // LiveLib. 14.07.2018. https://www.livelib.ru/articles/post/36497-15-udivitelnyh-faktov-o-zhyule-verne

17 целей б.г. – 17 целей для преобразования нашего мира // ООН. https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/ (дата обращения: 25.11.2023)

49 книг 2017 – 49 книг о будущем // LiveLib. 13.01.2017. https://www.livelib.ru/selection/760342-futurologiya

Come On! 2018 – Come On! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet – A Report to the Club of Rome, 2018.

NASA Socials – NASA Socials // NASA. https://www. nasa.gov/social-media/ (дата обращения: 05.11.2023)

Telegram: Contact@denissexy – Telegram: Contact@denissexy. https://t.me/denissexy/6542 (дата обращения: 19.09.2023)

Научная литература

Агапов и др. 2021 – Размышления об «антропологии времени» и режимах темпоральности: реплики к дискуссии / М.Г. Агапов и др. // Этнографическое обозрение. 2021. № 6. С. 104–128.

Алексеева, Аршинов, Чеклецов 2013 – *Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В.* «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12–21.

Батин, Турчин 2012 – *Батин Михаил, Турчин Алексей*. Футурология. XXI век. Бессмертие или глобальная катастрофа. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012.

Ведущие мировые 2023 – Ведущие мировые интеллектуалы о будущем // В.А. Куренной, Р.З. Хестанов, А.С. Сувалко и др.; под ред. В.А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023.

Горяйнов 2015 – *Горяйнов С.А.* Введение в философию будущего. 3. Борьба за традицию – проблемы устойчивого развития / Философский штурм. 18.07.2015. http://philosophystorm.org/article/sa-goryainov-vvedenie-v-filosofiyu-budushchego

Губогло 2003 – *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки // М.Н. Губогло; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003.

Гузенкова 2019 – *Гузенкова Т.С.* Глобальный кризис глазами глобализаторов. Как эксперты Римского клуба хотят предотвратит планетарную катастрофу // Свободная мысль. 2019. № 1. С. 23.

Гузенкова 2020 – *Гузенкова Т.С.* «Есть, молиться, любить»: экономика впечатлений как фактор организации культурного пространства в глобальном контексте // Историко-культурное наследие и историческая система

расселения как факторы пространственного развития / Под ред. Т.С. Гузенковой, О.В. Петровской. М.: РИСИ, 2020.

Гуревич 2014 – *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Средневековый мир. 3-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.

Кан 1969 – *Кан Г.* Двухтысячный год – база для размышлений о следующих тридцати годах // Г. Кан, А. Винер: Пер. с англ. М.: ВНИИЦИ, 1969.

Кожевникова 2018 – *Кожевникова Магдалена*. Постгуманизм: возможна ли неантропоцентричная антропология? // Технологии и телесность / отв. ред. С.В. Соколовский. Москва, 2018. С. 25–54.

Леви-Стросс 1983 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология: Пер. с фр. Под ред. и с примечаниями Вяч. Вс. Иванова / Отв. редакторы Н.А. Бутинов и Вяч. Вс. Иванов. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

Лиотар 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998, (серия «Gallicinium).

Малиновская 1997 – *Малиновская Н.Б.* Постмодернизм // Культурология. XX век. Словарь. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997.

Малиновский 2005 – *Малиновский Б.* М19 Научная теория культуры / Бронислав Малиновский; Пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005. (Нация и культура: Научное наследие: Антропология)

Маньковская 2000 – *Маньковская Н.Б.* Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.

Морган 1935 – *Морган Л.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / перевод с англ. под ред. М.О. Косвена. Изд. 2-е, стереотипное. Ленинград: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935.

Никишенков 2008: 458 – *Никишенков А.А.* История британской социальной антропологии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008.

Раппопорт 1995 – *Раппопорт Р.А.* Эволюция человечества и будущее антропологии / Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 19-28.

Ратников 2002 – *Ратников В.П.* Постмодернизм: истоки становление, сущность // Киберленинка. https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-istoki-stanovlenie-suschnost (дата обращения: 16.11.2023)

Соколовский 2018 – *Соколовский С.В.* Человек 2.0 в фокусе антропологии. https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-2-0-v-fokuse-antropologii (дата обращения: 22.11.2023)

Соколовский 2020 – *Соколовский С.В.* Киборги в киберпространстве: современные исследования // Этнографическое обозрение, 2020. № 1. С. 5–22.

Соколовский 2022 – *Соколовский С.В.* Тело киборга: человек и концепция расширенного организма. https://cyberleninka.ru/article/n/telo-kiborga- che-lovek-i-kontseptsiya-rasshirennogo-organizma (дата обращения: 22.11.2023)

Соколовский 2023 – Что такое киберантропология. Киборги, органопроекция, Chat GPT и Общество 5.0 // Лекция для аспирантов Института этнологии и антропологии РАН (Москва, 30 марта 2023 г.), подготовленная в рамках исследования НЦМУ по гранту № 075-15-2022-328, предоставленному Министерством науки и высшего образования Российской Федерации. https://www.youtube.com/watch?v=ArjT6PrtsX8 (дата обращения: 22 ноября 2023)

Ссорин-Чайков 2021 – *Ссорин-Чайков Н.В.* Антропология времени: очерк истории и современности // Этнографическое обозрение. 2021. № 6. С. 83–103.

Токарев 1978 – *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии: Учеб. Пособие. М.: Высшая школа, 1978.

Тоффлер 2002 – *Тоффлер Э.* Шок будущего: Пер. с англ. М.: «Издательство АСТ», 2002.

Урри 2019 – *Урри Джон*. Как выглядит будущее? / Пер. с англ. А. Матвеенко; под науч. ред. С. Щукиной. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

Фуко 1994: 392 – *Фуко Мишель.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. Вступ. статья Н.С. Автономовой. СПб., A-cad, 1994.

Фуллер 2021 – *Фуллер С.* Постправда: Знание как борьба за власть /пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

Цзин 2017 – *Цзин Анна Лёвенхаупт*. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма / пер. с англ. Мартыновой Шоши. М.: МСИ Гараж, 2017.

Щепанская 2003 – *Щепанская Т.Б.* Антропология профессий. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antropologiya-professiy (дата обращения: 16.11.2023).

Эпштейн 2004 – *Эпштейн Михаил.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Adam, Groves 2007 – *Barbara Adam, Chris Groves*. Future Matters: Action, Knowledge, Ethics. Brill. 2007.

Bainbridge 2023 – *Bainbridge W.S.* The future in the social sciences. August 2003: https://www.researchgate.net/publication/223618692_The_future_in_the_social_sciences (дата обращения: 14.11.2023)

Bauer, Bhan 2018 – *Bauer Andrew M., Bhan Mona*. Climate without nature: a critical anthropology of the anthropocene. New York: Cambridge University Press. 2018.

Bell 2009 – *Bell W.* Foundations of futures studies: human science for a new era. History, purposes, and knowledge. (Vol. 1). New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2009.

Bourgois 2009 – *Bourgois Phillipe*. Righteous Dopefiends. San Francisco: California University Press, 2009.

Bryant, Knight 2019 – *Bryant Rebecca, Knight Daniel M.* The anthropology of the future. Cambridge University Press, 2019, University Press.

Duneier 1999 – *Duneier Mitchell Sidewalk.* New York: Farrar, Straus And Giroux, 1999. https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/first/d/ duneier-sidewalk.html (дата обращения: 20.11.2023)

Fredric 1991 – *Jameson Fredric* Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism. Contributors: Publisher: Duke University Press. Place of Publication: Durham, NC. Publication Year: 1991.

Predicting 2022 – Predicting the Future of AI with AI: High-quality link prediction in an exponentially growing knowledge network // Krenn Mario, Buffoni Lorenzo etc. 23.09.2022. https://arxiv.org/abs/2210.00881

Глава 3

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИОЛОГИИ БУДУЩЕГО

А.Л. Андреев

Образы будущего логично рассматривать в качестве мотивирующих социальное поведение целевых причин. Не случайно у одного из самых известных современных социологов возникло сравнение таких образов с роком, определяющим нашу судьбу (*Urry* 2016), что закономерно делает эти образы одним из ключевых предметов социологии. Собственно говоря, социология так или иначе занималась будущим практически с момента своего возникновения, по крайней мере – в той степени, в какой она пыталась постичь «законы истории» или прогнозировать будущее.

Первые ростки социологии будущего как особого направления исследований проявились в конце 60-х гг. XX века. В этот период начинают издаваться специализированные журналы по данной проблематике – в частности, авторитетный журнал *The Futures*, сыгравший значительную роль в выработке и утверждении важной для идеологии поднимавшейся в тот период очередной волны глобализации концепции устойчивого развития. Уже в 1960-е гг. данная тематика получила развитие и в отечественной социологии (работы И.В. Бестужева-Лады, З.И. Файнбурга и др.). Исследовалось, в частности, влияние научно-технического прогресса на трансформацию общественных отношений, рассматривались некоторые сложные вопросы прогнозирования будущего с точки зрения теории общественно-экономических формаций. Однако окончательное становление социологии будущего как академической дисциплины пришлось на конец 1990-х – 2010-е гг. Данный период был ознаменован не только ростом числа специализированных изданий, посвященных соответствующей тематике, но и методологической рефлексией по поводу эпистемологического статуса социологии будущего и ее исследовательских процедур (сценарный подход, метод Дельфи и др.). Рефлексия позволила более четко и дифференцированно сформулировать предмет этой новой области социологических исследований, задача которой обычно понимается как получение «знаний о будущем».

В современных публикациях по социологии будущего можно найти несколько вариантов определения ее исследовательского поля. Так, в частности, по мнению одного из ведущих зарубежных авторитетов в данной области Уэнделла Белла, социология может изучать будущее следующими способами. Во-первых, мы можем сосредоточить внимание на образах будущего, которые бытуют в социальных коммуникациях и культуре в различных модальностях (ожидание, прогноз, идеал, мечта, отношение к различным альтернативам будущего и т.п.). Во-вторых, можно анализировать цели, намерения, традиции и решения различных социальных акторов, действиями которых, собственно, и создается будущее. Наконец, в-третьих, предметом изучения может стать динамика представлений о будущем, социальных мотиваций и моделей социального поведения с анализом последствий этих изменений (*Bell* 2009).

Несколько иначе подходит к данной проблеме известный российский социальный психолог Т.А. Нестик. С его точки зрения, в изучении будущего можно выделить следующие смысловые аспекты: во-первых, коллективные представления о социальных целях, во-вторых, надежды, т.е. эмоционально окрашенные представления о вероятном положительном исходе тех или иных процессов и результатах тех или иных усилий, в-третьих, мечты (которые могут и не реализоваться), в-четвертых, идеалы, которые можно охарактеризовать как представления о должном, в-пятых, ожидания как некоторые представления о ближайших событиях, которые мы не можем контролировать, но которые следует учитывать в наших планах и действиях и, наконец, в-шестых, страхи и опасения как противоположность надежд, идеалов и мечтаний, отражающую угрозы индивидуальному и коллективному благополучию (*Нестик* 2023). На наш взгляд, к этому перечню следует прибавить еще образы желаемого будущего – понятие, близкое понятиям идеала и мечты и отчасти с ними пересекающееся, но менее эмоционально нагруженное и более реалистичное.

Состоявшийся в 2016 г. в Вене 3-й Форум международной социологической ассоциации, проходивший под девизом «Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир», весьма наглядно продемонстрировал многогранность проблемы, которая рассматривается в современной социологической науке в разной теоретической перспективе: технологической, экологической, пост-

колониальной, феминистской, трансгуманистической и т.п. Во многом в унисон с такой постановкой вопроса прошли состоявшиеся в том же году в рамках V Всероссийского социологического конгресса XVIII Харчевские чтения «Будущее как проблема социологической науки». В выступлениях российских ученых также получил развитие взгляд на социологию будущего как комплексную междисциплинарную область исследований. В ходе дискуссий по этой проблематике была высказана важная идея о том, что в современном обществе, в т.ч. российском, различные социальные акторы (индивиды, социальные группы), физически сосуществуя в одном обществе, фактически оказываются в разных темпомирах. Их представления о «хорошем обществе» достаточно сильно различаются, вследствие чего они настроены на разные темпы развития и по-разному переживают направленность («стрелу») времени.

В отечественной науке футурологическое прогнозирование на базе социологии развивается практически параллельно западным разработкам также с 1960-х гг. (назовем прежде всего многочисленные публикации И.В. Бестужева-Лады). В последнее время наиболее крупные теоретические работы по социологии будущего опубликованы Ю.Г. Волковым. Это, в частности, его небольшая монография «Социология будущего: социальное знание и социальный проект» (М.: Кнорус, 2017). В данной работе социология будущего трактуется как особое направление социологической науки, соответственно основное внимание уделяется ее методологии и категориальному аппарату, а также ее роли в развитии отечественной социологии в целом. Среди известных российских социологов проблемами социологии будущего занимались также О.Н. Яницкий, С.А. Кравченко, Н.В. Романовский, А.И. Селиванов и др. В основном это т.н. качественная социология, основанная на «социологизации» различных концепций философии истории, подкрепляемых (или не подкрепляемых) данными включенного наблюдения, личным опытом и исторической эрудицией. Современная российская социология в общем и целом отказывается от привычного для классического марксизма концепта законов истории (исторических закономерностей), делая упор на анализ реально складывающихся тенденций, которые в каждый данный момент могут сочетаться по-разному. При этом в прогнозировании ключевую роль играют не линейные экстраполяции, а выявление ритма различного рода волновых и циклических социальных процессов.

В этом контексте в работах ведущих российских авторов ставится вопрос о проектировании будущего. При этом ряд авторов указывает на аморфность россиян в социальном проектировании собственной жизни и невысокий уровень их социальной ответственности. В то же время отмечается, что россияне мыслят вполне рационально и критически. Они отлично понимают противоречия современного российского общества и считают их основными проблемами при организации будущего. Углубление именно этих противоречий может привести к социальному взрыву, когда уровень обиды и ощущение несправедливости (своего рода «массовые эмоции») превзойдут личную неготовность действовать и характерный для российской политической культуры «пофигизм», основанный на том, что современный «массовый» человек в российском обществе, как правило, ставит на первое место ближайшие личные интересы и не готов жертвовать ими во имя каких-то «больших целей» или призрачного «общего блага».

Представления россиян о будущем как в модальности возможного, так и в модальности должного исследуются в контексте происходящих в стране социальных, социально-экономических и социально-политических процессов на протяжении по крайней мере трех десятилетий. В частности, отдельные вопросы на эту тему время от времени включались в различные социологические опросы 1990-х гг. Правда, в то время исследователи изучали не «картину будущего» в целом, а отдельные ее аспекты. Тогда постсоветская Россия еще только искала свое «место под солнцем», ее положение в мире до конца не определилось, и исследователей, естественно, больше всего интересовали мнения россиян по поводу ее включения в различные геополитические и геоэкономические комбинации.

Так, в частности, в ходе исследования «В каком обществе нам жить?» на базе проведенного в 1995 г. существовавшим в то время Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП) всероссийского опроса, выяснялись мнения респондентов по поводу возможности и желательности воссоздания на месте недавно прекратившего свое существование СССР нового единого государства. Наибольшая часть опрошенных (приблизительно треть) высказалась за объединение трех славянских республик – России, Украины и Белоруссии. Варианты «Россия должна остаться независимой» и «Следует восстановить СССР в его прежних границах» собрали в свою поддержку примерно равное количество голосов (около 23%). Но значительная доля граждан (прибли-

зительно каждый пятый) не смогли определиться в этом вопросе (Россия на рубеже 2000: 18).

Постепенно интеграционные устремления стали размываться, а сами возможности интеграции с кем-либо стали восприниматься с нарастающим скептицизмом. Особенно большой урон понесла недавно еще очень популярная идея интеграции трех постсоветских славянских республик. Доля поддерживающих ее респондентов сократилась к 1998 г. не менее чем на 20 п.п. При этом дифференцированный анализ полученных данных показал, что основными носителями идеи самостоятельности и даже изоляционизма были самые молодые – те, кому в то время было 16–24 года. Они же были наиболее резко настроены против реставрации Советского Союза. В самой младшей возрастной когорте доля сторонников такой реставрации составила всего 8% – в 2,5 раза меньше, чем в возрастной когорте 46–55 и в 3 раза меньше, чем среди граждан пенсионного возраста (исследование «Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить») (Там же: 232). Тем не менее, несмотря на уже проявившиеся в политике Украины недружественные шаги (вытеснение русского языка и др.), довольно сильные иллюзии относительно возможности формирования в будущем устойчивого «славянского треугольника» или даже воссоздания СССР, но с более сильным суверенитетом составляющих его субъектов, сохранялись в российском обществе по крайней мере вплоть до начала 2000-х гг. (Исследование «Россияне о судьбах России в XX в. и своих надеждах на новое столетие», 2000) (Там же: 409).

Всероссийские опросы конца 1990-х гг. выявили основные черты «хорошего общества», которые россияне хотели бы видеть в России будущего. На первом месте среди них – социальная справедливость и реальное равенство граждан перед законом. Как показали дальнейшие исследования, эти приоритеты постоянно воспроизводятся в российском общественном сознании вплоть до настоящего времени, образуя таким образом одну из главных характерных черт национальной ментальности. В то же время стремление сделать Россию похожей на страны Запада, которое едва ли не безраздельно овладело массовым сознанием в последний период существования СССР, к началу нового – ныне текущего – столетия быстро сошло на нет. Между сторонниками самобытного пути развития России и приверженцами прозападной ориентации («Россия должна жить по тем правилам, которые приняты в развитых странах Запада») в количественном

плане на долгие годы установилось устойчивое соотношение в пропорции приблизительно 2:1.

По мере преодоления хаоса 1990-х гг. и укрепления новой российской государственности, акцент в массовых запросах на будущее постепенно переносился на задачи, связанные с выбором эффективной модели развития. Общество проявляло сильное беспокойство по поводу сырьевого перекоса российской экономики и предъявляло консолидированный запрос на переход к инновационной модели развития. Интересны в этой связи результаты проведенного в 2011 г. в ведущих технических университетах Москвы (МГТУ им. Н.Э. Баумана, МХТУ им. Д.И. Менделеева, НИУ МЭИ, НИУ МАИ и др.) экспертного социологического опроса, к участию в котором привлекались, с одной стороны, научно-техническая элита (профессура и ведущие научные сотрудники), и, с другой стороны, молодое поколение научно-технической интеллигенции (студенты и аспиранты). Результаты данного опроса (он проводился в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России») показали, что в этой интеллектуальной среде оптимистические и пессимистические мнения по поводу нашего будущего были распространены в то время практически в равной степени. Без малого половина представителей вузовской элиты (47,7%) и свыше трети (37,1%) молодежи согласились с тем, что если не в ближайшие годы, то, по крайней мере, в горизонте 10–15 лет в России должен произойти технологический рывок. Пессимистический же взгляд на складывающуюся ситуацию (такой рывок вообще невозможен, либо не возможен, по крайней мере, в ближайшие 20–30, а то и 40 лет) высказали тогда 45% профессуры и 46% вузовской молодежи (*Андреев* 2012: 98). Сегодня, когда эти прогнозы уже до некоторой степени верифицированы практикой, можно, пожалуй, сказать, что надежды «технологических оптимистов» были все-таки не беспочвенными.

В середине 2010-х гг. в российской социологии будущего начинается новый этап, когда предметом изучения становятся уже не только отдельные ожидания и надежды, но складывающаяся в массовом сознании картина желаемого будущего в целом. В то же время расширяется тематический спектр специализированных исследований, сосредоточенных на каких-то отдельных аспектах будущего. Одно из первых комплексных исследований такого рода, в ходе которого осуществлялась реконструкция целостной картины будущего в сознании россиян, было выполнено в 2012 г. учеными Инсти-

тута социологии РАН под руководством акад. М.К. Горшкова. Его итоги были представлены в коллективной монографии «О чем мечтают россияне: идеал и реальность». Эмпирической базой исследования стал тематически ориентированный всероссийский опрос, в ходе которого мечты россиян о будущем рассматривались всесторонне, в различных аспектах, от житейских и личных (работа, семья и т.п.) до общественно значимых (представления о том, каким требованиям и критериям должно отвечать государство). Как выяснилось в ходе опроса, ни богатство, ни слава, ни роскошная жизнь в мечтания большинства россиян не входят. Что же касается общественного строя, государства, то их мечта – это справедливо и разумно устроенное общество, в котором вознаграждаются труд, талант и квалификация, а все граждане равны перед законом. Наиболее предпочтительный вариант – своего рода «гибридное» общество, соединяющее в себе черты социализма и капитализма (О чем мечтают 2013: 261–262).

В 2014 г. в Институте социологии РАН началась работа над фундаментальным проектом «Российское общество и вызовы времени», в рамках которого в 2014–2024 гг. было проведено 7 всероссийских социологических опросов. Среди научных задач проекта важное место заняло изучение образов будущего в сознании россиян. Причем многолетний характер исследования позволил рассматривать эти образы по сути дела в режиме мониторинга. Надо сказать, что зондирование мнений и настроений россиян в рамках данного проекта началось в очень важный, переломный исторический момент, когда произошло возвращение Крыма в состав Российской Федерации. Это позволило очень быстро зафиксировать динамику переопределения целей, к которым должна стремиться Россия в XXI веке. В частности, уже всероссийский социологический опрос 2014 г. показал возрастающую значимость для россиян такой цели, как закрепление за Россией международного статуса великой державы. При этом прослеживались определенные разногласия в интерпретации статуса великой державы (должна ли Россия ориентироваться на статус супердержав – США и КНР – или достаточно стремиться к тому, чтобы занимать позиции, сопоставимые с положением Великобритании, Франции, Германии, Японии).

Были выявлены корреляции между точкой зрения на тот «потолок» международного влияния, на который в будущем может и должна

претендовать Российская Федерация, и мировоззренческими установками респондентов, включая другие аспекты их представлений о желаемом будущем страны. Некоторые выводы при этом получились довольно неожиданными. Так, в частности, респонденты, чье мировоззрение можно охарактеризовать как «евразийское» оказались очень близки к патриотически настроенным «западникам» в трактовке оптимального международного статуса России: одна из ведущих стран мира, но отнюдь не воссозданная сверхдержава наподобие СССР (*Горшков* и др. 2015: 266–267).

В ходе социологических опросов, проводившихся в рамках проекта «Российское общество и вызовы времени», сопоставлялись оценки респондентами своего собственного будущего и будущего страны в целом. Как можно было предполагать, эти оценки оказались связанными друг с другом прямой линейной зависимостью: те, кто считал, что его положение в ближайшей перспективе улучшится, выражали оптимизм и в отношении будущего страны. В то же время между этими оценками фиксировался определенный зазор: будущее страны всегда оценивалось несколько более благоприятно, чем свое собственное. Комплексный анализ ответов россиян на различные предлагавшиеся им вопросы, связанные с целями на будущее и оценками будущего, настоящего и исторического прошлого, позволил сделать вывод о своеобразии сформировавшейся в начале XXI в. модели развития России как *традиционалистской модернизации*. Эта модель во многом объясняет непостижимый для многих зарубежных наблюдателей феномен стремительного превращения экономически проблемной «региональной державы», не соответствующей западным критериям демократии, в один из ведущих центров мирового влияния. Как отмечали исследователи по итогам проведенного анализа, по этой причине Россия вновь, как это уже было за 100 лет до этого, стала превращаться в генератора новых исторических смыслов глобального уровня, составляющих все более действенную альтернативу принятым на Западе неолиберальным ценностям (*Горшков* и др. 2017: 138–139).

В целом отечественная наука существенно уступает зарубежной (англоязычной) по количеству и разнообразию публикаций на темы социологии будущего. Следует также признать, что в своих теоретических поисках она обычно отталкивается от западных образцов и сверяется с ними. Вместе с тем в настоящее время (в отличие, к

примеру, от 1990-х гг.) подавляющее большинство российских социологов безусловно мотивированы на анализ аутентичной российской реальности и понимание ее специфики (другой вопрос, какова мера уникальности России – в ее оценке представители различных социологических школ заметно расходятся). Это предопределило различие в акцентировке социологии будущего в России и странах Запада (в особенности англоязычных). Зарубежная социология будущего склонна к технологическому детерминизму; общество рассматривается как некая социотехническая система, прогрессирующая трансформация которой обусловлена в основном прогрессом науки и появлением новых (в особенности, принципиально новых) технологических возможностей.

Поэтому зарубежные футурологические журналы, в т.ч. социологического профиля, заполнены статьями, посвященными анализу развития конкретных областей науки и технологий – энергетики, медицины, вычислительной техники, нанотехнологий и др. – с точки зрения предполагаемого влияния происходящих в этих областях изменений на социальные практики и отношения между людьми. Созидание (конструирование) будущего при этом понимается как выбор между альтернативными технологиями (например, между углеводородной, ядерной и «зеленой» энергетикой). При таком подходе общество *в целом* как особый объект познания растворяется в узкоспециализированных по своему предмету прогнозах, а попыток интегрировать результаты всех этих частных анализов в целостный образ нашего будущего практически не предпринимается.

Возможно, в такой интеграции нет и потребности: очевидно, что в данном случае по умолчанию принимается за нечто само собой разумеющееся то, что общество будущего не может быть каким-то иным, кроме как в стиле «Конца истории» Ф. Фукуямы. В отличие от этого размышления российских ученых о будущем в большей степени сфокусированы не на технологических, а на собственно социетальных факторах и аспектах развития, прежде всего – на коллективном целеполагании, социальном поведении, общественных настроениях, динамике идентичностей и образах будущего, складывающихся в массовом сознании.

Представляются важными некоторые методологические идеи занимающихся данной проблематикой российских исследователей, в

частности – разработка принципов прогнозирования будущего развивающихся объектов (систем) и выделение в этой связи различных типов будущего, относящихся как бы к различным онтологическим горизонтам: следующее по времени состояние объекта (системы), появление у объекта (системы) нового качества, возникновение нового объекта (системы) (*Селиванов* 2015).

В последнее время российские ученые довольно много занимались анализом присущих российскому обществу социетальных и социально-психологических факторов проектирования будущего, включая направляющие их эмоциональные реакции и поведение, представления о будущем, определяющие характер отношений россиян к наличной социальной и политической действительности. Зондированию представлений россиян о будущем был посвящен ряд тематических опросов ВЦИОМа (в феврале и ноябре 2024 г.), о чем подробнее будет сказано в главе 4.

Научная литература

Андреев 2012 – *Андреев А.Л.* Инновационная модель развития России глазами разных поколений научно-технической интеллигенции // Вестник МЭИ. 2012. № 4. С. 94-102.

Нестик 2023 – *Нестик Т.А.* Образ будущего России в условиях глобальных рисков // Ученые записки ФНИСЦ РАН. Вып. 12. М., 2023. С. 7–22.

О чем мечтают 2013 – О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. - М.: Весь Мир, 2013.

Горшков и др. 2017 – Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / *М.К. Горшков* и др.; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017.

Горшков и др. 2015 – Российское общество и вызовы времени. Книга первая / *М.К. Горшков* и др.; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.

Россия на рубеже 2000 – Россия на рубеже веков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП), 2000.

Селиванов 2015 – *Селиванов А.И.* Познание будущего развивающихся социальных объектов // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 11–17.

Bell 2009 – *Bell W.* Public Sociology and the Future: the Possible, the Probable, and the Preferable. Handbook of Public Sociology / Ed. by V. Jeffries. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers. 2009.

Urry 2016 – *Urry J.* What is the Future? Cambr.: Polity Press. 2016.

-

Часть вторая

ИДЕЙНЫЙ, ЦЕННОСТНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВА

Глава 4

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО РОССИИ И ЖИЗНЕННЫЕ ОЖИДАНИЯ ГРАЖДАН*

А.Л. Андреев

Введение

Если образы будущего выступают в качестве мотивирующих социальное поведение целевых причин (не случайно возникло сравнение таких образов с роком, определяющим нашу судьбу (*Urry* 2016), то субъективное переживание течения времени может рассматриваться как одна из характеристик цивилизационной идентичности. Например, сформировавшееся в Европе на заре Нового времени линейно-векторное понимание времени как направленной последовательности «точек»-мгновений (стрела времени) принципиально отличается от хронотопов китайской ментальности, для которой связь прошлого, настоящего и будущего осуществляется, главным образом, посредством самоповторения неких архетипических образцов (*Просеков* 2020). Однако и в рамках европейской культурной традиции восприятие модальностей времени (прошлое, настоящее, будущее) может варьироваться, отражая как меняющиеся исторические обстоятельства, так и ментальные константы, характеризующие различные этнические общности и социальные группы. Например, интересные, побуждающие к дальнейшим размышлениям различия были в свое время выявлены в результате сопоставления эмоциональных ассоциаций с понятиями «прошлое», «настоящее», «будущее» у российских и немецких респондентов (Российский независимый институт социальных и национальных проблем, Институт демоскопии в Алленсбахе, 1999–2000 гг.). Примерно 90% российских участников опроса отметили, что слово «будущее» вызывает у них преимущественно положительные эмоции, тогда как в динамично развивавшейся и намного более благополучной в те годы Германии соответствующий показатель составил только 82%. Отме-

* Глава подготовлена на основе статьи: *Андреев А.Л.* К характеристике современной российской ментальности: связь прошлого, настоящего и будущего // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 7–19.

тим, что «прошлое» и «настоящее» россияне тоже оценили достаточно высоко, но все-таки ниже, чем «будущее» (84 и 74% позитивных ответов соответственно). Позднее, когда ситуация в России стабилизировалась, а уровень благосостояния населения значительно вырос, наличное положение дел в стране стало восприниматься с возрастающим оптимизмом, и, соответственно, разрыв между показателями, характеризующими психологические реакции на понятия «настоящее» и «будущее», сократился. Но, тем не менее, он не исчез, так что, когда мы говорим, что Россия – это страна, устремленная в будущее, не следует видеть в этом лишь красивую, но претенциозную и к тому же избитую метафору.

Цивилизационные ориентиры и образы желаемого будущего

Как известно, в течение по крайней мере трех столетий будущее России проектировалось в основном по западным образцам. И хотя еще в первой половине XIX в. целый ряд русских мыслителей обосновывал иные проекты будущего, которые были ориентированы на осмысление, поддержание и развитие аутентичных, собственно российских традиций, ориентация на эти образцы оставалась доминирующей. Такая тенденция с определенными оговорками сохранялась и в советское время. Стремление во что бы то ни стало «присоединиться к цивилизованному миру» достигло сильнейшего эмоционального накала, побуждая государственных деятелей конца 1980-х – начала 1990-х гг. разменивать национальные интересы страны на ни к чему не обязывающие декларации и символические жесты одобрения со стороны представителей американской и западноевропейской финансово-политической элиты.

К концу 1990-х гг., по мере того как мифологизированные образы Запада в сознании россиян стали вытесняться жизненными уроками, основанными на реальных впечатлениях, волна прозападных настроений стала быстро спадать, а в общественном сознании все больше утверждалась мысль, что стратегия заимствований является неэффективной, и вообще – «надо жить своим умом». В настоящее время более 82% россиян считают, что политика России должна быть направлена в первую очередь на развитие собственного государства и налаживание сотрудничества с ближайшими соседями, не заботясь о том, как мы при этом выглядим в глазах Запада (ФНИСЦ РАН, март 2023). «Западничество» как специфический комплекс умонастроений, конечно же, не исчезло, но сфера его влияния значительно сузилась, что отразилось и на представлениях о «хорошем обществе».

Выражая свое понимание национальных целей и задумываясь о будущем, наши сограждане опираются на исторический опыт России. Вопрос о том, какие уроки для настоящего и будущего следует извлечь из этого опыта, неоднократно задавался в ходе исследований разных лет. Как выяснилось, самый очевидный из этих уроков состоит в том, что нам надо жить своим умом, а не копировать какие-то иностранные образцы. Такой вывод делают для себя 35–40% россиян. Данный показатель незначительно варьируется по годам, но на протяжении последних двух десятилетий он очень мало менялся. Противоположную точку зрения – «Западная модель развития наиболее эффективна, и Россия должна ей следовать» – выводят из нашего исторического опыта не более 4–5% населения страны. Доля же тех, кто счел Россию страной, фатально обреченной на неудачи («в России никогда ничего хорошего не получится»), крайне мала и составляет не более 5%.

Наиболее распространены прозападные умонастроения в самой младшей по возрасту когорте респондентов, по сути дела не имеющей достаточного жизненного опыта: среди них мнения по поводу того, должна ли Россия жить по западным правилам, или же западный образ жизни у нас никогда не привьется, распределяются почти поровну. Однако после 25–26 лет соотношение этих полярных мнений меняется на противоположное. В целом же *количество граждан, убежденных в том, что у России свой собственный – самобытный – путь развития, по результатам всех проводившихся после 2000 г. опросов неизменно кратно превышало число их оппонентов-западников.*

Соответственно усиливающемуся запросу на укрепление национального суверенитета переформатировались и представления населения о желаемом будущем. В своей трактовке «хорошего общества», в своих запросах и понятиях о должном россияне проявляют значительную меру своеобразия, что обусловлено как давними историческими традициями, так и коллективным опытом последних десятилетий. Возьмем, к примеру, проблему политического устройства. Как показывают данные социологических исследований, российские граждане в полной мере разделяют доминирующую в современном мире приверженность демократии и демократическим ценностям. Соответственно, и для своей страны они не видят никаких других альтернатив, кроме развития демократических начал. При этом, однако, в российском обществе сложилось собственное понимание демократии, значительно отличающееся от принятого на Западе. Так, россияне полностью со-

гласны с тем, что в стране должна существовать политическая оппозиция. Но в чем заключается та роль, которую они отводят ей в политической жизни? С точки зрения значительного большинства наших сограждан, задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы… оказывать ему помощь.

В ходе опроса, проведенного учеными ФНИСЦ РАН в марте 2022 г., такую точку зрения поддержало 70% респондентов, в мае 2023 г. – 63%, примерно тот же порядок цифр фигурировал и в данных предыдущих исследований, начиная с середины 1990-х гг. Отсюда, очевидно, следует, что выработанная на Западе «маятниковая» модель демократии, когда у власти постоянно сменяют друг друга представители различных политических партий, не очень подходит россиянам. Для большинства из них многопартийность и чередование лиц у власти являются в лучшем случае лишь второстепенными признаками демократии, поскольку государство в российской ментальности выступает не столько как надстроечный механизм, регулирующий баланс групповых интересов и контролирующий соблюдение «правил игры», сколько как смыслополагающая инстанция, образующая, если можно так выразиться, экзистенциальный центр национального бытия, политические стратегии которого должны быть рассчитаны не на периодичность электоральных циклов, а на «длинные времена» (*longues durées*). Кроме того, российское понимание демократии предполагает, что государство должно отстаивать интересы всего народа, отдавая им безусловный приоритет перед частными и групповыми интересами (опрос ФНИСЦ РАН, май 2023 г.).

Отвечая на вопрос о том, какой они хотели бы видеть Россию будущего, наши сограждане чаще всего называет обеспечение социальной справедливости (45–50% ответов). Именно реальная социальная справедливость, а не какие-либо формальные политические процедуры, является главным критерием демократии по-российски. Но что означает «справедливость» в понимании россиян? Сразу же скажем, что, вопреки довольно распространенному стереотипу, она имеет очень мало общего с уравнительностью, а тем более со стремлением «все отнять и поделить», которое публицисты «святых девяностых» приписывали русскому народу. Отвечая на вопрос, какие принципы должны соблюдаться в России будущего для того, чтобы ее можно было назвать справедливым обществом, россияне называют, главным образом, базовые условия достойной жизни: равный доступ к медицин-

скому обслуживанию (61%), возможность получить желаемое образование (49%), хорошие рабочие места (47,2%), отсутствие массовой бедности (46,4%), возможность решить жилищные проблемы (45,6%). Около трети опрошенных хотели бы, чтобы различия в уровне жизни между людьми в России будущего были невелики. При этом лишь один из восьми высказывал пожелание, чтобы в обществе было мало богатых и один из семи – чтобы в этом обществе вообще не было неравенства и социального расслоения (ФНИСЦ РАН, май 2023). Таким образом, *различия в социальном статусе и уровне благосостояния признаются неизбежными и необходимыми, но они подлежат регулированию и являются объектом социального контроля*.

В известном смысле такие представления близки к той модели социального государства, которая осуществлялась после Второй мировой войны в Скандинавских странах – не случайно же эта модель была очень популярна у нас на излете «перестройки», когда она активно рекламировалась в публичном информационном поле в качестве альтернативы советской системе. Тем не менее близость эта относительна в силу различий в понимании социальных функций государства. Так, несмотря на разочарования по поводу эффективности планового хозяйства советского образца, россияне остаются сторонниками ведущей роли государства в экономической жизни, причем в качестве не только регулятора, но и прямого собственника средств производства. Различные вопросы, позволяющие судить о том, какую модель экономики наши сограждане считают наиболее удачной, неоднократно включались в программу социологических исследований. Распределение мнений по этим вопросам позволяет сделать вывод о том, что россияне не возражают против существования частной собственности как таковой, но при этом их предпочтения склоняются не к западному капитализму, пусть даже и в его скандинавской ипостаси, а к отечественной модели НЭПа, когда основные природные ресурсы, энергетика, крупные предприятия машиностроения, ведущие вузы и научные учреждения («командные высоты», по Ленину) должны принадлежать государству (вариант: всему народу), тогда как финансовым сектором (за исключением пенсионных фондов), строительством, сельскохозяйственным производством могут управлять и государство, и частный капитал (Двадцать лет 2011: 161–180). При этом частный капитал, как и во времена НЭПа, должен находиться «под присмотром» органов государственного контроля, а права частного собственника не должны превращаться в абсо-

лют: так, если деятельность каких-либо предприятий наносит ущерб государству, то, по мнению подавляющего большинства наших респондентов (72,4%), эти предприятия следует национализировать (ФНИСЦ РАН, май 2023). Идеологию свободного рынка в нашей стране в наибольшей степени поддерживает молодежь (до 25 лет), но и в этой возрастной когорте ее сторонники находятся в меньшинстве, потому надо полагать, что *естественный процесс смены поколений не сможет изменить сложившиеся к настоящему времени взгляды российского общества на экономику, по крайней мере – в обозримом будущем*.

Следом за справедливостью в числе характеристик, которые наши сограждане называют в ответ на вопрос, какой они хотели бы видеть Россию будущего, упоминаются соблюдение прав человека, демократия, свобода самовыражения, сильная власть, способная обеспечить порядок и успешное развитие страны, сохранение национальных традиций. В этом же ряду упоминается и «великая мировая держава». Каждая из названных характеристик оказалась приоритетной примерно у трети опрошенных. На первый взгляд может показаться, что данный результат свидетельствует о противоречивости общественного сознания, почти что в равной мере приверженного прямо противоположным друг другу ценностям – скажем, стремлению к сильному государству и одновременно к свободе индивидуального самовыражения. В самом деле, такое впечатление может сложиться, если мыслить только жесткими антиномическими дизъюнкциями по принципу «или – или»: Запад – Восток, консерватизм – либерализм, традиционное – инновационное, индивидуальное – коллективное, общество – личность и т.д. Однако такой способ мышления не является ни универсальным, ни единственно возможным: на практике такого рода противоположности нередко совмещаются, уравновешиваются, переходят друг в друга. Коль скоро речь идет об отношениях между личностью и государством, личностью и обществом, обществом и государством, надо напомнить в этой связи о том специфическом социальном феномене, который А.С. Хомяков и некоторые его последователи называли *соборностью*, понимая под этим словом особую форму единства, при котором общее (коллективное) не подавляет свободную индивидуальность, а возникает как своего рода *хор* таких индивидуальностей, каждая из которых сохраняет собственный голос и ведет свою собственную партию в согласии с другими голосами.

Такую постановку вопроса можно подкрепить некоторыми примерами из истории России. Самый яркий из них – Земский собор, из-

бравший на царство Михаила Романова. В целом «соборность» на первых порах получила преимущественно умозрительное обоснование, что, разумеется, не могло не дать поводов для сомнений в его соответствии критериям научной основательности. Тем не менее, как это нередко бывает с умозрительными интуициями, в нем был заложен реальный смысл, который мог быть выявлен эмпирически и в каком-то смысле даже операционализирован. В частности, данные социологических исследований показывают, что абстрактная односторонность формально противоположных друг другу принципов и начал в социальной практике может нивелироваться благодаря периодическому смещению ценностных приоритетов, отражающему как смену политической обстановки, так и ритмическую динамику вкусов и настроений общества. Скажем, проведение специальной военной операции на Украине поначалу вызвало резкое увеличение доли респондентов, высказывающихся за обеспечивающую порядок и реализующую успешную стратегию развития страны сильную власть (с 31% в марте 2021 г. и 40% в марте 2022 г.); но затем, по мере того как спецоперация становилась будничным делом, эта доля сократилась практически до прежнего значения – 32,7%. Соответственно, если в первые недели после начала СВО «сильная власть» оказалась вторым номером в рейтинге ценностей (после справедливости), то уже через год респонденты посчитали более важными права человека и демократию, а также сохранение национальных традиций, в результате чего запрос на сильную власть вновь сдвинулся вниз – на четвертое место.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, как преломляется в динамике мнений тема «сильного» государства и «сильного» политического лидерства. Ведь русских, да и россиян вообще, нередко уличали в неискоренимой приверженности к деспотизму, используя такие обвинения как повод для антироссийских политических кампаний и даже прямой русофобии. Хорошо известно, что международные события, которые произошли на исходе зимы 2022 г., вызвали сплочение широких общественных слоев вокруг президента В.В. Путина и еще более укрепили его положение как политического лидера страны. В зарубежных (а порой и в отечественных) СМИ это как раз и интерпретируется как неоспоримое свидетельство существования в российском обществе сильного запроса на авторитаризм. Но такая интерпретация не согласуется с эмпири-

ческими данными, характеризующими массовые настроения россиян. Если авторитарный запрос в российском обществе и существовал, то в последние десятилетия он неуклонно ослабевал. Так, если в 2000 г. с тезисом «Россия может процветать только тогда, когда во главе ее – сильная личность, хозяин» солидаризировались почти 29% россиян, то в 2017 г. 22%. Более того, даже весной 2022 г. – уже после начала специальной военной операции на Украине – его поддерживали те же 22%.

К настоящему времени из системы ценностей российского общества практически совсем выпало сравнительно недавно еще очень важное для него партнерство с Западом, дающее своего рода право на ощущение принадлежности к «цивилизованному миру». Не то, чтобы такое партнерство совершенно исключается, но, по мнению значительного большинства граждан России, для ее будущего это уже не имеет особого значения. Чего, однако, россияне точно хотели бы избежать в будущем, так это разрушения или коренной трансформации первичных социальных связей на уровне семьи и межличностных отношений. Конечно, в российских социокультурных средах преобладает намного более либеральный взгляд на такие отношения, чем в некоторых странах Востока, где индивид связан достаточно жесткими семейными и клановыми обязательствами. В то же время российское общественное мнение существенно отличается от стран Запада, где наблюдается устойчивая тенденция к полной автономизации индивидов. Должен ли человек, к примеру, заботиться о больных родителях? В Нидерландах абсолютно твердый утвердительный ответ на этот вопрос дает чуть больше 2% респондентов, в Великобритании – 6,5%, а в России – 48,5%. Не считают же себя обязанными заботиться о родителях соответственно 54,3%, 45,6% и менее 6%. Видят в рождении детей свой долг перед обществом: в России 42,3% опрошенных, тогда как в Нидерландах 3,1%, а в Великобритании – чуть менее 11% (для сравнения приведем цифры по странам Востока: Турция – 50,0%, Пакистан – 79,2%). Несколько строже, чем в странах Запада, в России относятся к разводам и намного жестче – к проституции и однополым связям. В России только 12,4% респондентов согласны или скорее согласны с утверждением, что однополая пара может быть хорошими родителями, тогда как в Великобритании и Германии – свыше 2/3 опрошенных, а в Канаде 72,3%. Очевидно, что в данном вопросе Россия стоит ближе к

странам Востока: так, в Турции лояльно относятся к воспитывающим детей однополым парам 16,6% опрошенных, в КНР – 11,5%; правда, на Тайване, который уже несколько десятилетий находится в сфере влияния Запада, – 52,2% (World Values Servey 2017–2022).

Следует отметить, что российское общество не просто «живет как живется», но ставит перед собой определенные цели на перспективу; иными словами, оно обладает целеполагающей субъектностью. И в принципе большинство россиян согласны с тем, что эти цели должны носить глобальный характер: судя по данным социологических опросов, против такой постановки вопроса высказывается лишь один из примерно 11–12 российских граждан (ФНИСЦ РАН, 2023). Но в большинстве своем россияне отнюдь не стремятся занимать в мире какое-то исключительное положение и тем более диктовать миру свои правила. Вернуть статус сверхдержавы, который был у СССР, хотели бы где-то чуть более четверти граждан страны – главным образом, люди старшего возраста, тогда как более чем половину (52,6%) вполне удовлетворило бы положение одной из наиболее развитых мировых держав. Таким образом, *когда российское руководство обосновывает и продвигает концепцию многополярного мира, оно, по сути дела, действует в унисон с настроениями основной массы населения страны*.

Соответственно описанным тенденциям во взглядах на уроки прошлого и перспективы развития страны произошла и некоторая (достаточно умеренная) корректировка, касающаяся оценки значимости тех или иных задач, решение которых должно обеспечить наступление лучшего будущего. Собственно, расстановка приоритетов при этом осталась той же, что мы фиксировали год назад или несколько ранее, но при этом «вес» отдельных задач, которые необходимо решить российскому обществу и государству, несколько изменился. На первом месте для наших сограждан по-прежнему стоит борьба с коррупцией (40% в 2021 г. и 42% в 2022 г.). Затем со сравнительно небольшими разрывами следуют смягчение социальных неравенств и формирование эффективной наукоемкой экономики: эти пункты набирают в свою поддержку до 35% сторонников каждый, но по первому из них не было увеличения по сравнению с прошлым годом, тогда как значение второго увеличилось довольно заметно – на 7 п.п. Также, по нашим данным,

существенно возросла доля граждан, назвавших в числе своих приоритетов укрепление суверенитета России и ее позиций на мировой арене (с 26% до 34%). А вот снижение наложенных на Россию санкций, похоже, не является для россиян предметом озабоченности – эту позицию отмечал лишь один из восьми россиян. В остальном представления большинства об актуальных задачах, которые стоят перед страной, практически не изменились. По-прежнему в числе главных приоритетов российского общества остаются обеспечение равенства всех перед законом и увеличение бюджетного финансирования медицины, образования, культуры. Мало изменились и мнения россиян по вопросам либеральной повестки, которые обычно воспринимаются в российском обществе довольно индифферентно (демократическое обновление общества, расширение прав и свобод, расширение возможностей для свободного предпринимательства и т.п.).

Путь в будущее: решение актуальных проблем

Что требуется для решения основных задач, которые по мнению россиян в настоящее время стоят перед страной? Необходимы ли для этого коренные перемены, новые политические и экономические реформы? Или же нам больше нужны устойчивость, стабильность, постепенность, обеспечивающие преемственность в развитии и снижающие уровень генерируемых им рисков? Мнения россиян по данному вопросу разделились почти пополам. Если накануне специальной военной операции на Украине первую из них поддерживали 47% россиян, а вторую 50% (*Андреев, Андреев* 2021), то по результатам опроса 2022 г., проведенного на фоне начала предпринятых Россией решительных действий по денацификации и демилитаризации Украины, эти показатели еще более сблизились (50% против 48%). В самое последнее время соотношение уже становится обратным. К весне 2023 г. доля решительно настроенных граждан сократилась до 38%, тогда как доля их оппонентов, поддерживающих запрос на стабильность, исключающую резкие разрыва постепенности, увеличилась почти до 62%. Накануне начала СВО 55% россиян придерживались мнения, что путь, по которому идет Россия, даст в перспективе положительные результаты, тогда как 45% считали, что он ведет в тупик. Однако уже в марте 2022 г. доля граждан, оптимистично оце-

нивавших нынешний путь развития страны, была зафиксирована на уровне 71%, а в мае 2023 г., через 15 месяцев после начала СВО, несмотря на все те трудности и внешнее давление, с которым столкнулась Россия, она поднялась еще на 2,5 процентных пункта (данные ФНИСЦ РАН).

Анализ показал, что наиболее «сильными» дифференцирующими признаками в случае выбора стабильности или перемен выступают возраст и уровень доходов. Так в самой младшей возрастной группе (до 25 лет) доля энтузиастов коренных перемен поднимается до 68% (на целых 18 п.п. больше, чем в среднем по выборке), тогда как численность предпочитающих стабильность падает до 30%. С увеличением возраста этот разрыв постепенно сокращается, но преобладание сторонников стабильности устанавливается только после 46 лет. В самой пожилой возрастной группе (старше 65 лет) значение соответствующего показателя представляет собой почти точную инверсию того, что мы наблюдаем в самой младшей возрастной когорте: 34% за перемены и 65% против. Среди граждан с наиболее высокими среднедушевыми доходами в домохозяйстве (выше 2 поселенческих медиан) доля сторонников перемен составляет 62%, противоположную же позицию занимают только 37%. С падением уровня доходов тяга к решительным переменам также затухает: в медианной группе (от 0,76 до 1,25 поселенческих медиан) численность приверженцев стабильности немного преобладает, а среди граждан с низкими доходами наблюдается паритет противоположных точек зрения. Несколько менее выражена, но все же очень заметна, корреляция между жаждой коренных перемен и такими параметрами, как тип поселения и уровень образования. В целом в мегаполисах и среди граждан, закончивших высшие учебные заведения, стремление к переменам на 2–4 п.п. выше, а стремление к стабильности настолько же ниже, чем средний показатель. Если исходить из приведенных данных, можно сделать вывод, что запрос на перемены в России усиливается, причем в качестве «возмутителя спокойствия» выступает наиболее «продвинутая» и социально динамичная часть населения. Стало быть, на этот запрос надо реагировать, понимая при этом конкретную суть данного запроса. Ведь для одних желаемые перемены – это уменьшение неравенства, а для других – неограниченная возможность «зарабатывать», для кого-то это возвращение к нацио-

нальным традициям, а для кого-то – новый путь в Европу и т.д. Наконец, среди поборников перемен всегда находятся и такие, у кого нет определенного образа желаемого будущего, им просто наскучило привычное существование и хочется некой «встряски» – того, что на молодежном сленге называют драйвом.

Рис. 1. *Желаемый образ будущей России в массовом сознании россиян, 2021–2022 гг., %*

Проводившийся весной 2023 г. в рамках мегапроекта «Российское общество и вызовы времени» очередной всероссийский социологический опрос был посвящен конкретной теме влияния проводящейся на Украине специальной военной операции на российское общество. Опрос выявил факт дальнейшего нарастания отчуждения россиян от Запада, что отразилось и на их представлениях о будущем России и о путях созидания этого будущего. По данным проведенных нами опросов, СВО повлияла на баланс мнений по поводу модели развития России как государства и цивилизации в сторону укрепления пози-

ций сторонников самобытного пути развития страны. Если в 2021 г. соотношение численности респондентов, считающих, что Россия должна жить по тем же правилам, что и страны Запада, и их оппонентов, видящих в России самостоятельную цивилизацию, равнялось примерно 1:2, то непосредственно после начала специальной военной операции оно составило приблизительно 1:3 (23,1% против 76,7%), а в 2023 г. даже приблизилось к пропорции 1:3,5 (21,6% против 78,0%). Если сформулировать вопрос иначе – «Даст ли путь, по которому в настоящее время идет Россия, в перспективе положительные или отрицательные результаты?», – то получается примерно то же соотношение (положительные результаты 73,6%, отрицательные результаты – 25,8%).

В социологическом опросе, проводившемся ФНИСЦ РАН в 2024 г., особое внимание было уделено процессу смены поколений в российском обществе. В настоящее время между следующими друг за другом поколениями не обнаруживается критических разрывов и противостояний. Но тем не менее существует, если можно так выразиться, некий социально-психологический «зазор». По большинству общественно значимых вопросов, в т.ч. связанных с представлениями о будущем, различные возрастные когорты едины в смысле общей расстановки приоритетов. И тем не менее обращают на себя внимание выявленные в ходе этого и других опросов особенности распределения мнений в среде самых молодых (до 25–30 лет), которые заметно выделяются на общем фоне. В частности, россияне в целом более позитивно относятся к социализму, чем к капитализму. Но среди самых молодых перевес сторонников социализма над их позитивно воспринимающими капитализм сверстниками минимален и составляет около 8 п.п. (соответственно 20% и почти 28%), тогда как уже в следующей возрастной когорте (31–40 лет) этот перевес становится двукратным (приблизительно 13% против 26%) и затем скачкообразно нарастает до восьмикратного в категории 60+ (8,7% против 65,5%). Самые молодые россияне придают заметно меньшее значение справедливости и равенству, чем граждане среднего и старшего возраста. И хотя в самой младшей возрастной когорте, как и во всех других демографических группах, доля респондентов, убежденных в том, что Россия должна жить своим умом и идти своим собственным путем, имеет количественный перевес над долей респондентов, ориентированных на западные образцы, этот перевес по сравнению с другими возрастными

когортами является минимальным. Таким образом, юноши и девушки до 25–30 составляют самую «прозападную» социально-демографическую группу российского общества, и вместе с тем в молодежной среде существует наиболее благоприятная почва для восстановления позиций доминировавшей в 1990-е гг., но затем утратившей свои позиции неолиберальной идеологии.

Параллельно работе Института социологии РАН проблематика представлений о будущем исследовалась учеными Института социально-политических исследований РАН (ныне оба Института объединены в составе Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в статусе его обособленных подразделений). Эмпирической базой для этих исследований служат данные многолетнего (с начала 1990-х гг.) социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», что создает возможность сопоставлений и выявления динамики настроений и социальных представлений на т.н. «длинных временах». Ученых Института социально-политических исследований, в частности, интересовало отношение россиян к перспективе развития страны, рассматриваемой в терминах дихотомии «социализм – капитализм» (см. табл.).

Распределение ответов на вопрос, в каком обществе хотели бы жить респонденты[11] (РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных в группах и по массиву. N = 1563)

	Молодежь	Средний возраст	Старший возраст	Массив
В социалистическом	17%	26%	35%	26%
В капиталистическом	29%	24%	11%	21%
В каком-то другом	7%	4%	2%	4%
Затруднились ответить	48%	47%	52%	49%

Полученные результаты в целом перекликаются с теми, которые независимо от данного исследования были получены в Институте социологии РАН. А именно: социализм для россиян среднего и старшего возраста несколько привлекательнее капитализма, однако среди молодежи в этом вопросе преобладает противоположное мнение. Различается по возрастным когортам и отбор приоритетных ценностных характеристик, которые респонденты хотели бы видеть воплощенными в России будущего (предложенный респондентам для оценки набор таких характеристик несколько отличался от того, с которым работали ученые Института социологии). В частности, в качестве элементов об-

раза этой грядущей России для молодежи гораздо более значимы, чем в среднем по массиву, понятия «закон» (на 7 п.п.), «демократия» (7 п.п.), «права человека» (6 п.п.). При этом расхождения с мнением старшей возрастной группы составляют соответственно 10, 12 и 8 п.п. Кроме того, молодежь ниже остальных ценит порядок, патриотизм и державность. И только ключевое для российской культуры понятие «справедливость» не дифференцируется возрастом – его считают достойным принципом формирования будущего России до трети респондентов во всех возрастных группах (*Буланова* и др. 2023: 50; *Левашов, Новоженина* 2021: 38–51).

Из сказанного следует, что отслеживание динамики различий между молодежью и старшими демографическими группами представляет собой актуальную задачу, имеющую не только научно-теоретическое, но и практическое значение, ибо, в конечном счете, именно молодежь будет определять дальнейший социально-исторический выбор страны, от которого зависит ее цивилизационная идентичность. Поэтому значительный интерес представляют результаты других тематически специализированных исследований по молодежи, которых в стране проводится довольно много.

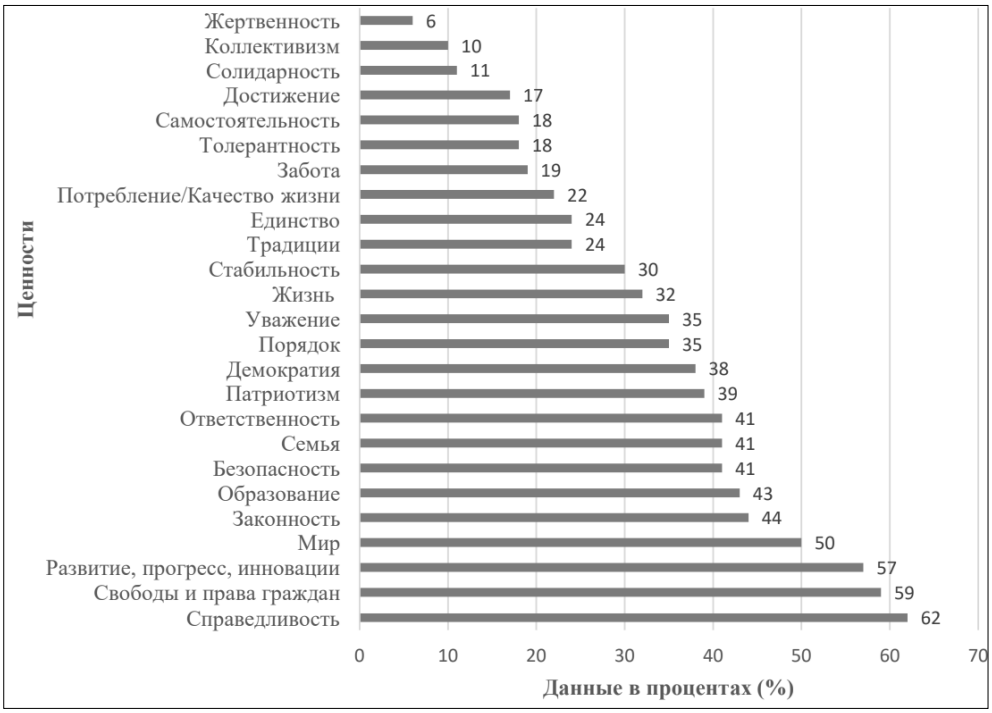
Так, например, группа ученых Нижегородского государственного университета (Шмелёва О.Ю., Судьин С.А., Голубин Р.В., Шмелёв А.П.) исследует образы будущего российского государства в сознании студенческой молодежи. В октябре–ноябре 2023 г. в рамках данного исследования был проведен опрос студентов нескольких вузов в пяти регионах Приволжского федерального округа. В методологическом плане это исследование опиралось на теорию «социальных представлений» С. Московичи, концепцию «личностных конструктов» американского психолога Дж. Келли, диспозиционную теорию социальной регуляции поведения личности В.А. Ядова и методику «предельных смыслов» Д.А. Леонтьева.

Исходя из полученных в ходе опроса эмпирических данных, нижегородские исследователи сделали вывод о том, что мировоззрение российской студенческой молодежи является умеренно этатистским. Респонденты определенно склоняются в пользу позитивных сценариев развития российского государства в будущем: это будет «государство новых возможностей и перспектив»). Без малого 80% опрошенных убеждены в том, что государство готово или частично готово ответить на современные вызовы и обладает для этого достаточны-

ми возможностями, компетенциями и потенциалом. При этом бóльшая часть студенчества (43%) с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее. Тем не менее немало и таких, которые в этом будущем не уверены и, соответственно, проявляют такие эмоции, как настороженность (28%) и тревогу (16%).

На рис. 2. представлена иерархия ценностей, которые, по мнению студентов Приволжского федерального округа, должны составить основу для развития российского государства в будущем (*Шмелева* и др. 2023: 47–61). Как нетрудно заметить, эта иерархия ценностей, во главе которой стоят справедливость, гражданские свободы и инновационная модель развития, в значительной степени совпадает с результатами общероссийских социологических опросов в рамках многолетнего мегапроекта «Российское общество и вызовы времени». Обратим внимание также на довольно характерную для современной учащейся молодежи низкую оценку таких ценностей, как коллективизм, солидарность и жертвенность.

Рис. 2. *Ценности, которые по мнению студентов Приволжского федерального округа должны лежать в основе Российского государства будущего*



Изучению представлений россиян о будущем был посвящен ряд тематических опросов ВЦИОМа. Результаты этих опросов позволяют сделать вывод, что происходящая в последнее время консолидация российского общества сопровождается повышением чувства уверенности в будущем. Во всяком случае будущее все больше представляется россиянам не туманным и неопределенным, а вполне предсказуемым. В 2022–2023 гг. количество респондентов, уверенных в том, что они понимают, куда клонятся события, устойчиво держалось на уровне 41–45%, в то время как еще три года назад их было только 36%. Одновременно доля несогласных с такой точкой зрения снизилась. При этом около 40% опрошенных заявили, что могут отчетливо представить себе, какой в перспективе нескольких лет станет наша страна, тогда как 2 года назад этот показатель не превышал 35%, а 3 года назад 28%. Уверенность россиян в будущем во многом объясняется тем, что они доверяют компетентности руководства страны: 61% опрошенных считают, что президент и правительство имеют и реализуют продуманную стратегию развития и еще 16% частично с этим согласны. Если это так, то у населения страны есть основания для оптимизма. Действительно, после некоторого замешательства, вызванного началом СВО и в еще большей степени некоторыми первоначальными неудачами в ее осуществлении, уровень оптимизма у россиян достиг ныне рекордных значений. В 2024 г. практически ¾ опрошенных придерживались оптимистической точки зрения на будущее страны и выражают уверенность в том, что в течение 8–10 лет Россия станет процветающим сильным государством. Доля оппонентов этой точки зрения в настоящее время не превышает 18% (Образ будущего 2024; Будущее уже не то 2024).

В то же время 60% опрошенных считают, что в перспективе нескольких десятилетий сильно изменятся и сами люди: они станут более интеллектуальными и адаптивными. При этом научно-технический прогресс приведет к значительным изменениям в жизни общества. Так, не менее 1/5 наших сограждан уверены в том, что уже через 10 лет искусственный интеллект превзойдет человека. Значительный и быстрый прогресс россияне ожидают в области медицины, робототехники и использовании разных умных устройств, распространения электромобилей. Тем не менее, значимые для россиян традиционные ценности, с их точки зрения, в целом останутся доминирующими. В частности, 45% уверены, что и через 10 лет первое место среди приоритетов россиян по-прежнему будет занимать семья.

Прогресс и традиции

Образ будущего в сознании российского общества тесно связан с идеей прогресса. Как показывают данные социологических исследований, в российском менталитете прогресс является значимой ценностью. В рейтинге ценностно нагруженных понятий прогресс несколько уступает справедливости, свободе, правам человека, патриотизму, но находится выше солидарности, равенства и демократии. Однако следует отметить, что практически такой же значимостью для россиян обладает и традиция. Неоднократно проводившееся психосемантическое зондирование восприятия понятий ценностного ряда дает следующий довольно примечательный результат: и слово «прогресс», и слово «традиция» вызывают положительные реакции у приблизительно 2/3 опрашиваемых, нейтрально воспринимаются почти что третью, а негативно – не более, чем одним или двумя респондентами из ста (*Горшков* и др. 2016: 142; *Горшков* и др. 2017: 135). Несложные арифметические выкладки показывают, что не менее трети респондентов в равной мере засвидетельствовали свои симпатии и к прогрессу, и к традициям, а это означает, что в их сознании названные понятия не противопоставляются друг другу.

Конечно, в различных социально-демографических группах реакции на названные понятия не одинаковы. У респондентов пенсионного возраста слово «прогресс» реже вызывает определенно выраженные симпатии и, наоборот, реакция на слово «традиция» чаще окрашена положительными эмоциями, чем у молодежи. И все же различие состоит совсем не в том, что одни в большинстве своем не приемлют прогресса, а другие, напротив, отвергают традиции. На самом деле и в той, и в другой возрастной группе уровень негативных реакций на слова «прогресс» и «традиция» составил всего 2–3%; подавляющее же большинство респондентов, у которых эти понятия не вызвали отчетливо положительного отклика, не испытывают к ним и антипатии, а воспринимают их просто нейтрально.

Примечательно, что россияне очень не любят понятие «консерватизм», под которым в обиходе обычно понимают упорное противодействие всему новому как таковому. Психосемантическое зондирование показывает частоту положительных реакций на данное понятие на уровне всего 11% при 19% отрицательных (баланс: -8%, 60% реакций – нейтральные). И тем не менее, отвечая на вопрос, что важнее –

инициатива, предприимчивость, поиск нового и готовность к риску или уважение к сложившимся традициям и обычаям, следование привычному для большинства, россияне очень часто предпочитают второй вариант ответа. Причем в последнее время наметилась тенденция к росту данного показателя. Если на протяжении 2000-х и 2010-х гг. его значение не превышало 55–57%, а иногда опускалось и ниже 50%, то к весне 2023 г. оно пересекло отметку 63% (ФНИСЦ РАН, май 2023). Мы понимаем, что эти данные (как, впрочем, и некоторые другие) дают, на первый взгляд, отличный повод для того, чтобы разделить россиян на активных и пассивных, на «людей модерна» и безнадежных традиционалистов, а заодно и порассуждать о неискоренимом российском патернализме, нежелании распорядиться собственной судьбой и противоречивости общественного сознания. Однако, если рассматривать альтернативу «уважение к традициям – предприимчивость, поиск нового» не саму по себе, а в контексте мнений по широкому кругу социальных вопросов (мы имеем в виду в т.ч. и обсуждавшийся выше запрос на перемены), становится понятно, что речь здесь должна идти совсем о другом.

С одной стороны, простой здравый смысл подсказывает россиянам, что нет смысла менять привычное на новое только потому, что оно… *новое* и «опирается на передовой зарубежный опыт». На самом деле российское общество вовсе не против инноваций, а возражает лишь против их возведения в некий новоявленный культ, а также против того конвульсивного стиля реформаторской деятельности, который страна испытала на себе в 1990-е гг. (а в отдельных случаях и позже – достаточно сослаться хотя бы на печальный пример внедрения в российском образовании так называемой Болонской системы или на попытку монетизации льгот). Коллективный опыт последних десятилетий выработал в обществе недоверчивое отношение к практикам хаотичной имитационной модернизации, и это находит свое отражение в эмоциональных реакциях на постоянно используемые для их обоснования понятия и идеологемы. Своего рода эмоциональное выражение разумной настороженности при восприятии определенных сигналов…

Однако у вопроса о том, почему инициативность и предприимчивость не выступают в социальном мышлении россиян как ценностная антитеза традиционализма, есть и еще одна сторона. Это наличие в российской политической культуре особого механизма реактуализации традиций. Скажем, в современной России возрожден целый ряд

ритуалов и символов как Российской империи, так и советского времени, которые без особых проблем сочетаются и друг с другом, и с новыми традициями, возникшими или легитимированными уже после 1991 г. Хотя в зарубежной, да и в российской, печати данное сочетание нередко оценивалось как парадоксальное и эклектическое, мы полагаем, что суть дела здесь не в смешении стилей (что обычно считается признаком эклектики), а в реаранжировке и включении традиций в новые смысловые контексты, благодаря чему, отсылая нас к реминисценциям исторической памяти, они в то же время становятся генераторами новых смыслов и специфическими источниками инноваций.

Происходившее в России на рубеже XX и XXI вв. преодоление глобалистских увлечений и возвращение к аутентичным ценностям, которое сказалось не только на настроениях большинства населения, но и на поведении политических элит, привело к формированию особой модели развития. Поскольку в ней значительную роль как раз и играет механизм реактуализации традиций, мы в свое время предложили назвать эту модель *традиционалистской модернизацией* (Российское общество, 2016: 153; Российское общество, 2017: 138). Хотя традиционалистская модернизация имеет в России свои особенности, ее, тем не менее, нельзя назвать уникальной; некоторые аналогии и параллели этому можно, в частности, найти в китайских социальных и политических практиках – например, когда на формулировки очередных задач развития страны накладывается смысловая матрица конфуцианских социальных идеалов (*Лукьянов, Переломов* 2003). Понятно, что социальной базой традиционалистской модернизации является в первую очередь старшее и среднее поколения как носители определенного жизненного опыта, обеспечивающего непосредственную «связь времен». Но не забудем, что социализация сегодняшних «традиционалистов» проходила в атмосфере увлеченности перспективами начавшейся в 1950-е гг. научно-технической революции, а это наложило очень характерный отпечаток на их менталитет, выработав у них отчетливо «прогрессистские» ценностные установки. Способность занимать и удерживать позиции одного из наиболее передовых по уровню и динамике развития государств современного мира для этого поколения была и остается главным критерием оценки политического курса правительства страны, несоответствие которому становится источником глубокого недовольства.

Вообще, если отвлечься от политических переворотов и эпизодов смены общественного строя, то главным фактором, создающим отличия будущего от настоящего, в глазах россиян выступает расширение научных знаний и развитие технологий. В этом плане у разных поколений россиян нет значительных расхождений. При этом они заметно реже, чем население Евросоюза, ощущают дискомфорт от стремительности изменений: на это жалуется менее половины российских респондентов, тогда как, например, во Франции 57%, в Швеции 61%, в Польше 76%, в Испании 78% (Special Eurobarometer 2013: 91; Публичный отчет, 2016: 16). Но важно, что россияне старшего и среднего возраста соотносят научно-технический прогресс преимущественно с преобразованием нашего предметного окружения, ставя субъектность человека-демиурга как бы над этим процессом и придавая ей естественный (вариант: божественный) характер – в том смысле, что человеческая природа как таковая сама по себе не является артефактом. Эту позицию разделяет и значительная часть российской молодежи; однако в младших возрастных когортах отчетливо наметилась и другая позиция, допускающая использование научных знаний и технических средств для произвольной модификации естественных характеристик человека, связанных с его личной идентичностью. Вот, к примеру, как эти различия проявляются в распределении мнений по поводу недавно принятого закона о запрете на смену пола: его принятие поддерживает 75% россиян, а в возрастной группе 60+ даже 85%, но среди молодежи 18–24 лет значение этого показателя падает до 51%, причем более половины из них активно высказываются против закона, считая, что гендерная принадлежность определяется не природой, а личным желанием и самоощущением индивида (Смена пола 2023). Этому факту пока трудно дать четкую оценку: неясно, сказывается ли здесь юношеский максимализм (с возрастом пройдет), тяга к чему-то необычному, некритически доверчивое восприятие циркулирующей в СМИ информации или что-то еще. Но во всяком случае здесь есть проблема, и при определенных условиях она может вылиться в культурно-психологический разрыв между поколениями, создавая на будущее угрозу преемственному развитию российской цивилизации.

Российская модель развития: историческая перспектива

Оценивая перспективы развития страны, россияне в большинстве своем высказываются с твердой надеждой на лучшее. И хотя им вовсе не чуждо чувство страха перед неопределенностью будущего (никогда не испытывала этого чувства только пятая часть опрошенных), все же 70% наших сограждан выражает уверенность в том, что нынешние дети будут жить лучше старших поколений (ФНИСЦ РАН, май–июнь 2023). Надо сказать, что и зарубежные СМИ в последнее время все чаще вынуждены признавать неожиданные для них российские достижения в промышленности и промышленном импортозамещении, науке и образовании, внедрении цифровых технологий, развитии аграрного сектора, освоении Арктики, конструировании эффективных образцов вооружения и оснащении ими армии и флота. Обычно делается это крайне нехотя, а успехи России пытаются объяснить неким случайным стечением обстоятельств. Конечно, такая трактовка объясняется прежде всего установками т.н. «культуры отмены». Но, вместе с тем, приходится признать и недостаточную проработанность концептуальных основ противопоставляемой Западу российской модели развития, расплывчатость сопрягаемых с ней образов будущего. Не могут, в частности, не вызвать возражений некоторые типологические модели цивилизационных различий. Возьмем, к примеру, трактовку западного типа цивилизационного развития как секулярно-гуманистического, а противостоящего ему типа как религиозно-традиционалистского (*Карпович, Смагина* 2023: 54–55): очевидно, что в ее основу положены разные логические основания, да к тому же вся гуманистическая струя русской культуры здесь уже по определению выводится за рамки анализа российской модели развития.

Нельзя согласиться и с нередко проскальзывающим в российских публикациях имплицитным отождествлением традиционализма с консерватизмом. Такое отождествление, по существу своему логически некорректное, независимо от субъективных намерений допускающих его авторов, создает ассоциации, способствующие интерпретации российских социальных представлений и практик как выпадающих из трендов современности и даже архаических, хотя, как мы показывали выше, в российской культуре и массовом сознании уважение к традициям и традиционным ценностям сочетается с сильными модернизационными устремлениями, опирающимися на приверженность научно-

техническому прогрессу. Российский цивилизационный проект, безусловно, содержит в себе тот момент «хранительной мудрости», о котором говорил когда-то Н.М. Карамзин (*Карамзин* 1991: 63), но «хранительная мудрость» имеет здесь не столько абсолютное (как для консерватизма в собственном смысле слова), сколько функциональное значение – как фундамент идентичности и одновременно как один из инструментов конструирования будущего (посредством реактуализации традиций).

В сегодняшнем мире складывается совершенно новая, но логичная для эпохи постмодерна, ситуация самоопределения цивилизаций, предполагающего их функциональную специализацию и выбор из нескольких возможных «парадигм современности» – если угодно, из нескольких различных способов «быть современным» (*Андреев* 2015). Осуществляя такой выбор, Россия концептуально артикулировала повестку традиционалистской модернизации, тем самым заявив о себе как о центре консолидации политических сил, не принимающих продвигаемую Западом повестку дня неолиберального глобализма. Поэтому на перспективы развития нашей страны надо смотреть не только глазами самих россиян, но и глазами всего международного сообщества. Ведь выбор, осуществляемый в условиях конкуренции глобальных цивилизационных проектов, в значительной мере мотивируется той исторической перспективой, которую он в конечном счете сулит, а значит, успех России означает и успех предлагаемой ею модели развития. Проектирование и созидание будущего России ныне становится уже не только ее собственным внутренним делом, но и фактором глобального порядка. По существу, наша страна вновь выступает в той же роли «дизайнера будущего» и генератора новых исторических смыслов, в которой она явилась за столетие до этого – в октябре 1917 года. Смысловым стержнем российского проекта будущего является, с одной стороны, сохранение и воспроизводство культурного многообразия человечества, а с другой стороны – удержание развития цивилизации в рамках гуманистической парадигмы, исключающей несовместимые с естественной природой человека «постчеловеческие» и, возможно, античеловеческие перспективы, которые порождают все шире укореняющиеся на Западе манипулятивные практики произвольного конструирования идентичностей.

Источники и материалы

Будущее уже не то 2024 – Будущее уже не то, что прежде // ВЦИОМ Новости. 05.11.2024. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ budushchee-uzhe-ne-to-chto-prezhde

Образ будущего 2024 // ВЦИОМ. Новости. 29.02.2024. https://wciom.ru/ analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-budushchego-ocenki-rossijan

Смена пола 2023 – Смена пола: за и против // ВЦИОМ. Новости. 17.07.2023. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/smena-pola-za-i-protiv

Special Eurobarometer 2013 – Special Eurobarometer 401. Responsible Research and Innovation (RRI), Science and Technology. Report. Brussels: Directorate-General for Communication. 2013.

World Values Survey 2017–2022 – World Values Survey Wave 7 (2017–2022) // World Values Survey. https://www.worldvaluessurvey.org/ WVSDocumentationWV7.jsp (дата обращения: 10.09.2023)

Научная литература

Андреев 2015 – *Андреев А.Л.* Специализация цивилизаций и аттракторы мирового развития // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 139–147.

Андреев, Андреев 2021 – *Андреев А.Л., Андреев И.А.* Россия-2021: переживание настоящего и взгляд в будущее // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 82–92.

Буланова и др. 2023 – Образ будущего в призме социологических измерений: [монография] / *М.Б. Буланова* и др.; отв. ред. Н.М. Великая; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Мир Науки, 2023.

Двадцать лет 2011 – Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). М.: Весь мир, 2011.

Карамзин 1991 – *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.

Карпович, Смагина 2023 – *Карпович О., Смагина Л.* Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // Международная жизнь. 2023. № 1. С. 54–65.

Лукьянов, Переломов 2003 – *Лукьянов А.Е., Переломов Л.С.* Из истории идеологемы *сяо кан* // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 26–38.

Просеков 2020 – Просеков С.А. Восприятие времени в европейской и китайской культурах // Философские науки. 2020. № 12. С. 47–67.

Горшков и др. 2017 – Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / *М.К. Горшков* и др.; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017.

Горшков и др. 2016 – Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / *М.К. Горшков* и др.; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Весь Мир, 2016.

Шмелёва и др. 2023 – *Шмелёва О.Ю* и др. Образ будущего Российского государства в мировоззрении студенческой молодежи: социологический анализ // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 4. С. 47–61.

Urry 2016 – *Urry J*. What is the Future? Cambr.: Polity Press. 2016.

Глава 5

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ РОССИЯН: ЦЕННОСТИ, ГРАЖДАНСКИЕ УСТАНОВКИ И ОБРАЗ СТРАНЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СТРОИТЕЛЕЙ БУДУЩЕГО

О.В. Кульбачевская

Введение

Молодежь – потенциальный носитель образа будущего. Она является значимой движущей силой развития страны. Молодые люди обладают энергией, креативностью, способностью адаптироваться к новым условиям, что позволяет им становиться катализаторами инноваций, внедрения новых технологий и подходов в различных сферах жизни. Такие качества молодого поколения являются залогом благополучия государства в будущем, его экономического роста, культурного развития и позитивных социальных преобразований при условии, что интересы, взгляды и жизненные ценности молодых граждан будут способствовать этому развитию. Молодежь не только определяет вектор будущего страны, она является преемницей национальных традиций и истории, на ней лежит ответственность их передачи следующим поколениям.

Нынешнему молодому поколению предшествовали молодые, которые поддерживали модернистские ценности (индивидуализм, самостоятельность, толерантность к переменам, ориентация на материальное благополучие и независимость). Но по мере взросления и под воздействием происходящих перемен молодые люди все больше отказываются от модернистских ценностей в пользу традиционных (вера, семья, любовь). До недавнего времени значительная часть российской молодежи поддерживала западный путь развития для своей страны, но это было связано скорее со стремлением к более высокому уровню жизни (*Мареева* 2014: 361–380). Наблюдались падение уровня патриотизма, эрозия культурных ориентаций и запросов, прививался культ денег и развлечений, практически утратилась ценность созидательного труда. Молодежь, будучи сосредоточенной на достижении личностных целей, не видела особых перспектив для их реализации в России. Для

многих была характерна аполитичность и слабое участие в общественной жизни страны. Вместе с тем у предыдущего поколения молодых граждан превалировал образ государства как сильной, мощной державы со своим собственным путем развития и великим военным прошлым (*Снежкова, Шалыгина* 2020: 288–289).

Если молодежь постсоветской России жила в условиях слома и забвения старых ценностей с последующим становлением новых, представлявших из себя смешение традиционных и западных ценностей, то современная российская молодежь начинает свой жизненный путь в уникальной ситуации. Также затронутая влиянием тренда западных ценностей, она живет в стране, делающей разворот к своему прошлому и через это строя будущее. Современность бросает молодым гражданам вызов, когда в картине их реальности присутствуют такие понятия, как «война», «разрушения», «смерть», страдания», когда фото- и видеодемонстрация человеческих жертв в интернет-пространстве и в СМИ становится почти обыденностью, когда для молодых мужчин существует потенциальная вероятность отложить реализацию своих личных жизненных целей и планов, и оказаться участниками боевых действий, когда сталкиваешься с ненавистью к своему народу, а значит, к себе, и наконец, когда живешь в условиях геополитической и экономической неопределенности. Для современных молодых граждан встает задача сопряжения гуманистических ценностей (гуманизм, миролюбие) со страшными смыслами «война», «насилие», «разрушения», «страдания».

В кризисные для общества и государства периоды молодежь является самой незащищенной и уязвимой категорией в силу не окончательно сформировавшейся системы ценностей, более восприимчивой к происходящим в обществе изменениям, служит их индикатором (*Макарова* 2018: 92–204). В настоящее время, в условиях глобальных трансформационных внутри- и внешнеполитических процессов в России, важно изучать ценности и жизненные ориентиры молодежи, поскольку от нее во многом зависит конечный результат предпринимаемых в стране преобразований.

В данной главе представлены результаты пилотного исследования на тему «Духовно-нравственные ценности, жизненные устремления и представления российского студенчества о желаемом будущем России», проведенного в ноябре-декабре 2023 г. в рамках Программы

научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков, проект «Образы России: проектирование будущего» (FMNU-2023-0002)). Для сравнительного анализа привлекались также данные социологических опросов других научных коллективов и мониторинговых организаций. В главе представлены результаты исследования духовно-нравственных ценностей и жизненных устремлений представителей студенческой молодежи в первую очередь через призму их представлений о традиционных ценностях и национальной идее России, личных ценностей студентов и того, что наполняет смыслом их жизнь.

Пилотное исследование проводилось в форме этносоциологических опросов студентов вузов г. Москвы, Кировской области (г. Киров) и Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик). Совокупная выборка составила 480 человек, из них: 50% – студенты гуманитарных вузов, 50% – студенты вузов естественно-научных и инженерно-технических специальностей; 47% – мужчины, 53% – женщины; 95% – студенты в возрасте 18–22 лет, 5% – студенты в возрасте 23–27 лет. Две трети указавших национальность – русские.

Студенческая молодежь: ценностные ориентиры и гражданская активность

Представления студентов о традиционных ценностях России. 9 ноября 2022 г. президентом страны был подписан указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Основы). Основы являются «документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», а традиционные ценности, согласно документу, призваны «защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны» (Указ Президента РФ 2022). Традиционные ценности определяются документом как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское един-

ство» (Там же). В Основах говорится, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии внесли значительный вклад в формирование традиционных ценностей, общих как для верующих, так и неверующих граждан России, при этом подчеркивается особая роль православия в их становлении и укреплении. В документе предложен список традиционных ценностей, которые исторически присущи гражданам России.

Все реформы образования, науки и СМИ в нашей стране будут проводиться с учетом сохранения и укрепления перечисленных в списке ценностей. Успешность этих реформ в немалой степени зависит от того, соответствуют ли официально декларируемым ценностным ориентирам представления современных россиян о традиционных ценностях и их собственная ценностная система. Особенно важно в этой связи изучать уровень преемственности поколений, т.е. иметь представление о том, в какой степени молодое поколение усвоило исторические духовно-нравственные нормы и готово нести их в будущее.

В августе 2023 г. исследовательская группа Russian Field в ходе всероссийского опроса выясняла у россиян, какие ценности они могут назвать традиционными духовно-нравственными ценностями. Первое место по частоте ответов заняла семья (43% опрошенных), на втором месте оказался патриотизм, любовь к Родине (18%), на третьем – вера, православие, христианство, религия (11%). Также в первую десятку вошли: уважение к старшим (8%), дети (7%), доброта (7%), культура (6%), любовь (4%), честность (3%) и гостеприимство (2%) (Традиционные российские ценности 2023).

В декабре 2023 г. ВЦИОМ опубликовал результаты своего опроса россиян на тему традиционных ценностей (Традиции 2023). Результаты опроса практически совпали с результатами исследования Russian Field и подтвердили, что структура представлений современных российских граждан отражает основные аспекты российской идентичности и имеет исторические корни. По частоте упоминаний ценности распределились следующим образом: семья (крепкая семья, союз мужчины и женщины, вклад в воспитание детей и уважение к старшим) – 45%; патриотизм (любовь к стране, осознание единства народов России, уважение к исторической памяти, готовность служить Отечеству) – 23%; гуманность (взаимопомощь и вза-

имоуважение, человеколюбие, нравственность, справедливость и дружелюбие) – 17%; национальная культура и религия (русская культура, искусство, национальные праздники, а также религия, духовность и православие) – 16%.

Исследование ВЦИОМ также показало, что более половины (53%) молодых людей до 25 лет против того, чтобы всегда следовать традиционным духовным принципам, а среди молодежи старше 25 лет тех, кто готов пренебречь традиционными нормами, насчитывается уже меньше (40%). Специалисты ВЦИОМ обозначают это как дилемму «традиционного-современного», которая «обнажает поколенческий конфликт» (Там же), и объясняют это тем, что самые молодые россияне более подвержены влиянию глобализации, космополитичности, открыты новым технологиям, больше ориентированы на современность, которая «постоянно бросает нам вызовы, предлагая пересмотреть привычные идеалы и ориентиры» (Там же). От себя добавим, что это происходит также и в силу особенностей, присущих возрастной группе 18–25 лет, таких как бунтарство, чувство исключительности, максимализм, идеализм, желание создавать что-то новое, поиск себя. Они находятся на стадии формирования и укрепления своей системы ценностей и убеждений, при этом еще практически «не зная жизни». Но после «бурной», ищущей, пробующей молодости приходит пора зрелости с устоявшейся системой ценностей, на которую оказали влияние врожденные личностные склонности, семья, культурное, образовательное, общественно-политическое пространство страны, а также вызовы реальной жизни.

В ходе нашего исследования в ноябре-декабре 2023 г. студентам вузов задавался открытый вопрос «Что, на Ваш взгляд, является традиционными ценностями России?». Этот вопрос вызвал затруднения у значительной части студентов. Ответ на него дали чуть больше половины опрошенных, а затруднились с ответом 45% респондентов. Еще 4% студентов проигнорировали вопрос. Такая ситуация может быть связана с рядом факторов. Во-первых, в стране в последние десятилетия отсутствовала тема традиционных ценностей, в образовательной сфере не велась работа по их сохранению и укреплению. Во-вторых, людям, а особенно молодым, свойственно думать и говорить в первую очередь про себя, о том, что важно для них. В-третьих, также следует учитывать тот факт, что люди неохотнее отвечают на открытые вопро-

сы просто в силу того, что им некогда или лень. Кроме того, не нужно исключать случаи, когда респондент просто не понимает, что подразумевается под традиционными ценностями. Тем не менее, даже с учетом перечисленных факторов, приходится констатировать, что существенная часть (половина) студентов – представителей интеллектуальной элиты российской молодежи – не могут назвать объединяющие ценности своего народа, которые, по сути, являются одним из механизмов формирования общегражданской идентичности. Вместе с тем наш опрос показывает, что большинство респондентов (74%) хотят, чтобы их воспринимали в первую очередь как граждан России. Можно предположить, что это происходит в силу чувства сопричастности своему народу на основе общеразделяемых ценностей, но на невербализируемом уровне.

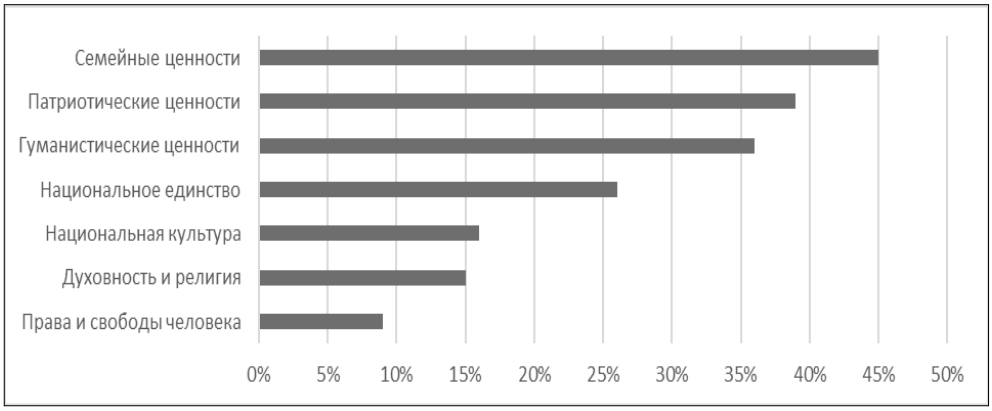
Очевидно, что со стороны государства, институтов сферы культуры и образования требуется особое внимание к рассматриваемому вопросу. Так и происходит в настоящее время. Указ Президента РФ о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей конца 2022 г. разворачивает органы исполнительной власти и общественно-политические институты к исправлению ситуации, но с исторической точки зрения это только самое начало работы. И работать в этом направлении нужно не только с молодежью, но и с маленькими детьми, о чем говорил В.В. Путин на встрече с финалистами всероссийских профессиональных конкурсов в сфере образования 3 октября 2024 г. Он поддержал предложение воспитателя детского сада г. Вологды распространить проект «Разговоры о важном», внедренном как предмет в российские школы, на дошкольные учреждения для детей с пяти лет. Но при этом президент подчеркнул, что базовые ценности нужно доступно доводить до маленьких россиян, при этом в просветительской, воспитательной работе «нельзя перегибать, все должно быть в меру, … искренне, объективно, доходчиво» (Встреча с лауреатами 2024), необходимо учитывать мнения специалистов и детских психологов.

Вернемся к студенческой молодежи и рассмотрим, какие представления о традиционных ценностях России выявило наше исследование. Максимальное количество студентов, давших ответ на вопрос о традиционных ценностях, было из Москвы (около двух третей). Столичные респонденты затруднялись с ответом (более трети) и оставляли

вопрос без ответа (1%) реже, чем в двух других субъектах РФ. В Кировской области распределение показателей по всем трем позициям близко к Москве, но не знающих, как ответить, и не пожелавших дать ответ несколько больше, чем в столице. В Кабардино-Балкарской Республике наблюдается другая картина. Ответ на данный вопрос здесь вызвал очень серьезные затруднения, на него ответило лишь чуть более трети студентов, более половины затруднились с ответом и десятая часть проигнорировала вопрос.

Среди ответов студенческой молодежи лидируют семейные ценности (Диагр. 1). На них указала почти половина ответивших на вопрос. При этом встречаются уточнения, что в наших традициях – создавать именно гетеросексуальные крепкие семьи. На втором месте по частоте упоминаний (39%) стоят ценности, являющиеся составляющими понятия «патриотизм». С совсем небольшим отрывом (36%) за патриотизмом следуют ответы, которые можно отнести к гуманистическим ценностям (человеческим качествам высшей природы). Четвертое место занимает такая в представлениях молодежи традиционная для России ценность, как национальное единство (26%). Затем следуют культура, духовность и религия. И около десятой части ответивших респондентов к традиционным российским ценностям также относят права и свободы человека. Остальные варианты ответов носят единичный характер и их сложно классифицировать.

Диаграмма 1. *Традиционные ценности России (в % от давших ответ)*



Рассмотрим подробнее категории ценностей, которые мы выделили из массива ответов. В семейные ценности были включены ответы: семья, род, дети, материнство. Распределение ответов в категории патриотических ценностей представлено в Табл. 1.

Таблица 1. *Патриотические ценности*

Патриотизм, любовь к Родине, родная земля	18%
Сохранение традиций и обычаев	13%
История, наследие прошлого, почитание истории	6%
Служение Отечеству, защита Родины	2%

В категорию гуманистических ценностей вошел широкий список качеств и норм, присущих, по мнению студентов, россиянам (Табл. 2):

Таблица 2. *Гуманистические ценности*

Гуманизм, доброта, человечность, милосердие	5%
Высокие моральные ценности, нравственность, нравственные идеалы	4%
Уважение (в т.ч. к предкам, пожилым людям, женщинам)	4%
Дружба, товарищество	4%
Жизнь, сохранение жизни	3%
Помощь ближнему, взаимопомощь, поддержка друг друга	3%
Любовь	2%
Справедливость	2%
Братство	2%
Терпимость	1%
Самоотверженность, страдание во благо	1%
Смирение, терпение	1%
Миролюбие	1%
Доблесть, отвага	1%
Чувство долга	1%
Настойчивость, несгибаемость, непоколебимость, напористость, сила характера, сила духа	1%

Далее в таблицах представлены группы ответов для остальных категорий традиционных ценностей.

Таблица 3. *Национальное единство*

Многонациональность, братство народов, единство самобытных культур	10%
Национальное достоинство	6%
Единство, коллективизм	5%
Народ, граждане	2%
Народность	1%
Национальная идентичность	1%
Гражданственность	1%

Таблица 4. *Национальная культура*

Культура (в т.ч. материальная), ее сохранение, сохранение языков народов России, национальные достояния	13%
Искусство	2%
Русский язык	1%

Таблица 5. *Духовность и религия*

Религия, православие, христианство, вероисповедание	13%
Духовность	2%

Несмотря на то, что среди молодежи, по сравнению с другими возрастными группами российских граждан[1], значительно больше тех, кто затрудняется либо отказывается дать ответ о традиционных ценностях, структура представлений студентов о них практически совпадает с результатами упомянутых выше исследований (ВЦИОМ, Russian Field). Более того, в молодежной среде мы наблюдаем значительно чаще упоминания патриотических ценностей, бóльшую значимость гуманистических и культурных. И, наконец, часть молодежи представляет для себя отдельной ценностью общегражданское единение. Как правило, при обозначении ценностей своего народа невозможно ощущать себя отдельно от него, а значит, можно предположить, что данные качества и характеристики молодые проецируют на себя и обладают ими. *Все это свидетельствует о значительном духовно-нравственном и*

[1] Исследование Russian Field (август 2023 г.): 18% затруднившихся, 1% отказавшихся от ответа (все возрастные группы) (Telegram: Contact @russian_field_soc); исследование ВЦИОМ (декабрь 2023 г.): 33% затруднившихся ответить всех возрастов (https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen).

гражданском потенциале современной российской молодежи, потенциале мирного сосуществования народов России.

Также нельзя не отметить, что почти десятая часть ответивших признает, что в традициях нашей страны обеспечивать и соблюдать права и свободы человека. То, что деньги считают традиционной российской ценностью очень малое количество студентов (всего лишь 1% ответивших), а наибольшее число представлений респондентов относится к гуманистическим, религиозным и духовным ценностям, говорит о том, что современной молодежи свойственен приоритет духовного над материальным. Но следует еще раз подчеркнуть, что речь идет о потенциале, который надо раскрыть, поскольку долевые показатели ответов о традиционных ценностях в контексте всех опрошенных не так велики (семейные ценности – 23%, патриотические – 20%, гуманистические – 18%, национальное единство – 13%, духовность и религия – 8%, права и свободы человека – 5%).

Всего лишь 2% ответивших студентов полагают, что традиционные ценности меняются с течением времени и потому устаревают, утрачивают силу и разрушаются. Единицы респондентов отвергают свою страновую идентичность и готовы ориентироваться на другие страны. В ходе опросов встретилось также единичное мнение, что единых общероссийских ценностей нет, страна в этом отношении дифференцирована.

Палитру представлений, разделяемых немногими студентами, дополняют такие, как самодержавие, монархия, единовластие (3%); патриархальность, патриархат (2%); армия, сила (2%); империализм (1%); суверенитет (1%).

В отдельную группу следует выделить респондентов, чьи ответы указывают на негативное отношение к своей стране. В качестве традиционных для России «ценностей» они называют: насилие, братоубийственные конфликты, обман ради собственной выгоды, чувство стыда за страну, коррупцию, воровство, наркоманию, алкоголизм, нытье, дискриминацию, гомофобию, полицейское государство, подавление и ненависть к инакомыслящим. Группа таких студентов немногочисленна, в сумме перечисленные ответы не превышают 2%.

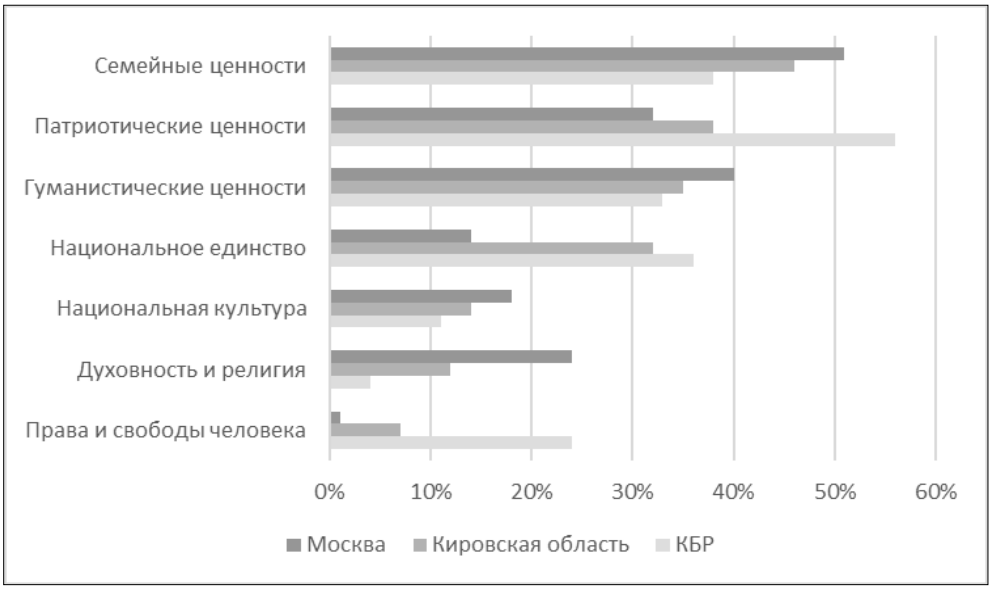
Тот факт, что студенты не всегда могут правильно понимать, что такое традиционные ценности, подтверждают ответы, которые не имеют отношения к ценностям, их, скорее, следует отнести к национальным символам. Однако такого рода ответы помогают в изучении образа России и ее символического представления. У 2% давших ответ Россия ассоциируется с медведем, балалайкой, березой, водкой, рус-

ской кухней, матрешкой, самоваром, банькой, гуслями, блинами, караваем. Здесь проглядываются такие характеристики образа России, как древняя история, природная красота, любовь к родному краю, этнонациональные традиции, радушие, хлебосольность, сила.

Перейдем к региональной специфике. Как видно на Диагр. 2, для студентов московских вузов безусловной традиционной ценностью является семья и в своих согражданах они видят в первую очередь высокие моральные и нравственные качества. Также ими признается большая роль религиозных, духовных и культурных традиций. Национальное единство москвичи, в отличие от других регионов, в меньшей степени видят как традиционную ценность. И почти совсем не признают как традиционную для России ценность права и свободы человека.

В Кабардино-Балкарии наблюдается другая картина. Пальму первенства по частоте ответов как в самой республике, так и в сравнении с двумя другими регионами, уверенно держат патриотические ценности. Больше других молодые жители республики также воодушевлены национальным единством и среди них больше тех (по сравнению с Москвой и Кировской областью), кто уверен, что в стране традиционно защищаются права и свободы человека. Кировская область занимает промежуточное положение.

Диаграмма 2. *Региональная специфика представлений о традиционных ценностях России (в % от давших ответ)*



В ходе нашего исследования был получен широкий спектр ответов, в котором оказались представлены практически все традиционные ценности, закрепленные в официальном перечне Указа Президента РФ № 809 (раздел I. Общие положения, п. 5). Поэтому мы имеем возможность оценить (в большинстве случаев напрямую, в некоторых случаях с определенной долей условности), в какой мере декларируемые государством духовно-нравственные ценности коррелируют с представлениями студенческой молодежи:

Официальный перечень	% от ответивших *(в ряде случаев в скобках указан приближенный вариант)*
жизнь	3%
достоинство	6% (национальное достоинство)
права и свободы человека	9%
патриотизм	18% (патриотизм, любовь к Родине), 39% (группа ответов «Патриотические ценности»)
гражданственность	1%
служение Отечеству и ответственность за его судьбу	2% (служение Отечеству, защита Родины)
высокие нравственные идеалы	4%
крепкая семья	45%
созидательный труд	2%
приоритет духовного над материальным	15% (религия, православие, христианство, вероисповедание, духовность)
гуманизм	5% (гуманизм, доброта, человечность, милосердие)
милосердие	
справедливость	2%
коллективизм	5% (единство, коллективизм)
взаимопомощь и взаимоуважение	3% (помощь ближнему, взаимопомощь, поддержка друг друга)
историческая память и преемственность поколений	5% (история, наследие прошлого)
единство народов России	10% (многонациональность, братство народов, единство самобытных культур)

Как видим, в представлениях студенческой молодежи наличествуют все законодательно закрепленные традиционные ценности, од-

нако таблица показывает, что *при осуществлении госполитики в области сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей отдельное внимание следует уделять возрождению такой нормы в молодежной среде как созидательный труд*. То, что такие понятия как гражданственность, справедливость, взаимопомощь и др. имеют небольшой удельный вес, на наш взгляд, не критично, поскольку их компенсируют и дополняют другие представления молодежи, которые мы объединили в категории «национальное единство» и «гуманистические ценности». Кроме того, справедливость как важную лично для себя ценность назвало значительное количество студентов (о чем подробнее будет сказано ниже).

Очевидно, что, по результатам нашего исследования, можно говорить о лояльности молодого поколения к традиционным российским ценностям. Однако, как отмечают социологи, для молодых эти ценности носят скорее парадный характер, поскольку они еще не интериоризированы в силу недостаточного жизненного опыта (ВЦИОМ 2024). Жизненные испытания будут проверять на прочность декларируемые ценности и, конечно, могут поменять их не в лучшую сторону. Но, как отмечает глава ВЦИОМ В. Федоров, социологические исследования показывают, что в России механизм трансляции межпоколенческих ценностей «работает лучше, интенсивнее, чем механизм смены ценностей по мере прихода в жизнь новых поколений» (Там же). В отношении представлений молодежи о традиционных ценностях это полностью подтверждает и наше исследование. Также мы имеем возможность изучить данную тему более детально, проведя анализ соотношения декларируемых студентами ценностей и ценностей, которыми они руководствуются в реальной жизни.

Что важно для российского студента и что наполняет смыслом его жизнь. Каждый из нас старается жить в соответствии со своими принципами и ценностями. Личные ценности дают направление деятельности в различных сферах жизни, определяют жизненные стратегии и пути их осуществления. Не всегда удается заниматься тем, чем хотелось бы, а также иногда приходится поступаться принципами в различных сложных ситуациях. И все же духовно-нравственный стержень, несмотря на возрастные особенности и недостаточный жизненный опыт, будет в значительной степени определять жизненные интересы и пути. И именно согласно личной системе ценностей наша жизнь наделяется тем или иным смыслом. То, что ценно и, соответственно, важно, дает осмысленность нашей жизни. Таким образом,

узнав, какие жизненные ценности человек считает именно для себя наиболее важными, а также что наполняет смыслом его жизнь, мы можем составить представление о его реальных ценностях.

Распределение ответов молодых респондентов о наиболее важных для себя жизненных ценностях, с одной стороны, отражает возрастные особенности и потребности (дружба – 71% опрошенных, любовь – 54%, яркие впечатления – 31%, интересный досуг – 28%), с другой стороны, в очередной раз демонстрирует, что для нашей молодежи имеет большое значение такая традиционная ценность, как семья и дети – 67%. Для большинства важно саморазвитие (65%), для почти половины – душевное равновесие (47%), пятая часть стремится к познанию (21%).

Две трети студентов одной из важнейших ценностей считают здоровье (65%). Около половины заинтересованы в достижении комфорта и материального благосостояния (по 46% обе позиции). Почти столько же нуждаются в том, чтобы их работа была интересной (44%). О большой роли творчества в жизни заявляет треть респондентов (33%). Также к значимым для молодежи ценностям можно отнести личную независимость (40%) и справедливость (39%). Как видим, если в случае с традиционными ценностями респонденты упоминали о справедливости нечасто, то среди наиболее важных личных ценностей она занимает довольно значительное место.

Среди значимых для более пятой части респондентов ценностей можно назвать репутацию (23%), толерантность (23%) и познание (21%).

В целом можно сказать, что *для большинства студентов наиболее важными в жизни являются дружба, семья, саморазвитие и здоровье – базовые общечеловеческие ценности, а также стремление к личностному росту*. В меньшей степени заботят молодежь достижение власти, известности и общественного признания (около 8% по каждой позиции). На этом же уровне важности находится долг (перед Родиной, людьми) (9%), на этот факт следует обратить внимание в сфере патриотического воспитания. Также при работе с молодыми гражданами нужно учитывать, что не так высока среди них доля тех, для кого важны традиции (14%) и национальное достоинство (13%).

Для студентов КБР очень большое значение имеют семья, дети и друзья, в то время как для московских и кировских студентов также важна дружба, но кроме нее в первую тройку по степени важности входят саморазвитие и здоровье. Обнаруживаются и другие региональные различия: у студентов столицы и центральной части России, в от-

личие от северокавказских студентов, значительно выше запрос на душевное равновесие, комфорт, материальное благосостояние, интересную работу, творчество. Для студентов из КБР характерна бóльшая значимость таких ценностей, как репутация, традиции, национальное достоинство, и в существенно меньшей степени выражен запрос на развлечения и интересный досуг.

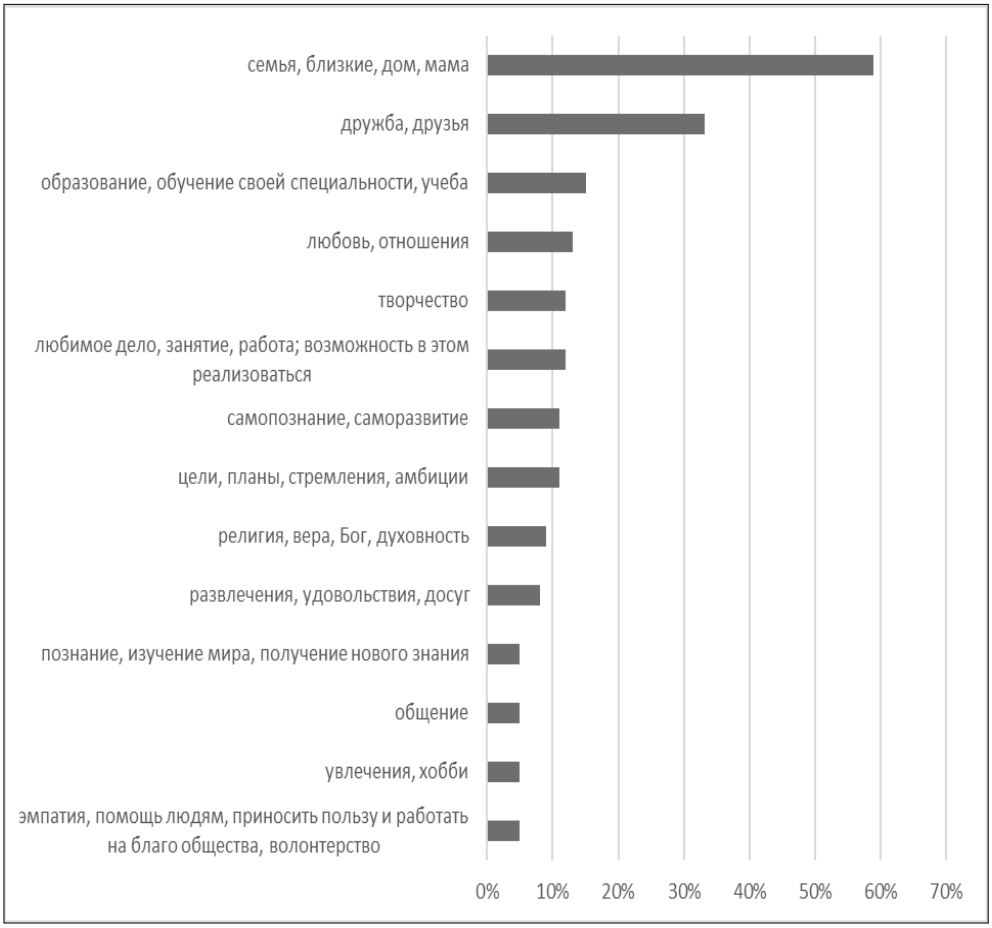
Несмотря на еще недостаточный жизненный опыт, молодые люди все же имеют некоторые представления о реальной жизни, глядя на то, какими жизненными стратегиями для достижения успеха пользуются их родные, близкие, окружающие, да и они сами в некоторых ситуациях. Лишь треть опрошенных полагает, что следование своим принципам и ценностям является важной составляющей жизненного успеха, т.е. значительное число студентов (две трети) допускают, что столкновение с реальностью может потребовать пойти на уступки внутри себя в ущерб своим убеждениям. Означает ли это, что две трети респондентов могут легко пересмотреть свою систему ценностей в сторону ее ослабления для достижения успеха и жизненных благ? По всей видимости, для какой-то части студентов это так, но нельзя не учитывать такие существенные факторы влияния, как духовно-нравственная основа мыслей и действий своих и окружающих и предоставление молодым гражданам возможностей и механизмов реализации жизненных целей со стороны государства и общества.

В ходе исследования мы задавали студентам открытый вопрос: «Что наполняет смыслом Вашу жизнь?». Ответ на такой вопрос не может не быть связан с направлениями практической деятельности и жизненными планами, которые, в свою очередь, в значительной степени обусловлены системой личных ценностей. Таким образом, анализ ответов на данный вопрос дает возможность оценить, на какие ценности молодежь опирается в своей реальной жизни.

Подавляющее большинство респондентов дали ответ на вопрос о смысле жизни (88%); десятая часть, посчитав его очень личным или поленившись, проигнорировала вопрос; студентов, находящихся в состоянии неопределенности в отношении смысла собственной жизни, набралось около 2%. Самыми открытыми оказались студенты московских вузов – практически все дали ответ (98%), с наибольшей неохотой на данный вопрос отвечали студенты из КБР – ответ дали 74% опрошенных. Кировская область снова заняла промежуточное положение.

Как видно на Диагр. 3, в первую очередь смыслом жизни опрошенных является семья. Так ответило около двух третей студентов (Диагр. 3). На втором месте с довольно большим отставанием идет дружба (33%). Затем, также с существенным отставанием, но небольшой разницей между собой, обозначается группа ответов: образование, обучение своей специальности, учеба (15%); любовь, отношения (13%); творчество (12%); любимая работа, любимое дело и возможность в этом реализоваться (12%); самопознание и саморазвитие (11%); цели, планы, стремления (11%).

Диаграмма 3. *Что наполняет смыслом Вашу жизнь? (в % от давших ответ)*



Религиозное и духовное служение и поиск свойственны почти десятой части студенческой молодежи (9%). Обретают смысл жизни в развлечениях, удовольствиях и возможности отдыхать 8%. Для небольшой части опрошенных важны познание, изучение мира, получение нового знания (5%); общение (5%); увлечения, хобби (5%).

Обращает на себя внимание то, что альтруистические ценности занимают важное место в жизни лишь для незначительного числа опрошенных. Эмпатию, помощь людям, волонтерство, стремление приносить пользу и работать на благо общества назвали важными для себя 5%.

В региональном разрезе видно, что *для значительно бóльшей (хотя в целом и небольшой) доли московских и кировских студентов, по сравнению со студентами из КБР, важным смысловым наполнением их жизни является самореализация, а для столичных респондентов это еще культура и путешествия*. Значимость денег как жизненной ценности в общем массиве дает невысокий показатель, но среди студентов из КБР тех, кто указывает на эту позицию, в два раза больше, чем в Москве и Кировской области.

Жизненные ценности и религия. Что касается религиозности современной студенческой молодежи, то относят себя к той или иной религии около половины респондентов. Более трети студентов не религиозны. Около десятой части затруднились с ответом на вопрос о религиозной принадлежности.

Региональный срез показывает, что наибольшее число приверженцев к определенной конфессии наблюдается в Кабардино-Балкарии (две трети опрошенных студентов республики). В данном регионе, конечно же, это ислам. Кроме того, в этом регионе существенно больше, по сравнению с двумя другими регионами, тех, кто затрудняется с ответом на вопрос, т.е., как можно предположить, в какой-то степени задумывается о месте религии в своей жизни. И в Москве, и в Кировской области относят себя к религии по 40% респондентов. Не религиозны половина студентов в Москве и чуть меньше половины в Кировской области. В этих регионах в подавляющем большинстве называются православие и христианство.

Распределение по конфессиям в общей выборке выглядит следующим образом: ислам – 45% респондентов; православие и христианство (31% и 22 % соответственно). Очевидно, что в тех случаях, когда

студенты указывают христианство, как правило, имеется в виду православное христианство, таким образом, смело можно говорить о принадлежности половины всех опрошенных к православию. Другие конфессии в выборке не представлены, за исключением очень незначительной доли (1%) буддистов в Москве.

Для большинства (72%) тех, кто является адептом той или иной религии, она играет важную роль в жизни, положительно влияет на жизненные ценности и придает существованию высший смысл. В случае остальных 28% студентов, заявляющих о принадлежности к религии, она, возможно, не так сильно укоренена в мировоззрении, обусловлена традициями среды проживания (дань традициям) и имеет скорее парадный характер, а также может восприниматься как культурное явление (об этом см. ниже). Можно предположить, что по мере взросления у этой части молодежи будет происходить более глубокое осмысление религиозных ценностей.

В целом по выборке, доля тех, на чьи ценности положительно влияет религия, не столь велика – одна треть всех опрошенных. Большинство (более половины) заявили, что религия не влияет на их жизненные ценности, 5% затруднились оценить влияние. Тех, кто считает, что религия ограничивает свободу личности, немного – 4%. Еще столько же респондентов давали собственные ответы на вопрос о влиянии религии, суть которых можно свести к нескольким утверждениям:

1. Религия формирует моральные и нравственные принципы.
2. Религия воспринимается как часть культуры.
3. Религия в какой-то степени положительно влияет на жизненные ценности, но и в чем-то ограничивает свободу.
4. Религия не всегда связана с жизненными ценностями, нравственным можно быть, не будучи религиозным.

Наибольшее влияние на жизненные ценности студентов религия оказывает в КБР. Об этом заявили две трети опрошенных в республике, в этом регионе также минимальное количество тех, по чьему мнению, религия ограничивает их свободу. Для пятой части студентов религия имеет нейтральный характер.

В Москве и Кировской области численность тех, на чьи жизненные ценности религия влияет положительно, одинакова (по одной пятой). При в этом в Москве гораздо больше тех, кто говорит об ограничительном воздействии религии на свободу личности (8%), в то вре-

мя как Кировская область является лидером по количеству респондентов с ответом: «Нейтрально, религия не влияет на мои жизненные ценности» (70%).

Общественно-политическая активность молодежи. Жизненные ценности определяют действия людей в общественно-политической сфере, активность в этой сфере находится в определенной зависимости от потребностей личности (*Гуреева* и др. 2021: 51–73). Через социальные и политические институты транслируются ценностные ориентиры в политике и социокультурной жизни. Ценности влияют на идеологию, политическую культуру и политическую систему, в свою очередь, процесс политической социализации и политические ценности участвуют в формировании личности (*Барлыбаев* 2014: 24–27).

Молодежь – динамичная социальная группа, которая будет определять развитие общества и государства в будущем. Она имеет инновационный потенциал, который может стать источником изменений и улучшений в общественной жизни. От общественно-политической активности молодежи в немалой степени зависит то, как будут развиваться государство и общество. Некоторые исследователи отмечают, что в последние годы, вопреки мнению о слабой вовлеченности молодежи в политическую жизнь, распространенному в отечественном дискурсе, политическая активность молодых российских граждан все больше возрастает за счет новой формы политического активизма. Развитие цифровых технологий привело к появлению новой формы коммуникации между различными субъектами общественно-политической сферы и нового инструмента влияния на гражданское общество – цифрового активизма (*Гуреева* и др. 2021: 58–59). Социальные сети, мессенджеры становятся, в первую очередь для молодежи, основной площадкой, для выражения гражданской и политической позиции и координации политических действий (см.: *Колесниченко, Давлетшина* 2020: 3–27; *Гавра* 2020: 39–41; *Игнатовский* 2021: 84–89). В то же время, как показывает недавнее (2021 г.) исследование Российского института стратегических исследований совместно с Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН (ФНИСЦ РАН), охватившее свыше 6 тыс. человек, уровень вовлеченности молодежи в политические процессы в виртуальном пространстве пока довольно низок (не более 4%) (*Попов* 2022: 40).

Общественно-политическая активность молодежи вне рамок медиа- и интернет-пространства на протяжении нескольких десятилетий была также невысока в силу ряда факторов: утраты доверия институтам власти, неудовлетворенности молодых людей степенью и формами политического участия, правового нигилизма, отсутствия веры в возможность изменений и улучшений легитимными способами. Не надо сбрасывать со счетов также и возрастные особенности, характерные для молодых, – когда они на данном этапе жизни в первую очередь ориентированы на достижение личных целей (обучение, поиск работы, выстраивание карьеры, поиск спутника жизни).

Ряд экспертов отмечает, что после начала проведения специальной военной операции Вооруженными силами РФ на территории Украины, наблюдается повышение интереса молодых граждан к решениям руководства страны, увеличение их вовлеченности в гражданские и политические инициативы (Там же: 44). Безусловно, глобальные изменения геополитических трендов, усиление влияния России на внешнеполитической арене, значительные внутрироссийские изменения практически во всех сферах жизни не могут не оказывать влияние на молодых граждан. Именно поэтому актуально изучать, каким образом меняется ситуация с их общественно-политической активностью в последние несколько лет.

В августе–сентябре 2022 г. автором был проведен онлайн-опрос молодежи в возрасте 18–35 лет, в одну из задач которого входили оценка степени вовлеченности респондентов в общественно-полезную деятельность и выявление форм участия в политической жизни страны.[2] Исследование показало, что к концу 2022 г. продолжала сохраняться большая степень аполитичности российской молодежи, недоверие к политическим партиям и движениям, слабая вовлеченность в политические процессы и общественную жизнь страны. О своем неучастии в этом заявляло 27% опрошенных (среди молодежи с образованием выше среднего в возрасте 18–24 лет – 32%; среди молодежи со средним, средним специальным и начальным образованием в возрасте

[2] Исследование проводилось в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований Минобрнауки РФ «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020-2022 гг. (рук. В.А. Тишков) в Центральном, Приволжском, Северо-Кавказском федеральных округах и городе федерального значения Москве. Выборка составила 800 чел.

18–24 лет – 37%). Предпочтительным способом для части молодежи заявить о своих проблемах и инициативах являлось подписание петиций и обращений (29% опрошенных). Готовность к использованию протестных и агитационных действий в отстаивании своих интересов была характерна для небольшой части молодых людей (8%) (*Кульбачевская* 2023: 178–180).

В ходе пилотного исследования осенью 2023 г. мы также изучали тему вовлеченности студенческой молодежи в общественно-политическую жизнь страны, респондентам задавался вопрос «Какими формами общественно-политической деятельности Вы занимаетесь?». Почти половина опрошенных заявила о том, что они не участвуют в этой деятельности. Вопреки прогнозам некоторых экспертов об увеличении вовлеченности молодежи в гражданские и политические инициативы мы наблюдаем обратную тенденцию. В 2023 г. в перечень ответов на вопрос не был включен вариант, касающийся цифрового активизма (высказывание своей позиции, написание постов, распространение петиций, призывов к решению той или иной проблемы в интернете), поскольку нашей задачей было оценить участие молодежи в традиционных формах общественно-политической деятельности вне интернет-пространства, т.е. практические шаги в реальной жизни. Возможно, если бы студентам был предложен такой вариант ответа, как цифровой активизм, доля заявляющих о своем неучастии сократилась бы. Однако, даже с учетом этого показатель неучастия молодых граждан в жизни страны, как нам представляется, все равно остается высоким. Отметим также, что десятая часть респондентов затруднилась с ответом, что может говорить о том, что молодежь не всегда понимает, что такое активная гражданская позиция и что имеется в виду под общественными и политическими процессами.

Основная форма общественно-политической активности, в которую вовлечена студенческая молодежь, – это социально полезная деятельность: участие в волонтерских движениях и помощь нуждающимся (27%). Вторую позицию рейтинга гражданской активности занимает поддержка отечественных производителей (13%). Третье место – участие в деятельности общественных организаций и движений (9%), а также сохранение и продвижение патриотических ценностей (участие в патриотических организациях, акциях и мероприятиях, создание патриотического контента, пропаганда патриотизма в социальных сетях и СМИ) (9%). Участие в политической жизни (в т.ч. в деятельности пар-

тий) и работе органов местного самоуправления не популярно среди студентов (по 2%). Обращает на себя внимание незначительная доля респондентов, участвующих в публичных акциях протеста (2%). Также незначительно количество студентов, обращающихся в органы власти по вопросам нарушения прав граждан (2%).

Поскольку в опросах 2022 и 2023 гг. некоторые предложенные нами варианты ответа на вопрос об общественно-политической деятельности совпадали, мы имеем возможность посмотреть динамику показателей по этим позициям, выделив в отдельную категорию в выборке 2022 г. респондентов с образованием выше среднего:

	Август-сентябрь 2022 г. *Вся молодежь*	**Август-сентябрь 2022 г.** *Средний и низкий уровень образования*	**Август-сентябрь 2022 г.** *Высокий уровень образования (половина из них респонденты 25–35 лет)*	**Август-сентябрь 2022 г.** *% молодежи 18–24 лет со средним и низким уровнем образования*	**Август-сентябрь 2022 г.** *% молодежи 18–24 лет с высоким уровнем образования*	**Ноябрь-декабрь 2023 г.** *студенческая молодежь (в основном респонденты 18–22 лет)*
Не участвую в общественно-политической жизни	27%	32%	**23%**	**37%**	**32%**	**49%**
Участие в волонтерских движениях, помощь нуждающимся (включая сбор средств)	18%	12%	**21%**	**13%**	**23%**	**27%**
Участие в деятельности общественных организаций и движений	15%	13%	**16%**	**16%**	**22%**	**9%**
Участие в деятельности политических партий, движений	5%	2%	**7%**	**2%**	**3%**	**2%**
Участие в публичных акциях гражданского протеста (митингах, демонстрациях, забастовках, голодовках)	8%	8%	**8%**	**7%**	**6%**	**2%**

Мы наблюдаем, что *к концу 2023 г. очень существенно снизился протестный потенциал молодежи. Увеличилась вовлеченность молодых граждан в работу в гуманитарной сфере, в то время как политическая деятельность продолжает оставаться наименее привлекательной формой активности*.

Сравнение показателей для молодежи с высоким и низким уровнем образования подтверждает корреляцию уровня образования со степенью вовлеченности в общественно-политические процессы. Согласно выводам ряда исследователей, степень политического участия и общественной активности у молодежи с высоким уровнем образования выше в силу того, что со студентами активно проводится работа гражданско-патриотического, правового, культурного, социально-ориентированного характера, что позволяет формировать не только активную гражданскую позицию, но и высокий уровень политической культуры (*Орлова* 2020: 171–175; Выяснилось 2022). Если, принимая во внимание результаты наших исследований, мы можем говорить о довольно успешной работе со студентами в гуманитарной и патриотической сфере, то сохраняющийся невысокий интерес студентов к политической активности говорит о том, что в воспитании политической культуры требуются дополнительные усилия.

Осенью 2022 г. в Институте научной информации по общественным наукам РАН было проведено массовое онлайн-анкетирование российской молодежи в возрасте от 14–35 лет (*Попова* и др. 2023: 471–485), которое показало, что для защиты своих интересов в случае их нарушения молодые граждане в первую очередь будут обращаться в государственные органы (более половины респондентов). Возможность защитить свои интересы молодые видят также в форме участия в выборах (чуть более трети), третью позицию занимает политическая коммуникация в онлайн-пространстве (треть опрошенных). На последних местах по частоте ответов находятся готовность участвовать в работе политических партий (16%) и готовность к участию в несанкционированных акциях протеста (11) (Там же: 478–479). Таким образом, в случае угрозы личным интересам количество молодых людей, готовых участвовать в деятельности политических партий, возрастает, но все же остается внизу рейтинга предпочтительных форм активности.

В контексте недостаточной вовлеченности студенческой молодежи в общественно-политическую жизни страны, хочется отметить, что

среди наиболее важных для себя жизненных ценностей долг перед Родиной и людьми назвали всего лишь 9% опрошенных нами студентов; заметную роль в общественной и политической жизни считают важной составляющей жизненного успеха 6%; сделать политику и общественную деятельность частью своего жизненного пути предполагают 7% респондентов. В то же время на фоне этих низких показателей 74% респондентов считают, что в современном российском обществе важна гражданская активность. Возможно, *на современном этапе требуется проведение отдельных исследований, посвященных изучению таких вопросов, как причины нежелания молодежи участвовать в общественно-политической жизни; политическая грамотность молодежи, ее представления о формах и методах гражданской и политической активности.*

Возможными причинами и факторами слабой вовлеченности молодежи в общественно-политическую деятельность, на наш взгляд, могут быть:

– Другие приоритетные потребности и интересы, характерные для данной возрастной группы населения (в нашем случае, это в подавляющем большинстве молодежь 18–25 лет), когда на первое место выходят учеба, карьера, саморазвитие, поиск любви и др.

– Неудовлетворенность своим материальным и социальным положением и вынужденная сосредоточенность на поддержании своего существования. По данным наших опросов, 2% респондентов испытывают бедственное положение; 13% испытывают затруднения в повседневных расходах, но не бедствуют; чуть более трети (36%), хотя и не испытывают затруднения в повседневных расходах, но назвать себя обеспеченными не могут; 4% затруднились оценить свое материальное положение.). Таким образом, 15% студентов испытывают, а еще две трети могут испытывать неудовлетворенность материальным положением и вынуждены решать насущные проблемы по исправлению ситуации – в целом половина опрошенных.

– Политическая неграмотность, отсутствие понимания функций институтов власти и общественных институтов, механизма их взаимодействия, понимания связи своих действий с политическими результатами.

– Недоверие к политическим и общественным институтам, неверие в то, что их мнение и участие могут на что-то повлиять.

– Недостаточный уровень патриотизма.

– Появление новых форм политического поведения (например, «диванная» активность в интернет-пространстве).

– Предпочтение удобной и комфортной жизни (особенно в связи с развитием информационных технологий, сферы электронных, дистанционных услуг, виртуального образа жизни) без затрат на действия во внешней, реальной жизни.

По мере взросления часть этих факторов нейтрализуется, однако очевидно, что необходима работа в сфере повышения гражданской активности молодых граждан страны.

Объединяющие смыслы, предпочтительный путь развития страны и кто планирует свое будущее вне России

В Большой советской энциклопедии дается следующее определение национальной идеи: это форма коллективной идентичности нации, в которой выражаются представления о природе собственного национального единства (*Новиков* 2023). Философы и историки обозначают национальную идею как набор, комплекс смыслов, выражающих национальные черты и особенности нации и определяющих ее прошлое, настоящее, будущее, вектор ее исторического развития (*Иваницкая* б.г.).

Термин «национальная идея» появился относительно недавно (хотя представление о существовании определенных характеристик и свойств народов, которые определяют их исторический путь, возникло в древние времена) и используется в основном в России и на постсоветском пространстве.

В России на протяжении веков формулировались различные варианты «национальной идеи». В период Киевской Руси (IX–XII вв.) «национальная идея» была тесно связана с религиозным мировоззрением, в котором православная вера играла важную роль как объединяющий фактор и оказывала значительное влияние на формирование национального самосознания (*Карамзин* 2012). В начале XVI в. появилась концепция монаха и русского мыслителя Филофея «Москва – Третий Рим», предшествующая образованию Московского царства и получившая свое дальнейшее развитие и значимость в период его существования. Филофей в своем послании (около 1523–1524 гг.) дьяку великого князя московского Василия III Ивановича в Пскове М.Г. Мунехину изложил основные положения своей концепции о том, что Москва – это «Тре-

тий Рим». Согласно концепции Филофея, русское государство является новым центром православного мира после Константинополя, воплощением духовного христианского «царства», последним лидером христианского мира, поскольку «первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому не бывать» (*Григорьева* б.г.). По сути, это была первая концепция национально-государственной идентичности для культурно-религиозной общности православных русских (*Новиков* 2023).

Примерно в XV–XVI вв. в России возникает концепция Святой Руси, которая вышла из народа и отражала его представления. Выражение «Святая русь» получило широкое распространение в период Смутного времени (начало XVII в.), после включения царем Михаилом Романовым понятия «Святая Русь» в свой титул оно приобрело официальный статус, а с середины XVII в. стало являться синонимом святых икон, веры, царя, государства (*Хобсбаум* б.г.) и служило важным элементом национальной идентичности и культуры русского народа (*Успенский* 1998: 676).

В период Российской империи (1721–1917 гг.) реформы Петра I и европеизация страны оказали влияние на развитие национальной идеи. Она становится более светской и ориентированной на модернизацию и укрепление государственного могущества. В период Российской империи национальная идея рассматривалась в контексте Европы. Одни признавали, что Россия отстает от Запада, но ей суждено заимствовать у Европы «полезные сведения» (*Карамзин* 1991: 33), отстаивая при этом свою культурную самобытность, и обогнать ее. Другие полагали, что у России свой собственный путь, поскольку в нравственном и духовном отношении она превосходит Запад (*Фонвизин* 1959: 444), и ее миссия заключается в нравственном очищении и спасении мира (такие идеи высказывали Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, Вл.С. Соловьев, А.И. Герцен и др.).

В Советский период (1922–1991 гг.) была провозглашена идеология марксизма-ленинизма, перед обществом стояла задача построения коммунистического общества. В тот период на смену традиционным национальным ценностям пришла идеология интернационализма и пролетарского единства, при этом патриотизм продолжал играть важную роль, особенно в годы Великой Отечественной войны.

После распада СССР единая идеологическая основа перестала существовать. Кроме того, в новой России в Конституции РФ 1993 г. (ст. 13, п. 2) был закреплено следующее: «Никакая идеология не может

устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Тем не менее, тема национальной идеи продолжала и продолжает присутствовать в общественно-политическом и научном дискурсе страны. Можно выделить несколько направлений поиска национальной идеи современной России.

1. Возвращение к традиционным ценностям и историческому наследию, включая возрождение интереса к православию, монархическим идеям, культуре и искусству дореволюционного периода, а также пересмотр отношения к советскому прошлому (*Поляков* 2013).

2. Либеральное направление, сложившееся в условиях кризиса 1990-х гг., ориентировалось на западную систему ценностей: соблюдение прав человека и достоинства личности, плюрализм, свобода предпринимательства (рыночная экономика), глобализация.

3. Направление, которое можно назвать государственным патриотизмом. Либерализация в экономике после смены политического режима в 1990-е гг. затронула духовно-нравственную сферу, произошла трансформация ценностей, когда «вместо коллективизма и чувства общей сопричастности к истории, судьбе государства заняли место индивидуализм, автономность каждого индивида», при этом «патриотизм не получил нового теоретического наполнения, единой концептуальной формы и поддержки со стороны государства» (*Абдурахманов* 2016: 755–760). В 2010 г. В.В. Путин на заседании Госсовета и Совета по национальным проектам обозначил идею о необходимости развития общероссийского патриотизма для поддержания межэтнического и межконфессионального мира в стране. Тем самым было положено начало процессу формирования на государственном уровне сознания граждан в контексте возрождения национальной идеи, основу которой составляет общегражданский патриотизм (Там же). Государственная политика в сфере патриотизма направлена на создание образа сильного и независимого государства, способного противостоять внешним угрозам, защищать свои национальные интересы и сохранять территориальную целостность.

В дальнейшем президент страны В.В. Путин неоднократно высказывался о том, что национальной идеей России должен быть патриотизм. В 2016 г. на встрече с активом Клуба лидеров он отметил: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма, и это и есть национальная идея» (Встреча с активом 2016). В декабре 2019 г. в ходе ежегодной большой пресс-

конференции президент отметил, что считает патриотизм единственно возможной идеологией современного демократического общества, при условии, что идеология патриотизма должна быть деполитизированной и направленной на укрепление внутренних основ российского государства (*Никольский* 2020). В 2020 г. в интервью программе «Москва. Кремль. Путин» он снова подчеркнул, что российская национальная идея заключается в патриотизме, выраженном в служении «развитию страны, движению ее вперед». При этом патриотизм не должен быть «квасным, затхлым и кислым». Залог успешного развития России президент видит не только в обращении в наше героическое прошлое, но «нужно смотреть в наше не менее героическое и успешное будущее, и в этом залог успеха» (Там же).

Теперь рассмотрим содержательное наполнение, элементы национальной идеи, которые предлагались в постсоветской России. В целом, поиск современной национальной идеи характеризуется попытками создать новую национальную идентичность, основанную на сочетании традиционных ценностей и современных реалий. К составляющим новой национальной идеи относятся: историческая память и преемственность поколений, когда история представляется как непрерывная цепь событий, связывающих прошлое, настоящее и будущее страны; православие и духовные ценности; многонациональность и единство народов России; суверенитет, внешнеполитическая независимость, а также концепция многополярного мира, в котором Россия занимает одно из ключевых мест.

Что касается суверенитета нашей страны, В.А. Тишков отмечает, что основы, которые делают нашу страну и ее народ суверенными и влиятельными в современном мире, – это гражданская солидарность, общие историко-культурные ценности, чувство сопричастности с Россией как своей Родиной и патриотизм (*Тишков* 2021). Автор подчеркивает, что суть национальной идеи России должна заключаться в реализации общенационального проекта развития страны на основе обеспечения благополучия, безопасности, равноправного и солидарного взаимодействия и сотрудничества всех россиян независимо от их этнической принадлежности и религиозных убеждений (Там же).

Безусловно, большинству молодых граждан в силу своего возраста и сложности темы сложно дать ответ на вопрос, какой должна быть национальная идея России. Тем не менее, в ходе нашего исследования мы задавали студентам этот вопрос с целью изучения их мнения о

необходимости и содержании национальной идеи, которое, как нам представляется, должно учитываться при определении стратегии долгосрочного развития страны. Кроме того, ответы респондентов могут показать, какие смыслы являются для них объединяющими в общегражданском измерении и какой путь развития они предпочитают для своей страны.

Как и ожидалось, большинство студентов (70%) затруднились с ответом на вопрос «Что, по Вашему мнению, могло бы стать национальной идеей России?», проигнорировала вопрос небольшая часть опрошенных (4%), а пятая часть высказала свое мнение (26%).

Наибольшие затруднения данный вопрос вызывал у студентов из КБР (83% затруднились с ответом, дали ответ 13%), самая большая доля ответивших была среди московских студентов (58% затруднились, 39% дали ответ), Кировская область заняла промежуточное положение (затруднились 71%, дали ответ 25%).

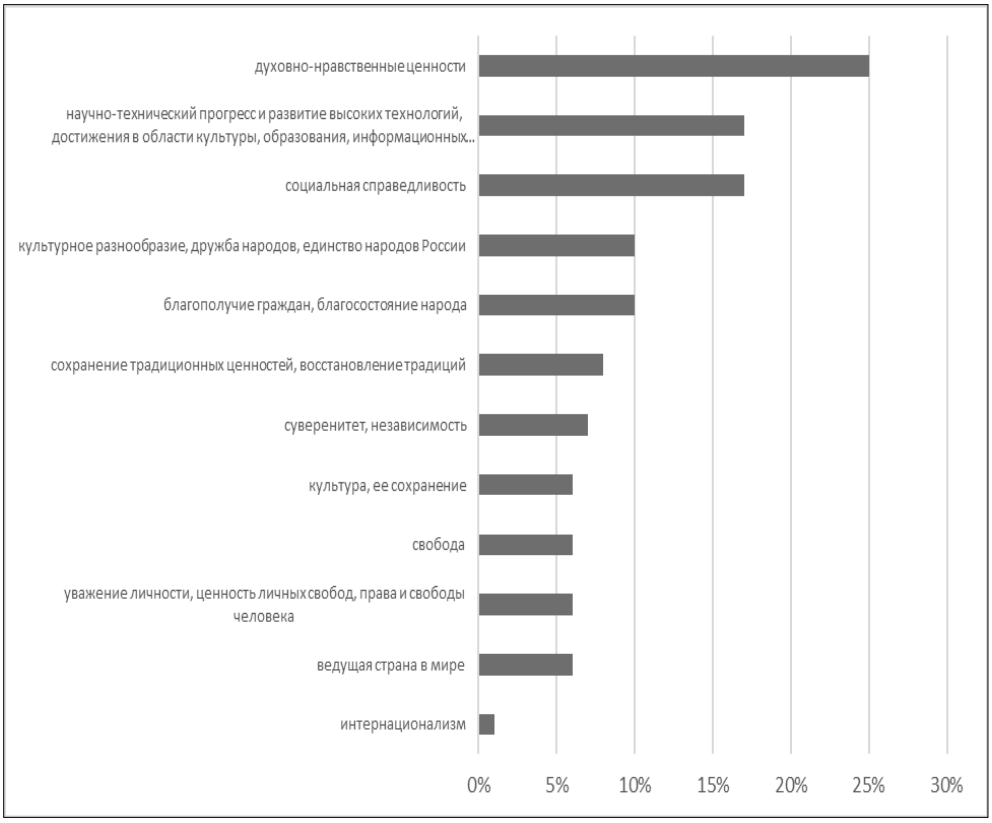
В вариантах студенческих ответов представлены многие содержательные аспекты национальной идеи, присутствующие в дискурсивном поле постсоветской России (Диагр. 4). Безусловное лидерство в представлениях респондентов об объединяющей всех россиян идее принадлежит духовно-нравственным ценностям. Четверть тех, кто дал ответ на вопрос о национальной идее, озвучили такие духовно-нравственные понятия, как:

– патриотизм, любовь к Родине (5%)
– миролюбие, пацифизм (5%)
– единство, сплоченность (3%)
– гуманизм (2%)
– братство (2%)
– нравственная и моральная чистота, духовная целостность (1%)
– история (1%)
– семья (1%)
– взаимоподдержка, взаимопомощь (1%)
– ответственность (1%)
– трудолюбие (1%)
– достоинство (1%)
– коллективизм (1%)

Второе место разделяют научно-технический прогресс, развитие высоких технологий, достижения в области культуры, образования, информационных технологий (17%) и социальная справедливость

(17%). Близка к социальной справедливости и идея благополучия граждан, благосостояния народа (10%). Многонациональность, культурное разнообразие, единство народов России (10%) можно было бы отнести к категории духовно-нравственных ценностей, но в данном случае мы выделили их отдельной позицией, чтобы подчеркнуть значимость для части молодежи гражданского единства через единение народов России, ее поликультурность.

Диаграмма 4. *Что могло бы стать национальной идеей России*



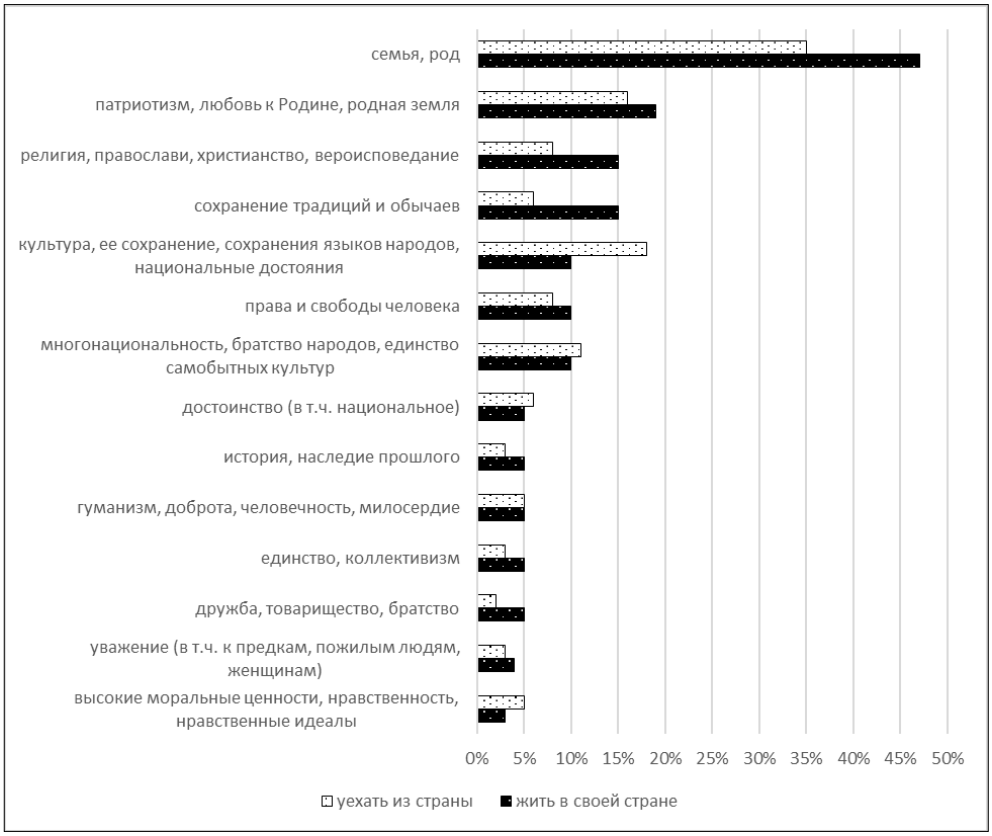
Обобщая, можно сказать, что *основными объединяющими факторами и предпочтительным путем развития своей страны для студенческой молодежи являются модернизация, научно-технический прорыв суверенной, независимой России, благополучие ее граждан на основе социальной справедливости, многонациональное единство и культур-*

ное разнообразие при безусловном сохранении духовно-нравственной основы для всего перечисленного. Также мы наблюдаем наличие запроса у молодежи на сочетание традиционных ценностей, современных реалий и заглядывание в будущее (высокие технологии). При этом у большинства респондентов нет амбиций в отношении того, чтобы их страна заняла ведущее место на мировой арене.

По данным мониторингового опроса ВЦИОМ весной 2024 г., абсолютное большинство россиян не рассматривали для себя переезд за границу на постоянное место жительства (93%), а доля озвучивших намерение уехать из страны достигла минимума за все время мониторинга ВЦИОМ (с 1991 г.) – 5% (Эмиграционные настроения 2022). По результатам нашего исследования, среди студенческой молодежи тех, кто на вопрос о предпочтительном жизненном пути дает ответ «уехать в другие страны», значительно больше – более четверти респондентов (27%). Что же отличает этих студентов и каковы возможные причины их желания строить свою жизнь в других странах?

Как показывает Диагр. 5, структура представлений о традиционных ценностях России у настроенных на эмиграцию студентов практически совпадает с представлениями тех, кто уезжать не планирует. Однако заметны и некоторые отличия. Настроенные на эмиграцию среди традиционных ценностей реже называют семью, религию и сохранение традиций и обычаев, но чаще указывают культуру. С учетом корреляции представлений о традиционных ценностях с личной нормативной системой (когда замечаешь то, что есть в тебе самом) можно предположить, что студенты, для кого предпочтительней уехать в другие страны, характеризуются меньшей привязанностью к семье, среди них меньше религиозных людей (либо они не расценивают религиозность как ценность), национальные традиции не имеют для них большого значения в отличие от культуры в самом общем ее понимании, не столь важны история страны и наследие прошлого. При этом они так же, как и остальные, обладают такими качествами, как гуманизм, доброта, человечность, милосердие, стремятся к высоким моральным и нравственным идеалам; уважают представителей других национальностей, признают единство самобытных культур, но менее других настроены на коллективизм.

Диаграмма 5. *Представления студентов о традиционных ценностях России*

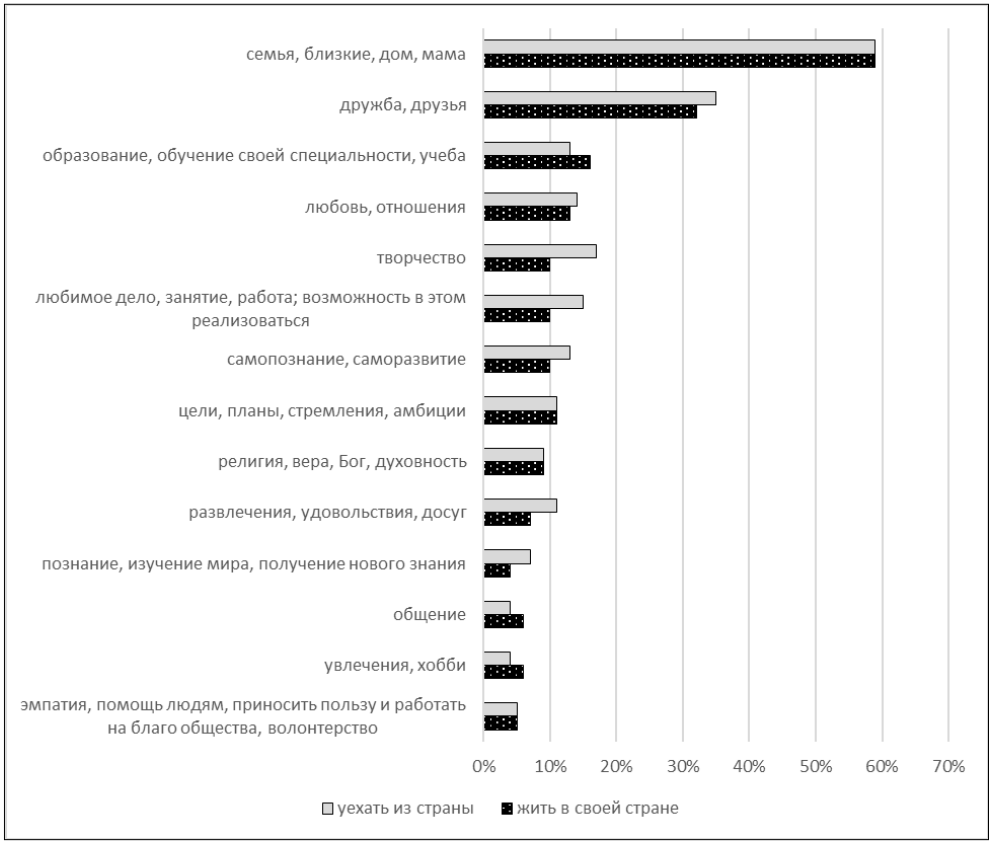


Обращает на себя внимание, что среди них в два раза больше тех, кто «традиционной ценностью» России называет жалобы на жизнь и нытье (2%), а также отмечает настойчивость, несгибаемость, непоколебимость, напористость, силу характера, силу духа (2%). Это может указывать на то, что потенциальные эмигранты не приветствуют негативное мышление, неуверенность в себе, перекладывание ответственности на других людей и внешние обстоятельства, при этом обладают такими качествами, как решительность, способность действовать и менять не устраивающую их ситуацию.

Если сравнивать рассматриваемые группы студентов по тому, что наполняет смыслом их жизнь (Диагр. 6), то здесь, как и в случае с пред-

ставлениями о традиционных ценностях, мы видим одинаковый набор смысловых жизненных компонент, но опять же есть некоторые различия.

Диаграмма 6. *Что наполняет смыслом жизнь студентов*



Для тех, кто хотел бы уехать, бóльшее значение имеют творчество, любимое дело (работа) и возможность в нем реализоваться, они в бóльшей степени стремятся к собственному развитию, при этом у них больше выражена потребность получать удовольствия и развлекаться. Кроме того, среди них чаще встречаются те, кто нацелен на успешную карьеру и любит заботиться о себе и уделять себе время. Можно предположить, что для таких людей характерен высший уровень потребностей человека по пирамиде Маслоу – самоактуализация (реализация своих целей и развитие личности), и, принимая во внимание их ориентированность на творчество и общемировую культуру, предыдущий уровень – эстетические потребности (гармония, красота). В пользу

нашего предположения говорит еще и то, что среди планирующих уехать в другие страны в два с лишним раза больше тех, чей смысл жизни наполняют путешествия и новые, яркие впечатления и их разнообразие, поскольку путешествия и связанные с ними яркие эмоции помогают быстро удовлетворить высший уровень потребностей по пирамиде Маслоу – самоактуализацию (*Карась* 2016).

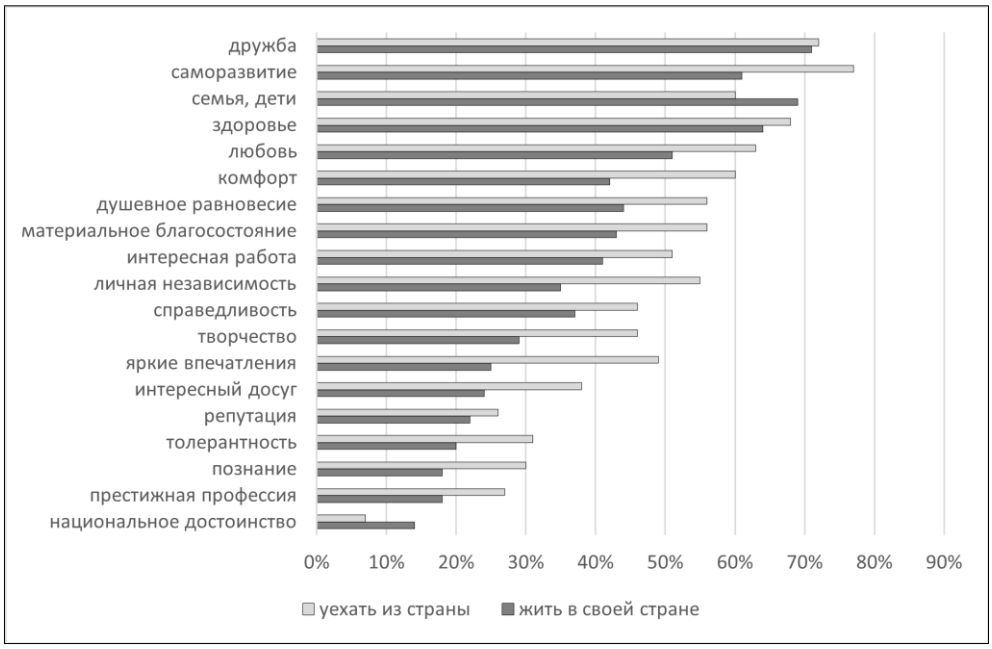
Без удовлетворения более низких, базовых уровней потребностей человека, таких как физиологические (голод, жажда и др.) и потребность в безопасности (чувство уверенности, комфорт, постоянство условий жизни), труднодостижимо или невозможно удовлетворять потребности высокого уровня. Логично предположить, что студенты, в чьи намерения входит отъезд из страны, считают, что в России для достижения своих жизненных целей им придется преодолевать трудности, находясь в состоянии неопределенности, они не видят для себя здесь возможностей, благоприятных условий и перспектив, не уверены в счастливом будущем России.

Вышесказанное еще раз подтверждает сравнительный анализ распределения ответов на вопрос о самых важных составляющих жизненного успеха. Доля среди планирующих уехать из России выше, по сравнению с теми, кто остается, для таких вариантов ответов: карьера (почти в два раза); наслаждение искусством, красотой (почти в два раза); интересная работа (на 13%); дружба, товарищеские отношения (на 13%); финансовое благополучие (на 9%); самореализация (на 8%); здоровье и долголетие (на 8%). Друзей, дружеские связи в данном контексте можно расценивать, как поддержку в условиях отрыва от семьи при отъезде и как ресурс для достижения жизненных целей (при поиске работы, выстраивании карьеры, материальная взаимопомощь и др.). А нацеленность на здоровьесбережение и долголетие (как ресурс) говорит о серьезном намерении достигать желаемого.

В случае сравнительного анализа личных ценностей тех, кто ориентирован на отъезд из страны, и тех, кто остается, мы снова наблюдаем схожесть их иерархий в обеих группах, но различия в долевом выражении (Диагр. 7). Анализ еще раз подтверждает бóльшую значимость для студентов-потенциальных эмигрантов саморазвития, творчества, ярких впечатлений, карьеры (престижная профессия), комфорта (и материального благосостояния), интересного досуга и меньшую ориентированность на семейные ценности. К этому добавляются

бóльшее стремление к личной независимости, справедливости, душевному равновесию. В существенно меньшей степени, по сравнению с другими студентами, в них выражено национальное достоинство.

Диаграмма 7. *Наиболее важные для студентов ценности*



Что касается личных ценностей, занимающих самые низкие позиции по частоте упоминаний, то здесь также обнаруживаются характерные особенности. Власть, известность, общественное признание не важны для подавляющего большинства всех опрошенных, но среди тех, кто предпочел бы уехать из страны, стремящихся к власти в полтора раза больше, к известности и общественному признанию – в три раза. То есть мы можем говорить об амбициозности и честолюбии таких студентов. И последнее. *Если долг перед Родиной и людьми является важной жизненной ценностью для чуть более десятой части студентов, не желающих покидать Россию, то среди предпочитающих уехать почти в три раза меньше тех, для кого это является ценностью*.

Попробуем разобраться, что может не устраивать их в России, и чего они, по их мнению, не могут получить здесь из того, что хотят.

Как уже говорилось, студенты данной категории, ставящие перед собой амбициозные цели и задачи, нацеленные на комфортную, спокойную, стабильную в экономическом отношении жизнь, и не готовые неопределенное время преодолевать трудности в обеспечении базовых потребностей, могут считать, что в России осуществление их желаемого жизненного сценария невозможно, по крайней мере, в ближайшем будущем. В пользу такого предположения говорят следующие полученные нами данные:

1. Настроенные на эмиграцию студенты не верят в скорую модернизацию и успешное социально-экономическое развитие России. Большинство из них (77%) считают, что научный и технологический рывок в нашей стране может произойти не раньше, чем через 10, а то и 40 лет. Среди желающих остаться таких респондентов существенно меньше (58%). В три раза чаще среди студентов-потенциальных эмигрантов встречаются мнения, что в России никогда ничего хорошего не получится (2,4% среди желающих уехать против 0,8% среди остающихся).

2. Что касается образа России будущего, то существенно чаще в группе желающих уехать респонденты хотели бы видеть Россию, похожей на страны Запада и примыкающей к нему, а если страной, придерживающейся своих традиций в образе жизни, религии и культуре, то все равно усвоившей западные образцы в политике и экономике. Доля таких респондентов в своей группе 35%.

Все это дополняется меньшей ориентацией потенциальных эмигрантов на семью, национальные традиции и национальное достоинство, т.е. общегражданские объединяющие ценности, характерные для большинства, для этой группы менее важны, в приоритете у них достижение своих личных целей и поиск хороших условий для этого. Принимая во внимание модернистский уклон в системе ценностей таких студентов и их предпочтительную модель развития России с привязкой к Западу, можно сказать, что часть из них хотела бы уехать из страны по политическим мотивам. Но среди них есть и такие, кто готов покинуть свою страну в поисках благоприятных для реализации жизненных целей условий (7% хотели бы, чтобы политические и экономические интересы, а вслед за тем и культурные связи России все больше перемещались на восток).

Заключение

Согласно результатам нашего исследования, в системе представлений студенческой молодежи присутствуют практически все традиционные ценности России, законодательно закрепленные в Указе Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в поправках к Конституции и ряде других государственных нормативных актов. Структура декларируемых студентами личных ценностей также практически полностью, хотя и в разном долевом выражении, отражает ценностные ориентиры официального перечня. Это говорит о лояльности молодых граждан к традиционным российским ценностям и соответствии мировоззрения студенческой молодежи мировоззренческой модели, обозначенной государством.

Следует отметить, что такая ценностная норма, как созидательный труд, в структуре важных для молодежи личных ценностей, занимает последнее место, поэтому при реализации государственной политики в области сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей в молодежной среде следует уделять отдельное внимание утверждению этой нормы.

Значительное количество студентов, затруднившихся назвать традиционные ценности России, с одной стороны, может говорить о том, что часть студентов – представителей интеллектуальной элиты российской молодежи – не имеют представления об объединяющих ценностях своего народа, и эту ситуацию следует исправлять, с другой стороны, учитывая высокую степень общегражданской идентичности в молодежной среде, можно предположить, что для затрудняющихся назвать традиционные российские ценности все же присуще чувство сопричастности своему народу на основе общеразделяемых ценностей на невербализируемом уровне.

Что касается ценностей, на которые молодые люди в той или иной степени опираются в реальной жизни, то огромная доля в ее структуре также приходится на духовно-нравственные ценности (в совокупности), но некоторые из них представлены в незначительной степени. Наблюдаются небольшое влияние религии на жизнь молодых людей и слабо выраженный альтруизм как форма бескорыстной заботы и помощи другим.

В отношении религии нужно сказать, что по мере взросления возможно более глубокое осмысление религиозных ценностей, духовное служение может выражаться не только через религию, кроме того, религиозная и духовная жизнь – это сугубо личная, деликатная сфера, поэтому вмешательство государства в эту сферу не представляется целесообразным. Но альтруистические ценности должны воспитываться с детства и в этом государство может оказать содействие.

В настоящее время продолжает сохраняться слабая вовлеченность молодежи в политические процессы и общественную жизнь страны. Можно отметить, что к концу 2023 г. существенно снизился протестный потенциал молодежи, пусть и незначительно, но увеличилась деятельность молодых граждан в гуманитарной сфере, в то время как политическая деятельность продолжает оставаться наименее привлекательной для них формой активности. На фоне низких показателей участия студентов в общественно-политической жизни страны подавляющим большинством респондентов декларируется важность гражданской активности в современном российском обществе.

Возможно, на современном этапе требуется проводить исследования, направленные на изучение причин нежелания молодежи участвовать в общественно-политической жизни; мероприятия по повышению политической грамотности молодежи; информировать ее о формах и методах гражданской и политической активности, разъяснять функции институтов власти и общественных институтов, а также механизмы их взаимодействия.

Основными объединяющими факторами и предпочтительным путем развития своей страны для студенческой молодежи являются модернизация, научно-технический прорыв суверенной, независимой России, благополучие ее граждан на основе социальной справедливости, многонациональное единство и культурное разнообразие при безусловном сохранении духовно-нравственной основы для всего перечисленного.

У части молодежи есть запрос на сочетание традиционных ценностей, современных реалий и высокотехнологичное развитие на пути в будущее. Большинство респондентов хотят видеть Россию независимой самобытной страной, занимающей достойное место в многополярном мире; пятая часть студентов в будущем предпочитает видеть свою

страну, занимающую ведущее место на мировой арене и чью модель развития и культурные образцы перенимают другие страны.

Тех, кто желает, чтобы Россия ориентировалась на Запад и развивалась по западным образцам, чуть более четверти опрошенных, в первую очередь, это те студенты, которые в качестве предпочтительного для себя жизненного пути выбирают отъезд из страны. Таких студентов отличают модернистская направленность в системе ценностей, меньшая ориентация на семью, этнонациональные традиции и национальное достоинство, амбициозные цели и намерение их достигнуть, потребность в комфортной, стабильной в экономическом отношении жизнь и неготовность преодолевать трудности в обеспечении базовых физиологических и экономических потребностей. По всей видимости, такие студенты не видят для себя возможностей для осуществления желаемого ими жизненного сценария в России в ближайшем будущем.

В целом, современную российскую студенческую молодежь можно охарактеризовать следующим образом: она обладает значительным духовно-нравственным потенциалом, ей свойственен приоритет духовного над материальным. Для большинства жизненный путь означает работу по своей специальности, что является в какой-то степени служением стране и обществу. Исследование выявило существенный творческий потенциал молодежи (для трети наиболее важной ценностью является творчество, около трети хотели бы творчески себя проявить в жизни). В этой связи излишне говорить, что государство должно способствовать раскрытию духовно-нравственного потенциала молодежи, предоставлять условия для ее успешной профессиональной реализации, обеспечивая базовые жизненные потребности, предоставлять возможности участия в политических и социальных процессах, давать свободу в реализации ее творческого потенциала.

И последнее, о чем невозможно не сказать. Человек в силу сложности, присущей всему мирозданию, содержит в себе как положительные, так и отрицательные качества. Какие из них будут приняты за основу системы норм, ценностей и жизненных стратегий индивида, в очень значительной степени зависит от воспитания и окружающей среды. Нашей молодежи присущи высокие моральные качества, но в то же время, как отмечает А.Л. Андреев (*Андреев* 2024,

глава «Образы будущего России и жизненные ожидания граждан» в настоящей монографии), молодые граждане составляют самую «прозападную» социально-демографическую группу российского обществам и в наибольшей степени поддерживают идеологию свободного рынка в нашей стране.

На современном этапе Россия ставит перед собой задачу воспитания молодого поколения на традиционных российских ценностях. Одним из основных инструментов этого процесса является медиасфера. И вот здесь мы наблюдаем диссонирующие проявления. С одной стороны, в общественно-политических, новостных и др. передачах пропагандируются высокие морально-этические нормы, с экранов телевизоров президент страны многократно подчеркивает важность сохранения духовно-нравственных ценностей, фильмы советского периода погружают в атмосферу чистоты, с другой стороны, из этой атмосферы постоянно «выдергивает» коммерческая реклама, целью которой является получение максимальной выгоды для рекламодателей. Для достижения этой цели используются манипуляции массовым сознанием, пробуждающие низменные инстинкты и качества человека (жадность, стремление получить что-то бесплатно, урвать, страх не иметь того, что имеют другие, еда и вещи, возведенные в культ и др.), при этом цинично обращенной к добрым чувствам (создание праздничного настроения, пробуждение желания сделать подарок близким и др.). Приведем примеры. Реклама 2024 г. российского интернет-сервиса для размещения объявлений о товарах, недвижимости, услугах «Авито»: «Впервые на экранах! Встречайте! На Авито пришла Хватамба! Скидки людям от людей!». На наш взгляд, такого рода реклама просто унижает человеческое достоинство, поскольку предназначена для людей очень низкого уровня развития. Литературных героев великой русской классики в один миг избавляет от всех проблем реклама банка ВТБ, и вот уже главная героиня пьесы А.Н. Островского «Бесприданница» счастлива и довольна жизнью, ведь она теперь не нуждается в приданном – у нее есть кредит, а Родиона Раскольникова все тот же кредит спасает от мучительных нравственных сомнений и терзаний и необходимости убивать, кредитная карта с огромным кэшбэком меняет судьбу Татьяны Лариной – она становится бизнесвумен и обретает счастье с Евгением Онегиным. Вот такие «традиционные российские ценности» мы видим на экранах ТВ… Это же видит и наша молодежь.

Несмотря на то, что мессенджеры и соцсети остаются для молодого поколения основными источниками получения информации, более половины молодых граждан смотрят телевизор (НАФИ 2024; Россияне стали 2023). Необходим более жесткий контроль телевизионной рекламы, если мы не хотим взращивать в молодых гражданах тягу к «золотому тельцу» и потребительское отношение к жизни. Можно было бы продолжить тему рекламы не только в телевизионном пространстве, но оставим это за рамками данной главы, т.к. именно на ТВ, имеющем огромное влияние на многомиллионную аудиторию, бросается в глаза диссонанс в трансляции ценностей.

Источники и материалы

Встреча с активом 2016 – Встреча с активом Клуба лидеров // Президент России. 03.02.2016. http://kremlin.ru/events/president/news/51263

Встреча с лауреатами 2024 – Встреча с лауреатами всероссийских конкурсов в сфере образования // Президент России. 03.10.2024. http://www.kremlin.ru/events/president/news/75259

ВЦИОМ 2024 – ВЦИОМ: россияне повернулись в сторону патриотизма еще четверть века назад // Аргументы и факты. 10.06.2024. https://aif.ru/ politics/russia/vciom-rossiyane-povernulis-v-storonu-patriotizma-eshche-chetvert-veka-nazad

Выяснилось 2022 – Выяснилось, как уровень образования влияет на политическую активность россиян // Skillbox Media. 12.04.2022. https:// skillbox.ru/media/education/vyyasnilos-kak-uroven-obrazovaniya-vliyaet-na-politicheskuyu-aktivnost-rossiyan/

Григорьева б.г. – *Григорьева Т.* Откуда пошло выражение «Москва – Третий Рим»? // Культура РФ. https://www.culture.ru/s/vopros/msk-tretiy-rim/ (дата обращения: 11.10.2024)

Иваницкая б.г. – *Иваницкая А.* Что такое национальная идея и откуда она берется? // Theory& Practice. https://theoryandpractice.ru/posts/ 20214-chto-takoe-natsionalnaya-ideya-i-otkuda-ona-beretsya (дата обращения: 11.10.2024)

Карамзин 2012 – *Карамзин, Николай Михайлович* (1766–1826). История Государства Российского [Текст] / Н.М. Карамзин. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2012.

Карась 2016 – *Карась А.* Рожденные, чтобы путешествовать // Live. 19.05.2016. https://life.ru/p/410119

НАФИ 2024 – Менее половины россиян признают ценность телевидения // Коммерсантъ. 18.06.2024. https://www.kommersant.ru/doc/6774215

Никольский 2020 – *Никольский А.* Путин рассказал о национальной идее России // ТАСС. 10.05.2020. https://tass.ru/obschestvo/8438743

Новиков 2023 – *Новиков К.Е.* Национальная идея // Большая российская энциклопедия. 12.10.2023. https://bigenc.ru/c/natsional-naia-ideia-6e569e

Россияне стали 2023 – Россияне стали чаще смотреть телевизор в 2022 году // Рамблер/новости. 02.02.2023. https://news.rambler.ru/sociology/50139410-rossiyane-stali-chasche-smotret-televizor-v-2022-godu/

Традиции 2023 – Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ Новости. 28.12.2023. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ tradicii-v-ehpokhu-peremen

Традиционные российские ценности 2023 – Традиционные российские ценности // телеграм-канал Russian Field | Социология. 23.08.2023. https://t.me/russian_field_soc/1005

Указ Президента РФ 2022 – Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». 09.11.2022. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=2

Фонвизин 1959 – *Фонвизин М.А.* Собрание сочинений. В 2 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 2.

Эмиграционные настроения 2022 – Эмиграционные настроения: мониторинг // ВЦИОМ Новости. 04.04.2022. https://wciom.ru/analytical-reviews/ analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroenija-monitoring

Научная литература

Абдурахманов 2016 – *Абдурахманов Н.С.* Трансформация «национальной идеи» патриотизма: сравнение Советской и Российской идеи патриотического воспитания / Н.С. Абдурахманов. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2016. № 13 (117). С. 755–760.

Гавра 2020 – *Гавра Д.П.* Медиатизация локальных инцидентов как новый механизм политической мобилизации в сетевом обществе: к программе исследования // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: сб. мат. Междунар. науч. форума (9–12 ноября 2020 г.). Т. 2 / отв. ред. В.В. Васильева: в 2 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. С. 39–41.

Игнатовский 2021 – *Игнатовский Я.Р.* Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. № 1. С. 84–89.

Гуреева и др. 2021 – *Гуреева А.Н.* и др. К вопросу об общественно-политических ценностях российской молодежи: медиацентричный подход // Вестник московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 5. С. 51–73.

Карамзин 1991 – *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.

Колесниченко, Давлетшина 2020 – *Колесниченко А.В., Давлетшина М.И.* Освещение выборов в Московскую городскую думу – 2019 в социальных медиа // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2020. № 4. С. 3–27.

Кульбачевская 2023 – *Кульбачевская О.В.* Риски радикальных настроений в молодежной среде // Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. Москва: ИЭА РАН, 2023. С. 178–180.

Макарова 2018 – *Макарова А.П.* Ценности студенческой молодежи // Russian Journal of Education and Psychology. 2018. № 10. С. 92–204.

Мареева 2014 – *Мареева С.В.* Российская молодежь: идентичности, ценности и представления об оптимальном общественном устройстве // Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М. Новый хронограф, 2014. С. 361–380.

Снежкова, Шалыгина 2020 – Образы России и Беларуси в представлениях молодежи двух стран в XXI веке: коллективная монография / отв. редакторы *И.А. Снежкова, Н.В. Шалыгина*; коллектив авторов; Ин-т этнологии и антропологии РАН; Белорусский гос. ун-т. М.: ИЭА РАН, 2020.

Орлова 2020 – *Орлова Е.В.* Роль образования в формировании политических предпочтений молодежи // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 5 (95). С. 171–175.

Поляков 2013 – *Поляков Л.В.* Национальная идея России: Историко-теоретическое исследование. М.: Институт философии РАН, 2013.

Попов 2022 – *Попов П.В.* Политическая активность молодежи в современной России // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3 (72). С 40.

Попова и др. 2023 – *Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И.* Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 471–485.

Барлыбаев 2014 – *Барлыбаев А.А.* Сущность политических ценностей // Издательство «Грамота». № 12 (50) 2014, часть 1. С. 24–27.

Тишков 2021 – *Тишков В.А.* Национальная идея России: российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021.

Успенский 1998 – *Успенский Б.А.* «Царь и Патриарх: Харизма власти в России». М.: Языки славянской культуры, 1998.

Хобсбаум б.г. – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года // ЛитМир. https://litmir.club/br/?b=236025&p=13 (дата обращения: 11.10.2024)

Глава 6

МИГРАЦИОННЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

О.А. Зыкина

Миграция в России: статистика и практика

Будущее России формулируется в рамках долгосрочных целей, стратегий и планов, реализация которых во многом предстоит молодому поколению. Поэтому ответы на вопросы о том, как сама современная молодежь понимает текущую ситуацию в стране, в чем видит решение наиболее острых проблем, насколько соотносит свое будущее с Россией – являются необходимыми как для построения прогностических моделей, так и для выявления системных пропусков и искажений, которые препятствуют гармоничному развитию российского общества уже сейчас.

Прежде чем говорить о миграционных планах сегодняшних студентов и их государственном самоопределении, следует сказать несколько слов о сложившихся практиках, а также о месте России в регулировании международных и внутренних миграционных потоков.

В целом масштабы миграции населения во всем мире неизменно увеличиваются, введение локдаунов в связи распространением коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020–2021 гг. замедлили, но не остановили в своем перемещении новых мигрантов, и тренд на включение в миграционные события все большего числа людей сохраняется (World migration report 2024). С учетом доступных сведений по всему миру зафиксировано, что за последние полстолетия доля международных мигрантов от общей численности населения Земли выросла с 2,3% в 1970 г. до 3,6% в 2024 г. (Там же: 8), при этом ежегодное число межгосударственных мигрантов в мире, по оценкам экспертов, уже превысило 1,2 млрд человек (*Ионцев* и др. 2016: 501). Участие России в миграционных процессах с конца 1980-х гг. в основном соответствует мировому тренду[1]. По официальным данным, на постоянное место жи-

[1] Данное утверждение касается исключительно международной миграции. В случае показателей о внутристрановых перемещениях граждан сравнение между различными государствами и даже в рамках одной страны в разные

тельства или на продолжительный срок с 2000 по 2023 гг. в Россию из-за рубежа приехали более 9,82 млн человек, выехали из нее – 5,2 млн (Общие итоги миграции 2021; Численность 2022–2023). Внутрироссийская миграция с 2000 по 2023 гг. насчитывает порядка 71,76 млн человек. Всего же в последнее десятилетие (за 2014–2023 гг.) сменили место жительства 49,2 млн человек, из которых переехали в другой регион или страну около 30,3 млн человек (включая 4 млн, выехавших за рубеж). Фактически это могло бы означать, что каждый третий в нашей стране пережил за эти десять лет переезд, а каждый пятый уехал достаточно далеко от своего прежнего места пребывания. С учетом того, что в приведенной статистике для каждого отдельного человека могут присутствовать несколько миграционных событий, то итоговые цифры будут чуть меньше, но по-прежнему достаточно внушительны (Численность 2014–2023). Наряду с этим, Россия является одним из наиболее вовлеченных в миграционные процессы государством. По последним данным Российская Федерация находится на четвертом месте в мире по числу принятых иностранных мигрантов в 2021 г., уступая лишь США, Германии и Саудовской Аравии, и располагается на третьем месте по числу покинувших страну после Индии и Мексики, в связи с чем оказывается на втором месте после США по сумме контингентов международных мигрантов (World migration report 2024: 25).

Следует, однако, иметь в виду, что учет российскими статистическими ведомствами приезжих и выбывших за пределы страны ориентирован в первую очередь на долговременных мигрантов[2] и регистри-

периоды времени может быть не вполне корректным. В частности, ориентируясь на материалы общероссийского социологического исследования, которое предполагало выявление наиболее распространенных внутригосударственных миграционных моделей у жителей разных типов поселений, можно говорить о том, что во всех случаях наибольшим опытом переездов в пределах страны чаще всего обладали родители респондентов (*Горшков, Тихонова* 2018: 122). На примере жизни двух поколений можно заключить, что для советского времени 1960–1970-х гг. была свойственна бóльшая миграционная активность населения, чем для позднего советского и современного периодов истории России. В целом система советского распределения с ее регулируемыми типами миграционных биографий может быть сопоставима с текущими миграционными потоками лишь достаточно условно.

[2] Надежными являются в первую очередь сведения по лицам, прибывшим в нашу страну, доля миграционного потока по выбывшим, которая, по мнению экспертов, не учитывается Росстатом, достаточно высока. При сравне-

рует далеко не всех лиц, переезжающих на короткий или же неопределенный срок. Вместе с тем большую часть мигрантов составляют именно временные, в т.ч. трудящиеся мигранты с членами их семей и эпизодические мигранты, включая «экономических туристов»; переселяющиеся в другую страну на постоянной основе – это лишь порядка 20% от общего числа международных мигрантов (*Ионцев* и др. 2016: 501). Кроме того, постоянно улучшается транспортная доступность регионов, совершенствуются модели организации удаленной работы, расширяются сети международных и внутрироссийских компаний, что позволяет людям выстраивать свою трудовую деятельность без строгой привязки к месту проживания; при этом каждый отдельный человек может быть включен одновременно в несколько миграционных потоков (образовательный, трудовой, финансовый и др.). Таким образом, возникает все больше форм и проявлений долговременной и кратковременной миграции, растет пространственная мобильность населения, их фиксация статистическими ведомствами запаздывает и не всегда возможна, поэтому только статистических данных для понимания и оценки влияния миграционных практик на местное сообщество может быть недостаточно.

Миграция населения тесно связана с этапами жизненного цикла индивида (уход из родительского дома, получение образования, служба в армии, трудоустройство, создание семьи, выход на пенсию и др.). Каждый из этапов жизни человека вносит свои коррективы в личностную систему приоритетов и миграционных установок. С одной стороны, миграция воспринимается как инвестирование в человеческий капитал: переезд может дать индивиду больше возможностей для реализа-

нии материалов российской и зарубежной статистики об эмиграции граждан России с 2010 по 2014 гг. разница в цифрах оказывается довольно существенной – 80–88% эмигрантов, зарегистрированных ведомствами других стран, по российским сводкам не проходят (*Воробьева, Гребенюк* 2016: 46–48). Международные сопоставления статистических данных по миграции вызывают много нареканий в силу отсутствия единого подхода к регистрации мигрантов (*Рязанцев* 2019: 117). Тем не менее данные зарубежной статистики нередко оцениваются как наиболее точные при описании масштабов российской эмиграции (*Ионцев* и др. 2016: 503). Соответственно, показатели миграционного прироста для нашей страны будут выглядеть не так оптимистично, как это следует из официальных сведений. Используя информацию зарубежных стран о миграционных связях с Российской Федерацией, можно предположить, что в 2010 и в последующие годы общий прирост населения России либо отсутствовал, либо находился на минимальном уровне (*Воробьева, Гребенюк* 2016: 57).

ции жизненных планов либо изменить его социальное положение и статус в положительном ключе (*Семенова* и др. 2017: 95). С другой стороны, смена привычного окружения и сложившегося быта, адаптация на новом месте требуют от мигрантов существенных моральных усилий и финансовых вложений. При этом наступление событий, способствующих восходящей социальной мобильности[3], часто растянуто во времени. Люди решаются на переезд, когда фактор неопределенности и возможные риски минимальны; ясно прослеживаются потенциальные выигрыши от миграции, в т.ч. с учетом следующих поколений.

Миграционные процессы влияют не только на общую численность, но и меняют структуру населения отдельно взятой территории за счет имеющихся различий между приезжими и коренными жителями по возрастному, половому, этноконфессиональному, семейному составу. Наряду с этим наличие устойчивых направлений миграции зачастую способствует перераспределению трудовых ресурсов между странами, регионами, городами, районами (*Мкртчян* 2014). Причиной этому служат, в частности, активные перемещения молодых людей[4], которые составляют среди мигрантов наиболее многочисленную группу. Как следует из статистических материалов по нашей стране за последние годы, около половины от общего числа мигрантов как международных, так и переселявшихся в пределах России, – находились в возрасте 14–35 лет. Кроме того, первый и наиболее масштабный пик миграции в России приходится на когорту 17–19 лет (Численность 2014–2023). В значительной степени такое миграционное поведение в этом возрасте объясняется потребностью в получении высшего образования[5]. Второй пик миграции у молодежи приходится на момент за-

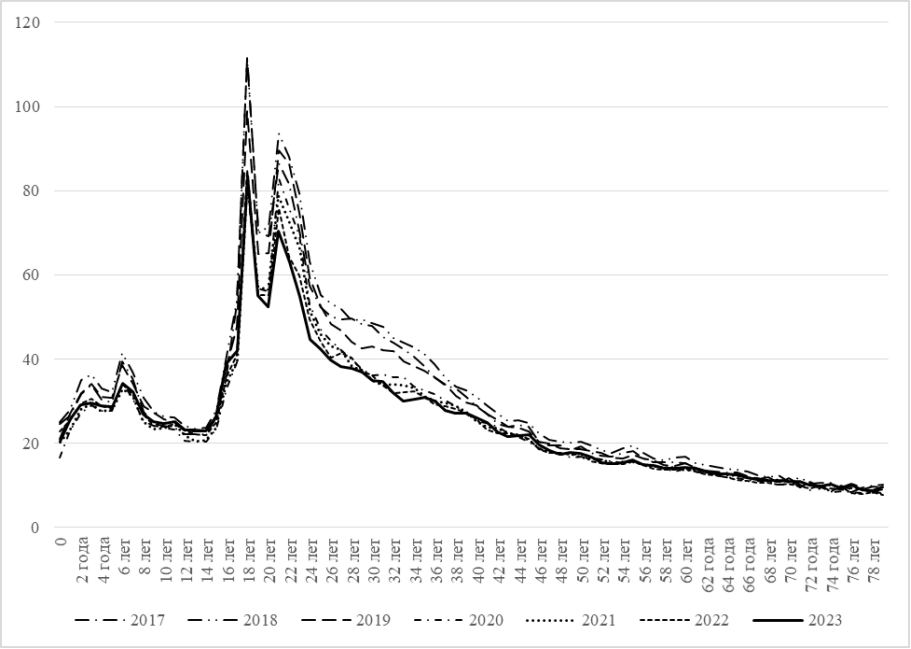
[3] Анализ миграционных биографий россиян в рамках специального исследования демонстрирует статистически вероятные результаты горизонтальной и вертикальной социальной мобильности. Согласно полученным данным, пространственные перемещения способствуют выраженной восходящей мобильности как на внутрипоколенческом, так и на межпоколенческом уровне (*Семенова* и др. 2017: 103–116).

[4] С учетом вступления в силу в конце 2020 г. федерального закона о молодежной политике в Российской Федерации в настоящей работе к молодому населению отнесены лица в возрасте от 14 до 35 лет (ФЗ о молодежной политике 2020).

[5] Как показывает ряд исследований, в большинстве случаев начало миграционной биографии выпадает на окончание школы и выбор нового места обучения

вершения обучения в возрасте 20–24 лет и ложится на стандартные жизненные сценарии, связанные в основном с трудоустройством и сменой семейного статуса (Численность 2014–2023). Анализ интенсив-

Рис. 1. *Интенсивность внутренней межрегиональной миграции в России (на 1000 чел.)*



Источник: ЕМИСС 2017–2023; Численность населения 2017–2023.

ности внутрироссийских и международных миграций по возрастным когортам позволяет, с одной стороны, отразить динамику миграционной активности: наблюдается рост межрегиональных перемещений с 2017 по 2018 гг. по всем возрастам, незначительное сокращение и стабилизация в 2019 г. и падение в 2020–2023 гг. на фоне введения локдаунов; для международной миграции рост интенсивности перемещений

(см., напр.: *Семенова* и др. 2017: 104–105; *Мкртчян* 2017: 227; *Карачурина, Мкртчян* 2017а; *Карачурина, Мкртчян* 2017б: 102–103); студенческая миграция является одной из трех наиболее значимых компонент, необходимых для анализа и прогноза миграционных процессов в России (*Ермаков, Никитина* 2015: 27).

сохранялся вплоть до 2020 г. и вернулся на уровень 2018 в 2023 г. с увеличением количества миграционных событий в возрасте 22–33 лет (вероятно, отложенных) (Рис. 1, 2). С другой стороны, приведенные данные демонстрируют сложившуюся и устойчивую структуру миграционного движения населения по направлениям и возрастам, характерную для нашей страны.

Рис. 2. *Интенсивность международной миграции в России (на 1000 чел.)*

Источник: ЕМИСС 2017–2023; Численность населения 2017–2023.

Детальное изучение состава иммигрантов в Россию и эмигрантов из нее по гражданству, стране происхождения и странам выбытия позволяет отметить характерную для нашей страны динамику миграционного обмена с зарубежными странами и ключевые сложившиеся направления миграционных потоков. Подавляющее большинство иммигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию, являются выходцами из стран – бывших союзных республик СССР, из них доля иммигрантов из стран СНГ, Балтии, Грузии, Абхазии и Южной Осетии составляла порядка 90–92% в 2011–2022 гг. и снизилась до 89,1% в 2023 г. При этом доля российских граждан среди иммигрантов варьи-

ровалась от минимального значения 23% в 2014 г. до 40,1–42% в 2011–2022 гг., в то же время доля граждан других стран СНГ среди иммигрантов, въезжающих в Россию, к 2014 г. возросла до 68%, а затем постепенно снижалась, опустившись до 58% в 2017–2018 гг. и далее установилась на уровне 51–52%, в 2021–2022 гг. В равной мере основная часть эмигрантов, выехавших из России, направлялись (по крайней мере, на первом этапе) в страны СНГ, Балтии, в Грузию, Абхазию и Южную Осетию. После изменения правил учета мигрантов в 2011 г. доля иностранных граждан среди лиц, выбывающих из России, составляла от 73% до 90% в 2012–2022 гг., при этом доля россиян изменялась от минимального значения 10% в 2022 г. до максимального 27% в 2021 г., а в среднем в 2012–2022 гг. варьировалась в пределах 16–17%. В результате, половину, а временами и бóльшую часть миграционного прироста в 2015–2018 гг. и в 2020–2022 гг. составляли граждане России, покидающие страны ближнего зарубежья (*Щербакова* 2024).

С началом специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. и далее на фоне объявления частичной мобилизации в Российской Федерации в сентябре 2022 г. наблюдался массовый выезд отдельных групп молодых людей, который вызывал общественный резонанс. Ставились вопросы о том, кто и почему стал релокантом, сколько их и куда они уезжают, и напротив, кто те люди, которые остаются и планируют свое будущее в России. Долгое отсутствие официальных статистических данных (Росстат опубликовал сведения о миграции за 2022 г. только спустя 1,5 года – летом 2024 г.) потребовало активного включения в обсуждение экспертного сообщества, оценки были самые разные, изначально пессимистичные позиции постепенно смягчались (*Саитова* 2023; Коммерсант 2024 и др.). К середине 2023 г. общественное восприятие международной ситуации заметно трансформировалось как у нас в стране, так и за рубежом, часть уехавших в 2022 г. по разным обстоятельствам – вернулись. Некоторым промежуточным итогом стало высказывание Президента России В.В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума о своей преимущественно позитивной оценке миграционного потока российских граждан на фоне СВО с точки зрения обеспечения связи России с зарубежными странами (РИА Новости 2023). Это сообщение несколько снизило остроту обсуждений относительно релокантов на момент 2023 г., а последующая публикация официальных стати-

стических данных позволяет полностью пересмотреть в целом саму формулировку вопросов и изучать эту тему уже в новом ключе. Вместе с тем, ситуация 2022–2023 гг. показала, что молодое поколение, на которое возлагается строительство будущего России, находится в стадии формирования системы ценностей и самоопределения, и каким оно будет – пока еще вопрос открытый.

Миграционные планы российской студенческой молодежи: региональная специфика

Выше, исходя из официальных общероссийских статистических данных, были обозначены масштабы миграции и ее динамика, направления миграционных потоков и распределение мигрантов по странам исхода. С целью более подробного описания территориальных особенностей миграционного поведения молодежи в контексте текущей демографической ситуации обратимся к материалам социологических опросов и региональной статистике.

В ходе изучения жизненных стратегий современной молодежи, а также выявления ценностных ориентиров и представлений молодых людей о будущем России в ноябре-декабре 2023 г. был проведен пилотный массовый опрос[6] студентов по единому инструментарию. Предварительное исследование состоялось в трех федеральных округах России, существенно отличающихся друг от друга по своему географическому положению и этнокультурному составу населения: Центральном, который представлен данными по Москве; Приволжском, получены материалы по Кировской области; Северо-Кавказском, опрос проведен в Кабардино-Балкарской Республике. Были опрошены студенты разных факультетов и направлений обучения крупнейших столичных и региональных вузов страны: в соответствии с выборкой это студенты вузов и факультетов различной специализации (технической, гуманитарной, социоэкономической, естественно-научной, медицинской), обучающиеся

[6] Пилотный опрос проведен в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности 2023–2025 гг. по проекту «Образы России: проектирование будущего» (руководитель акад. РАН В.А. Тишков). Основная часть массового опроса студенческой молодежи состоялась весной 2024 г., суммарно в ходе пилотного и основного опросов было охвачено 8 регионов и более 2000 человек.

на различных курсах, студенты очной, как бюджетной, так и контрактной формы обучения. Стандартная итоговая выборочная совокупность в каждом из рассматриваемых регионов была сформирована из 200[7] анкет. Квотирование проводилось по полу и направлению обучения: не менее 35% анкет заполнены юношами и не более 65% – девушками; мнение студентов социогуманитарных и естественно-научных специальностей представлено в равных долях. Сводная выборочная совокупность по трем регионам включает 480 анкет, оценивается как сбалансированная и достаточно репрезентативная.

С учетом потенциального влияния на миграционные планы молодежи не только семейных установок и личностных характеристик, но и самоопределения индивида в рамках различных групп – коротко обрисуем полученные по регионам выборочные совокупности в разрезе ответов на вопрос о государственной, этнической и региональной идентичности. Подавляющее большинство участников опроса выразили желание, чтобы их воспринимали как граждан страны (70,6% в Москве, 74% в Кирове, 70,7% в Кабардино-Балкарии), причем чаще всего это был единственный ответ, особенно в регионах с преобладающим русским населением (Табл. 1). Только около 10% из считающих себя гражданами страны москвичей и кировчан посчитали необходимым дополнить эту самоидентификацию какой-либо другой, в Кабардино-Балкарии таких оказалось почти 40%. В целом о множественной территориальной идентичности сообщили около 6,5% респондентов в Москве и Кирове и более четверти в Кабардино-Балкарии, практически все они в качестве одной из характеристик называли гражданскую идентичность и сочетали ее либо с этнической, либо с региональной, а в ряде случаев – с обеими одновременно. При этом ощущают себя исключительно представителем отдельной национальности порядка 9% студентов в КБР (из почти 30% назвавших значимой эту категорию), аналогичные цифры по Москве и Кировской области – 3% из 6% указавших (Табл. 1). Для учащихся кировских вузов чуть более значимым стало определение себя жителем своего региона: для 7,5% из 12% выбравших данный ответ эта категория была единственной, в Москве и

[7] В Москве в итоговую выборку были включены 160 анкет, вместе с тем квотирование по полу в этом регионе позволило представить мнение юношей и девушек в равных долях.

Нальчике аналогичным образом отвечали в 2 раза реже – по 4% из 7,5% и 16% указавших. Характерной особенностью московских студентов является попытка уйти от разделения общества по предложенному принципу – немалая часть опрошенных в столице (более 20%) не стала ограничиваться заданными формулировками ответов; учащиеся написали собственные, среди которых часто встречались такие: окружающие в повседневной жизни должны воспринимать меня «как личность», «как человека творческого», «космополитом», «как представителя профессии», «человеком», «как человека разумного», «это не должно влиять на восприятие меня как человека» и другие. Как можно видеть на примере студентов Кабардино-Балкарии, особенное географическое положение и сложный этнический состав населения в регионе в полной мере находят свое отражение при самоопределении молодыми людьми себя относительно социальных групп, и множественная самоидентификация в этой ситуации становится необходимой и востребованной.

Таблица 1. *Идентичность студенческой молодежи: гражданская, этническая, региональная, в % от опрошенных*

	Москва			Кировская обл.			КБР		
	в %	ед. ответ, % в этой группе	множ. ответ, % в этой группе	в %	ед. ответ, % в этой группе	множ. ответ, % в этой группе	в %	ед. ответ, % в этой группе	множ. ответ, % в этой группе
1) гражданином страны	70,6	90,3	9,7	74,0	90,5	9,5	70,7	61,4	38,6
2) представителем отдельной национальности	5,6	22,2	77,8	6,0	33,3	66,7	29,8	28,8	71,2
3) жителем определенного региона	7,5	58,3	41,7	12,0	62,5	37,5	16,2	25,0	75,0
4) другой ответ	20,6			9,0			2,0		
5) затрудняюсь ответить	4,4			8,0			14,6		
	108,8			**109,0**			**133,3**		

Обратимся непосредственно к результатам исследования по вопросу миграционных планов современной молодежи. В процессе опроса для определения значимых миграционных стратегий студентам предлагалось выбрать наиболее вероятное место будущего проживания

и трудоустройства, включая варианты переезда в другой российский регион (в т.ч. в Москву и Санкт-Петербург как наиболее крупные центры притяжения) или другую страну, можно было дать несколько ответов. Опираясь на полученные материалы, можно отметить явную региональную специфику.

В целом студенты в каждой группе опрашиваемых рассматривают регион текущего обучения и проживания как основной вариант для дальнейшей жизни и выстраивания карьеры, но в Кировской области склонны к такому развитию событий только 36%, в Кабардино-Балкарии – 60%, а в Москве – более 80% (Табл. 2). Из них однозначно намерены остаться в своем регионе: в Кирове – 21%; в КБР – 49%, в Москве – 47%. Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от своих сверстников, студенты из Кабардино-Балкарии в значительной степени определились со своим будущим и нередко ограничиваются одним ответом о месте своего дальнейшего проживания и работы, в то время как столичные и кировские студенты учитывают несколько возможностей. Поэтому при расчетах только по единственным ответам (без учета множественных) миграционная ситуация в Кабардино-Балкарии, где можно ожидать сохранение в регионе как минимум половины окончившей вузы молодежи, – выглядит даже более позитивно, чем в Москве.

Вместе с тем настроены исключительно на выезд в другой регион или даже за рубеж: в Москве – 8,1% респондентов; в Кирове – 34,5%, в КБР – 19,2%. Суммируя с предыдущими цифрами, можно видеть, что предельно стабильная миграционная обстановка предсказуемо складывается в Москве: в то время как потенциальный отток молодежи можно считать исходя из 8%, одновременно он многократно перекрывается за счет приезжих – по материалам анкетирования приехали из других регионов и стран с целью получения высшего образования в Москве около 30% опрошенных и еще чуть менее 10% переехали в столицу в школьном возрасте; подавляющее большинство из них намерено здесь закрепиться. В полной мере эти данные соотносятся со сведениями официальной статистики, согласно которой по показателю интенсивности миграционного прироста Москва занимает ведущие позиции и может считаться одним из самых благополучных регионов[8].

[8] В абсолютном выражении по миграционному приросту на 2023 г. Москва находится на втором месте после Московской области. В 2014–2019 гг. ми-

Не настолько хорошо, как в столице, но достаточно оптимистично выглядят общие данные по Кабардино-Балкарии. Здесь, исходя из предполагаемого миграционного оттока от 19%, приезжие (среди студентов их порядка 4%, из них около половины готовы выстраивать трудовую деятельность в Нальчике) в полной мере его компенсировать не смогут. Однако, большинство студентов – 50–60% – связывают свою жизнь с Кабардино-Балкарией; с учетом стабильного естественного прироста, который по данным Росстата превышает миграционный в несколько раз (Население КБР 2014–2023), планируемые переезды студенческой молодежи не должны существенно повлиять на возрастную структуру населения в регионе.

Самая непростая миграционная ситуация, по данным опроса, складывается в Кировской области, где строго на выезд ориентировано почти в 2 раза большее число молодых людей, чем тех, кто настроен остаться и искать работу в местных учреждениях. Сравнивая результаты текущего исследования с материалами массового опроса студентов по Кировской области 2019 г.,[9] следует отметить, что за прошедшие 5 лет миграционные настроения молодых кировчан по своей структуре и направлениям почти не изменились: все также чуть больше 20% участников опроса уверенно связывают свою дальнейшую жизнь и карьеру с Кировской областью, ранее склонны были уехать на постоянное место жительства или длительный срок в другую страну лишь ненамного больше, чем в 2023 г., 17% против 14% опрошенных. Добавим, что, по сведениям Росстата, в Кировской области уже многие годы наблюдается одновременная миграционная и естественная убыль населения, компенсации миграционных потерь в молодых возрастах не происходит (Численность 2014–2023; Кировская 2023).

Сопоставим выбор основных направлений для потенциальной миграции в зависимости от места опроса студентов. Если готовность к переезду в столицу в провинциальных регионах приблизительно оди-

грационный прирост в Москве превышал естественный в среднем в 5 раз, а в 2020–2022 гг. миграция была единственным источником роста населения и компенсировала установившуюся естественную убыль (Численность 2014–2023; Москва 2021: 12–18; Москва 2024: 13–19).

[9] Массовый опрос студентов Кировской области был проведен в ноябре 2019 г. в рамках исследования Сети этнологического мониторинга (рук. акад. РАН В.А. Тишков; инструментарий и координация – В.В. Степанов).

наковая и составляет порядка 15% (Табл. 2), то предпочтения по всем остальным пунктам назначения как внутри страны, так и по зарубежным странам, существенно отличаются.

Таблица 2. *Миграционные планы студенческой молодежи, в % от опрошенных*

Где Вы планируете жить и работать после окончания учебы в ВУЗе? Можно несколько ответов	**Москва**	**Кировская обл.**	**КБР**	**Пилотный опрос**
1) в регионе опроса	81,3	36,0	60,1	58,1
2) в Москве	–	13,0	15,2	9,0
3) в Санкт-Петербурге	13,8	23,5	6,6	14,8
4) в другом городе РФ	9,4	20,5	8,6	13,5
5) в другой стране	20,6	14,0	4,5	12,7
6) другой ответ	11,9	9,0	2,5	8,3
7) затрудняюсь ответить	6,3	21,0	19,2	15,4
	143,1	**137,0**	**116,7**	**131,8**

Студенты московских вузов, помимо Санкт-Петербурга, среди направлений внутрироссийской миграции особенно выделяют Московскую область, а далее упоминают самые разные территории и города России: от северных Ленинградской области, Сыктывкара, Югорска до южных Крыма и Сочи; от западных Калининграда и Курска до восточных Перми и Новосибирска. Но гораздо чаще в контексте возможного переезда москвичи приводят примеры зарубежных стран, поэтому спектр их весьма широк. В основном были названы страны Западной и Южной Европы: Германия, Франция, Испания, Италия, Англия, Швейцария; в ответах также встречались Япония, Китай, США, Чехия, Беларусь.

Для студентов Кировской области характерно, что их устремленность в сторону Москвы почти в 2 раза ниже, чем в сторону Санкт-Петербурга. Кроме того, для переезда внутри России в первую очередь рассматриваются соседние более крупные города

Приволжского федерального округа – Казань и Нижний Новгород. Среди иных возможных вариантов фигурировали Екатеринбург, Йошкар-Ола, Краснодар, Воронеж, Калининград, Иваново, Рыбинск, Иркутск, Адлер. По зарубежной миграции список ответов кировчан включает чаще всего азиатские страны: Китай, Южную Корею, Турцию, Японию. Встречались в списке также Канада, Чехия, Австралия, Шотландия, Англия, Дания. В целом заметно, что студенческая молодежь Кирова при выборе возможного нового места жительства и профессионального развития не только ориентируется на географическую близость и более высокий в сравнении с Кировской областью уровень экономического развития региона, но и придает значение климатическим особенностям территорий, предпочитая северные широты, сходные с привычными условиями жизни.

При описании особенностей формирования миграционных потоков студентов Кабардино-Балкарии стоит отметить, что все направления миграций уступают по своей популярности Москве более чем в 2 раза. При этом настроенность на переезды во все другие города России относительно невысокая, среди них звучат южные города, такие как Ростов и Краснодар, а готовность к международной миграции еще ниже и не превышает 5%, среди упомянутых стран можно перечислить Канаду, ОАЭ, Турцию, Грецию, Финляндию, Швецию. Таким образом, в случае необходимости смены места жительства молодые люди из КБР ориентированы прежде всего на столичный регион России.

Профессиональное самоопределение молодежи

Переход России к рыночной системе экономики привел к появлению рынка труда и новому механизму социально-трудовых отношений в стране. В текущих реалиях ситуация с поиском первой работы у молодых людей заметно отличается от опыта их бабушек и дедушек и, скорее всего, пока еще имеет мало общего с опытом их родителей, поэтому не случайно рейтинг проблем современной молодежи по версии россиян возглавляет трудоустройство (ВЦИОМ 2023). Вместе с тем именно трудоспособное население обеспечивает потенциал экономического роста страны, а рынок труда, специфика занятости и профессионально-отраслевая специализация в комплексе с качеством челове-

ческого капитала работников являются ключевыми параметрами, характеризующими ту или иную территориальную общность[10], и становятся точкой отсчета в поисках ресурсов развития в каждом отдельном регионе. Студенты вузов – потенциальные высококвалифицированные кадры, подготовка которых велась с учетом социально-экономических потребностей субъектов РФ. Останутся ли они в регионе или их место займут приглашенные специалисты, соответствие между наличными вакантными местами и реальными предпочтениями молодежи – это те вопросы, которые требуют ответа для решения проблемы дефицита кадров и установления баланса между спросом и предложением на региональном рынке труда.

Трудовая деятельность играет определяющую роль в человеческой жизни не только как основа для улучшения ее качества и способ достижения материального благополучия, но и как одно из ключевых условий самореализации и развития личности. У студентов, которые встанут перед выбором профессионального пути в самое ближайшее время, подбор оптимального места для будущего трудоустройства выходит на первый план.

С целью изучения региональных особенностей профессионального самоопределения молодежи респондентам предлагалось отметить наиболее важные критерии для поиска своей будущей работы. Ожидаемо, ключевыми параметрами, влияющими на выбор работодателя, стали: высокая зарплата – этот вариант указали подавляющее большинство (более 80%) опрошенных во всех регионах, а также перспективы профессионального роста и карьеры, что значимо для 65% москвичей и кировчан и чуть менее 50% студентов Кабардино-Балкарии (Табл. 3). Но далее можно наблюдать некоторые различия в приоритетах в зависимости от региона опроса. Студенты Москвы больше других ценят в потенциальной работе возможность личной инициативы и творчества и ее соответствие полученной в вузе специальности и готовы пренебречь престижностью профессии. Учащиеся кировских вузов при выборе работы склонны учитывать максимальное количество факторов, среди которых дополнительно подчеркивают возможность сочетания работы с другими занятиями и наличие в трудовом процессе ин-

[10] Подробнее о динамике профессиональной структуры и качественных характеристиках работающего населения в зависимости от типа поселений см.: *Аникин* 2018.

тересной и разнообразной деятельности, а также признают существенными хорошие условия труда, в частности, не отказались бы от спокойных и не слишком утомительных видов работ. В свою очередь студенты из Кабардино-Балкарии называют скорее необходимый минимум характеристик для «работы мечты», при этом чаще, чем их сверстники в других регионах, отдают предпочтение престижным и общественно значимым профессиям.

Таблица 3. *Критерии при выборе работы по значимости у студенческой молодежи, в % от опрошенных*

При выборе работы наиболее важными критериями для Вас будут: Можно несколько ответов	**Москва**	**Кировская обл.**	**КБР**	**Пилотный опрос**
1) зарплата	83,8	86,0	80,3	83,5
2) возможность профессионального роста и карьеры	65,6	65,0	48,5	59,8
3) интересная и разнообразная деятельность	55,0	62,5	35,9	52,3
4) наличие свободного времени для других занятий	45,0	64,5	28,3	46,7
5) хорошие условия труда, близость к дому	36,9	48,5	34,8	40,2
6) возможность личной инициативы и творчества	48,1	34,5	18,2	33,3
7) польза для общества	28,1	26,0	33,3	28,3
8) престижность профессии	20,0	22,0	33,3	24,8
9) соответствие полученной в вузе специальности	27,5	19,5	17,2	20,0
10) спокойная не слишком утомительная деятельность	15,0	24,5	14,6	18,3
11) затрудняюсь ответить	1,3	1,0	4,5	1,9
	426,3	**454,0**	**349,0**	**409,2**

На примере Кировской области, где велико число тех, кто выражает однозначное стремление переехать на постоянное проживание в другой регион или даже страну, фактически оно равнозначно числу тех, кто рассматривает в числе прочих вариант остаться и выстраивать

свою карьеру в Кирове, – можно выделить некоторые особенности принятия решений о потенциальной работе этими двумя группами студентов. У той части кировчан, которые ориентированы строго на выезд, требования к зарплате выше, чем в среднем по выборке и пилотному опросу в целом – дали такой ответ до 90% опрошенных в этой группе. Кроме того, они почти в той же мере, что и москвичи, ищут в работе простор для творчества и самостоятельных действий (44,9%), но одновременно для них важны и престижность профессии (27,5%), и возможность сочетать работу с другими сферами жизни (65,2%), однако, исходя из спектра заявленных параметров, они почти не ожидают найти работу по специальности – опираться в первую очередь на полученный диплом о высшем образовании планируют только 11% опрошенных в этой группе. Респонденты из кировских вузов, в основном настроенные на становление и профессиональное развитие внутри области, в сравнении со своими кировскими оппонентами, среди преимуществ своей будущей работы чаще видят ее пользу для общества (27,8% опрошенных в группе) и хорошие условия труда с территориальной близостью к дому (61,1%), чаще рассчитывают на отсутствие стрессов и не слишком утомительную деятельность (25%).

Обобщая, можно отметить, что, судя по полученным ответам, создание вакантных мест/должностей, предполагающих гибкий график с чуть более высокой степенью свободы для работника, информирование студентов о наличии таких мест, повышение престижа профессии на областном уровне, трудоустройство выпускников вузов на последних курсах обучения – в сумме могли бы способствовать переориентации некоторой доли студенческой молодежи от миграционных намерений в пользу самореализации в своем регионе. Особенно это касается тех молодых людей, которые рассматривают в качестве нового места проживания смежные и ближайшие территории.

***

Обсуждение будущего нашей страны неразрывно связано с реализацией молодежной политики и постепенным встраиванием молодого поколения в существующую социальную структуру и российскую действительность. И когда речь заходит о преемственности поколений с некоторой периодичностью в общественном дискурсе

возникает переживание относительно массового бегства молодежи из страны/региона/социума, что особенно ярко проявилось на фоне начала СВО. Нередко эти страхи и опасения имеют под собой основания, однако, чтобы понять, насколько они оправданы, следует оценить масштабы указанных проблем на примере конкретных цифр и фактов.

Как показал анализ официальных общероссийских статистических данных, многолетние тренды в миграционном поведении сохраняют свое значение несмотря на влияние в последние годы даже таких существенных факторов как начало СВО и введение локдаунов в период пандемии коронавируса. Зафиксированный поток эмигрантов-россиян остался приблизительно на том же уровне, что и в 2010-е гг., вместе с тем нередко именно граждане России, переезжающие обратно из стран бывшего СССР, составляют половину, а то и бóльшую часть миграционного прироста населения нашей страны. Тем не менее есть и ряд изменений. В частности, уменьшилась интенсивность международных миграций в 2023 г. Падение интенсивности миграций в 2021 г. во многом может быть связано с продлением сроков подачи документов и формальным переносом миграционных событий на 2022 г., данные по которому соответственно завышены, оно затронуло в первую очередь молодые возраста, но достигает только уровня 2018 г. и имеет тенденцию роста в когортах средних возрастов, т.е. существует доля отложенных миграционных событий. Чуть более явно внешние факторы последних лет влияют на межрегиональную миграционную активность: в 2019–2023 гг. мы наблюдаем замедление интенсивности миграций по большинству возрастов; опираясь на материалы опросов по Кировской области, можно говорить о потенциальной частичной смене направлений миграций от столиц и крупных центров в пользу соседних регионов, иными словами, в миграционных планах проявляет себя попытка снижения рисков и финансовых затрат. При этом сами миграционные намерения молодежи сохраняются на высоком уровне.

В целом, при всем многообразии миграционных стратегий студенческой молодежи, подавляющее большинство молодых людей ориентировано на трудоустройство, самореализацию и выстраивание своей жизни внутри страны. Задумываются о переезде и поиске работы за рубежом не более 13% респондентов, но и среди них основная часть рас-

сматривают переезд только как один из возможных вариантов. Согласно опросу ВЦИОМ (ВЦИОМ. Эмиграционные настроения 2023), позитивное восприятие переезда за рубеж детей и внуков в зависимости от региона и благосостояния присутствует в ответах 20–30% россиян, что в 2 раза выше, чем озвученные миграционные намерения по данным пилотного опроса, следовательно, общественной напряженности на фоне миграций скорее не возникает.

В процессе исследования на примере трех регионов было показано, что каждый из них обладает своей спецификой: по миграционным установкам молодежи; влиянию миграции на половозрастную структуру, этнический и социальный состав населения; направлениям миграционных потоков и представлениям о наиболее предпочтительных пунктах назначения. Вместе с тем основные тенденции миграционного поведения молодежи, такие как переезд в крупные или столичные города, а также в города с южным климатом, являются общими. Таким образом, за исключением региональных кризисных ситуаций, общая миграционная обстановка в целом по стране и в сфере международной миграции достаточно устойчивая и развивается преимущественно в позитивном ключе.

Миграционные планы накладывают свой отпечаток и на профессиональное самоопределение молодежи, и на критерии выбора работодателя при трудоустройстве. Массовый студенческий опрос в конце 2023 г. показал, что: учащиеся кировских вузов более тщательно подходят к выбору места будущего трудоустройства, более требовательны к условиям труда и содержанию работы, ориентированные на развитие в своем регионе студенты КБР обращают особое внимание на статус профессии, а столичные – чувствительны к взаимодействию с руководством и стремятся к самостоятельности в будущей профессиональной деятельности. Степень детализации и продуманности направлений миграции и критериев, учитываемых при трудоустройстве, заявленные студентами в разных регионах, дают возможность предположить, что у кировчан скорее уже сформулированы конкретные миграционные и профессиональные намерения и планы, в то время как у молодежи Москвы и Кабардино-Балкарии они существуют на стадии более отдаленных размышлений. На фоне сложившегося миграционного оттока молодежи в Кировской области и

дефицита квалифицированной рабочей силы – при открытии новых должностей в самых кризисных отраслях следует принимать во внимание привлекательные для молодежи условия труда: возможность личной инициативы и творчества в профессиональной деятельности и гибкий график. Для преодоления кадрового дефицита также может быть рекомендовано повышение престижа профессии на областном уровне, информирование и трудоустройство выпускников вузов на последних курсах обучения.

Источники и материалы

ВЦИОМ. Эмиграционные настроения 2023 – Эмиграционные настроения: мониторинг // ВЦИОМ. 01.03.2023. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehmigracionnye-nastroenija-monitoring-2

ВЦИОМ 2023 – Образ российской молодежи: мониторинг // ВЦИОМ. 23.06.2023. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi- molodezhi-monitoring

ЕМИСС 2017–2023 – Число прибывших и выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/ 58613 https://www.fedstat.ru/indicator/58614 (дата обращения: 10.10.2024)

Кировская 2023 – Кировская область в цифрах: Краткий статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области. Киров, 2023.

Коммерсант 2024 – *Габдуллина Э.* Средняя температура по загранице // Коммерсант. 23.01.2024. https://www. kommersant.ru/doc/6465418?ysclid=m4dljcpdnz382902873

Москва 2021 – Москва в цифрах: Краткий статистический сборник / Мосстат. М., 2021.

Москва 2024 – Москва в цифрах 2023: Краткий статистический сборник / Мосстат. М., 2024.

Население КБР 2014–2023 – Рождаемость и смертность населения КБР за 2014–2023гг.; Основные потоки миграции населения Кабардино-Балкарской Республики за 2014–2023 гг. / Население. Кабардино-Балкарская Республика. Официальная статистика // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу (Северо-Кавказстат). https://26.rosstat.gov.ru/ folder/29768 (дата обращения: 10.10.2021)

Общие итоги миграции 2021 – Общие итоги миграции населения (по потокам передвижения) / Миграция. Демография. Население. Официальная ста-

тистика // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). http://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 10.10.2021)

РИА Новости 2023 – Путин заявил, что половина уехавших из страны с февраля 2022 года вернулась // РИА Новости. 16.06.2023. https://ria.ru/20230616/uekhavshie-1878755617.html

Саитова 2023 – *Саитова В.* Три тенденции: как СВО и релокация меняют демографию // РБК / Санкт-Петербург и область. 29.01.2023. URL: https:// www.rbc.ru/spb_sz/29/01/2023/63ce99cc9a794787b4 a2e9de?ysclid=m4dkoxmilq901912368

ФЗ о молодежной политике 2020 – Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ О молодежной политике в Российской Федерации // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/ bank/46328 (дата обращения: 10.10.2024)

Численность 2014 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 03.07.2015. http://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283

Численность 2015 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 30.06.2016. http://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283

Численность 2016 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 28.06.2017. http://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283

Численность 2017 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 29.06.2018. http://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283

Численность 2018 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 23.05.2020. http://rosstat.gov.ru/ compendium/document/

Численность 2019 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 02.07.2020. http://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283

Численность 2020 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 02.07.2021. http://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283

Численность 2021 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 29.07.2022. http://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283

Численность 2022 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 12.07.2024. http://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283

Численность 2023 – Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 12.07.2024. http://rosstat.gov.ru/ compendium/document/13283

Численность населения 2017–2023 – Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 10.10.2024. https://rosstat. gov.ru/compendium/document/13284

World Migration Report 2024 – McAuliffe M., Oucho L. A. (eds.). World Migration Report 2024. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2024.

Научная литература

Аникин 2018 — *Аникин В.А.* Ситуация на работе и человеческий капитал жителей столиц и регионов // Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. С. 36–66.

Воробьева, Гребенюк 2016 – *Воробьева О.Д., Гребенюк А.А.* Аналитический доклад: «Эмиграция из России в конце XX начале XXI века». М.: КГИ, 2016. Комитет гражданских инициатив // Комитет гражданских инициатив. http://www.komitetgi.ru/analytics/2977/ (дата обращения: 10.10.2024)

Горшков, Тихонова 2018 – Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. *М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова*. М.: Весь Мир, 2018.

Ермаков, Никитина 2015 – *Ермаков С.П., Никитина С.Ю.* Возрастные особенности миграции в субъектах Российской Федерации в 2000–2010 гг. // Народонаселение. 2015. № 3. С. 15–29.

Ионцев и др. 2016 – *Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В.* Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 499–509.

Карачурина, Мкртчян 2017а – *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Вестник Московского Университета. Сер. 5. География. 2017. № 2. С. 74–80.

Карачурина, Мкртчян 2017б – *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Возрастные особенности межрегиональной миграции населения в России // Регион: экономика и социология. 2017. № 4. С. 101–125.

Мкртчян 2014 – *Мкртчян Н.В.* О влиянии миграции на возрастной состав населения регионов, городов и районов России // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2014. Т. 12. С. 381–396.

Рязанцев 2019 – *Рязанцев С.В.* Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126.

Семенова и др. 2017 –Социальная мобильность в России: поколенческий аспект: [монография] / А.В. Ваньке и др.; отв. ред. *В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке*. Институт социологии РАН. Москва: Институт социологии РАН, 2017.

Щербакова 2024 – *Щербакова Е.М.* Миграция в России, предварительные итоги 2023 года // Демоскоп Weekly. 2024. № 1025–1026. https://demoscope.ru/weekly/2024/01025/barom01.php

-

Часть третья

ОБЩЕСТВО В ПОИСКЕ БУДУЩЕГО

Глава 7

СДЕРЖАННЫЙ ОПТИМИЗМ И «ЛАТЕНТНЫЙ ПАТРИОТИЗМ» (ЧТО ДУМАЮТ РОССИЯНЕ О НЕДАВНЕМ ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ)

О.Ю. Артемова, Ю.А. Артемова, М.И. Драмбян

Будущее никогда не бывает случайным – его творят!
дизайнер и футуролог Жак Фреско

Вводные замечания

В последние годы интерес к тому, как видят граждане России свое будущее и будущее нашей страны, заметно возрос. Помимо сугубо публицистического или медийного дискурса, этой теме посвящено немало научных исследований. Они носят по преимуществу социологический – реже политологический – характер, причем в последнем случае чаще всего также опираются на используемые в социологии статистические, количественные, методы. Сильная сторона социологических методик в представительности выборок, охватывающих внушительное число людей, различные слои, страты или категории населения, и имеющих широкий географический размах. А слабая сторона в том, что социологические опросы или анкетирование обеспечивают массовость респондентов только при высокой степени формализации вопросов и максимальной лаконичности ответов, а также их «заданности по содержанию». Полученные подобным образом результаты, как правило, весьма впечатляющи и во многом показательны. Но они могут и искажать реальную ситуацию или, по крайней мере, ее существенно упрощать, т.к. не дают респонденту отразить сложную палитру мыслей и чувств, не укладывающихся в ложе поляризованных опций, либо как бы понуждают его выбирать из ограниченного набора того, что не им самим сформулировано и даже никогда прежде им не обдумывалось. Реальность, в которой живут респонденты, сложнее той, которую им предлагают исследователи, вооруженные количественными методами. Ограниченный арсенал формализованного ин-

струментария, адаптированного для широкого круга респондентов, не может охватить всего многообразия индивидуальных жизненных позиций в столь культурно сложном обществе как наше.

Именно знакомство с рядом социологических публикаций побудило нас взяться за тему, которую никак не сочтешь оригинальной или испытывающей недостаток внимания. У нас, как у социальных антропологов, работающих другими методами, возникла потребность отразить то, что, возможно, не поддается фиксации социологическими исследованиями или просто по каким-то причинам не представлено в доступных нам социологических работах. Чтобы не быть голословными, приведем пример, который нам представляется выразительным. Социолог и политолог А.А. Токарев совместно с рядом коллег провел массовое (900 респондентов) исследование, не только опросив людей во множестве регионов России (от Москвы до села Мильково на Камчатке), но и собрав их рисунки, на которых, по его просьбе и просьбам его помощников, символически изображалось «идеальное будущее». «Сделайте нам “Москву везде” – вот требование страны к власти», пишут участники проекта, обобщая результаты проведенной работы, а подытоживают ее следующим заключением: «Вероятно, единственная массовая черта наших респондентов – крайне низкий уровень ответственности за собственное будущее и желание переложить ее на государство» (*Токарев, Токарева* и др. 2024: 6, 38–39).

Представляется, однако, что при «крайне низком уровне ответственности» граждан наша страна давно бы уже впала в коллапс. Между тем, жизненно важные потребности населения обеспечиваются даже тогда, когда государство не создает для того необходимых условий и проявляет себя (в лице чиновников разных уровней) вполне безответственно. Например, в т.н. депрессивных малых городах и поселках, как правило, в многоквартирные дома тепло подается при крайне изношенных коммуникациях, городской и междугородний транспорт функционирует при давно выработавших свой потенциал автобусных парках, снег зимой во дворах многоквартирных застроек и на дорогах худо-бедно убирается при отсутствии или недостатке нужной техники, при том, что заработки ключевого персонала соответствующих служб весьма низкие.

И вот еще вопрос: имеются ли реальные возможности у людей, самоотверженно трудящихся на рабочих местах, эффективно влиять на

внутриполитическую ситуацию в стране в целом и в своих регионах так, чтобы самим «сделать у себя Москву», или – чтобы достичь идеала, который повсюду видится, согласно выводам А.А. Токарева и его соавторов, таким: «Высокий уровень жизни (качественные дороги, образование и медицина, адекватные зарплаты и пенсии, государственная машина как сервис в смартфоне)» (*Токарев, Токарева* и др. 2024:7)? Этот вопрос А.А. Токарев и его соавторы даже не поднимают. Но вопросы близкого значения неоднократно включались в анкеты других социологов. Так, сотрудники Левада-центра в 2021 г., когда эта организация еще не числилась в списке иностранных агентов, спрашивали своих респондентов, могут ли они влиять на власть в стране в целом или в своем регионе/городе. В первом случае было 75% отрицательных ответов (т.е. лишены таких возможностей), во втором – 65% (*Гудков* 2021). Близкие результаты приводятся сотрудниками Научно-исследовательского социологического центра РАН под рубрикой «Большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране» (так думали 69% опрошенных в 2023 г. – *Левашов* и др. 2023: 29–30).

Генеральный директор ВЦИОМ В.В. Федоров, анализируя ситуацию в нашей стране после начала СВО на Украине, условно разделил современное российское общество на «четыре России»[1] – это «Россия воюющая», «Россия столичная», «Россия глубинная» и «Россия уехавшая». Численность «столичной России» В.В. Федоров оценил примерно в 20 млн человек и дал этим 20 млн наших сограждан следующую характеристику: «Сейчас часть из них уехали, а основная часть – это мелкие буржуа, столичный средний класс – московский, петербургский, екатеринбургский... Они стараются делать вид, что ничего не изменилось, не особо интересуются происходящим в зоне боевых действий, если только это не касается напрямую их собственной безопасности». Это «ушедшие в себя люди», «внутренние эмигранты» (Глава ВЦИОМа 2023).

Приведенные высказывания сначала заставили нас усомниться в том, что мы тоже, как и В.В. Федоров, живем в России, притом в ее главной столице – Москве – и постоянно взаимодействуем с жителями «северной столицы» – Санкт-Петербурга, а потом эти высказывания побудили нас предложить альтернативное деление соотечественников

[1] «По модели» Е.В. Сутуловой, исполнительного директора Коммуникационного холдинга, созданного историком и политологом Е.Н. Минченко.

на условные категории. Оно поможет в дальнейшем изложении. В одну категорию, относительно немногочисленную, мы выделили «интеллигенцию»: инженеров, программистов, работников системы образования, ученых, врачей, деятелей культуры (от писателей до библиотекарей). Главные критерии отнесения к этой категории – род занятий и образовательный ценз. Это преимущественно люди с высшим образованием. Вторая категория – самая многочисленная, в сущности – подавляющее большинство жителей страны. Это люди, которые рядом с нами и от которых мы абсолютно зависим, т.к. они производят материальные ценности и оказывают услуги, необходимые для существования. Помимо трудящихся в сельском хозяйстве и на всевозможных производствах, это водители транспорта, дворники, уборщики, продавцы, гардеробщики, ремонтники квартир, домашней техники, телефонов, одежды, обуви и чего угодно еще. Их деятельность, как правило, связана со значительными трудовыми затратами, требующими многочасовых повседневных усилий, причем сам по себе труд может быть совсем не в радость, но только как суровая необходимость, и приносить кардинально отличающиеся доходы (от самых низких до средних). Сюда же, по-видимому, относятся и чиновники, т.е. госслужащие, низшего и среднего уровней, а также другие наши сограждане, чья работа является залогом того, чтобы наше общество жило, а государственные службы функционировали. Третья категория – это те, кого называют олигархами, а также высокопоставленное и высокообеспеченное чиновничество, «элиты». Что происходит в этой среде, мы не знаем, она отделена от остального народа трудно проницаемой стеной, чем-то, что метафорически можно сравнить с высокими оградами вокруг их жилищ. И наконец, четвертая категория – это, условно говоря, артистический мир – актеры, певцы, художники, кинорежиссеры и другие специалисты, обеспечивающие функционирование художественного творчества и зрелищной индустрии. Это в известном смысле тоже «среда в среде». Не вписываются ни в одну из предложенных категорий священнослужители, военные, полицейские, юристы и журналисты, возможно, они распределяются по трем первым, а некоторые, наверное, входят даже и в четвертую. Предложенное деление, как и любая схема – упрощение реальности, однако оно нужно для того, чтобы показать, что у людей с весьма

сходными уровнями образования, условиями воспитания, бытовыми привычками, культурными запросами, художественными вкусами, увлечениями и интересами могут быть разные жизненные стратегии, ценностные ориентации, политические взгляды, идеологические позиции и нравственные установки. И, наоборот, социальная и культурная дистанция не исключает одинаковых убеждений, ожиданий и чаяний. При этом, в отношении представителей первых двух категорий оказывается нерелевантным, живут ли они в глухой провинции или в мегаполисе, хорошо обеспечены или едва сводят концы с концами. В обеих выделенных нами категориях немало людей, мечтающих о восстановлении величия Советского Союза или о славе Российской империи с ее монархическим правлением и военными победами. Одна и та же надежда, что в ходе СВО Россия «очистится от скверны», «встанет с колен», «покажет свою истинную мощь», «заставит, наконец, уважать себя» – в одних и тех же выражениях – звучала и из уст неплохо оплачиваемого, причем далеко не старого, сотрудника академического научного учреждения, и из уст пожилой и не слишком хорошо образованной деревенской пенсионерки, с трудом выживающей на 12 тыс. рублей в месяц.

Часть из тех, с кем нам доводится взаимодействовать и кто непосредственно не вовлечен в специальную военную операцию на Украине, более или менее регулярно отслеживают ее ход. Кто-то ориентируется на официальные российские СМИ, но многим требуется более разностороння информация, и они выбирают в Интернет-ресурсах источники, которым считают возможным доверять, что предполагает самостоятельную аналитическую работу и временные затраты. Именно такая работа, а также обсуждение ее результатов в кругу близких людей ведут к формированию позиции, типичной для представителей первой и второй выделенных нами категорий. Эта позиция зиждется на ощущении, что «отечество в опасности», а также на убеждении, что «своим» («собратьям на Украине») необходимо помогать, а потому нужно сплачиваться и терпеть неудобства, и нужно надеяться на успешный исход. И пока «твой солдат воюет», не критиковать ни его, ни тех, кому вверено командование военными действиями, а «все разбирательства оставить на будущее». Причем складывается впечатление, что руководит людьми с такой позицией не только или, вернее, не столько страх перед введенными уголовными статьями о «клевете на российскую армию», но простая, пусть даже не рефлексируемая граж-

данская сознательность. А может быть, это – «скрытая (latente), как говорится в физике, теплота патриотизма» (по Л.Н. Толстому), которая «выражается не фразами, а незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты».

В марте 2024 г. у нас состоялся разговор с выходцами из одного из сел Тираспольской области Украины. «Что слышно от ваших родных и соседей из Приднестровья, страшно им там, наверное?», спросили мы с тревогой.

> «*Да некогда им бояться и волноваться, не до того,* – был ответ – *все на огородах, самое время сажать и сеять. Представьте, молдавская граница вот она, за околицей села, а украинская через узкую речку, а им нипочем!*».
>
> *«Вот, вот, то же и моя мама мне говорит, она в деревне в сорока км от Одессы живет: “Все сажаю на огороде, как всегда, если сама не соберу, не поем, кто-нибудь да соберет и употребит, кому-нибудь да все это пригодится”»* – вторила услышавшая этот разговор уроженка Буджака.

Из монографии «Молодежь и Россия будущего» среди прочего узнаем следующее: «Количество пессимистов, считающих, что в ближайшем будущем страну ожидают тяжелые времена, по сравнению с весной 2021 года значительно увеличилось. Это в полной мере относится и к молодежи. Так, например, среди молодых людей в возрасте 18–24 лет их стало приблизительно в 2,3–2,4 раза больше» (Молодежь 2023:19). Однако не более убедительно звучат и противоположные утверждения о «небывалом» росте или «всплеске» оптимизма у российского народа в самое последнее время (ВЦИОМ 2023). Нам, социальным антропологам, текущая социально-психологическая ситуация и ожидания сограждан, связанные с размышлениями о будущем, представляются неподдающимися ни однозначным определениям, ни математическим измерениям.

Методы социальных антропологов и наши проекты

Квинтэссенция антропологии и этнологии состоит в том, что людское взаимодействие имеет одни и те же базовые свойства в любых условиях – и в постиндустриальном городе, и в африканской саванне. Конечная задача антропологической науки – постижение этих базовых свойств и принципов функционирования тех явлений, в которых эти базовые

свойства проявляются в различных культурных средах, образно говоря – изучение «тектоники» социальной жизни как таковой, в каких бы географических, исторических и культурных контекстах эта жизнь ни протекала, «ухватывание» или «раскапывание» того, что роднит все народы, все культуры и времена, но принимает самые разные обличья. Как писал К. Гирц, «…обобщения, которых удается достичь, проистекают из тонкостей различий, а не из размаха абстракций. Отсюда следует необычность способа, каким вырабатывается наше знание: оно выплескивается струйками. Анализ культуры не следует по равномерно восходящей кривой кумулятивных разысканий, он подобен дискретной, но, тем не менее, связной последовательности все более и более смелых вылазок, это движение не от уже доказанных теорем к доказательству новых, но от неловких попыток добиться самого элементарного понимания к хоть как-то обоснованным притязаниям на то, что оно достигнуто и начат новый этап» (*Гирц* 1973: 25).

Самым надежным средством получения фактического материала, который можно положить в основу обобщений, для этнологов/антропологов служит полевая работа, а в полевой работе – наблюдение за поведением людей в изучаемых культурах. Очень часто говорят о *включенном наблюдении* как о главной составляющей полевой работы социального антрополога (этнолога, этнографа). При этом порой роль и значение этого метода сильно преувеличиваются, особенно когда дело касается краткосрочной полевой работы, которая преобладает в отечественной социальной антропологии или этнологии. И что значит «включенность», вернее, «участие»? Ведь это слово более точно соответствует термину (он и пришел к нам из англоязычной литературы) – «participant observation» (*Spradley* 1980: 26). Но вот социоантропологическая работа среди соотечественников и современников, в особенности тех, которые принадлежат к той же среде, что и сам исследователь, действительно может быть полноценным «участвующим» наблюдением. Все, что происходит с нами, когда мы взаимодействуем с окружающими людьми, может стать предметом для социоантропологического анализа. И если поставить перед собой конкретную исследовательскую задачу, то можно ощутить себя погруженным в исследовательский процесс в каждый момент своей жизни.

Вот воскресная лыжная прогулка вдали от Москвы, в пустынном лесу среди белого безмолвия суровой зимы 2024 года. Над обрывом

берега реки стоит высокая сосна, и у самой ее макушки развивается российский флаг. Кто водрузил его туда, как забрался этот человек по почти гладкому стволу? Вспомнился Крым 2016 г., там над селом Лучистое, почти на отвесной скале мы видели такой же флаг… Конечно же, сельские администрации и в том, и в другом случаях были ни при чем. Но вот московский автобус, и невзначай той же зимой услышан разговор двух студентов: «Я, как закончу, сразу хочу отсюда уехать, в Германию, к примеру. Не хочу здесь жить», «И я», – вторит ему товарищ – В Америку бы хорошо, но сложно теперь, может, в Италию?». Вспомнились студенты в нашем университете: то, с каким жадным интересом, с какими горящими глазами расспрашивают порой некоторые из них о жизни в Австралии, например. О возможностях получения гражданства и трудоустройства там. Вспомнился и рассказ одной из знакомых об аспирантках московского академического института. 25 февраля 2022 г. в полной горести они сетовали друг другу и старшим коллегам: «Все! У нас теперь нет будущего. Запад закрыт для нас!».

Подобные настроения у молодых людей не исключительно столичное явление. Таксистка, живущая в деревне Владимирской области, жалуется пассажирке на дочерей-старшеклассниц:

> *«Бухтят все время: «Зачем такое затеяли, нам теперь отсюда на Запад путь заказан, а что здесь за жизнь!». Я им говорю, кому вы там нужны на Западе-то, вас там ждут что ли с распростертыми объятиями! Нет, не слушают. Родителей не слушают, у них там в школе такие общие убеждения, такое поветрие что ли… И вот ведь до чего доходит, на Масленицу напекла блинов, икру купила, а они не едят, говорят: «Дай денег, пойдем доширак купим». Пошли, купили, заварили и хлебают, а мы с мужем – блины с икрой ели. Вот дела! А тут у старшей дочери день рождения, она мне говорит, ты салатов этих своих не готовь, не нужны они. Мы пиццу закажем».*

Что поколения родителей и дедов могут противопоставить мечтам о вожделенных Западе, Австралии или даже Аргентине? Уверения в том, что там наших людей «не ждут», что и там жизнь «не сахар», что «чужбина – есть чужбина», или казенные патриотические призывы любить Родину? Это, к сожалению, как правило, отторгается. Почему-то гораздо реже звучат более простые и трезвые аргументы: элемен-

тарная человеческая порядочность требует честно отслужить обществу, которое в лице государства дает бесплатное образование. Такие ценности, как честность и добросовестность, далеко не пустой звук для подавляющей части юных людей, где бы они не росли. Так может быть, именно к этим мотивам и следовало бы взывать? Или вот такое рассуждение: представьте – у ваших соседей дом (квартира) чище, просторнее, богаче и уютнее, чем у вас, вы что же пойдете к ним проситься жить или свой дом станете обустраивать получше?

Наблюдение, а также по случаю подслушанные чужие разговоры или по случаю, т.е. незапланированно, спонтанно состоявшиеся беседы поставляют самый интересный и самый ценный материал, но поступает этот материал даже не тонкими струйками, а мелкими капельками, да и одна Москва и ее окрестности дают все же ограниченный ракурс. Чаще всего мы в своей работе прибегаем к так называемым полуструктурированным глубинным интервью, предполагающим лишь несколько заранее заготовленных вопросов на интересующую нас исследовательскую тему. Вокруг этих вопросов развивается обстоятельный разговор весьма широкого содержания. Ведь, как пишет британский антрополог Т. Инголд, «особенностью антропологии является то, что мы занимаемся не столько исследованиями людей, сколько исследованиями вместе с людьми» (*Инголд* 2009: 11; см. также *Спрэдли* 1980). В глубинные интервью порой вкрапляются жемчужины народного речевого творчества, меткие суждения, тонкие наблюдения, глубокие чувства: «высказывания простых людей, обладающих непостижимой для образованного горожанина «остротой слова»:

> «*Когда наши старики уходят, мы остаемся одни. Без тыла. Один на один с жизнью. Говорят, время лечит. А оно не лечит. Оно отбирает и отбирает»; «Когда умирают родители, ты с ужасом ощущаешь, что между тобой и бездной никого нет»; «Я остался совсем один, я – сирота»* (слова человека, у которого есть жена и двое детей, но который лишился всех родственников старшего поколения и братьев с сестрами. – О.А.); *«Когда уходят родители, наступает сиротство»; «Взрослое сиротство – это целая Вселенная!» «Любовь – ненавязчивое чувство. Любовь к детям и старикам. Такая любовь – опора. Только Бога человек может так же безусловно любить. И Родину. А у нас эту любовь к Отчизне стали отождествлять*

ныне с гордостью. Патриот почему-то тот, кто гордится, а не любит. А чем гордиться в депрессивной сельской глубинке? Можно ее только любить. И жить. Патриотизм – любовь к Отечеству и самоотверженный труд на Родине, а не гордость» (*Аничкова* 2022: 145).

В 2009–2021 гг. в Учебно-научном центре социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета и в Институте этнологии и антропологии РАН в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» Министерства образования и науки РФ, программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» реализовано два научно-исследовательских проекта, посвященных изучению населения малого провинциального города, в т.ч. и проблемам молодежи в малом городе в эпоху социальных перемен («Диахронный анализ индивидуальных стратегий выбора жизненного пути в российской городской провинции с 1991 по 2012 г.»). Были и последующие проекты, имевшие целью изучение жизни некоторых категорий современных россиян в сельской местности, а также представлений широких слоев россиян и жителей некоторых сопредельных с Россией стран СНГ о жизненных смыслах и ключевых нравственных ценностях («Новые крестьяне России: социоантропологическое и этнокультурное исследование жизненных стратегий современных фермеров» и «Конструирование смысла жизни: реальность и ее восприятие в России и сопредельных странах (социально-антропологическое исследование, гранты РГНФ, 2015–2021 гг.)». Результатом названных исследований, основанных на полевой работе широкого географического размаха от Калининградской области до Приморья и Хабаровского края, от Псковской области до Северной Осетии и Дагестана (в общей сложности более 70 экспедиций, полевая работа в более чем 100 населенных пунктах; с участием студентов и аспирантов) стали коллективные монографии: «Мы здесь живем. Социальная антропология малого российского города» (2013), «От повседневного быта к поискам жизненных смыслов. Социоантропологическое исследование» (2019), «Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России» (2022); тематический сборник «Малые города – большие проблемы» (2014), а также серия статей в рейтинговом электронном издании «Новые российские гуманитарные исследования» (2015–2021 гг.). Остановимся на некоторых данных, собранных

в ходе проведенной работы, прежде всего – на данных и выводах сравнительно недавних проектов (2015–2019 и 2018–2021 гг.).

Разговоры и наблюдения в сельской России

> Злая воля, возведенная в систему, не настолько непобедима, как казалось Иннокентию Александровичу. Она равнодушна, механична и безлична, и это ее слабое место.
>
> *Михаил Тарковский. Полет совы.*

Драматичными и тревожными нам показались сведения, полученные путем интервьюирования респондентов, а также непосредственные наши наблюдения в наиболее удаленных от городских центров сельских поселениях Центральной и Северной России, в классических русских деревнях. Там до сих пор живут люди, готовые к самоотверженному труду, но условия, в которых им приходится пребывать, делают их жизнь непрестанной борьбой за выживание. Именно они являются самой уязвимой частью российского населения и заслуживают особого внимания государства и общества. Ведь именно они все еще осуществляют в немалой мере функцию сохранения и трансляции крестьянской культуры новым поколениям россиян.

Вот, например, слова жителя Пушкиногорского района Псковской области (село Велье, 2018 г.):

> *«Труд такой, что помилуй Бог! Завалили сельское хозяйство: все поля запущены, не сеяны, не паханы, бурьяном заросли… Молодежи это все не надо, уезжают. Земля есть, но один налог семь тысяч рублей с нее. Картошку и яблоки не продать… Закупаем все за границей: чеснок – в Японии, а в Китае – все остальное…. Крах нас ждет. Нет централизованного подхода, как в Белоруссии. Там по семьдесят тысяч рублей получают те, кто в сельском хозяйстве. Надо делать так, чтобы молоко стоило столько, сколько солярка. А сейчас оно стоит в два раза дешевле. Надо, чтоб подняли машиностроение, сельское хозяйство, а мы только военную технику делаем правильно. Как жить сельским хозяйством? Условия такие, что летом платят восемнадцать тысяч рублей в*

месяц за работу “*сутки через сутки*”, *а зимой пять-шесть тысяч, а то и меньше. В магазин сходить – тысячу отдай и не греши!»* (Аничкова 2022: 137).

Другой респондент ему вторит:

«*Ну, летом еще платят, а зимой в карманы лезем. А сейчас тысячу рублей в магазин – пустой домой идешь, людей сделали нищими; газ продают по всему миру, а деревни и поселки стоят негазифицированные. Продавать выгоднее… Развели магазинов, ларьков несчастных, одни Пятерочки и Магниты… Уже до того дошли, что сами не сажаем ничего, только закупаем, а свое просрали»* (Там же).

Еще один респондент сокрушается*:*

«Лен сегодня не сеем, хотя раньше мы сеяли пятьдесят тысяч гектаров. Неинтересно стало. Поддержки отрасли нет. Всю прибыль производители Белоруссии и Эстонии получают. Почему в России так произошло? Загадка… А ведь Псковская область была лидером в стране по производству льна… А чиновники, понятно, как говорится, они там получают хорошо, им не стыдно столько получать, да и монополия. А у нас нет даже работы, у нас есть только дела… Сельское хозяйство – самое неблагодарное дело, у государства нет уважения к таким людям, как я … ветнадзор, другой надзор, третий надзор, одни надзоры… единичные дворы со скотом сохранились. Едешь, едешь, вдруг корову увидишь и удивляешься: «О! Корова»; «На всю деревню один ребенок»; «У нас в деревне за последний год восемь похорон и одно рождение, из восьми похорон – два самоубийства»; «Вся молодежь сейчас предпочитает оставаться на асфальте вместо того, чтобы идти на землю» (Там же: 138).

Создавалось впечатление, что в старинных деревнях и селах российской глубинки «остаются в значительной части люди, готовые смиряться с тем, чего они не в силах изменить; готовые минимизировать свои потребности, укрощать желания, подавлять эмоции, которые, как они понимают, лишь отнимают энергию, но ни к чему не ведут. Слезами горю не поможешь, и они не опускают руки. «Жизнь продолжается!» – говорил мужчина сорока с небольшим лет, сотрудник животноводческой фермы Новоржевского района Псковской области. «Вы спрашивайте, а то у меня коровы, время доить…» (Там же: 140).

Наряду с констатацией беспощадной правды, звучали глубокие личные убеждения, мудрые нравственные идеи, и можно было столкнуться с деятельными позициями: «Все, кто занимается сельским хозяйством, идут против течения, но надо бороться и не сдаваться, надо держать хозяйства столько, сколько можешь справиться; а уродов Бог накажет (это про чиновников. – О.А.). Душа за беспорядки болит!» (Там же).

Постоянно всплывала в наших беседах с жителями далеких, «глухих» деревень и тема веры в Бога.

> *«Когда человек верующий – ему можно доверять»; «Верующий человек не обманет»; «В религии много добра»; «Обязательно ходим в храм»; «Каждую копеечку с пенсии в монастыри несем, восстанавливать»* (Там же: 143).

«Перечитав все вышеизложенное, мы с удивлением обнаруживаем, – писала работавшая в Псковской области участница проекта 2018–2021 гг. О.М. Аничкова – что у нас получилась парадоксальная картина. С одной стороны, сугубо депрессивные условия жизни и люди, которые под их натиском обреченно сдались, с другой – люди, имеющие нравственный стержень и силу духа, смирение и бодрость, терпимость и жизнелюбие, одаренные житейской мудростью. Приходит на ум старинная русская поговорка – «сильны смирением и богаты нищетою» (Там же: 144).

Участников посвященного сельской России проекта интересовали и те наши соотечественники, которые в недавнее время приняли решение уехать из городов и заняться фермерством, создавая новые поселения, в т.ч. хуторского типа. Как выяснилось, в сельской местности в последние десятилетия появилось немало трудолюбивых и высокомотивированных энтузиастов. Однако общие условия для ведения семейного фермерского хозяйства, для личных подсобных хозяйств и иных типов мелкого и среднего сельского предпринимательства весьма неблагоприятны. По-настоящему мощной и действенной поддержкой государства пользуются только крупные предприятия, в первую очередь гигантские агрохолдинги, которые теснят и потомственных земледельцев-животноводов, и «новых крестьян», желающих прокормить себя с семьей и получить скромную прибыль сельскохозяйственным трудом. Гранты, программы, кредиты и многие иные формы государственной поддержки зачастую оказываются «палкой о двух концах», опутывая людей бюрократической волокитой, каскадом долгов и обязательств, втягивая в коррупцию и вводя в растерянность противоречивыми и подчас невыполнимыми требованиями и условиями.

Массу препятствий для успешного семейного хозяйствования и создания небольших предприятий порождает земельное законодательство с всевозможными препонами для оформления земельных угодий в собственность и в аренду. По крайней мере, люди непрестанно на это жаловались, равно как и с обидой или с возмущением сетовали на злоупотребления административных структур разных уровней, спаянных с предприятиями-монополистами и латифундистами-землевладельцами.

Краснодарский край поразил контрастами, поляризацией между огромным богатством крупнейших сельхозпроизводителей и бедностью бывших колхозников. Не укладывается в голове и тот факт, что на плодородных землях края несколькими агрохолдингами производился гигантский объем продукции, которая преимущественно экспортировалась за границу, а местные жители, не имевшие своих хозяйств, вынуждены были питаться преимущественно импортируемой едой. Не выходят из головы образы бедно одетых пожилых женщин, днями напролет пытавшихся продать с прилавка, сколоченного из нескольких досок и установленного на открытом всем ветрам пригорке у дороги, банки с вареньем и солеными грибами, по нескольку килограммов творога, нескольку десятков яиц, разложенных по пакетикам, и по тройке-пятерке пар варежек и носков, связанных из домашней шерсти.

А что сказать о жителях некогда процветавших кубанских станиц, которые регулярно брали самые необходимые продукты в местных магазинах в долг? У продавщиц «на каждого своя страничка в тетрадочке заведена…». И такие тетрадочки заполнялись в начале 2020-х гг. в деревенских «сельпо» по всей Центральной и Северной России. «У нас все по полмесяца в тетрадку пишутся», говорил и зимой 2024 г. отнюдь не старый и отнюдь не немощный житель одного из сел Владимирской области (67 км от Москвы). В то же время, указанные контрасты не наблюдались (в 2019 и 2020 гг.) в Республике Дагестан, множество людей там вели пусть и скромную, но самодостаточную фермерскую жизнь и на агрохолдинги не жаловались. А в Калининградскую область агрохолдинги, в первую очередь «Мираторг», пришли недавно, и соответствующие проблемы там только начинали ощущаться. Даже в одной Ярославской области, в двух соседствующих районах, фермерская деятельность развивалась с существенными различиями, или, по крайней мере, фермеры различно оценивали свое положение, перспективы и достижения. Несмотря на трудности, связанные с COVID-19, сообщество местных производите-

лей и предпринимателей прирастало новыми членами. В ряде случаев пандемические административные меры поспособствовали тому, что люди приняли окончательное решение переехать в сельскую местность из Москвы и, наконец, полностью посвятить себя работе на земле.

Особую тему мы увидели во всевозможных затеях, рассчитанных на привлечение в сельскую глубинку – в большинстве случаев за деньги – туристов из городов. Как правило, такие предприятия, начиная с самодеятельных сельских музеев и заканчивая конноспортивными комплексами или образцовыми фермами, предлагавшими экологичную продукцию, гостиничные или рекреационные услуги, находились в местах, куда непросто было добраться, и дорога куда была сопряжена с физическими неудобствами и отрицательными впечатлениями. Прежде чем попасть в «райский уголок-оазис» или любовно обустроенный музей – скажем, старинных деревенских кукол, – туристы испытывали все прелести бездорожья и лицезрели бытовое «неустройство», мусорные свалки, заброшенную ржавеющую сельскохозяйственную технику, разваливающиеся коровники и т.п. Вот, к примеру, слова организатора одного из музеев в удаленной деревне Калининградской области: «У нас вся улица преобразилась вокруг музея. Когда рядом хорошо – хочется, чтобы и у тебя все было чисто, отремонтировано, а с другой стороны, от поворота уже депрессивно. Договориться с нашими чиновниками тяжело. Несколько лет пытался выпросить 300 метров дороги до музея, но так и не вышло» (*Аничкова, Долгих* 2022: 124). Все яркие культурные ценности российской глубинки и ее природные красоты только тогда станут реально привлекательными для туризма и приносящими прибыль, когда будет ликвидирована угнетающая душу сельская разруха. Конечно, это может быть достигнуто только с помощью государственных вложений и эффективной деятельности местных властей. Но нельзя не отметить показавшееся нам весьма типичным для жителей многих сельских поселений безразличие к эстетике и экологическому состоянию окружающей среды – за пределами собственного дома и приусадебного участка, а порой даже в их пределах. Не говоря уж о состоянии «культуры утилизации мусора» на селе и в его окрестностях! А ведь это уже не только эстетическая, но и этическая, а также санитарная, проблема. Анализ бытовых, повседневных, этических и эстетических установок наших соотечественников ждет еще специальных исследований.

Отрадно в то же время, что в привычный для российской речевой культуры «дискурс жалобы» порой вторгались оптимистические голоса, пропагандировавшие себя в СМИ и на Интернет-сайтах, призывавшие покончить с унынием и уверенно ждать хорошего будущего, прилагая максимум усилий и изобретательности для его обеспечения. Отрадно также, что эту тенденцию вносили в сельскую жизнь вливавшиеся в нее москвичи и образованные сограждане, сравнительно недавно приехавшие из других крупных городов. Отдельного анализа требует позитивная роль Интернета и сетевой коммуникации в обмене опытом и взаимной «виртуальной» поддержке среди «новых российских крестьян».

Нельзя не удивиться тому, сколь много людей в нашей стране готово начать или продолжать бороться с трудностями на сельскохозяйственном поприще. Тяга к земле, природе с ее красотами, к свежему воздуху и «здоровой» еде; стремление обеспечить счастливое детство и «правильное» воспитание потомству, поиски новых жизненных смыслов, духовного удовлетворения, индивидуальных «свобод» – все эти экзистенциальные мотивы оказываются мощными стимулами, способными пересилить разочарования от суровых реалий сельской России. Правда, и возвратное движение людей, не справившихся с трудностями сельской жизни, нельзя не принимать во внимание.

В целом наша работа позволила сделать вывод, что «новое крестьянство» постсоветской России представляет собой одну из динамично меняющихся групп населения, в значительной степени утрачивающее стереотипный образ «хранителя культурных традиций» даже на региональном и локальном уровнях, но в то же время формирующее новые культурные тренды. При этом «следует констатировать, что наши первоначальные ожидания того, что люди, занимающиеся повседневной практической деятельностью, будут преимущественно ориентированы на материальную сторону жизни, что их поступки будут детерминированы главным образом экономическими реалиями и могут быть описаны в экономических категориях, не подтвердились. Анализ собранных данных привел нас к мысли о приоритетности эндогенных идеологических, духовных установок при разработке и выборе жизненных стратегий, сопряженных с осознанным и планомерным отказом от городской жизни в пользу сельской» (*Драмбян* 2022: 46).

Особое значение мы придавали изучению т.н. экопоселенческих движений, хотя они лишь частично сопряжены с темой «российского

крестьянства и крестьянствования». Большинство людей, с которыми мы встречались в экопоселениях, жили «на земле», но не «от земли». Некоторые работали «удаленно», используя возможности передовых компьютерных технологий, некоторые искали временные заработки в близлежащих населенных пунктах, некоторые – вообще не работали и использовали сбережения прежних лет. У значительной части из них имелось высшее образование, техническое, педагогическое, психологические или какое-то иное. Они отражали (и продолжают, как можно думать, отражать) воспроизводящуюся уже более двух десятилетий тенденцию в выборе жизненных стратегий представителями преимущественно молодых или по крайней мере только вступающих в период социальной зрелости россиян, относящихся к сравнительно хорошо обеспеченным материально и имеющим высокий образовательный ценз слоям нашего общества. Они, несомненно, представляют отнюдь не малозначащую составляющую кадрового, творческого потенциала нашей страны. И они, конечно же, являют собой «выразителей» некоего весьма тревожного социально-психологического неблагополучия современной городской среды, равно как и «выразителей» эмоционального и интеллектуального, самодеятельного, спонтанного коллективного поиска выходов из ситуаций, порожденных этим неблагополучием.

При всей уязвимости стереотипов деятельности, экзистенциальных установок и этических устремлений определенной части приверженцев этих движений (см., напр.: *Артемова* 2022) нельзя не отдать должного отваге, решимости, даже жертвенности, с которыми создатели новых сельских сообществ борются за свои идеалы и стремятся созидать адекватные этим идеалам формы и нормы социального взаимодействия, противопоставляя их коммерциализированному и конформистскому городскому «мейнстриму». Экопоселенцы, конечно же, изобретают немало культурных новшеств – бытовых, интеллектуальных, организационных и других. Эти новшества, благодаря передовым информационным технологиям и бурной активности многих блогеров, становятся достоянием широких кругов наших соотечественников, а потому имеют влияние, выходящее за рамки обсуждаемых сообществ. То, какое огромное значение экопоселенцы придают многодетности и продуманному, методичному воспитанию новых поколений, будет иметь значимые последствия, независимо от того, где станут жить люди, рожденные и (или) выращенные в таких сообществах.

Как известно, одной из главных причин, тормозящих развитие сельской России, является значительный по своим масштабам отток в города наиболее активной и талантливой молодежи, рожденной на селе и от потомственных крестьян. Этот отток главным образом связан с удручающим состоянием социальной инфраструктуры – образования, здравоохранения и досуга. А ведь переселение молодых людей в города чревато не только запустением сельских территорий, но и семейными драмами, разлуками, печалями, разобщением поколений, нарушением традиций семейной и родственной взаимопомощи, разбитыми жизнями, неприкаянными судьбами, одиночеством стариков, недостатком внимания к детям и не слишком счастливым детством.

Будущее сельского хозяйства страны в той же мере зависит от реформирования социальных и культурных, сколь и экономических, а также административных институтов. Отчасти тормозящим фактором развития фермерского движения является недостаток финансовой и юридической грамотности людей, стремящихся хозяйствовать на земле. Незнание нужд сельских жителей и предпринимателей малых форм, а подчас и абсолютное к ним безразличие, приводят к тому, что работа чиновников отвечает преимущественно, как уже говорилось, интересам крупных агрохолдингов. Огромную проблему представляют собой и многочисленные нарушения норм экологической безопасности при эксплуатации крупных посевных площадей. Наблюдения, на основе которых сделано вышеприведенное обобщение, велись преимущественно в 2018–2021 гг., но вот 23 апреля 2024 г. «Общественное телевидение России» приглашает на программу «ОТРражение» главного редактора газеты «Сельская жизнь» Ш.М. Кагерманова. Идет обсуждение трудностей, с которыми сталкиваются фермеры Алтайского края, Липецкой и Белгородской областей. С горечью и знанием дела высказывается гость программы, приводятся выдержки из интервью, взятых у сельхозпроизводителей «на местах», поступают «звонки в студию» от самих сельхозпроизводителей, работающих на полях и животноводческих фермах, и складывается впечатление, что за истекшие пять-шесть лет мало что изменилось, а некоторые проблемы только усугубились (Клуб главных редакторов 2024).

От социальных антропологов ждут научно-обоснованных заключений о происходящем сегодня и рекомендаций для управленческих структур на будущее. Однако не надо быть специалистом, а нужно

лишь обладать здравым смыслом, чтобы понимать, что люди, которые стремятся работать на земле, обеспечивать себя своим трудом и создавать то, что все мы потребляем, должны иметь максимально благоприятные условия для реализации своих устремлений. Обеспечение же благоприятных для них условий – это прежде всего дело доброй и целеустремленной политической воли.

Люди, с которыми нам довелось общаться в российских селах, говорили о своих бедах. Мы спрашивали их о том, как, по их мнению, можно было бы с этими бедами совладать. В ответ мы слышали продуманные и взвешенные высказывания. Наши собеседники упирали на то, что власти должны реально хотеть изменить ситуацию, а возможные решения проблем уже видятся вполне отчетливо. Готовности же к самостоятельной созидательной деятельности в наших респондентах было не убавлять! С уверенностью можно утверждать, что здоровое общество должно обладать благоприятными условиями для самодеятельной, не инспирированной «сверху» и не контролируемой различными административными структурами социально-экономической активности граждан, умеющих объединять свои усилия и реализовывать желаемые цели легальными средствами. При наличии твердой и в полном смысле мотивированной политической воли, а также соответствующего финансирования специалисты из разных научных и научно-технических сфер – аграрии, экономисты, юристы, экологи, инженеры, программисты и др. – могли бы находить оптимальные пути для решения проблем нашего «старого» и «нового» крестьянства, в первую очередь мелких и средних сельхозпредпринимателей, и разрабатывать практические варианты этих решений. В ответ на вышесказанное нам могут выдвинуть немало аргументированных возражений. Государству легче контролировать деятельность ограниченного числа крупных сельскохозяйственных предприятий, скажем, гигантских агрохолдингов, нежели множества мелких и средних. От крупных агропроизводителей «казна» получает больше прибыли в виде налогов, чем от мелких и средних; поступление налогов от крупных производителей проще обеспечить, чем от производителей мелких, качество продукции первых легче оценить, чем качество продукции вторых, деятельность первых гораздо лучше поддается оснащению новейшими технологиями, чем деятельность вторых и т.д. и т.п. Да и вообще мировой тренд именно таков – сельхозпродукция производится мощными предприятиями, корпорациями, монополистами, число которых снижается, а

мощь растет. Однако такая «оптимизация» приводит к сокращению рабочих мест в сельском хозяйстве, росту безработицы, появлению «лишних людей» и иным негативным последствиям.

Между тем в мире имеются успешные альтернативные государственные подходы, опыт которых мог бы пригодиться России. Но самое же главное заключается в том, что государство и общество обязаны вкладывать средства в обеспечение насущных социальных потребностей граждан и нести связанные с этим издержки, даже если они окажутся весьма велики. В противном случае не только не соблюдаются декларируемые устои справедливости, но и нарастают протестные настроения у населения в различных регионах нашей страны. А они таят в себе угрозу и государству, и обществу. Тот безудержный и безжалостный капитализм, развитие которого мы наблюдаем в последние тридцать лет, не может не представлять опасности для нашего будущего, и мы имеем уже немало на то указаний в нашем настоящем.

Разговоры о смысле жизни, нравственных ценностях и людских чаяниях

Как уже упоминалось, в 2015–2019 гг. авторы настоящей главы были участниками коллективного проекта, направленного на социально-антропологическое изучение представлений о смысле жизни и о жизненных смыслах. Мы тогда взяли на себя смелость обратиться к важной составляющей современной внутрироссийской и международной жизни: социально-психологическому климату, социокультурным представлениям о должном образе и качестве жизни, влиянию глобальных, трансрегиональных ценностных установок на региональные, локальные представления о должном или желательном образе жизни. От моральных и идеологических установок граждан, от их запросов, устремлений, от типов их социального и экономического поведения, требований к себе, к другим людям, к социальному окружению в целом, а также и от представлений людей о том, как их запросы удовлетворяются на практике, зависит настоящее и будущее нашей страны.

Сбор материала велся в сельских поселениях, малых городах, крупных городах и мегаполисах, в число респондентов вошли преимущественно представители двух первых из условно выделенных выше категорий граждан. Одной из самых информативных составляющих бесед с респондентами были их жалобы, сетования на то, что плохо, возмутительно, неудовлетворительно в их собственной жизни и

окружающей действительности. В большинстве случаев жаловались люди весьма охотно, без всяких наводящих вопросов и провоцирующих приемов со стороны интервьюера. «Дискурс жалобы», как известно, занимает особое место в речевой культуре и в культуре межличностного общения. В сравнительно недавнее время он привлек внимание социальных антропологов, психологов, и социологов (см. например: *Андрющенко* 2014; *Богданова* 2014; *Николаенко* 2008; *Рис* 1997; *Тишков* 2006). В последние десятилетия официальные и неофициальные СМИ умело пользуются этой чертой национального характера россиян, которых старательно поощряют к транслированию жалоб самого разного рода. На это указывал, в частности, В.А. Тишков в своей статье «Кризис понимания России» (2006), справедливо подчеркивая, что «стратегия жалоб приносит скорые дивиденды, но она разрушительна в более основательном плане и в перспективе» (Там же). Однако жалоба, хотя и косвенным образом, но весьма наглядно выявляет то, как говорящий конструирует для себя жизненные смыслы и каковы его ценностные ориентации, ведь известно: «Одни плачут оттого, что им детей кормить нечем, другие – оттого, что у них жемчуг мелкий». Попытаемся далее обобщить некоторые результаты нашей работы.

В ответах респондентов на ставившиеся вопросы, в их спонтанных, ситуативных рассказах о себе, суждениях о жизни вообще и в их сетованиях на несовершенства окружающего мира непрестанно повторялся ряд сквозных тем, отражавших первостепенные ценности, основополагающие жизненные смыслы. Вот они – именно в порядке той степени важности, которую придавали им сами говорившие – семья, дети, здоровье, жилье, достойная работа, мир (отсутствие войны), деньги.

Несмотря на то, что иерархия ценностей и смыслов проступает совершенно отчетливо, рассмотреть их по отдельности, расчленив хотя бы в сугубо аналитических целях, не представляется возможным. Так, крыша над головой необходима любому человеку – и семейному, и одинокому – однако насущность темы жилья проступает с особой яркостью именно тогда, когда есть кого в это жилье селить, то есть семья. При этом можно подчеркнуть по меньшей мере два различных аспекта. С одной стороны, извечна ценность нахождения рядом с близкими людьми, важно делить с ними беды и радости, стол и кров. С другой стороны, сколь ни ценно иметь обширные родственные связи и приумножать потомство, разрастание семьи на определенном этапе делает сложным ее совместное проживание на ограниченном простран-

стве, поэтому появление в семье новых членов ставит вопрос либо о расселении, обретении нового жилья, либо о расширении имеющегося. Обзавестись (построить/купить) собственным домом/квартирой –для себя либо для повзрослевших и заведших собственную семью детей – один из наиболее часто встречавшихся ответов на вопрос исследователей о целях, приоритетах и ценностях респондентов. Особенно болезненно и остро – и в Центральной России, и в Крыму, и на Урале, и в Белоруссии, Армении и Грузии – стояла эта проблема в период наших исследований перед молодыми мужчинами.

Но что как не деньги оказывались главным камнем преткновения при поисках решения этой проблемы? Получается, что и тема денег и их насущной необходимости не может быть раскрыта в отрыве от анализа темы семьи и жилья. Близко примыкает к обрисованному кластеру мотив работы, ибо для большинства наших респондентов именно работа служит основным источником средств к существованию. Однако зачастую в их высказываниях деньги и работа выступали по отдельности, подтверждая тем самым построения классиков психологии, начиная с А. Маслоу (1954) с его знаменитой «пирамидой» человеческих потребностей: работа не инструмент обретения источника пропитания, но самоценность! Потребность в созидательном труде входит – наряду с потребностью в любви, в содержательном общении и творчестве – в число сущностных, бытийных («высших» и «специфически человеческих») потребностей людей. Другое дело – это тема здоровья. Болеют взрослые и дети, мужчины и женщины, богатые и бедные, в демократических и тоталитарных обществах, в процветающих и «отсталых» странах. Проблемы со здоровьем, опасность его потерять угрожают всегда и всем, а именно оно – та база, которая создает возможность для реализации сущностных потребностей. И кроме угрозы потери здоровья в определенные периоды в определенных регионах встает и другая угроза, ставящая, как и болезнь, под удар не только реализацию конкретных жизненных сценариев, но и само существование – угроза войны. Конечно, наше внимание привлекали не только постоянно повторяющиеся суждения о жизненных смыслах, но оригинальные, редкие, иногда эпатажные высказывания, подчеркнутое нежелание задумываться о смысле жизни, равно как и локальные особенности в народном дискурсе «о главном в жизни». Так, нам приходилось слышать: «Да нет никакого смысла в жизни, она бессмысленна»; «Живем,

да и все тут»; или же противоположное: «Смысл жизни в спасении души», «В следовании христианским заповедям (или столпам Корана)», «В Евангелии ведь все сказано!», «Нужно просто жить и радоваться жизни, солнцу, воздуху, каждому дню!», «Что главное? Да деньги, конечно же, без них ты – ничто!».

Среди молодых людей, особенно жителей малых городов Центральной России, чрезвычайно высоким оказался рейтинг образования, притом высшего. Такие категории, как «карьерный рост» и жизненный успех, с которым связывалось либо материальное благополучие, либо творческая и интересная деятельность, также постоянно фигурировали в разговорах с нашими молодыми соотечественниками. Среди молодых жителей малых городов сильно проявляло себя стремление уехать и устроить жизнь в большом городе, а порой – и за рубежом. В Крыму многие молодые люди говорили о твердом решении искать счастья не в нашей стране, хотя присоединение Крыма к России горячо одобряло большинство наших респондентов, независимо от возраста (*Аничкова, Артемова, Артемова* 2017).

Исследователи спрашивали также, что люди считают самым главным или просто важным в жизни, чего они хотели бы достичь, чего им не хватает для счастья, что они боятся потерять, что вызывает у них уныние, что вообще человеку нужно для счастья, кого можно счесть счастливым, знают ли они счастливых людей и если да, то почему считают их счастливыми и т.п. Далее, во многих случаях исследователи стремились направлять беседу так, чтобы создать атмосферу доверительности, в которой человеку самому бы захотелось поговорить о том, что его волнует и пожаловаться на то, чего ему не хватает в жизни. Порой это удавалось. И наконец, кроме материалов, полученных за три года работы по проекту «Конструирование смысла жизни», в распоряжении авторского коллектива имеется множество записей разговоров, сделанных в 2009–2014 гг., когда почти тот же коллектив исследователей интервьюировал людей, изучая иные, но во многом сопряженные с проблемой жизненных смыслов темы. И вот удивительно: ни одна из наших собеседниц не сказала, что в жизни нет смысла без любви мужчины и любви к мужчине, ни один собеседник не сказал того же о любви женщины и любви к женщине. Никто не включил любовь к представителю противоположного пола и со стороны представителя противоположного пола в число самых важных вещей. Никто даже абстрактно, отвлеченно не поднял эту тему. Обходили ее своими вопро-

сами и участники проекта, чтобы их не сочли бесцеремонными, вторгающимися в чужое «частное пространство». Лишь две-три молодые женщины вскользь упомянули о мечте выйти замуж, двое-трое холостых мужчин – о желании жениться. Но в этих случаях речь шла скорее о стремлении иметь семью и детей, нежели о жажде любить и быть любимым. Никто не говорил о том, как хочется счастливой личной жизни, как она важна, или о том, как страшно потерять партнера. Тем более, никто не говорил о жажде ласки или роли секса.

Но ведь все мы знаем по опыту, сколь большое значение подавляющее число людей придает своим любовным отношениям и как много душевных и физических сил, времени, эмоций и даже денег люди готовы тратить именно на это. Есть косвенные способы снова и снова убеждаться, что в наше время наши соотечественники придают и романтической любви, и не самому романтическому сексу не меньше значения, чем, скажем, это было в прошлые эпохи – порой вплоть до попыток свести счеты с жизнью из-за «несчастной любви». И то, что люди иногда отнюдь не фигурально сходят с ума от любви, весьма показательно для нашей темы. Это один из примеров тех личностных кризисов, в которых, как подчеркнуто В.А. Тишковым в релевантном контексте (2019: 6), жизнь может утратить «свою ценность и смысл».

Избегание респондентами любовной и тем более сексуальной тематики имеет свои объяснения. Это слишком личное, интимное, чтобы обсуждать его с незнакомыми исследователями. Есть еще и культурная традиция некоей подчеркнутой скромности, порой даже пуританства в том, что можно назвать официальным публичным дискурсом на постсоветском пространстве. «Сексуальная революция» постперестроечного времени не сумела уничтожить эту традицию, так как идет она не только из советских времен, когда у нас, как известно, «не было секса», но и из гораздо более глубокого прошлого.

Несравненно труднее понять, почему люди не говорили с исследователями и об иных неотъемлемых составляющих жизненных смыслов подавляющего большинства. Например, о дружбе, о радостях человеческого общения вообще, о дружеском круге за пределами семьи и родства. Следовательно, можно выделить неотрефлексированные, неартикулированные ценности. Они весьма важны, и они требуют отдельного исследования. Среди причин того, что они не озвучиваются в беседах с исследователями и, очевидно, не продумываются, не формулируются отчетливо «средним» человеком, можно предположить и

психологическую подавленность нелегкой рутиной повседневного быта, застилающими широкий мир заботами о насущном, о чем также написано В.А. Тишковым во Введении к книге «От повседневного быта к поискам жизненных смыслов» (2019: 5). А кроме того, нельзя не учитывать усугубляющуюся сложность отношений человека со временем, психологический стресс от ощущения его нехватки, которую невозможно восполнить. Нельзя забывать и о склонности людей искать готовые ответы, пользоваться стандартными наборами «истин», пришедших извне, и, как правило, эти наборы состоят из редуцированных, упрощенных – по отношению к реальному мироощущению любого человека – категорий.

В высказываниях респондентов, как искренних и самостоятельных, так и нацеленных на удовлетворение предполагаемых ожиданий исследователей или же детерминированных желанием ответить «нравственно», весьма часто фигурировали такие ценности как необходимость делать добро, справедливость, правда, взаимопомощь, сострадание к ближнему и дальнему, а также – к меньшим братьям нашим. Интернет и СМИ показывают немало подвижников борьбы за справедливость и правду, против коррупции и притеснений властей. Но при этом мы немало взаимодействовали с теми, кто не хотел или не мог приложить силы к противодействию явлениям, вредившим им самим и их соседям или сослуживцам, причем – сделать это в таких обстоятельствах, которые не были чреваты серьезными опасностями и не требовали героических усилий. Предположительно мы связываем это с далеко не всегда осознанным стремлением людей избегать психологического дискомфорта, а среди неотрефлексированных ценностей особо выделяем хотя бы относительный психологический комфорт и отсутствие затяжного нервного напряжения.

Далеко не всегда продиктованные этой ценностью поведенческие стереотипы эгоистичны и нерациональны. Проникновение в суть процессов людского взаимодействия дает понимание того, что если люди в массе своей в конкретной социальной среде в конкретное время не делают того, что, казалось бы, предписывают разум и представления о справедливости, то им, быть может, «виднее», «как надо» и как «не надо». Здесь, возможно, сказывается глубинный исторический опыт, смысл которого раскроется только по прошествии длительного времени. Тем не менее, в наблюдавшейся нами российской действительности случались и такие ситуации, в которых многие люди проявляли го-

товность ценностью психологического комфорта поступиться – ситуации, связанные с угрозой потерять более значимые ценности: жилье (не только как кров, но и как семейный очаг) и здоровье. Это массовые выступления против планов новых «точечных» застроек в городских дворах, грозящих катастрофическим ухудшением жилищных условий и тотальным обесцениваем жилья, находящегося в собственности людей; это движения обманутых дольщиков и экологические движения, направленные на ликвидацию вредных для окружающей среды заводов и фабрик, против сооружения крупных мусороперерабатывающих предприятий вблизи жилых комплексов, против уничтожения рекреационных зон, которыми повседневно пользуются люди, и т.п. В ходе такой деятельности внушительные по численности группы людей создавали новые формы коллективной активности и кооперации целенаправленных усилий. Однако возникали такие массовые легальные движения, как правило, лишь в обстоятельствах «крайнего неблагоприятствования», когда было уже «некуда бежать», когда люди себя чувствовали «загнанными в угол».

Можно выделить и противоположные ситуации, назвав их ситуациями «слабого неблагоприятствования». Они постоянно находили отражение в «дискурсе жалобы». Люди во множестве своем сетовали на грязь и мусор в подъездах домов и в городских дворах, а также вокруг палисадников при частном жилье, на грязные и неотремонтированные рабочие помещения, на отсутствие мероприятий или учреждений для досуга (преимущественно в малых городах), на скуку и бездарную организацию корпоративных вечеринок и т.п., и т.д. Однако лишь немногие проявляли готовность приложить личные усилия к ликвидации всех этих мелких зол. «Существуют специальные службы, вот они и должны этим заниматься!» В целом, у авторов сложилось впечатление, что такие ценности, как справедливость и необходимость делать добро («в большом и в малом»), оставались для наших сограждан – за пределами частного, индивидуального и семейного «пространства» – во многом номинальными. Подвижники великих идей, в т.ч. и идеи «справедливости везде и всегда» – представлялись людьми редкими и «не от мира сего». Но нельзя сказать того же о сострадании к ближнему, знакомому и незнакомому: милосердие не иногда, а постоянно «стучалось в их сердца». А повседневная, не предписанная нормами, но спонтанная, ситуативная взаимопомощь неизменно ле-

жала в основе наблюдавшейся нами социальной жизни. В противном случае общество просто перестало бы существовать. В то же время, многие соотечественники и жители сопредельных стран, особенно молодого и среднего возраста, демонстрировали известный минимализм в целеполагании, отсутствие желания или даже артикулированный отказ участвовать в таких общественных мероприятиях, которые не затрагивали их личные интересы. Создается впечатление, что немало респондентов живет частной жизнью, независимо от окружающих событий в их стране и мире в целом. Иногда они об этом так открыто и заявляли.

Было бы ненаучно не акцентировать внимание и на некоторых других тревожных симптомах российской жизни. В том числе – на узкосемейном, узкородственном способе решать проблемы: все неблагоприятные факторы, особенно экономические, преодолевались в первую очередь с помощью института семьи, близкородственных связей, причем значительная часть бремени по преодолению трудностей, стоявших перед молодыми людьми, ложилась на плечи их близких – представителей старшего поколения. Важно подойти с профессиональной точки зрения – с точки зрения социальных антропологов – к вопросу о т.н. *семейственности.* Нередко она на одном из первых мест, наряду с коррупцией, фигурировала в речах респондентов при перечислении пороков социально-политического и социально-экономического устройства тех или иных организационных структур. Имелось в виду в таких случаях, что высокопоставленные лица помогали своей родне поступить учиться в престижные вузы и потом занять хорошие должности. Это отрицательно оценивалось, высмеивалось или даже разоблачалось в официальном дискурсе (в СМИ, например), с обидой и в обвинительном тоне говорили об этом в неофициальной обстановке и рядовые граждане, у которых не было родни в элитарных кругах. В то же время считалось нормальным и даже правильным, когда не относящиеся к социальным элитам люди, не жалея сил, сплошь и рядом идя на жертвы, помогали своим детям или племянникам получить образование, обустроить жилье, вообще «выбиться в люди». Если речь заходила о потомственных слесарях или фрезеровщиках, то мы слышали о «славной рабочей династии», а если о потомственных бюрократах или технократах – о кумовстве, непотизме и тому

подобных сугубо негативных явлениях. Но ведь в этих оппозиционных вариантах работает один и тот же социальный институт – семья в широком понимании, группа родственников, на помощь которых человек может рассчитывать в различных жизненных ситуациях и которым он помогает сам, при этом у каждого индивида свой особый набор связей взаимопомощи, и объем взаимопомощи асимметричен в возрастном или поколенном аспектах: старшие помогают младшим больше, чем младшие старшим. Всевозможные программные установки нереалистично предполагают, что в привилегированных кругах этот механизм почему-то не должен функционировать или должен функционировать как-то иначе, чем он функционирует в непривилегированных кругах.

Следует сказать, что главные оплоты социальной взаимопомощи – семья и родство – оказывались под угрозой ввиду оттока молодежи из провинциальных поселков и малых городов в крупные города (да и за пределы стран постсоветского пространства) и маятниковой миграции. Эти явления неизбежно вели к тому, что многие семьи распадались, родственные связи значительно ослабевали или даже рвались. Все это требует перемен в политике федерального и региональных правительств, а также значимого перераспределения материальных ресурсов. Но нужны и радикальные изменения в социально-психологическом климате самого общества. Все тот же опыт социальной антропологии показывает, что любое здоровое общество должно обладать самодеятельной социальной активностью. Такая активность до сих пор слабо проявлялась на постсоветском пространстве.

Разговоры о будущем в 2023 и 2024 годах

Стоило мне только обнаружить смысл жизни, как его изменили.

Джордж Карлин

Наши исследования последних лет, казалось бы, вели к выводу о том, что падение советских идеологических парадигм с их жестким диктатом в публичной интеллектуально-духовной сфере жизни, а также ускоренное развитие рыночных отношений в новой России обусловили переформатирование поисков жизненных смыслов и главных, экзистенциальных, личностных ценностей почти исключительно в инди-

видуалистическом ключе. А это таило в себе, как можно было подумать, угрозу размывания или даже утраты представлений о должном социальном устройстве и о личной гражданской ответственности каждого. В речах наших респондентов редко артикулировалась заинтересованность в жизни государства и общества в целом (ср.: *Трофимова* 2022). «Моя работа, моя семья, мои дети, мои родители, их и мое здоровье, мой дом» – как изолированный семейный очаг, как «моя крепость», где все, о ком я пекусь, и я сам могут отгородиться от внешней среды, которая сплошь и рядом виделась недружественной – вот типичные мотивы того «народного дискурса», с которым нам пришлось столкнуться. А, кроме того, как уже упоминалось, в речах наших респондентов постоянно звучал один и тот же настойчивый рефрен: «лишь бы не было войны». И вот война, пусть необъявленная дипломатически и официально иначе именуемая, пришла к россиянам, многие оказались вовлеченными в военные действия, многим пришлось осознать, что война подобралась почти к самому порогу их жилищ. И теперь, нам кажется, что общественный климат и «народный дискурс» кардинально поменялись (впрочем, поменялся и наш исследовательский ракурс).

К высказанному выше предположительному суждению нас побудили спорадические и фрагментарные наблюдения, а также разговоры с соотечественниками. Чтобы его подтвердить или опровергнуть, мы решили провести исследование, основанное на полуструктурированных интервью. Разговоры с респондентами строились вокруг приведенных ниже вопросов. Мы беседовали с представителями двух первых выделенных нами категорий россиян, чьи трудовая деятельность, образовательный и имущественный ценз существенно разнились. Среди наших респондентов преобладали жители Центральной России, преимущественно – Москвы, Московской области и соседствующих областей. Но говорили мы и с некоторыми сибиряками, в т.ч. гостями из Бурятии, с жителями новых российских территорий, а также с бывшими соотечественниками, которые теперь обосновались в Грузии, Армении, Западной Европе, США и Австралии. В общей сложности число респондентов превысило 30 человек. Казалось бы, это немного. Но высказывания наших собеседников делятся на три варианта, в каждом из которых наблюдаются неоднократные, почти дословные, повторения, что свидетельствует о репрезентативности выборки. В подтверждение сошлемся на релевантные заключения социолога

И.Е. Штейнберга, который анализирует результаты эмпирического поиска «так называемого оптимального числа информантов для качественного исследования» (2021: 126–128).

И.Е. Штейнберг пишет: «В каждой культуре существуют разделяемые ее представителями взгляды, которые устанавливают некий консенсус по различным вопросам картины мира, примиряя между собой носителей индивидуального жизненного опыта». Это напоминает «общий тезис взаимных перспектив» А. Шютца, с его идеей взаимного сжатия «смысловых полей» в результате «взаимозаменяемости точек зрения» и «совпадения системы релевантности» индивидов для возможности взаимопонимания в процессе общения[2]. Для нашей темы качественной выборки из этого следует, что набор таких общих взглядов в каждой культуре может быть ограничен или, как говорят авторы, «конечен». Значит, для установления факта «консенсуса» число респондентов тоже может быть ограничено. Такая логика приводит к возможности определить минимальный размер выборки, где после достижения искомого числа «взгляды, мнения, оценки» должны в основном повторяться» (Там же).

Заимствуя термин «модель консенсуса», мы можем заключить, что наши интервью выявили три таких «модели», которые условно обозначим как «модель почвеннического оптимизма широкого спектра (от сдержанного до горячего)», «модель почвеннического пессимизма (от горестного до циничного)» и «модель “прозападного” критицизма (по большей части резкого и как бы отстраненного – будто Россия вовсе и не Родина)». А вопросы мы задавали следующие:

1. Какой вы видите ситуацию в нашей стране через год, два, три, через пять лет?
2. Какой вы видите вашу жизнь в недалеком будущем?
3. Вспомните, пожалуйста, ваши чувства и мысли после начала СВО.
4. А сейчас? Что изменилось в ваших представлениях, суждениях?
5. Что вы думаете о перспективах РФ? Будут ли изменения в стране, какие?
6. Какие будут отношения между Россией и Украиной в будущем?
7. Изменится ли мир после СВО? Если изменится, каким он (мир, миропорядок) будет?

---

[2] Ссылка в источнике: *Schutz A.* (1990) Symbol, Reality and Society. In: Schutz A., Natanson M. Collected Papers. Vol. 1. The Problem of Social Reality. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers.

8. Каково место России в мире сейчас? Каким оно будет в будущем?
9. Хотели бы вы уехать из России, жить в другой стране?
10. Хотели бы вы, чтобы ваши дети жили не в России, если да, то где?
11. Что приобрела и что потеряла Россия после начала СВО?
12. Как вы оцениваете уровень своего дохода?

Первая «модель консенсуса». Очевидно, последующий текст был бы значительно короче, если бы мы своими словами передали основной смысл высказываний наших респондентов, но при этом мы не только не отразили бы колорит их речей, но и неизбежно исказили бы содержание. Поэтому мы предпочли дословное цитирование. Для начала дадим слово недавнему выходцу из Донецка, беседа с которым заслуживает, по нашему мнению, почти полного воспроизведения. Его суждения весьма типичны и, безусловно, вписываются в первую «модель консенсуса». Ему 64 года, он представился как «бывший мент, а теперь адвокат». На первый вопрос он начал отвечать несколько неожиданным образом:

> *«Что будет через два-три года? Будет своя черешня, своя клубника. Донбасс на одной линии находится с Ростовом. Наладятся поставки вот этого вот, нашего – черешня, клубника, абрикосы… Все узбекские покупали. Н…а нам с Узбекистана, когда вот рядом. Химическая промышленность наладится, что у нас там, удобрения… В Харькове один завод разрушили пока, а в Донбассе они все сохранены.*
>
> *Отношения между Россией и Украиной? Если Украина отодвинется за Киев туда, на левобережной территории Россия вернет все земли. Мое мнение: наши вряд ли допустят, чтоб там было бандеровское руководство – марионеточное правительство Америки. Либо это будет пророссийское – ну, как Янукович. Либо худший вариант Януковича, либо, знаешь, у нас же федерация, как вот Крым – республика… Может, даже на правах автономии. Но скорее всего нет, потому что территории большие. Автономные – они небольшие. Скорее всего, либо это войдет в состав России, либо автономия, либо пророссийское будет… Украина останется как страна. Это третий вариант, Украина остается как республика. Украинская республика, но с пророссийским правительством, типа Белоруссии. И может даже войдет в состав союзного*

государства. Они же изначально и хотели: Белоруссия вошла, а Украина начала… Усидеть на двух стульях сразу хотел тот, и другой, и третий, понимаешь? В итоге все и рухнуло. Ну, Америка, конечно, науськивала… Лучший сценарий, чтобы был переворот на Украине».

– А между людьми какие будут отношения? (вопрос одного из авторов статьи, бравшего интервью)

—Если прямой ответ на твой вопрос, одним словом – ***переобуются*** (выделение наше – авторы). *Если сказать более нормальным человеческим языком – люди на Украине пересмотрят свое отношение. Поймут, что их обманывали, вводили в заблуждение. Плюс Америка довлела. Люди боялись, просто боялись… Думаю, что пересмотрят, пройдет время… Быстро причем, не как в Германии… Думаю, за пару лет... Скажут: извиняемся, перекрестятся сто раз, забудут за украинские паспорта эти, ну… Брат мой старший, у него украинский паспорт, он все прекрасно понимает: прекрасно знаю, кто такие бандеровцы, и мы ждем, естественно, прихода наших. 70% Украины всей ждут прихода российских войск.*

– А если шире – изменится ли мир после СВО?

– Зависит от того, в каких границах у нас останется Россия. От этого будет зависеть процентов двести. Если целиком Украина перейдет под юрисдикцию России...

– А мир в целом?

– Мое мнение: конечно, будет меняться, люди будут понимать. Хотя видишь, Запад там тоже зомбирован Америкой. Опять же, в Америке выборы – неизвестно, что там дальше будет. Ну там они свое будут гнуть – и та и другая власть, и республиканцы, и демократы. Но я думаю, изменения будут. Не настолько глобальные, как у нас. Потому что Китай остается, Тайвань остается. Европа. А у них промышленность мощная, не так просто их развалить, чтоб у них ВВП упал, это все фигня. Я думаю, глобально не изменится ситуация. Швеция вступила (в НАТО – авторы), *там, эти, финны, Эстония там будет – эти идиоты вообще, эти лесные братья, они будут до конца, до посинения, аж пока их не принудят к миру. Нападать они не будут никуда своими ру-*

ками. А чужими руками – НАТО вряд ли пойдет. Поэтому все примерно останется, глобальных изменений не будет. Как было, так и будет. Русофобия – все будет. Может, даже еще больше, еще хуже, понимаешь.

– Какое место у России в мире сейчас?

– «Если брать опять же глобально… Против нас сколько сейчас, 45 стран что ли… Конечно, мы немножко подвинемся с задних мест. Когда в 90-е все развалилось, даже 2000-е – еще непонятно, то кризис, то то, то другое, то какие-то войны, Грузия там, клевали нас. Думаю, немножко изменится, потому что почувствуется сила. Почувствуют, что России деваться было некуда, что нас загнали в угол. Но увидят силу, если СВО закончится полной победой. Это не оккупация будет, а возврат территорий своих. СССР никто, понятно, возвращать не собирается, но, естественно, Россия поднимется. Немножко подвинет… не то чтобы Европу задвинет, затмит, это вряд ли – у нас промышленность еще не на том уровне, понимаешь. Военная да, а у нас там еще о-го-го сколько всего. Еще строить и строить. И заводы… Если брать экономику… Хотя нет, за счет присоединенных территорий – Донецк, Луганск, Запорожье, Одесса. Порты, Черное море отвоюем фактически, выход в Черное море везде будет наш. Но это будет не быстро. Даже если через год-два закончится это все, то я думаю, минимум 10 лет. Потому что сколько народу там, сколько отстроить всего надо… Сколько уничтожено в Киеве том же, сколько побили всего. Канализация пробита везде, мосты еще со времен СССР не ремонтировались. Вспомни ГЭС эту, которую разрушили, Запорожскую, т.е. Херсонскую. Еще неизвестно, они могут разрушить и Днепропетровскую, Днепрогэс разрушить, мы еще не знаем, чего будет… Пока еще стремно, они еще могут навредить дай Бог, две атомных станции, которые пока на их территории, они могут подорвать… Нашим надо… как вначале, они же захватили, окружили станции... Запорожскую, Чернобыльскую. Сразу, потому что поняли, что эти идиоты могут взорвать. И сказать, что Россия взорвала. Доказательств никаких сейчас никто не требует. Поэтому

опасность есть. Если власть поменяется в Украине – придет пророссийская, то они может сами поймут: на …а нам умирать за Америку. Они умирают за Америку. А власть поменяется, переворот, там, произойдет или выборы… Понятно, что они не заинтересованы уничтожать свою… атомную электростанцию – взрывать сами себя, понимаешь. Это будет лучший сценарий, чем если наши рванут там под натиском в лобовую, они будут отходить, отходить, будут за собой мосты сжигать. Но наши знают об этом».

– Не было ли мыслей уехать из России?

– *«У меня лично, конечно, не было. Во-первых, некуда. Если б у меня в Израиле дядюшка был… Еврей богатый какой-нибудь… Нет, конечно, не было. Я, конечно, шучу. И не было, и некуда, и незачем, понимаешь. А зачем? Где мы нужны?* (смеется) *Я посмотрел на этих, которые уезжали – ну понятно, не знали, что там война начнется. Люди уезжали – думали там все тишь да благодать…* (опускаем долгие рассуждения про знакомого, который эмигрировал в Израиль, но вскоре переехал в Германию… – авторы) *Переписываемся с ним, он ругает тамошних идиотов, которые оружие поставляют. Он, конечно же, за Россию. Человек живет в Германии с 2000 года. И говорит: провались они пропадом. Ему просто уже ехать некуда.*

– Хотел бы ты, чтобы твои дети, внуки жили не в России? Если да, то где?

– *«Мое мнение – только в России. Как вариант – Донбасс, но все равно это Россия. Может быть, Сочи, там больше развития. Там сделали центр для детей. Только в России, никуда больше – ни Белоруссия, ни Молдавия, ни за кордон куда-то, ни Турция. Даже если б я был миллиардером, я бы все равно сказал: провались они пропадом. Описали имущество, хотят активы наших все… И что это? У олигархов поотбирали все имущество, конфискация идет. Даже я знаю людей, которые не олигархи, тут у нас мужик с подъезда уехал, бывший мент, потом работал инвестором, они в Ницце живут сейчас – он уже хочет домой вернуться. Франция – все. Там дурдом начинается. Ты же видел, чего там происходит. Он уехал с женой, но они в возрасте уже, моего возраста, но хотят*

вернуться. Бабло было у них, где-то он там хапнул, я не знаю… Хочет вернуться. Все чревато. Нет, только здесь. И помирать здесь легче, знаешь, на родных местах».

– Что Россия приобрела / потеряла после начала СВО?

– Приобрела врагов, приобрела в кавычках бесчисленное количество видов: кто друг, кто враг. Сразу видно стало, кто друг, кто враг, сразу. Венгры, словаки сразу. Турки. Тоже на Турцию думали, вот они такие-сякие. Пожалуйста, посмотри, они не осуждают СВО, правда, ни да ни нет не говорят. Думаю, что втихаря считает турецкий президент, что все верно. Что приобрели – вопрос космический… Лучше, конечно, стала военная промышленность. Рванула она просто ввысь. Беспилотников у нас практически не было. Беспилотники стали делать надводные, подводные катера беспилотные. Подводные лодки хотят уже делать беспилотные. Оно все на пользу пойдет, когда переход на мирные рельсы: космическая промышленность делает радары, а будет делать для автомобилистов… Это все потом перейдет... Польза будет. А что потеряла? Друзья познаются в беде. Я думаю, ничего не потеряла. Обрела больше».

– Санкции, запрет на полеты за границу? Или это, наоборот, лучше?

– «Я думаю, это плюс. Что нам Европа! Турция – летаем, Вьетнам – летаем, Таиланд – летаем. В Камбоджу у меня полетели люди отдыхать. Куда еще? В Африку летаем. В Египет, правда, пока еще не летаем. В Израиль нам не надо летать… Смогу ездить на лыжах кататься в Закарпатье (когда Украину присоединят)».

Плюсы какие? Подъем. У людей вера появилась, что Россия не бросит, если что случится. Даже в Молдавии, в Приднестровье люди воспряли духом, они ж там отрезаны от всего, понимаешь. Калининград тоже отрезан. Хотели ж нам коридор этот отрезать. Воспряли духом, что Россия не бросит. Это плюс. Вера и надежда, что Россия тебя не бросит. Крым не бросили, Донбасс не бросили. Украина – тоже сейчас там с ума сходят: когда уже наконец?! Тоже надеются. А территория Украины больше, чем пол-Европы занимает, ты ж видел на карте? Думаю, что только приобретем. Что минус? Ну, запчасти перестали поставлять на “японки”, на немецкие машины.

Кто-то хочет уже китайскую машину покупать, если запчастей не будет. С другой стороны, поставки наладились сейчас через Китай. Через Китай шурует т.н. параллельный импорт. Временные неудобства были, конечно, но это все прошло. Все налаживается на глазах. Не то что это десятилетия займет. А там посмотрим, производство в Европе падает, вот эти все страны Евросоюза, а Китай наращивает. Придется из Китая. Иначе у нас бы не получилось таких контактов с Китаем, все бы продолжалось. Газ, нефть… Взорвали газопровод. Конечно, я не рад этому, кто может радоваться, наши же бабки туда ушли. Смысл в чем? Но слава Богу после этого начали газ пускать по России больше. Крым газифицировали сейчас, много чего там. Наши маленькие городки и поселки. После этого началось. Подорвали и все, там вряд ли кто-то восстанавливать будет. Наши не пойдут на это, уже все, смысла нет. Обманули один раз, обманут и два раза. Америка, неважно, они все равно будут бочку катить, потому что им надо свое продавать. Европа должна у них быть в узде. Они не хотят, чтобы Германия с Россией как-то дружила.

Уровень дохода у меня? Среднестатистический гражданин, так сказать, Москвы или России. Средний, конечно. Не высокий, не низкий. То густо, то пусто, тем более пенсионный возраст подходит, на пенсию скоро жить буду. Может, конечно, на пенсии я по-другому запою (смеется). *Пенсия, конечно, нищенская у нас, не проживешь особо...».*

Далее мы будем цитировать высказывания наших респондентов с сокращениями и выборочно.

Вот говорит москвич, воспитанный в семье ученых, бывший инженер-программист, теперь пенсионер (65 лет), исключительный эрудит, книголюб и меломан, время от времени публикует литературоведческие эссе, бездетный, живет вдвоем с престарелым отцом (отцу 92 года).

«Что будет через несколько лет с Россией и с нами? Будет очень хорошо. На моих глазах за последние годы атмосфера стала меняться к лучшему... Если не дойдет до атомных бомб – все будет очень хорошо. Как воспринял начало СВО? Хорошо воспринял. Но вопрос неоднозначный. Очень хорошо, что наконец-то защищаем людей, которые к нам обращались за помощью, женщин и детей. Вначале было даже что-то вроде эйфо-

рии… Пожалуй, и сейчас в моей позиции ничего не изменилось. Нельзя жить с фашистами рядом, поэтому нужна денацификация Украины. Идем там очень медленно не потому, что нет сил, а чтобы минимально навредить мирным людям. Поэтому операция будет продолжаться еще долго – медленно и аккуратно… К Западу как относился с крайней враждебностью, так и сейчас. Даже если сейчас пригласят друзья на Запад, в гости – не поеду! Между Россией и Украиной отношения наладятся через много-много лет, если наладятся. В ближайшем будущем улучшений не вижу: они там настолько все накручены…

О перспективах РФ? Будут ли изменения в стране? Конечно, будут. Пока вижу – к лучшему. Сильнее всего угнетает ситуация с культурой, искусством, кино, литературой – полный развал. Но Россия непредсказуема. Все же атмосфера стала лучше. Люди вместе собрались и помогают Донбассу. Для меня самое главное – атмосфера и человеческие отношения. Я знаю только про Москву, но говорят, что по стране это тоже меняется к лучшему. Откровенного, прямого хамства стало меньше. Стало лучше с элементарной вежливостью…

Изменится ли мир в целом? О да, безусловно. Он и сейчас меняется, поворачивается в лучшую сторону, становится многополярным. Китай, Индия, Бразилия развиваются… Если Запад не дойдет до применения атомного оружия, то Европа и Америка сойдут со сцены. У них у всех проблемы. В течение десятилетия они ослабнут заметно. Война на Украине – это элементарная борьба за ресурсы, потому что на Западе они подходят к концу. Слава Богу, что у нас есть Путин, который держит и Россию, и планету.

Каково место России в мире сейчас? Каким оно будет в будущем? Очень значительное. Не активно, но пассивно нас очень многие поддерживают. Особенно третий мир, азиатские страны – большинство поддерживает Россию.

Хочу ли уехать из России? Ни в коем случае, Боже упаси! Меня не мотивируют материальные блага. Уезжать с Родины, если тебя не выселяют насильно, я считаю моральным преступлением. Нас здесь растили, кормили… Категорически нет!

Мое материальное положение? Я не характерный персонаж – никогда не хотел быть богатым. Моя и папина пенсия, плюс квартиру сдаем. Может быть, мы – нижний средний класс. Но пока хватает. Проблема будет, если нужна будет очень дорогостоящая медицинская операция. Если не очень дорогая – тысяч сто, – деньги найдутся. Если миллион – уже нет».

А вот высказывания гостей из Республики Бурятия (они навещали московских родственников в феврале 2024 г.), горожан, этнических бурят, имеющих высшее или среднее образование, занятых в сфере услуг. Возраст – 40–45 лет. Одна из респонденток говорит:

«От СВО вижу только плюсы, промышленность растет и пищевая и мебель, и военная и самолеты… Пока Путин у власти, будет хорошо. На ближайшие шесть лет. СВО начали и ведут правильно, радуюсь успехам, надо Одессу, Харьков и Киев брать. Россия отстаивает свои интересы, ее уважают простые люди в мире за независимость позиций, политики… Когда Украина присоединится и им промоют мозг, через 10–15 лет, будут отличные отношения…».

Другая респондентка вступает в разговор*:*

«Вот война же идет, как еще налоги не повышают… Надо выдержать давление и сохранить страну… Европа «померла». Восторжествуют в Российской Федерации традиционные ценности – против голубых!».

Более старшая по возрасту (65 лет) гостья из Бурятии добавляет*:*

«На переправе коней не меняют, Путин до конца! Сейчас все делают: и промышленность, и текстиль, и рождаемость может подняться …».

Респондент из Бурятии 48-ми лет, бездетный и неженатый (*«работы пока нет»*) верит, что в будущем нашу страну ждут:

«*улучшения, средний уровень жизни повысится, на базовые потребности всем будет хватать*». Когда началась СВО подумал: «*Родина-мать зовет. Нужно идти на войну. Испугался, конечно, но родина-мать зовет… Плохо, конечно, ребята погибают, то-се... Маленько лучше стало, нацистов уничтожают. Для страны лучше стало. Россия окрепла. Закончится победой России, это точно*». Из России уезжать, разумеется, не хочет. О доходах: «*Маловато, мало. Денег не хватает*».

Еще одна респондентка из Бурятии (представилась как русская, из семейских, 40 лет) высказалась несколько иначе:

«Мы слишком гибкие, пора войну завершать. Палим деньги, затянули, войну нужно ускорять, нужно жестче вести переговоры. Кто не согласен, надо решительно, надо отвечать западным странам, раз уж мы ввязались. Нельзя находиться у наших границ и так вести себя… Не надо идти на поводу у международных организаций. Российская Федерация задает тон. Она стоит на своих ногах, она – пример для других…».

А вот суждения молодой москвички (28 лет), воспитанной в семье ученых, получившей высшее гуманитарное образование в одном из лучших вузов нашей страны и работающей в нем же.

«Когда началась СВО, я подумала, что это случилось позже, чем должно было быть, а сейчас зона военных действий превратилась в полигон для решения политических вопросов, для выстраивания новой системы мирового лидерства, для очередного передела мира, на первый план выходят теперь те, кого Запад пинал, и теперь еще больше гордишься своей страной… А изменения в нашей стране будут скорее всего жесткие, усилят контроль за выездом за рубеж, за деловыми отношениями с Америкой и Европой, введут новые нелогичные законы, которые повлекут еще больше проблем и более высокую смертность…

Какие будут отношения между Россией и Украиной в будущем? Сложно прогнозировать, старшее поколение будет продолжать общение, живы ведь те, кто знают, кто такой советский человек, многое будет зависеть от того, что будет пропагандироваться на Украине… Мир, конечно, изменится после окончания СВО. Украину Западу не жалко, будет другая картина мира – с новыми международными лидерами, западная парадигма не будет ведущей…

У России всегда было странное положение на политической арене, нас и презирают, и боятся, словом, “аршином общим не поймут”, но пусть видят, что мы не только говорим, но и можем делать, и всякому терпению приходит конец, и мы за свои поступки отвечаем, и за слова тоже...

Из России уехать я не хотела бы, детей у меня нет, но если будут, я не стану желать им эмиграции. Хорошо там, где нас нет. Все эти желания уехать из своей страны – “от лукавого”.

В результате СВО Россия потеряла молодых людей, которые погибли и гибнут, это очень горько, и потеряла тех, кто уехал из страны тоже… А приобрела новые территории, новых граждан… От санкций Запада не вижу никакого урона.

Свое материальное положение считаю хорошим, но хотелось бы уверенности, что в будущем оно таким сохранится и станет даже лучше. Уверенности нет…».

А вот говорит респондент 33-х лет с высшим гуманитарным образованием и с работой по специальности. Воспитан в сельской среде, теперь живет в Москве.

«В ближайшем будущем, я думаю, мало что изменится, будет рост цен у нас в стране, военные действия продолжатся, санкции продолжатся, если замороженные активы направят на помощь Украине, инвестиции зарубежные снизятся. Есть опасения по поводу второй волны мобилизации, но может, ее не будет. После выборов президента РФ (интервью брали в феврале 2024 г.) *что-то непопулярное, мне кажется, будет предпринято во внутренней политике, но в целом политическая система останется той же… Много факторов от нашей страны независящих, например, обострение на Ближнем Востоке может улучшить нашу внешнюю ситуацию. Во внутриполитической системе у нас перемен мало будет или не будет вообще. Когда СВО закончится, будут идти средства на новые территории, значит, нам все еще придется ощущать экономию. Но все равно на жизнь России в целом и на свою жизнь в ближайшем будущем независимо ни от чего смотрю оптимистично, надеюсь защитить кандидатскую диссертацию и заниматься любимым делом с более высокой квалификацией, попытаюсь решить жилищную проблему.*

Что я подумал, когда началась СВО? Подумал: сколько можно терпеть, что там творилось на Донбассе, наконец-то мы пришли им на помощь, и то слишком поздно. В 2014 и 2015 гг. все можно было бы лучше устроить и избежать тех негативных последствий, которые мы имеем теперь. Почувствовал тревогу о близких и друзьях, которые могли пострадать. А сейчас я испытываю непонимание и недоумение: за-

чем отошли от Киева и от Харькова, почему не сохранить буферную зону вдоль границы, сейчас обстреливают наши территории оттуда, где были наши войска. Непонятно, насколько можно доверять СМИ, но хорошо, если современная тактика направлена на сохранение живой силы и минимизацию потерь среди местного населения, непонятно только, можно ли этой информации доверять. Много рассказов от очевидцев, которые не вписываются в официальную версию... Вообще вокруг СВО уже возникла какая-то народная мифология: одни и те же рассказы о том, что там происходит, повторяются в народе, они сходны до мельчайшей конкретики, до словесных идиом: будто там "игра в войну, а не война...", или: "Укры бегут, а нам приказ остановиться...". То же и о вернувшихся оттуда, и в Забайкалье, и Черноземье одни и те же мифы, будто их везде "грабят бандиты, ведь они с деньгами…". Но кто теперь большие деньги при себе носит, все деньги на картах…

Какие будут отношения между Россией и Украиной в будущем? Не слишком хорошие в силу того, что семьи пострадали в Украине, гибель солдат, массовая эмиграция, негативная эмоциональная реакция неизбежна. Если в Украине будет выборная пророссийская власть (что маловероятно, в лучшем случае, нейтральная), население будет негативно к России относиться. А в России тоже растут антиукраинские настроения, из-за неприемлемого дискурса в СМИ в основном. Хотя восстановление новых территорий может сработать в нашу пользу.

В случае успеха России мир станет менее стабильным, но многие страны будут приветствовать успехи России, мир изменится не в пользу Америки и вообще Запада, но это спровоцирует новые горячие точки… Будут многие противостоять диктатуре США. Наше и наших союзников противостояние с Западом, и с Америкой, и с Европой будет продолжаться. Все будут стремиться отхватить куски от Украины – и Румыния, и Венгрия, и Польша. А в случае неудачи России, даже не знаю… Мы упускаем много важного, не хватает какой-то важной информации для объяснения происходящего, решаются иные задачи глобального характера, а не те, которые нам представляют СМИ... В любом случае Россия бу-

дет мощной амбициозной державой, и наряду с Китаем главным противником Запада. Но риторика противостояния предназначена для широких масс, а втайне поддерживаются другие отношения. На какое-то время Россия останется раздражителем, но более мощным, чем раньше. Усилится роль международных организаций, которые не относятся к Западу: БРИКС, ШОС. Россия будет активно выстраивать связи с теми странами, которые могут противостоять Западу.

Что приобрела и что потеряла Россия после начала СВО? Испортились отношения со многими странами, самое печальное – отношения с Украиной, у нас была глубокая историческая связь, границы были проведены по телу исторической России. Россияне потеряли удобства путешествий, доступ к некоторым товарам, но это все мелочи. Печален внутренний раскол среди нашего населения, разрыв случился, есть русские, которые люто ненавидят Россию. Россия приобрела какую-то часть населения и территорий. Люди, конечно, России нужнее, чем территории… Приобрела статус альтернативного полюса притяжения для стран третьего мира… есть у многих россиян некое моральное удовлетворение, Минские соглашения выглядели унизительно, Донецк бомбили и бомбили, с началом СВО пришло удовлетворение гордости: все-таки – Россия еще сильная.

Мои доходы? Если судить по Москве, то ниже среднего, а если по стране в целом, то выше среднего. Достает пока и надеюсь, что будет лучше. Могу позволить себе недорогой автомобиль и хорошую бытовую технику. Квартиру купить не могу, а холодильник не в рассрочку – могу. Как-то так…».

Респондент 70-ти лет (москвич, пенсионер, женат, имеет троих детей) говорит:

«Хочу война чтоб закончилась, чтоб люди на Украине жили хорошо, хочу, чтоб всем было хорошо, что они воюют – правильно, надо нацистов уничтожать, чтоб Украине дышалось лучше и нам было хорошо. Ждем победы…Россия будет командовать, ведущее государство будет… мощной державой станет!» Из России, конечно же, уезжать не хочет, а *«доход мал, ничтожным чувствую себя. Пенсия – что такое 20 с чем-то тыщ. Верю, что в будущем пенсия повысится».*

Респондентка 42-х лет с высшим образованием (живет в Москве, замужем, двое детей, работает *«в финансовой корпорации»*) ожидает большой проблемы *«в стране по поводу реабилитации ребят, которые вернутся с СВО… Что касается материального благосостояния* – продолжает она же – *будет все не так уж и просто, т.к. рынок капитала на сегодняшний день достаточно сложно складывается. Огромный дефицит бюджета, но основные запланированные мероприятия, если смотреть закон о федеральном бюджете 24–26, выглядят достаточно благоприятно. Но я скептично отношусь к грядущей ситуации в стране, думаю, что денег будет не хватать. Однако все это сильно не повлияет на мою жизнь и жизнь моей семьи, так же будем работать и воспитывать детей…*

> *Был, конечно же, шок, когда мы все включили телевизор и увидели новости, что Путин объявил об этой военной операции, начал бомбить Украину, было, конечно, очень страшно. Не могла поверить, что в современном мире мы можем так реагировать, нужно было все-таки дипломатически решать… Но раз уж начали, надо продолжать, однако считаю, все это затянулось, можно было прекратить гораздо раньше. Во-первых, нужна была более тщательная подготовка, если были такие планы. Наше государство плохо подготовилось, и из-за плохой организации, плохого снабжения СВО затянулась. Нужно было все это, конечно, делать, но в кратчайшие сроки. Жестче себя вести… Однако всему миру Россия показала, что может отстаивать свои интересы, бороться с неприятными явлениями в виде фашизма, национализма и т.д., показала всему миру характер – что она в принципе всегда делала, – и она станет более независимой… сильнее на мировой арене… Уже понятно, что производительная промышленность в сфере обороны максимально быстрыми шагами восстанавливается… Путин сейчас жестко заявляет о неприятии проявлений деморализации общества, будет гораздо строже, будет сильный контроль всех СМИ, думаю, будут ужесточаться все эти меры…*
>
> *Надеюсь, Украина станет отдельным нормальным государством, будет существовать, но это будет государство,*

подчиненное России, ее интересам, политике, экономике, потому что, думаю, будет успешный исход СВО в пользу России…

Российскую Федерацию будут слушать в основных направлениях развития международных отношений, Россия и так укрепилась на мировой арене, дальше будет продолжаться это укрепление, азиатские страны и страны БРИКС будут ведущую роль играть. Будут диктовать условия на рынке. Украина и все остальные западные страны будут слушать Россию. Иначе – для чего это все было?! Мир будет многополярным.

Уезжать из России не хочу, и для детей этого не желаю, но выбор будет все же за ними...

Как следствие СВО Россия приобрела большое влияние на мировой арене… Выявились соратники – государства, которые четко обозначили свою позицию. Потеряла, во-первых, конечно же, человеческие жизни, во-вторых... Тут надо подумать. Вот эти вот все санкции, Россия успешно с этим справляется, я считаю. В каких-то областях. В каких-то, конечно, еще не справляется и только над этим работает. Она приобрела конкретные маркеры, по которым нужно дальше развиваться, строить свое будущее...

Доход у нас средний. Ниже среднего иногда бывает. Но мы работаем над тем, чтобы его повысить (смеется)».

А вот выдержки из высказываний сельской жительницы (Центральная Россия). Она – пенсионерка (60 лет) с высшим образованием, занимается художественными промыслами: изысканным рукоделием на продажу; муж тоже пенсионер, художник с высшим образованием, пишет и пытается продавать картины. Четверо взрослых детей.

«Какой я вижу ситуацию в стране через год, два, три, пять лет? Я надеюсь, что страна очистится, я верю, что Россия поднимется. Жизнь моей семьи в ближайшем будущем? Не знаю, сейчас очень тяжело живется, не можем ни газ провести, ни воду, ни отопление, ни дом отремонтировать, утеплить. Мы не можем на это заработать годами, а пенсия-то ведь никакая (у меня 12 тысяч, у мужа – 15), и я не представляю, как сможем в ближайшем будущем. Мы нередко голодные сидим. Ничего не получается… Так что материальное положе-

ние… (такое-то – нецензурное слово, смеется). Очень низкий уровень, сильно не дотягиваем до прожиточного минимума…

Когда началась СВО, я считала, что правильно, враги у границ страны, правильно Путин нанес упреждающий удар. Так и надо было. А сейчас? Я ничего не понимаю теперь, я не понимаю, что происходит. Информации нет правильной, надежной…

Будут ли изменения в стране? Я сказала: Россия очистится, встанет с колен. Прорвемся. Может, и мы тут в нашей деревне как-нибудь прорвемся.

Хочу ли уехать из России? Я даже из деревни своей никуда не хочу ехать, несмотря на все трудности. Разумеется, хочу, чтобы и дети жили в России…».

Муж этой респондентки, художник, добавляет:

«я очень надеюсь на духовное обновление России; нам очень не хватает высокой культуры, нравственности, красоты, доброты людской… А воевать на Украине нужно было, это неизбежность была… Знаете, я когда еще в армии служил, работал с секретной картой, теперь об этом можно говорить. Так вот, уже тогда наша страна, СССР то есть, со всех сторон была окружена военными базами враждебных государств, а уж потом-то, что и говорить! Деваться некуда было, надо было противостоять…, и мы не можем не желать победы своей стране».

Респондентка 50-ти лет (живет в Москве, образование высшее, гуманитарное, научный сотрудник, замужем, детей нет) считает будущее нашей страны непредсказуемым и выражает надежду, что ее жизнь в будущем останется примерно такой, как сейчас. Ее огорчает, что события последних лет «*многими на Западе неверно поняты и использованы как повод к антироссийским действиям*».

Начало СВО вызвало у нее «*большую тревогу, но и осознавалось как необходимость. Была надежда, что все быстро закончится, а теперь многое непонятно. Много излишней пропаганды, которая может* – считает она – *возыметь эффект, противоположный желаемому. Много глупых, циничных и эгоистичных людей делают себе карьеру на пропаганде этой военной операции: молодые ребята рискуют жизнью на фронте, а зажравшиеся журналисты и представители элиты «трындят» с экранов с утра до ночи одно и то же на*

разные лады, и у них в карманах оседают деньги, которые очень пригодились бы в зоне боевых действий. И порой кажется, что есть пятая колонна, которая намеренно затягивает ход операции по каким-то неведомым финансовым или политическим соображениям… Нельзя ведь одной рукой служить Богу, а другой мамоне. Пока, с одной стороны, воюют, а с другой – показывают по центральным каналам пошлейшие тошнотворные шоу типа «Маска» или «поющая сотня» – есть сомнения в том, что все закончится для России хорошо… Почему мы осуждаем, справедливо осуждаем, Запад за антидуховные ценности, а в то же время копируем у них самое плохое?!».

«В связи с СВО, – отвечает она далее на один из вопросов антрополога, – *улучшились условия для отечественного производителя. Возросли сплоченность и взаимное доброжелательство между многими, казалось-бы, чужими людьми. Но в то же время гибель стольких солдат! Многие талантливые люди уехали по политическим мотивам. Многие россияне поссорились / разлучились с прежними друзьями…».*

«Постепенно, – полагает она же, – *будет у нас успешная борьба с коррупцией, но скорее точечная, чем системная. Бездарные управленцы постепенно себя полностью дискредитируют и уйдут со сцены. Засилье безвкусицы и бездарностей в СМИ дойдет до критической точки, и на смену теперешним придут более талантливые деятели… Украина утратит свое значение, если вообще останется на карте. Между Россией и Украиной будет минимум отношений, но и вражды не будет. Россия будет занимать более видное место в политике и экономике. С ней станут больше* ***считаться****. Это будет сильная держава, эффективная во внешней политике, но в отношениях простого населения с бизнесом государство останется на стороне бизнеса, позволяя ему вытирать о население ноги и бесконтрольно обогащаться за его счет... Однако из России уехать не хотела бы и свое материальное положение нахожу удовлетворительным на фоне многих других бюджетников».*

Респондента 72-х лет (москвичка, профессор-гуманитарий, вдова, имеет взрослую дочь) хотела бы:

«радикальных изменений в жизни нашей страны, чтобы экономически страна развивалась как предлагает Сергей Глазьев: интенсивное самообеспечение, налаживание разных производств, чтобы были национализированы ресурсы и сведены к минимуму любые финансовые спекуляции, вывоз капитала. И чтобы было введено прогрессивное налогообложение, чтобы последовательно осуществлялась борьба с коррупцией и всеми серыми доходами. Чтоб была основательно повышена МРОТ и семимильными шагами развивались медицина, образование и наука. А будет ли так? Кто знает…».

«Когда была объявлена СВО, – продолжает она, – *я почувствовала растерянность, острое огорчение. Несколько позднее пришло осознание того, что этот конфликт был неизбежен. Но хотелось бы, чтобы его начала не наша сторона. Защищать Донецк, интересы русских, да и не только русских, людей на Украине, бороться с бесчеловечным и опасным для России режимом необходимо было. Но надо было решительнее действовать в 2014 году. А еще раньше надо было не допускать конфликта дипломатическими методами. Конечно, как русский человек и российская гражданка, я желаю победы своей стране. Но теперь у меня недоумение появилось: не понимаю, что происходит. И в общем очень огорчаюсь тем, что спецоперация ведется – как мне представляется – недостаточно эффективно, и что обсуждать это общественности запрещено (есть соответствующие законы), а информации о происходящем, которая внушала бы полное доверие – о том, что происходит в сфере военных действий и вообще в международной политике – нет, по крайней мере, ее остро не хватает. Разумеется, я бы хотела, чтобы у России были хорошие перспективы. Чтобы были правы те люди, которые утверждают, что Россия на арене международной политики будет играть более значимую роль, чем это было в 1990-е и первых десятилетиях 2000-х гг. Мне бы хотелось, чтобы в будущем была единая политическая структура – Украина и Россия, и произошли бы такие политические и экономические изменения, которые позволили бы людям смириться с потерями прошлого, не сосредотачиваться на взаимных обидах, претензиях, вражде. Чтобы россияне и украинцы ощущали*

себя одним народом. Меня очень волнует то, как будет закончена СВО. И вот чего я еще очень хочу: чтобы все инсинуации, которые были в отношении российских солдат, российских военных действий, когда наши войска обвинялись в зверствах, якобы наши вооруженные силы бомбили мирных жителей… Я хочу, чтобы очень убедительно на международном уровне было доказано, что это инсинуации, в этом много клеветы, постановочных кадров, ложной информации. Хочу, чтобы истина вышла наружу и вышла наружу – убедительно. Хочу, чтоб вышла наружу вся порочная суть теперешнего украинского режима и все безнравственные действия, которые связаны с поддержкой Украины Западом – если это правда. Хочу, чтобы правда стала всем доступна…

В результате СВО Россия и Украина потеряли многие жизни молодых людей, это главное и самое страшное. Россия приобрела немало недругов. В то же время, возможно, приобрела какие-то преимущества престижного характера. Что касается экономики, то, пожалуй, как бы многочисленны и жестки не были санкции, их последствия мало ощущаются.

Из России уехать не хотела бы. Если только в случае опасности для жизни. Тогда поселилась бы в теплой стране, где говорят по-английски, и где культура не противоречит российской культуре. Конечно, не хочу, чтобы дочь жила за рубежом. А материальное положение свое считаю хорошим. Лишь бы оно не испортилось!».

Вторая «модель консенсуса». Наиболее выразительное интервью приводим почти без купюр. На вопросы антрополога в марте 2024 г. отвечал сельский житель из Центральной России; образование среднее, строитель, индивидуальный предприниматель, много и тяжело (физически) работает, 64 года, женат, имеет взрослых сына и дочь, внуков, добротное жилье.

1. Какой вы видите ситуацию в стране через год, два, три?

– «*При сохранении имеющейся власти – только изменения к худшему, в стране не производятся самые элементарные вещи, иголки закупаем в Китае, гвозди в Белоруссии, дороги в ужасном состоянии, транспорт тоже, используется то, что создано в Союзе, все износилось, у поездов колеса отваливаются… Вы что думаете? Я один так сужу? Да у нас тут все ребята так думают, только говорить боят-*

ся… а вы вот в глухую деревню в Костромской области поезжайте, я там бывал… Все развалилось, медведи по деревне ходят, один на столб электропередачи забрался и глядит, потом свалился, орет благим матом... Вы с ребятами там поговорите, которые без работы сидят в глуши той… Душа болит за все это! За страну нашу, за людей. Людей жалко!».

2. Какой вы видите вашу жизнь в недалеком будущем?

– *«Если власть не поменяется, если будут править все те же олигархи, будет только хуже, все проблемы усугубятся».*

3. Вспомните ваши чувства мысли после начала СВО.

– *«Когда президент объявил о начале СВО, я думал, что это правильно, потому что на Украине развился страшный фашизм, с этим надо было бороться, а сейчас уже думаю, что все очень плохо, идет уничтожение славянского народа с обеих сторон, и наши не продвигаются, то приказ взять населенный пункт, то отступить, а люди гибнут массово, и ничего у наших нет там, чем воевать, что использовать для защиты, что надевать… У нас приезжают ребята и рассказывают, как там… Знаете, они покупают бросовые машины на свои деньги, те ребята, что в отпуска приезжают, и едут туда на этих машинах. Без них там нельзя, а ничем таким не снабжают. Потом бросают эти машины там, как хлам… Очень там все плохо. И рот власть всем затыкает. Приняли законы, как кто правду говорит, о том, что там творится, о командовании, о решениях, сразу в наручники и в тюрьму, давай, вот, работай под принуждением известно где…».*

4. Что вы думаете о перспективах РФ? Будут ли изменения в стране, какие?

– *«Только если власть поменяется, если придут грамотные люди, болеющее душой за страну. Тогда, может быть, будут перемены к лучшему».*

5. Какие будут отношения между Россией и Украиной в будущем?

– «*Вражда, дети, внуки убиты у тех и других, быстро это не забудется».*

6. Изменится ли мир после СВО? Если изменится, каким он (мир, миропорядок) будет?

– *«Не изменился и не изменится, если в России будут править те же олигархи. И Россию будут пинать все кому не лень».*

7. Каково место России в мире сейчас? Каким оно будет в будущем?

– *«Россию пинают и будут пинать, если власть останется той же».*

8. Хотели бы вы уехать из РФ?

– «*Нет*».

9. Хотели бы вы, чтобы ваши дети жили не в РФ, если да, то где?

– *«Нет, там все чужое, везде, кроме России – чужбина».*

10. Что приобрела и что потеряла Россия после начала СВО?

– *«Ничего не приобрела, а потеряла пропасть молодого народа и престиж».*

11. Как вы оцениваете уровень своего дохода?

– *«Не знаю, что сказать, на хлеб с маслом хватает и слава Богу. Скоро на пенсию, собираюсь все равно работать, а там, как Бог даст».*

А вот выдержки из высказываний москвички, она – пенсионерка (78 лет), со средним специальным образованием (бывший медицинский работник), имеет взрослого сына.

> *«Ситуацию в нашей стране через два-три года, да и через пять лет вижу тяжелой, а о жизни своей и близких в недалеком будущем вообще ничего не могу сказать. О начале СВО подумала, что правильно сделали, и до сих пор мое мнение не изменилось, а утвердилось…*
>
> *Изменения в нашей стране будут. Надо убирать с руководящих постов (в частности, в институтах и школах есть люди...) людей, не желающих России суверенитета, сильной позиции, процветания...*
>
> *Отношения с Украиной будут все равно тяжелые… А мир в целом? Если мозгов хватит – повернутся все к России… Но пока положение России в мире тяжелое, оно таким еще долго будет. Но уехать из страны я бы не хотела, и чтобы сын жил за рубежом тоже не хотела бы.*
>
> *В результате СВО Россия приобрела суверенитет, уверенность в себе. А потеряла солдат, людей…*
>
> *Доход мой? Ниже среднего».*

Респондент 56-ти лет (москвич, образование незаконченное высшее, женат, воевал в Афганистане, получил контузию, теперь пенсионер, имеет двоих детей) будущую ситуацию в стране видит «*стабильно тревожной*», а когда объявили СВО подумал: «*Опять война! Пойти – не пойти? Не пойти: старый! В результате СВО Россия ничего не приобрела... А доход у меня ничтожный по сравнению с богатствами моей Родины... Мне ехать некуда, а дети сами решат, где им жить».*

Третья «модель консенсуса». Высказываний, сгруппированных под этой условной рубрикой, как и под предыдущей, было мало, и отличались они очевидной лаконичностью. Вот на вопросы антрополога отвечает москвичка 40-ка лет (образование высшее, воспитывалась, по ее словам, «в профессорской семье»).

«*Если режим Путина закончится – война закончится. Все в стране спонсируют войну, я нахожусь на территории агрессора, я плачу налоги, я работаю на систему, которая ведет войну и убивает наших братьев. В недалеком будущем мы будем жить, как в Северной Корее. Политические мотивы Путина – восстановить СССР. Отключили* "*Эхо Москвы*"*, я испытываю страх, что придут ко мне и спросят:* "*за войну или против?*"*. Если не будет буквы* "Z" *на машине – побьют. На Донбассе стало все заживать, но Путин все разжег. Война началась, потому что Путин приревновал* (Украину к Западу – авторы). *Победили ковид, но опять война. Обидно. Если Российская Федерация развалится, может быть, это решение. В 1990-ые гг. мы стали со всеми договариваться, но теперь все обрушили. Хотелось бы, что бы дух пришел западный сюда в Россию*».

Респондентка примерно 40-ка лет, получившая гуманитарное образование в одном из ведущих вузов России и теперь живущая в одной из западноевропейских стран (в настоящее время не работает, учится на курсах, осваивая новую специальность), сетует на то, что в России становится меньше *«свобод, а люди испытывают разочарование…. Тут (в Европе)*, – продолжает она, – тоже *много проблем, тут сильно правеет. Сюда приехали беженцы из Украины, это был стыд для нас, маленькая дочка моя не говорила по-русски в общественных местах… Боюсь за дальнейшее, если Россию не смогут остановить. Тут есть люди из Казахстана и Прибалтики – боятся России. Сейчас в России репрессии, и они будут усиливаться. Россия смотрит на Запад с позиции холодной войны и противостояния с США, Россия перестала соблюдать приличия!»*.

Отметим, что мотив стыда за свою бывшую Родину звучал и в высказываниях эмигрантов из России, живущих в Австралии, а также в США:

«*Огромная, мощная Россия, напала на маленькую и слабую Украину, бомбит мирные города, нарушает все возмож-*

ные нормы международного права. Это безнравственно. Это – позор! Перед всем миром стыдно!».

«*И что страшного, если Россия распадется на мелкие части, и что страшного, если США в конце концов завоюют Россию?*», – говорила одна бывшая наша соотечественница, – *не вижу ничего страшного ни в том, ни в другом*».

Люди, рассуждающие подобным же образом и живущие в России, оставляли без ответа вопрос о том, хотят ли они уехать из страны. Но примечательное высказывание нам привелось услышать случайно. Встретились две давно не видавшие друг друга приятельницы, стали перечислять общих знакомых, кто где из них теперь. Назвали очередное имя: «*Он все колеблется, ехать в Израиль или здесь оставаться…*», – говорит одна из них. А другая восклицает: «*Почему мы должны уезжать? Пусть уезжают они… Вот они пусть и едут отсюда*».

Подчеркнем, что никто из респондентов, сгруппированных под двумя первыми рубриками, а также никто из их единомышленников, не процитированных в нашей статье, не делил соотечественников на *«нас и их»*.

Попытка подвести итоги

> Циники с Флит-стрит еще не настолько преуспели в преобразовании мира, как они воображают.
>
> *Джером К. Джером*

Разумеется, выделенные нами три «модели» – это, как и всякая кабинетная схема, весьма грубое упрощение реальной картины, чрезвычайно сложной, мозаичной, непрестанно динамично меняющейся. Но структурирование материала необходимо, и оно позволяет, как кажется, заключить – и по нашей выборке, и по нашим спорадическим наблюдениям – что позиция, отраженная под рубрикой «Первая модель консенсуса», является преобладающей. При этом приверженность ей нельзя связать напрямую ни с образовательным цензом людей, ни с их материальным положением, ни с их этнической принадлежностью, ни со средой воспитания. Единственной ее основой представляется тот «латентный» (по Л.Н. Толстому), глубоко укорененный в народном сознании и мироощущении патриотизм, который почти не давал о себе знать в годы, последовавшие за перестройкой, но стал сдержанно, ненавязчиво, но устойчиво проявляться у множества «среднестатистических»

россиян после февраля 2022 г. Как выразилась в недавнем разговоре с нами одна молодая женщина, «*Я плохо понимаю ситуацию, я слишком мало знаю, чтобы судить, но я, конечно же, за Россию…*».

Очевидна искренняя приверженность большей части наших собеседников принципу национального суверенитета, в т.ч. и в видении будущего России. Созвучна многим из них и идея, следующим образом сформулированная В.А. Тишковым во Введении к настоящей монографии: «Проектирование и созидание будущего России ныне становится уже не только ее внутренним делом, но и фактором глобального порядка».

Мы можем также констатировать, что, размышляя о будущем нашей страны, склонные к оптимизму люди отчетливо артикулируют грядущее ее усиление на «международной арене», выражают удовлетворение и гордость за ее независимую внешнюю политику, но весьма неопределенно высказывают надежды на изменения «к лучшему» во внутренней жизни России или даже сомневаются в том, что они произойдут в ближайшем будущем. А если пытаются раскрыть содержание этого «лучшего», то говорят скорее о желаемом, нежели о реально ожидаемом.

Мотивы неопределенности, невозможности прогнозов или вообще отказы обсуждать будущее значительно участились при беседах с россиянами после летних (2024 г.) событий в Курской области. Как пишет В.А. Тишков во введении к настоящей монографии, «во время кризиса и конфликта надежды на “светлое будущее” могут быть размыты или даже отброшены, будущее может казаться “туманным”». (*Тишков* 2024, Введение «Антропология будущего: введение в тему» к настоящей монографии). Напомним, однако, что и в более спокойные времена, скажем, на рубеже второго десятилетия нашего века, многие люди, не только в России, но и широко за ее пределами, неохотно говорили о будущем или вообще отвергали связанные с этой темой вопросы социологов, а также иных исследователей: слишком быстро меняется наш мир, и почти непредсказуемы разворачивающиеся в нем события глобального характера, втягивающие в свою орбиту чуть ли не каждого (*Трофимова* 2022).

Симптоматично вместе с тем, что в речах наших респондентов не нашел никакого отклика т.н. алармистский энвайроментализм (ср. *Гузенкова* 2024, глава «Футурологический потенциал антропологии в эпоху глобальных перемен» в настоящей монографии), который столь типичен для современного «западного» (прежде всего англосаксонского) обывательского дискурса (муссирование «повестки» гло-

бального потепления, изменений климата планеты, вызванных антропогенными факторами и т. п.). Это, безусловно, говорит в пользу россиян с их вполне трезвым массовым сознанием, которое на поверку оказывается более соответствующим настоящему научному мышлению (*Ретеюм* 2020, 2023), нежели псевдонаучной пропаганде, ангажированной коммерческими интересами международных монополий (*Сывороткин* 2020, 2022, 2022). Не ощущается сколько-нибудь значительного влияния и того, что называют «прогнозами катастрофизма» (ср. *Гузенкова* 2024, глава в настоящей монографии; *Тишков* 2024, Введение к настоящей монографии).

Как можно было заметить, среди наших респондентов преобладали люди зрелого и старшего возраста. Молодых было немного. Мы сознательно избегали расспросов среди студентов в своем университете или каком-либо другом. Во-первых: чтобы не возбуждать споры между сторонниками противоречащих друг другу позиций, о которых нам отчасти известно. А во-вторых потому, что молодым людям – в большинстве – только предстоит еще самостоятельно сформировать взгляды по ключевым экзистенциальным и политическим проблемам. Однако почти случайно нам удалось задать свои вопросы в молодежной компании, состоявшей из девушек и юношей, не связанных с московским студенчеством. Их суждения распределились по тем же трем условным «моделям консенсуса». В связи с этим уместно будет привести одно из главных заключений авторов уже упоминавшейся монографии «Молодежь и Россия будущего»: «...различия в оценках ближайшего будущего страны и приоритетов ее развития в младших, средних и старших группах россиян в большинстве случаев сравнительно невелики и составляют несколько процентных пунктов... нет разрыва поколений, по крайней мере, в вопросах настоящего и будущего страны», что «...является важным условием социальной устойчивости и последовательной трансляции ценностных матриц и “цивилизационных кодов” России от старших поколений к тем, кто только вступает во взрослую жизнь» (Молодежь 2023: 357–358).

Отметим, однако, высказывания двух наших молодых респондентов, стоящие особняком. Одна девушка сказала с явной неохотой: «*Я об этом не думаю, я от этого сознательно отстраняюсь, я буду жить в тех обстоятельствах, в которые меня поставит жизнь, я буду с ними смиряться и к ним применяться, какими бы они ни были…*». А один из молодых ребят выразил предположение (и опасение), что с «четвертой

моделью консенсуса» будут возвращаться в Москву и остальную Россию люди, воевавшие на Украине. В них накопилось много обиды, горечи, критики и протестных настроений по отношению к тем, кто управляет и вооруженными силами, и страной в целом. *«Вы знаете, сколько свежих могил под флагами по всей стране? Рядами и рядами в Омске, Воронеже, Орле... Да повсюду! Мы своими глазами видели, ездим ведь по стране…».*

Что ж, можем возразить мы, критических настроений, горечи и возмущения немало и у тех, кто не воюет на Украине (наша вторая «модель консенсуса») и кто имеет в душе не меньше патриотизма и любви к Родине, чем наши условные «оптимисты». Люди, так думающие и так чувствующие, зачастую воздерживаются от неосторожных высказываний и проявляют недюжинное терпение, а также гражданскую сознательность на фоне той непростой ситуации, в которой оказалось наше Отечество. Но у них своя правда, не считаться с которой – недальновидно.

Самая трудная проблема сопряжена с нашей условной третьей «моделью консенсуса». Здесь коренится потенциальный, а может быть, уже и отчасти реализовавшийся гражданский раскол. Наибольшую беду мы видим в том, что эта третья позиция бывает весьма агрессивной, наступательной, непримиримой. Это с очевидностью проявляется в неформальных дискуссиях и спорах. Порой представители «третьей модели» их даже настойчиво провоцируют, а выражающих несогласие исключают из числа друзей. При этом обнаруживается некая «глухота» к контраргументам, связанным с судьбой Луганской и Донецкой республик, с судьбами множества людей, пострадавших от установившегося на Украине после 2014 г. политического режима, а также к тому обстоятельству, что «маленькая и слабая» Украина опирается на политическую, экономическую и военную поддержку чуть ли не всей зарубежной Европы и США.

В известной мере наша третья «модель консенсуса» перекликается с также условно выделенной в недавней статье социологами А.Л. Андреевым, И.А. Андреевым и Е.Д. Слободенюк категорией «новых западников» среди жителей нашей страны (2022: 56–58). Мы, правда, не можем согласиться с тем, что многие наши сограждане, отнесенные к этой категории, не любят и не ценят историю России, ее культуру и традиции. Многие любят, знают и ценят. А.Л. Андреев и его соавторы, применяя социологические методы, определяет количество

людей, принадлежащих к этой категории, в 15% от россиян в целом и видят в этом «настораживающий» факт, который может отрицательно сказаться на будущем страны. Мы не отважимся предложить собственную цифру в процентах. Но нам представляется, что цифра 15 сильно завышена. А всерьез тревожиться следует, только если люди с такими убеждениями имеют авторитет во власти или даже принадлежат к властным структурам. Об этом нам, однако, судить не дано.

По аналогии с литературоведческим термином «критический реализм» мы могли бы назвать позицию большинства (нам оно представляется абсолютным) наших соотечественников «критическим патриотизмом». Это не тот показной и конъюнктурный, прикрывающий корыстные личные интересы патриотизм, который Сэмюель Джонсон в конце XVIII в. назвал последним прибежищем негодяя, надолго придав негативные коннотации ни в чем не повинному слову, а тот подлинный, глубоко выстраданный патриотизм, который так искренне и прочувствованно звучал в приводившихся выше речах потомственного крестьянина из Богом забытой деревни Псковской области:

> «*У нас любовь к Отчизне стали отождествлять ныне с гордостью. Патриот почему-то тот, кто гордится, а не любит. А чем гордиться в депрессивной сельской глубинке? Можно ее только любить. И жить. Патриотизм – любовь к Отечеству и самоотверженный труд на Родине, а не гордость».* И в тот же ряд можно поставить слова известного петербургского поэта Александра Розенбаума: «*Я на своем корабле. Мне многое не нравится, что происходит в стране, но я на своем корабле*» (из интервью, показанного на Центральном телевидении в 2023 г.).

Получается, что патриотизм – это осознанное нежелание отстраняться от своей страны, независимо от происходящих в ней событий и политики ее руководства. И, наверное, не случайно глагол «отстранятся» и существительное «страна» являются однокоренными.

Одна из наших знакомых с большой обидой воскликнула в пылу спора: «Россия, начав СВО, испортила все будущее и мне, и моему сыну!» Как точно выражена отстраненность!

Был такой прекрасный советский фильм – «Никто не хотел умирать». Никто не хотел воевать, и никто из здоровых психически людей не хотел войны, но когда случилось то, что случилось, множество наших соотечественников, в т.ч. и большинство наших респондентов, не пожелало

отстраняться. Однако, рассуждая о будущем, они откровенно говорили о том, что их не устраивает, тревожит или возмущает в настоящем и не может не сказаться негативно на этом самом «будущем».

Общим местом являлся т.н. запрос на социальную справедливость во внутренней жизни России, о котором уже много написано и в публицистике, и в научных, преимущественно социологических, исследованиях. Но не так часто пишут о не менее мощном «запросе на правду». Люди устали от «информационного шума», ложной и фальсифицированной информации, которая *«льется непрерывным потоком отовсюду, не только из неконтролируемого Интернета, но и, подчас, из контролируемых официальных СМИ»* (здесь и далее в кавычках и курсивом даны слова респондентов, которые не привелось процитировать выше); *«мы как будто смотримся в какое-то кривое зеркало»; «я не понимаю, что произошло тогда-то»; «у нас нет достоверной информации, я не знаю, чему верить... мятеж Пригожина – что это было? Никто из простых людей не понял!»; «теракт в Крокусе, это что было? Четыре малограмотных бандита разнесли огромное здание, убили сотни людей и в убогом автомобиле чуть ли не беспрепятственно домчались до украинской границы, это может быть правдой? А если – да, то, чего же нам ждать дальше?»; «без правды в настоящем не может быть достойного будущего!»*.

Подобные высказывания типичны. Не столь типичны, но все же встречались недоумение и сомнения и по поводу пропагандируемых «традиционных российских ценностей» и их резкого противопоставления ценностям «Запада», в первую очередь – англосаксонским.

> *«Как бы нам вместе с водой опять не выплеснуть ребенка,* – справедливо тревожилась одна из «не отстранившихся» респонденток, – *антианглосаксонская истерия прежде всего повредит нам самим. Нужно отвергать просто все плохое, а не «западное». Да, ЛГБТ-пропаганда – это плохо, и ювенальная юстиция опасна, но разве мало у нас своего плохого? Пьянство, заплатки на асфальте даже в московских дворах, мусор не вывозят неделями… А мат? Молоденькие девочки, одеты как куколки, а матерятся в общественных местах как извозчики… Чтобы из Тюмени в Сургут добраться – так только через Москву лететь! Нам учиться и учиться у Запада и транс-*

портным коммуникациям, и элементарной вежливости на улицах… И не надо публично, в СМИ, радоваться тому, что люди в Европе зимой замерзнут в своих домах без нашего газа, там тоже и дети, и старики, и больные. Гуманизм – он для всех гуманизм!».

Под конец нам, авторам главы, осталось только поблагодарить респондентов за их яркие, образные или даже хлесткие слова, которые мы никогда не сумели бы найти сами. А также выразить общее ощущение, что представленные в их ответах и комментариях взгляды и настроения показывают, что в российском народе сохраняются и действуют силы, обеспечивающие жизнь нашей страны и существование российского государства как в прошлом, так и в настоящем. Будем надеяться, что и в будущем.

Источники и материалы

ВЦИОМ 2023 – ВЦИОМ утверждает, что у россиян небывалый всплеск оптимизма // Дзен. 23.12.2023. https://dzen.ru/a/ZYaH5MVaIihVyAxA?ysclid=lz6zn29z2x950399158

Глава ВЦИОМа 2023 – Глава ВЦИОМа заявил о 20 миллионах «ушедших в себя» россиян. // РБК. 30.09.2023. https://www.rbc.ru/politics/30/09/2023/65181f4d9a79472abaf2d73e?ysclid=lz6z8md04t964862954

Гудков 2021 – *Гудков Л.Д.* Россия и Европа. Пресс-выпуск, 18.03.2021 // Левада-центр. https://www.levada.ru/2021/03/18/rossiya-i-evropa-2/?ysclid=lz6yxgnr21662293657

Клуб главных редакторов 2024 – Клуб главных редакторов с Павлом Гусевым. 11.02.2024. https://otr-online.ru/programmy/klub-glavnyh-redaktorov/ vrachi-bolnoy-vopros-75277.html?ysclid=lz6yagwfxg850731569

Логинов 2024 – *Логинов И.* Сколько получает дворник в Москве и регионах? Репортаж для программы «ОТРажение» на канале ОТР. Февраль 2024. https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/?ysclid=lz6wb8bice608692078

Сывороткин 2020 – *Сывороткин В.Л.* Монреальский протокол – главное научное фиаско XXI века // ИА Регнум. 2020. № 26. С. 6–12.

Сывороткин 2022 – *Сывороткин В.Л.* Антинаучная экология // Изборский клуб. Русские стратегии. 2022. № 2–3. С. 58–68.

Сывороткин 2022а – *Сывороткин В.Л.* Следом за ВТО Россия должна выйти из мошеннических климатических соглашений // ИА Регнум. 2022. № 28. С. 23–32. https://istina.msu.ru/publications/article/450302650/

Научная литература

Андреев, Андреев, Слободенюк 2022 – *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д.* Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61.

Аничкова 2022 – *Аничкова О.М.* Потомственные и «новые» крестьяне Псковской области // Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России: коллективная монография / отв. ред. О.Ю. Артемова. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 131–189.

Аничкова, Артемова, Артемова 2017 – *Аничкова О.М., Артемова Ю.А., Артемова О.Ю.* «Крым наш, но чей?» – так пишут на заборах // Новые Российские гуманитарные исследования. 2017. Том 12. http://www. nrgumis.ru/articles/2002/ (дата обращения: 20.07.2024)

Аничкова, Долгих 2022 – *Аничкова О.М., Долгих Д.А.* В Калининградской области // Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России: коллективная монография / отв. ред. О.Ю. Артемова. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 99–130.

Андрющенко 2014 – *Андрющенко О.К.* Речевой акт жалобы: семантика, прагматика, типология // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2014. Вып. 46. https://cyberleninka.ru/ article/n/rechevoy-akt-zhaloby-semantika-pragmatika-tipologiya-1 (дата обращения: 20.07.2019)

Артемова 2022 – *Артемова Ю.А.* Некоторые итоги: размышления в стиле гуманистической психологии // Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России: коллективная монография / отв. ред. О.Ю. Артемова. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 364–383.

Богданова 2014 – *Богданова Е.* Исследования жалоб: традиции и перспективы // Laboratorium. 2014. № 6 (3). С. 8–12.

Вдали от шума городского 2022 – Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России: коллективная монография / отв. ред. О.Ю. Артемова. М.; СПб.: Нестор-История, 2022.

Гирц 1973 – *Geertz C.* The Interpretations of Cultures. N.Y.: Basic Books. 1973.

Драмбян 2022 – *Драмбян М.И.* «Мы – дауншифтеры!» Так ли это? // Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России: коллективная монография / отв. ред. О.Ю. Артемова. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 36–47.

Дьяконов, Ретеюм 2023 – *Дьяконов К.Н., Ретеюм А.Ю.* Климатические последствия дегазации ядра планеты // Процессы в геосредах. 2023. Т. 3. № 37. С. 2113–2125.

Инголд 2009 – *Инголд* Т. Предисловие // Барнард А. Социальная антропология: Исследуя социальную жизнь людей / пер. с англ. Ю.А. Артемовой и М.В. Тендряковой. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009.

Крюкова 2022 – *Крюкова Н.В.* «Счастливые люди» // Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России: коллективная монография / отв. ред. О.Ю. Артемова. М.; СПб: Нестор-История, 2022. С. 48–53.

Левашов, Великая и др. 2024 – *Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С., Гребняк О.В., Новоженина О.П.* Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53-й этап социологического мониторинга, июнь 2023 года. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. Институт социально-политических исследований. https://xn—h1aauh.xn--p1ai/wp-content/uploads/2023/09.pdf/ (дата обращения: 26.02.2024)

Малые города – большие проблемы 2014 – Малые города – большие проблемы. Социальная антропология малого города: Сборник статей / Кабицкий М.Е., Артемова О.Ю., Мартынова М.Ю. (ред.). М.: ИЭА РАН, 2014.

Маслоу 1954 – Maslow A. Motivation and Personality. NY.: Harper and Row, Publishers. 1954.

Молодежь 2023 – Молодежь и Россия будущего / А.Л. Андреев и др.; отв. ред. М.К. Горшков и др. М.: Весь мир, 2023.

Мы здесь живем 2013 – Мы здесь живем: Социальная антропология малого российского города / Отв. ред. В.А. Тишков. М. РГГУ, 2013.

Николаенко 2008 – *Николаенко Е.В.* Психологическая интерпретация феномена жалобы в русской культуре. Автореф. дис. … канд. психол. наук. Ростов-на-Дону. 2008.

Новые российские гуманитарные исследования – Новые российские гуманитарные исследования. 2015–2021. nrgumis.ru.

От повседневного быта 2019 – От повседневного быта к поискам жизненных смыслов: социоантропологическое исследование // Отв. ред. О.Ю. Артемова, науч. консультант В.А. Тишков. М.: Смысл, 2019.

Ретеюм 2020 – *Ретеюм А.Ю.* Опасный миф антропогенного потепления // ИА Регнум. 2020. № 28. С. 1–12.

Ретеюм 2023 – *Ретеюм А.Ю.* Реакция Арктики на действие сил Космоса // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). Природная среда. 2023, № 4(69). С. 264–282.

Рис 1997 – *Ries N.* Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. Ithaca (NY): Cornell University Press. 1997.

Рэдклифф-Браун 1952 – *Radcliffe-Brown A.R.* Structure and Function in Primitive Society. L.: Cohenand West. 1952.

Спрэдли 1980 – *Spradley J.P.* Participant Observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. 1980.

*Тишков 2*004 – *Тишков Валерий.* Опыт этнологического мониторинга. Программа Сотрудничества ЕС и России (Тасис). Москва, 2004.

Тишков 2006 – *Тишков В.А.* Кризис понимания России. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2006.

Тишков 2016 – *Тишков В.А*. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016.

Тишков 2019 – *Тишков В.А.* Об антропологии жизненных смыслов // От повседневного быта к поискам жизненных смыслов: социоантропологическое исследование / Отв. ред. О.Ю. Артемова, науч. консультант В.А. Тишков. М.: Смысл, 2019. С. 4–9.

Тишков, Степанов 2004 – *Тишков В.А., Степанов В.В.* Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети EAWARN в 2003 году. М., 2004.

Токарев, Токарева и др. 2024 – *Токарев Алексей, Токарева Мария, Кравчук Иван, Ильинский Руслан.* Социология образа будущего – 2033: нарисованная собой Россия / Аналитический доклад. 26 января 2023 года. Москва. https://vk.com/doc6275522_656327082?hash=0YOZyHxJhpUPppstzlj22NOlPy9YYOPfANSahRfvUfL (дата обращения: 28.02.2024)

Трофимова 2022 – *Трофимова И.Н.* Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 37–48.

Штейнберг 2021 – *Штейнберг И.Е.* Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2021.

Глава 8

НАДЕЖДЫ И ОПАСЕНИЯ МОСКВИЧЕЙ ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРТНЫХ ИСТОЧНИКОВ И РУНЕТА

О.Н. Подлесных

Ближайшее будущее в зависимости от сопровождающих его ожиданий, эмоций и расчетов может распадаться на *желанное*, *угрожающее* или *«обыденное»* и *«нормальное»*, и в данном контексте следует говорить об аффективно окрашенных темпоральностях (понятие чаще всего употребляется в отношении восприятия времени), субъективное переживание которых различается и имеет разные социальные последствия. Темпоральности могут характеризоваться также через властное измерение: например, известны злоупотребления со стороны экономящего собственное время начальства по отношению ко времени подчиненных, когда время работы и отдыха, и в особенности время творческой и рутинной работы распределены между этими двумя категориями несправедливо. Темпоральность может иметь и гендерный аспект, о чем нам часто напоминают борцы за женские права, подчеркивающие, что время женщины, затрачиваемое ею на ведение хозяйства и воспитание детей, это социальная ценность и труд, а не «время, проводимое вне работы». Наконец, темпоральности, как индивидуальные, так и институциональные, могут сосуществовать бесконфликтно, либо вступать между собой в конфликтные отношения, порождая сбои не только в межличностных отношениях, но и в отношениях индивида и общества, гражданина и государства, а также между представителями разных социальных слоев и субкультур.

Существуют «городские» и «сельские» темпоральности – собственный темп жизни, присущий каждому городу или населенному пункту, – также вызывающие непонимания и неудобства при их столкновении и наложении. Приведем пару обыденных примеров из наблюдений москвичей: туристы часто тормозят вечно спешащих местных жителей, поскольку заняты осмотром достопримечательностей и отдыхают, в то время как другие мчатся на работу или с нее, чтобы миновать час пик и сэкономить драгоценные минуты; на петербуржцев часто жалуются как на неспособных «нормально» общаться по почте – их ответы запаздывают по сравнению с ожиданиями москвичей на не-

сколько дней, в то время как большинство моих земляков привыкли отвечать сразу или в тот же день, и даже когда этого не делают, то все равно уведомляют об отсрочке ответа по существу.

Различаются, видимо, и аффективные окраски всех этих темпоральностей у жителей разных городов, представителей разных субкультур и конфессиональных сообществ, хотя в этом отношении выявить в моем исследовании какие-то закономерности (скорее всего, из-за отсутствия надежных сравнительных данных и размера выборки в опросе) не удалось. Что касается отношения к ближайшему будущему, то ожидания, опасения, надежды и страхи, как представляется, универсальны в смысле их *наличия* у самых разных категорий и слоев российского общества, хотя их конкретное *содержание* безусловно различается. Важность их исследования заключается в том, что эти формы отношения к будущему лежат в основе различных стратегий социального действия – планирования, упреждения или предупреждения нежелательных событий, готовности и т.д., т.е. без сомнения влияют на наши действия уже в настоящем. *Именно в силу такой их важности тема ожиданий входит в программу исследований большинства мониторинговых служб, включая практически все существующие в России социологические службы, проводящие регулярные массовые опросы*.

Особенности взаимодействия темпоральностей государственных институтов, организаций, сообществ и граждан лучше рассматривать на конкретных примерах. В качестве такого кейса я взяла надежды и опасения москвичей, сведения о которых собирались главным образом из четырех основных источников: 1) публикаций материалов массовых опросов, проведенных различными центрами изучения общественного мнения; 2) аналитических докладов и отчетов различных министерств и ведомств по соответствующей тематике; 3) собственного неструктурированного мини-опроса по методу снежного кома и фокус-группы (чат в *WhatsUp*); 4) просмотра и анализа доступных социальных сетей и каналов в мессенджерах. Именно эти материалы рассматриваются ниже.

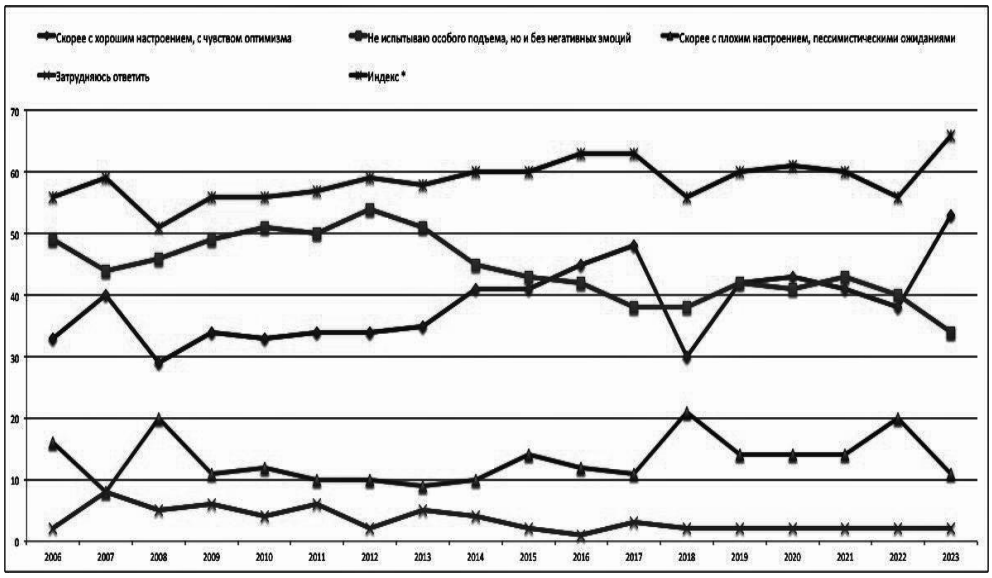
Массовые опросы

ВЦИОМ. Прошлогодний декабрьский опрос ВЦИОМ[1], опубликованный 21 декабря 2023 г., показал, что каждый второй россиянин

[1] На момент написания главы (октябрь 2024 г.) ВЦИОМ еще не опубликовал результаты опроса по итогам 2024 г., поэтому здесь используются данные аналогичного опроса с ожиданиями на 2024 г. С 2017 г. ВЦИОМ проводит

провожает 2023 г. с хорошим настроением и чувством оптимизма (53%, +15 пунктов за год), и это уровень оптимистических ожиданий оказался самым высоким за все время наблюдений, начиная с 2006 г. (Рис. 1). При этом каждый третий опрошенный признался, что не испытывает особого подъема накануне Нового года, но и негативных эмоций тоже не было (34%, -6 пунктов за год), – это минимальное значение с 2006 г. Плохое настроение и пессимистичные ожидания накануне 2024 г. сопровождали лишь каждого девятого россиянина (11%, -9 пунктов за год).

Рис. 1. *Ответы на вопрос «С каким чувством Вы провожаете уходящий год и встречаете новый? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)**



* Инфографика автора на основе данных цитируемого опроса ВЦИОМ.

опросы по проекту Всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник». Методом опроса стало телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ (до 2017 г. использовался поквартирный опрос). Данные взвешивались по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность выборки с вероятностью 95% не превышает 2,5%. Помимо погрешности смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ. Объем выборки составил 1600 респондентов.

Индекс по этому показателю (чувства, с которыми россияне провожают старый и встречают новый год)[2] обновил рекорд и составил 66 пунктов, с приростом за год в 10 пунктов, что означает, что «россияне уверенно преодолели эмоционально сложный 2022 г. и, как никогда ранее, полны оптимизма и надежд накануне нового 2024 г.» (ВЦИОМ 2023, 09.10.2024). При этом наиболее оптимистичными среди опрошенных оказались женщины (56% провожают старый и встречают новый год с хорошим настроением, среди мужчин этот показатель на семь пунктов ниже – 49%). Среди россиян старшего возраста – 57% в группе старше 60 лет, а среди людей с хорошим материальным положением – 66%. Активные телезрители оказались оптимистами с долей 64%. Прошедший 2023 год ожидаемо показался «максимально удачным … для россиян с хорошим материальным положением». Доля таких достигла 77% против 25% в группе с плохим (Там же).

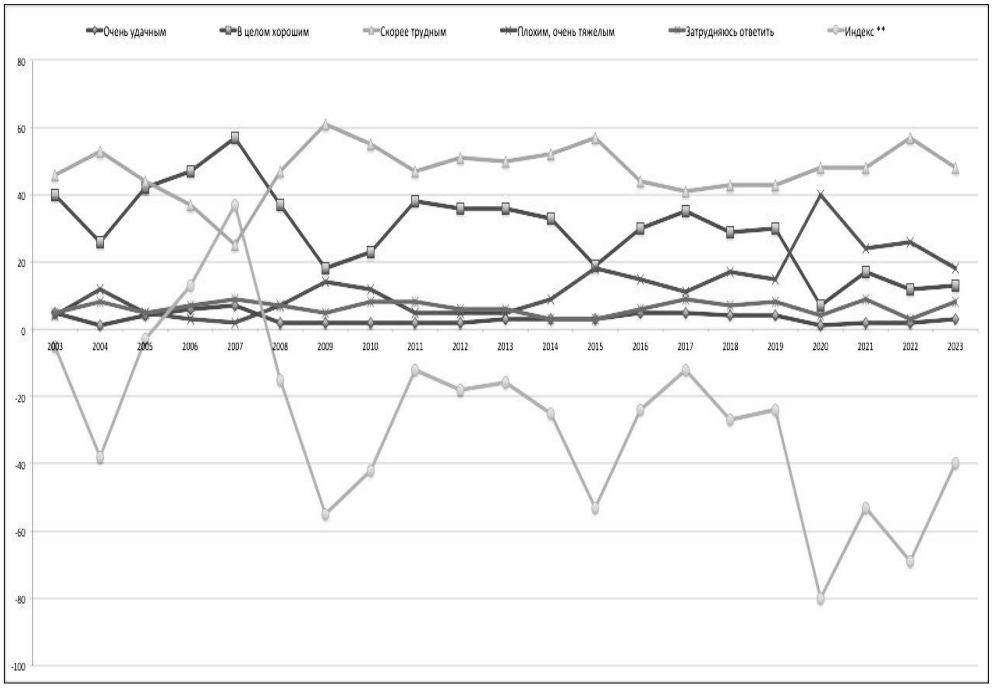
Оценки будущего делаются обычно на фоне сравнения с прошлым. По данным этого же опроса, самым тяжелым для страны годом, по мнению россиян, был 2020 г. (индекс – -80 пунктов), но в последние три года по аналогичным оценкам ситуация улучшалась. Если в 2020 г. только 8% считали данный год в целом для страны хорошим, то в конце 2023 г. россияне думали так втрое чаще (26%). Прирост данного индекса[3] за три года составил 40 пунктов (2020 г. – -80 пт., 2023 г. – -40 пт.). Однако бóльшая часть (а именно – 66%) россиян полагала, что 2023 год оказался для России весьма сложным (Рис. 2).

---

[2] В соответствии с методикой ВЦИОМ индекс строился по этому вопросу следующим образом: ответу «скорее с хорошим настроением, с чувством оптимизма» присваивался коэффициент 0,9; ответу «не испытываю особенного подъема, но и без негативных эмоций» – 0,5; «скорее с плохим настроением, пессимистическими ожиданиями» – 0,1. Индекс измерялся в пунктах и мог колебаться в пределах от 10 до 90 пунктов. Чем выше значение индекса, тем оптимистичнее россияне провожали уходящий и встречали Новый год.

[3] Индексы личных итогов года и итогов года для страны в целом строятся на основе вопросов: «Каким был прошедший год лично для Вас и Вашей семьи?» и «Каким был прошедший год для России в целом?». Индексы рассчитывались как разница положительных и отрицательных оценок, при возможном колебании значений индексов в диапазоне от -100 до +100 пунктов; чем выше значение индексов, тем позитивнее респонденты оценивали прошедший год.

Рис. 2. *Ответы на вопрос «Каким был прошедший год для России в целом?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)**



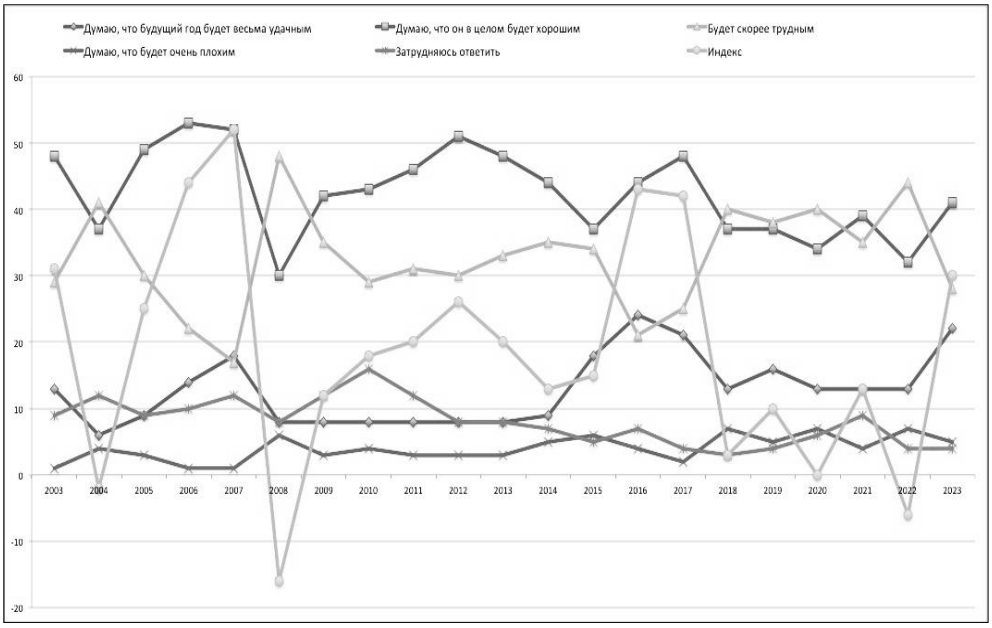
* Инфографика автора на основе данных цитируемого опроса ВЦИОМ.

В качестве главного события 2023 г., как и в 2022 г., наши сограждане назвали специальную военную операцию на Украине, впрочем в 2022 г. таких было 62%, а в 2023 г. – только 22%. На втором по значимости месте оказались экономика и связанные с ней события, как позитивные, так и негативные: рост ВВП и инфляция, противостояние санкциям, повышение ключевой банковской ставки и прочее. Главными событиями их назвали 16% россиян (Там же).

Опрос содержит также информацию об ожиданиях россиян. Шесть из десяти россиян были уверены, что 2024 год станет для России хорошим и удачным (63%, +18 п.п. за год). По данным ВЦИОМ, это один из самых высоких показателей за последнее двадцатилетие. Скептически оценили перспективы для страны в текущем году треть наших сограждан (33%, −18 п.п. за год). Индекс ожиданий на 2024 г. в масшта-

бах страны[4] составил 30 пт. и это стало максимальным значением за пять предыдущих лет (2018 г. – 3 пт., 2019 г. – 10 пт., 2020 г. – 0 пт., 2021 г. – 13 пт., 2022 г. – -6 пт.). При этом с бóльшим энтузиазмом в будущее смотрели женщины (66% из них предвидели для страны хороший год, по сравнению с 59% среди мужчин). Среди людей с хорошим материальным положением этот показатель достигал 75%, а в группе с плохим он составлял лишь 41%. Оптимистично оценивали будущее страны активные телезрители (79%), а также, если говорить о региональных особенностях, жители Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (75% и 71% соответственно) (Там же; см.: Рис. 3).

Рис. 3. *Ответы на вопрос «Что Вы ожидаете от будущего года для России в целом?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)**



* Инфографика автора на основе данных цитируемого опроса ВЦИОМ.

[4] Индекс ожиданий в масштабах страны строился в соответствии с методикой ВЦИОМ на основе вопроса «Что Вы ожидаете от будущего года для России в целом?». Индекс рассчитывается как разница положительных и отрицательных оценок. Диапазон колебаний значений индекса – от -100 до +100 пунктов; чем выше его значение, тем позитивнее респонденты смотрят в будущее.

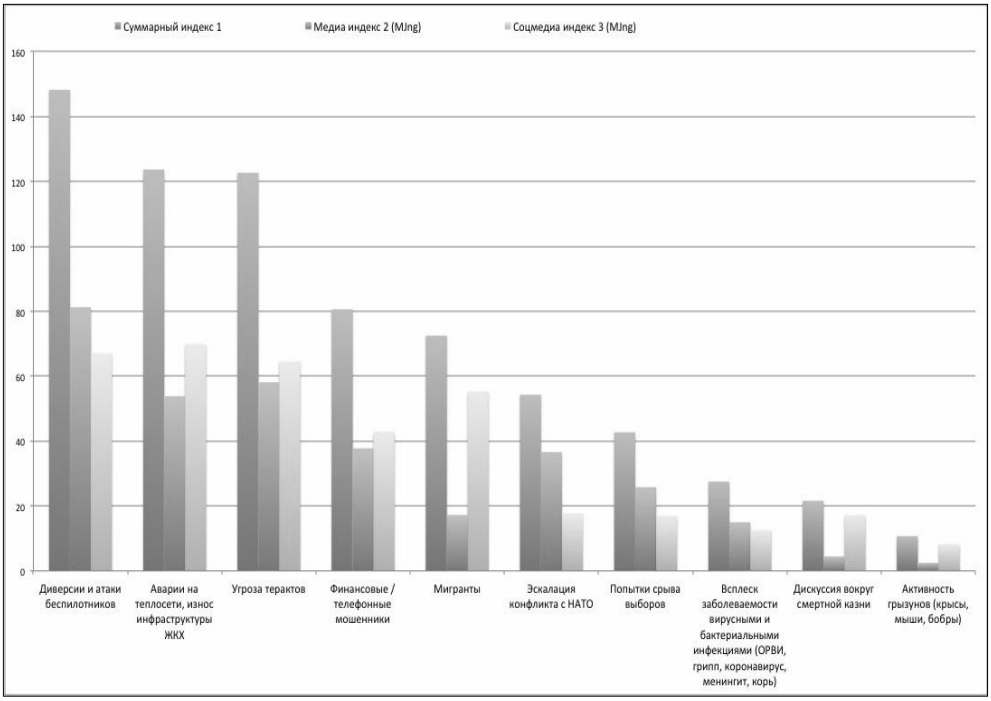
КРОС. Аналитические отчеты на материалах СМИ и социальных медиа регулярно публикует Компания развития общественных связей (КРОС), каждый квартал размещающая онлайн т.н. Национальный индекс тревожностей. Аналитики компании поясняют, что их исследование «выявляет и ранжирует тревожности россиян на основе анализа СМИ и социальных медиа», выделяя «не только самые актуальные тревожности (*Суммарный индекс*)», но и уровень, который они назвали *уровнем приживаемости* в обществе и который определяется по длительности и глубине публичного обсуждения, что, по их мнению, обнаруживает «серую зону» скрытых опасений. Для выявления таких скрытых опасений ими предлагается т.н. *Индекс приживаемости*, рассчитываемый как отношение Индекса социальных медиа (иначе говоря – присутствия обсуждения данной тематики в социальных сетях) к Медиа индексу (оценка присутствия выявленной тревожности в СМИ). Высокое значение Индекса приживаемости отражает активность обсуждения конкретной причины тревожности в социальных медиа и длительность такого обсуждения (НИТ-2024-I).

В ежеквартальном Национальном индексе тревожности за первый квартал 2024 г. в качестве топ-10 причин тревоги у россиян были выявлены следующие тревоги и обеспокоенности (перечислены в порядке значимости):

> 1) диверсии и атаки беспилотников; 2) аварии на теплосетях, износ инфраструктуры ЖКХ; 3) угроза терактов; 4) финансовые и телефонные мошенники; 5) мигранты; 6) эскалация конфликта с НАТО; 7) попытки срыва выборов; 8) всплеск заболеваемости вирусными и бактериальными инфекциями (ОРВИ, грипп, коронавирус, менингит, корь); 9) дискуссия вокруг возврата смертной казни; 10) активность грызунов (крысы, мыши, бобры) (Там же; см.: Рис. 4).

Несложно заметить, что некоторые из приведенных в этом перечне причин для тревог оказываются взаимно связанными. После теракта в Крокус Сити Холле резко возросла обеспокоенность в отношении диверсий и терактов (пункты 1 и 3 списка) и ассоциируемая с ними эскалация конфликта с НАТО (пункт 6), а сам теракт, совершенный приезжими из Таджикистана, вызвал волну мигрантофобии (пункт 5).

Рис. 4. *Индекс тревожности в I квартале 2024 г. по данным Агентства анализа коммуникаций КРОС**



* Инфографика автора на основе цитируемого индекса КРОС.

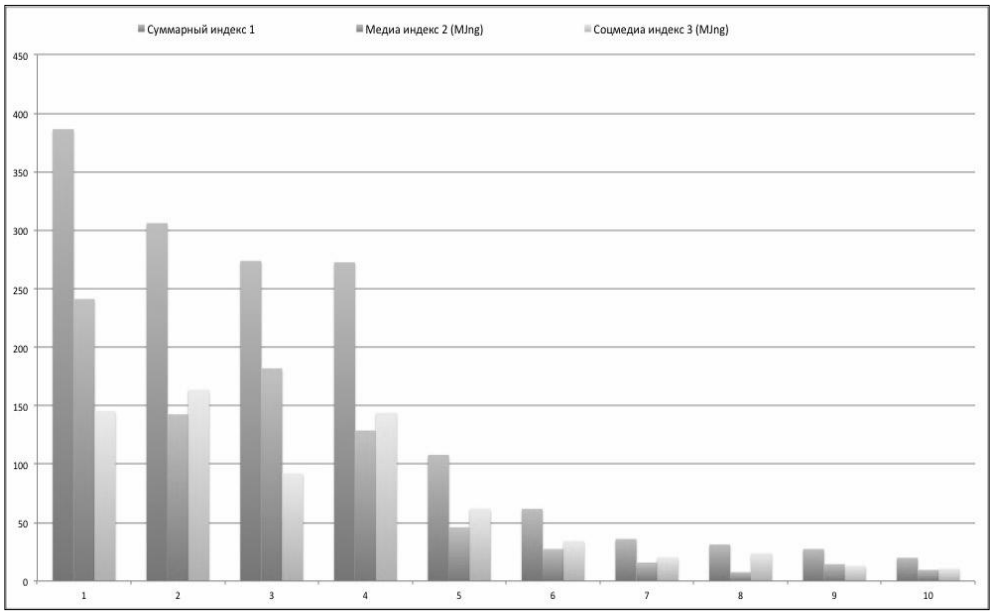
Таким образом, практически половина из перечисленных в индексе причин роста тревожности (а если смотреть на совокупные количественные показатели этого индекса, то это значительно больше половины) оказались вызванными одним и тем же комплексом причин беспокойства и тревоги, связанным с проведением СВО. Еще три причины тревог – телефонное мошенничество, вмешательство в выборы и всплеск заболеваемости (№№ 4, 7 и 8 соответственно) связаны с этим основным комплексом косвенно: вмешательство в выборы обусловлено желанием внешних сил сменить политический режим и руководство страны; значительная часть звонков мошенников поступает с территории Украины и Польши; общий рост тревожности населения в силу этих причин обусловливает и всплеск заболеваемости в связи с ослаблением иммунитета под действием хронического стресса. Помимо этого, вполне вероятно, что дискус-

сия вокруг возвращения смертной казни также связана с основным комплексом причин тревожности. Аналитики компании пишут, что эта тема стала особенно актуальной в связи с терактом в Крокус Сити Холле.

И хотя аналитики КРОС делают вывод о конкурировании бытовых причин тревожности с военно-политическими (включая в класс бытовых, помимо износа инфраструктуры ЖКХ, также телефонное мошенничество и рост заболеваемости), очевидно, что к числу чисто бытовых можно отнести лишь аварии на тепло- и электросетях, но и при этом следует помнить, что часть из них, во всяком случае на новых территориях, была вызвана не износом сетей, а атаками беспилотников и терактами. Таким образом можно сделать вывод, что *анализ содержания СМИ и социальных сетей в первом квартале 2024 г. указывал на угрозы в международной, политической и военной сферах как на основной комплекс причин тревожности.*

Поскольку медиа и социальные сети реагируют на новостную повестку чутко и быстро, динамика опасений и страхов, отражая эту повестку, меняется довольно быстро. Так, по данным того же мониторинга, во втором квартале 2024 г. структура выявленных тревог и обеспокоенностей значительно изменилась. После паводков в Оренбургской, Курганской и Тюменской областях, прорыва дамбы в Орске, лесных пожаров на Дальнем Востоке и в Сибири, а также ливней, штормов и ураганов в Московской, Владимирской, Ярославской и Тверской областях и в нескольких других российских регионах на первое место вышли природные катаклизмы. Второе место заняли опасения в области экономики, а именно – рост цен. Пользователи социальных медиа жаловались на рост цен «буквально на всё». Примерами такого подорожания чаще всего становились хлеб, овощи и фрукты (помидоры, огурцы, черешня), а также резкое вздорожание (например, в Москве) такси и бензина. Все это породило беспокойство, что инфляцию не удастся удержать в приемлемых границах, и граждане стали активнее искать возможности сохранить или обезопасить свои сбережения за счет покупок недвижимости, валюты или открытия более выгодных депозитных счетов в банках и даже – игры на бирже (Рис. 5).

Рис. 5. *Индекс тревожности в II квартале 2024 г. по данным Агентства анализа коммуникаций КРОС**



* Инфографика автора на основе цитируемого индекса КРОС.

Опасность конфликта с НАТО, входившая в комплекс причин тревожности и прежде, заняла третье место, дополнившись опасениями ядерного конфликта и ударов ракетами дальнего действия вглубь России (в первом квартале 2024 г. опасения конфликта с НАТО занимали лишь шестую строку рейтинга). Выход этих опасений на третье место объясняется ужесточением риторики вокруг возможного применения ядерного оружия и прямого военного конфликта с НАТО: генеральный секретарь этого военного блока Йенс Столтенберг призвал снять запрет для Украины на удары западным оружием по территории РФ; заместитель Председателя Совета безопасности РФ Дмитрий Медведев заявил о «ядерной русофобии»; изменилась ядерная доктрина России; премьер-министр Эстонии Каи Каллас, которая с 1 декабря 2024 г. заняла пост Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Евросоюза, не исключила вероятность перевода конфликта с Западом «в последнюю стадию». Заметим, что у некоторых моих респондентов, участвовавших в обсуждении темы ближайшего будущего в организованной мной фокус-группе в форме чата в WhatsUp, ядерная ри-

торика вызвала желание сменить место проживания – уехать из Москвы в какой-нибудь отдаленный от западных границ город за Уралом.

Опасения диверсий и атак беспилотников на этом фоне переместились на четвертое место рейтинга, хотя ракетный удар по пляжу в Севастополе, обстрелы гражданских объектов в Белгородской области, атаки дронов на нефтеперерабатывающие предприятия и транспортную инфраструктуру в Краснодарском крае, Ростовской, Воронежской и Тамбовской областях и в Адыгее вызывали всплески опасений и мигрантских настроений во всех регионах, которые такие атаки затронули. Кроме того, в топе тревожностей остались финансовое и телефонное мошенничество, поскольку и медиа, и социальные сети реагировали на появление новых видов такого мошенничества – маскировку под специалиста техподдержки Telegram, предложения заменить страховой полис ОМС или обменять деньги на цифровой рубль, обращения от имени администрации учреждений, в которых работают потенциальные жертвы мошенника.

Рост эпидемической (инфекционной) заболеваемости и угроза неурожая заняли 6 и 7 места рейтинга. Причинами для тревог, связанных со здоровьем, стали вспышки ботулизма в Москве и Подмосковье, а также в Казани и Нижнем Новгороде, в Ярославской, Тамбовской и Костромской областях; вспышка туляремии в Карелии, обсуждаемая в СМИ угроза сибирской язвы из-за паводков и потенциального размывания скотомогильников; а также случаи африканской чумы свиней в некоторых областях и распространение фейковых сообщений о случаях холеры.

Тревога в связи с подорожанием некоторых продуктов (уже отмеченная в пункте два этого рейтинга как рост цен) была усилена в связи с транслируемым СМИ ожиданием неурожая. Аномальные заморозки в апреле-мае в нескольких сельскохозяйственных регионах юга страны подхлестнули эти опасения. В социальных сетях в этой связи обсуждался возможный дефицит сельскохозяйственных продуктов и обусловленное им повышение цен. Кроме того, возможный рост цен связывался и с новым повышением налогов в связи с предстоящим введением прогрессивной шкалы налогообложения.

Быстрые изменения повестки опасений и тревог (с сохранением их ядра, связанного с военно-политической обстановкой) свидетельствуют о том, что мониторинг медиа и соцсетей является менее надежным инструментом при оценке общественного мнения, нежели такой инструмент как прямые массовые опросы. По ежегодным отчетам ВЦИОМ (на момент написания этой главы отчет за 2024 г. еще не был опубликован), общий

индекс тревожности, демонстрирующий настрой россиян в отношении своего будущего, достиг минимума за все время наблюдений, составив 45 пунктов, тогда как с декабря 2018 г. по октябрь 2022 г. он колебался в диапазоне 58–63 пункта, т.е. превышал текущие значения в 1,3 раза.

ФОМ. Фонд общественного мнения столь же регулярно проводит мониторинг настроений и ожиданий россиян и публикует результаты на своем сайте. Так, например, опрос от 26 декабря 2023 г. показал, что 49% среди опрошенных были уверены, что наступающий 2024 год для них лично будет лучше, чем предыдущий, при этом 14% россиян ожидали роста доходов («зарплату, может быть, поднимут»; «повышение уровня жизни»; «материальные улучшения»); 10% респондентов связывали свои позитивные ожидания с надеждами на окончание СВО («закончится война, мирное небо над головой»; «мир будет»; «может, закончится война») и лишь 9% считали, что наступающий год для них будет хуже, а 26% – что ничего не изменится (Ожидания россиян 2023).

Аналитические доклады министерств и ведомств

Министерство обороны РФ. Министерство обороны в 2021 г. выпустило аналитический доклад «Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации», в котором его авторы предложили классификацию вызовов и угроз, объединив их в 15 разделов. Эта классификация охватывает международную, политическую, экономическую, оборонно-промышленную, информационную, социальную, транспортную, энергетическую, экологическую, культурную, духовно-нравственную, демографическую сферы и сферы здравоохранения, науки и образования.

Значительная часть вызовов и угроз, определенных в этом документе, совпали впоследствии с теми страхами и угрозами, которые были выявлены на материалах массовых опросов населения два-три года спустя. Так, например, в области политических угроз аналитики министерства отмечали, что «значительная часть этих вызовов связана с конфронтационной политикой США в отношении России и Китая, … непосредственным результатом этой политики становится рост военной напряженности по линии соприкосновения Россия – НАТО» (МО РФ 2021: 13). Аналитики предупреждали также об угрозе пропагандистской войны и распространении дезинформации, пропаганды, распространении фейков, угроз кибербезопасности в отношении государства, организаций и граждан. Как мы видим, в структурах опросов эти угрозы (опасения

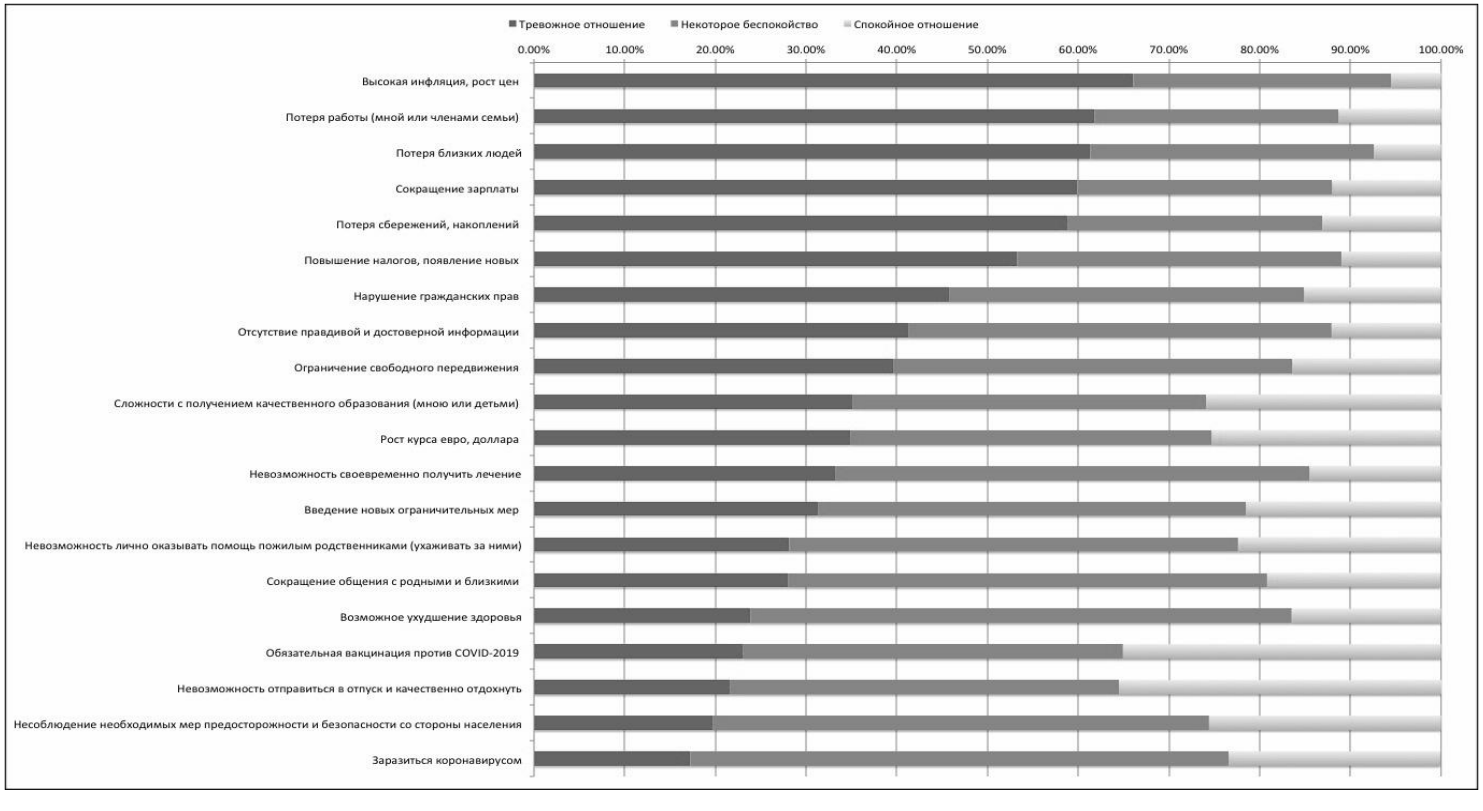
в связи со столкновением с НАТО и размах мошенничества) заняли первые места в рейтингах опасений и страхов. В докладе освещались также вызовы суверенитету России и ее месту в многополярном мире (Там же: 77–92). Подробно рассматривались и угрозы в социальной сфере, в т.ч. угрозы здоровью населения из-за распространения пандемий (Там же: 170–185). В частности отмечалось, что:

В репертуаре социальных страхов граждан, выявленных на фоне пандемии, превалируют тревоги, связанные с экономическими факторами: высокая инфляция и рост цен, потеря работы, сокращение зарплаты, потеря сбережений и накоплений, повышение существующих налогов и появление новых – все это сильно волновало более половины опрошенных. Также одну из ведущих позиций среди социальных тревог играл страх потери близких. В то же время менее всего опрошенных беспокоили социальные вопросы: невозможность отправиться в отпуск и качественно отдохнуть (35,6%), обязательная вакцинация против COVID-2019 (35,1%), сложности с получением качественного образования (26%), несоблюдение необходимых мер предосторожности и безопасности со стороны населения (25,6%). Среди наименее актуальных опасений наступления событий экономического характера – рост курса евро и доллара (25,3%) (Там же: 176; см.: Рис. 6).

В докладе министерства использовались также данные массовых опросов. В частности, аналитики этого ведомства, ссылаясь на данные Левада-центра[5], отмечали, что «пандемия сместила вектор опасений населения из социально-политической плоскости в экономическую (Страхи 2019). В рейтинге страхов граждан Российской Федерации доминировали тревоги относительно состояния здоровья близких и своего собственного, а также политические страхи – возможность возникновения мировой войны и произвол властей» (МО РФ 2021: 177). В докладе приведены также данные опросов ВЦИОМ: «Карта страхов россиян в 2020 году, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (Карта страхов россиян 2020). Карта демонстрирует актуализацию тревог, связанных с возможным снижением уровня жизни и потребления наряду с риском столкновения с несправедливостью. Самые высокие показатели индекса страхов по состоянию на конец 2020 г. были характерны для переменных «рост социальной несправедливости, неравенства между людьми» и «снижение доходов» (Индекс страхов б.г.).

[5] Признан иностранным агентом.

Рис. 6. *Уровень тревожности (опасений) в отношении ожидаемых событий, связанных с пандемией коронавируса COVID-2019, в %**



* Инфографика автора на основе данных аналитического отчета Министерства обороны РФ (МО РФ 2021: 176).

Правительство Москвы. Правительство Москвы и мэрия разработали комплекс мер и несколько специальных программ, обеспечивающих безопасность города. В частности, в одном из документов московской программы «Безопасный город», размещенным на сайте мэра и правительства Москвы, рассматривается работа Московской городской территориальной подсистемы Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (в т.ч. ход совершенствования городской системы видеонаблюдения), меры в рамках которой позволили снизить уровень тревожности населения города. По оценке мэрии и правительства города от 6 сентября 2024 г.: «В 2023 году доля населения, удовлетворенного уровнем обеспечения безопасности и правопорядка в городе Москве (процент от числа опрошенных), составила 81,7% (ПМ–2024: 2).

Таким образом, аналитические материалы служб массовых опросов и оценки министерств и ведомств в целом совпадают, а профиль и рейтинги опасений населения отражают описываемые аналитиками профили угроз.

Мини-опрос москвичей

Должна сначала пояснить, что я живу в Москве с рождения (по разным генеалогическим линиям я москвичка во втором-четвертом поколениях), и в этом отношении, при опросе москвичей об их понимании времени, опознавалась ими как «своя», т.е. как «туземец» среди «туземцев». Поэтому мои собеседники не ожидали особых подвохов, т.е. неожиданностей, которые обычно возникают в связи с расспросами любопытствующих «пришельцев», и отвечая на вопросы, что такое для них время и что они связывают с будущим, по самой сути этих вопросов, как правило, не ассоциировали это время с *календарным будущим*[6], хотя, как выяснялось затем в ходе беседы, в своей текущей жизни так или иначе учитывали и время календарное.

[6] Здесь есть несколько существенных оговорок и исключений, поскольку светские календарные праздники, религиозные праздники и посты, наконец, смена сезонов, с которой связано время отпусков и специфических для каждого сезона занятий (например, работы на дачах), для многих москвичей, как и для жителей других регионов страны, продолжают быть важными временными ориентирами, в известной степени определяющими их планы на будущее, в особенности – ближайшее (см., например, *Тишков* 2003: 274–

Для них также не играло особой роли время в его *астрономическом* или *физическом* смыслах, хотя время, демонстрируемое на будильниках, наручных часах, смартфонах, городских циферблатах, табло в метро и на транспортных остановках, было, разумеется, основой их повседневности, той самой капиталистической повседневности, о рождении которой писали многие историки, комментировавшие трансформацию Средневековья в Новое время, распад феодализма и рождение новой формации, подчиненной точно измеряемому хронологическому линейному времени (ср.: *Бродель* 1986; *Ле Гофф* 1992: 167–173, 2002; *Thompson* 1967).

Лишь небольшая часть среди моих собеседников оказалась историками по образованию и потому вполне отдавала отчет, что повседневность не обязательно всегда и целиком подчиняется связанной с разделением труда координации и ритмам производственной необходимости, тем самым координации и ритмам, из-за которых опоздание на работу одного, влияет на приход на работу вовремя другого. Москвичи, например, никогда не удивляются точной работе метро и обычно не расстраиваются, когда при сходе с эскалатора видят уходящий перед их носом поезд – они знают, что пока они дойдут до нужного им места платформы, подойдет следующий. Это удивление можно увидеть лишь на лицах иностранцев или соотечественников, впервые посещающих столицу. Тем удивительнее для меня было осознание того факта, что мои друзья и я сама, их знакомые и знакомые их знакомых живут не по этому всем известному и принудительному расписанию «работа-отдых-работа», «сутки-через-двое», «два-присутственных-дня-в-неделю», «от 8-15-до-18-00-с-перерывом-на-обед», или, наконец, не как работники экстренных служб «по-ненормированному-графику», т.е., разумеется, и в соответствии со всеми этими внешне принудительными расписаниями, но гораздо осознаннее – во временах, называемых в наших науках *социальными*, *культурными* и *субъективными* или индивидуальными. Эти временные модусы обычно обозначаются термином *темпоральности*, поскольку они связываются не столько со временем *измеряемым*, сколько со временем *переживаемым*. Именно о переживаемом времени в основном и пойдет речь далее.

275). В этом отношении «среднее время» Броделя, относимое им ко времени циклическому, является такой же частью повседневности, как и его время «короткой длительности», или время событийное (см: *Бродель* 2015: 6), являющееся фокусом рассмотрения в этой главе.

Вопреки тому, что время и его разнообразные темпоральности изучаются в социальных науках уже давно, исследования временных модусов т.н. *ближайшего будущего*, во-первых, встречаются нечасто, а, во-вторых, даже в этих случаях внимание исследователей обычно приковано к *содержательной* стороне такого «ближнего будущего» с его ожиданиями и опасениями, а не к связи множества его темпоральностей в рамках общих концепций социального времени. Представленные ниже материалы мини-опроса и рассуждения в этом плане не будут, впрочем, существенно отличаться от чисто описательных исследований, поскольку его темой являются надежды и опасения жителей столицы, а не структура времени и его общая теория. В социальных науках, в частности – в антропологии и социологии, понятие темпоральности зачастую связывается с субъективным восприятием времени, с исследованием способов или модусов его восприятия у представителей различных субкультурных и региональных сообществ, т.е. с социальной организацией времени в этих сообществах.

Наш опрос проводился в сентябре-октябре 2024 г. и был гибридным в отношении его способов – в нем сочетались телефонный опрос, опрос с помощью мессенджера WhatsUp и персональный опрос лицом-к-лицу. Всего было охвачено около 70 человек, в основном, в возрасте от 30 до 60 лет, женщины незначительно преобладали. Форма опроса также варьировала – от сфокусированной на основной теме беседы (устный опрос, как личный, так и по телефону) до вопросника из трех вопросов, разосланного через мессенджер, при этом формулировки вопросов не всегда совпадали буквально при сохранении их смысла.

Необходимо отметить, что сама формула «ближайшего будущего», использованная в беседе, понималась моими собеседниками поразному. Некоторые из них полагали, что я спрашиваю буквально о завтрашнем дне и отвечали, что завтра будет обычный рабочий день, в прогнозе обещали дождь, так что придется брать зонт. Такие ответы лишь по видимости тривиальны. Во-первых, они позволяют судить о горизонте ожиданий у собеседника, в данном случае – очень коротком. Во-вторых, они позволяют задать вопрос о связи ожиданий с действиями, с реальным поведением. Этот аспект взаимодействия людей с ближайшим будущим разумеется уже хорошо изучен, в особенности психологами, у которых такие формы предвосхищения событий и пла-

нирования действий чаще всего обозначаются термином *антиципация* (ср.: *Адилов* 2019, *Митрофанова* 2024, *Нигматуллина* 2020; *Guyer* 2019). Исследователи социальной антиципации отмечают, что во времена множественных и налагающихся друг на друга кризисов рациональное предвидение близкого будущего размывается, уверенность в нем тает, и вместо него возникает т.н. «*пунктирное время*» (*punctuated time*) с его неопределенностью, множественностью темпоральностей, дат и сроков, с которыми люди и организации хотя и справляются, но оказываются в постоянном стрессе (*Guyer* 2019: 375). В моем опросе это наблюдение подтвердилось, поскольку горизонт планирования у моих собеседников оказался, во-первых, размытым и с трудом определяемым, а во-вторых, в тех случаях, когда имел более четкие временные границы, – коротким.

Краткий вариант вопросника, который использовался для заочного опроса в мессенджере, содержал следующие вопросы:

1) Что Вы ожидаете в будущем году для Вас лично и Вашей семьи, России в целом? Каким с Вашей точки зрения будет предстоящий год?

2) Чего Вы опасаетесь?

3) На что Вы надеетесь?

Наиболее распространенная, и потому типичная, позиция при ответе на первый вопрос хорошо отражена в ответе одного из моих респондентов: «Думаю, что будет все не хуже. Или, во всяком случае, не сильно хуже, чем сейчас».

Среди ответов на вопрос об опасениях чаще других звучали обеспокоенность относительно потери работы: «Боюсь, что выгонят на пенсию с работы», «Чтобы работа не кончилась», а также опасения внезапной утраты трудоспособности и здоровья: «Боюсь, что подведет здоровье», «Беда с любыми мед. препаратами – от лекарств до “запчастей”». Многих также заботила возможная эскалация конфликта, и такой мотив опасений оказался на втором месте: [О планах] «Это все при условии, что не будет масштабной войны»; «Война, атом немирный», «У нас, у мальчиков, главный вопрос – будет ли атомная война. Этого бы не хотелось».

Некоторые из моих собеседников при ответе на данный вопрос демонстрировали весьма высокий уровень тревожности и дезориентации (женщина старше 40 лет): «Принятие странных законов, возврат [19]37 года… Короче я полный параноик!». Даже окончание СВО (одна из надежд на предстоящий год) у таких людей связывался со страхами и опасениями за собственную безопасность:

«Вернутся с войны и уголовники и не уголовники… “мы там за вас кровь проливали, теперь вы нам должны”; образуется значительная масса мужиков, готовых убивать, имеющих такой опыт, со смещенным центром в голове, готовых выполнить приказ, исполнить долг и т.д., которым рано или поздно придется вернуться к мирной жизни. А они все еще “на войне” и живут по законам военного времени. Ну, понимаешь, какие там законы…».

Среди ответов были и такие, которые отражали мигрантофобию, присутствующую у части столичных жителей:

«Мое опасение –мигранты. Часть трудоспособного населения мужского воюет, часть уехала, замещается узбеками и прочими. Ничего хорошего из этого не выйдет, мы для них никто, они никогда не интегрируются».

У респондентов с детьми или внуками, чей возраст приближался к призывному, присутствовали опасения за них:

«Боюсь за ребенка, который только поступил в колледж, чтоб у него все сложилось с учебой и с жизнью, чтоб на СВО не попал».

«И страх за сыновей. Не дай Бог!».

«Боюсь остаться без внуков (старшей дочери уже 25 лет), а лучшие женихи уезжают. Среди ее и моих знакомых (детей моих знакомых) многие уехали».

Группу опасений и страхов замыкали экономические опасения относительно инфляции, возможной потери работы и прогнозируемого падения уровня жизни:

«Еще рост цен на все!».

«Скорее все будет хуже в плане экономики…».

«У людей меньше денег остается на более дорогие услуги, но если эту работу потеряю, то совсем без работы не останусь…».

«Ожидаю спад финансирования всех социальных программ, потому что “Все для фронта, все для победы”».

При ответе на вопрос «Каким с Вашей точки зрения будет предстоящий год?» мнения среди опрошенных разделились. Ожидаемо, что

в группе с более высокими уровнями опасений и тревожности прогноз на год был более пессимистичным:

«Год будет трудным».

«Предстоящий год, думаю, будет не лучше нынешнего. Скорее – хуже».

«Даже сложно предположить, можно только надеяться».

Остальные смотрели в будущее с большим оптимизмом и связывали с ним определенные надежды:

«Год будет не простым, но интересным, много изменений».

«Ожидаю скорейшую победу, укрепления России и ослабления Запада».

Ответы на вопрос «На что надеетесь?» в целом отражали профиль опасений и страхов: опасавшиеся экономических неурядиц надеялись на улучшение экономики, а среди тех, кто боялся за будущее детей и внуков, надежды, ожидаемо, были связаны с завершением СВО:

«Надеюсь на собственные силы, что я смогу сохранить чувство юмора и умение радоваться жизни, что у меня хватит сил на то, чтобы хорошо заботиться о любимых людях».

«Надеюсь, что смогу не допустить снижения своего уровня и качества жизни».

«Надеюсь на прекращение конфликта, чтоб наступила спокойная жизнь, и Запад оставил бы Россию в покое, перестал домогаться и вмешиваться в наши внутренние дела».

«Надеюсь, что горячая стадия войны завершится, и начнут отстраивать разрушенное (и города, и отношения)».

«Надеюсь на окончание военной операции и улучшение жизни и в стране, и в моей семье».

«Надеюсь избежать мобилизации. Воюем, вроде, контрактниками».

«Мобилизации не опасаемся, наверное, уже не будет».

В целом профиль опасений и надежд, выявленный в ходе этого мини-опроса, совпал со структурой надежд и опасений, обнаруженной при массовых опросах населения мониторинговыми службами.

Социальные сети и мессенджеры

Интересующие нас сведения из социальных сетей и мессенджеров (за пределами чата, специально созданного для мини-опроса, и проведения фокус-группы, куда входили только жители Москвы) практически не поддаются прямой интерпретации в терминах региональной принадлежности авторов соответствующих высказываний и оценок, поскольку в подавляющем числе случаев эти авторы не пишут о своем месте проживания, а в тех случаях, когда чаты ограничены локально, они нередко оказываются закрытыми для пользователей извне. Таким образом, сведения из социальных сетей (как, впрочем, и данные некоторых общероссийских массовых опросов) могут служить лишь сравнительным фоном для прямых сведений и оценок настроений жителей столицы. Тем не менее, некоторые сюжеты, не освещенные в результатах массовых опросов и бесед, становятся более ясными в результате анализа содержаниях различных страниц социальных сетей и каналов мессенджеров.

Так, например, обращает на себя внимание тема миграции на постоянное жительство за рубеж, преимущественно в те страны, где россиянам либо не нужны визы, либо облегчена регистрация на временное проживание (Армения, Казахстан, Грузия, Таджикистан, Узбекистан, Индонезия, Таиланд). Пользователи делятся соответствующей информацией (в т.ч. перечнями сайтов, Телеграм-каналов и чатов, посвященных проблемам релокации), ищут консультации юристов относительно процедур снятия с воинского учета в России, из чего становится понятным, что речь идет о молодых мужчинах призывного возраста. Их опасения в отношении ближайшего будущего очевидным образом связаны с СВО.

Другой часто обсуждаемой темой является экономика. В социальных сетях и Телеграм-каналах активно обсуждаются растущие проценты по ипотеке, преимущества и недостатки кредитных карт и вкладов в разных банках, рост цен на жилье (и надежды на будущее – снижение цен в связи с изменениями ключевой ставки и заявлением главы Центробанка Э.С. Набиуллиной о необходимости введения ипотечного стандарта), планы московского правительства на сворачивание строительства апартаментов как жилья с особым статусом и прочее. К экономическим темам можно отнести и время от времени возникающие обсуждения новых видов мошенничества – пользователи предупре-

ждают своих друзей об их появлении или делятся способами борьбы с ними и личными эпизодами общения с телефонными мошенниками.

В целом можно заключить, что *профиль опасений и страхов, отражаемых сообщениями в социальных сетях, не слишком отличается от аналогичного профиля, выявленного по опросам среди москвичей*. Разумеется, в тех регионах, где острее стояли проблемы с износом инфраструктуры ЖКХ или где происходили природные катастрофы – пожары и наводнения, пользователи социальных сетей немедленно реагировали на эти события. Не сходит со страниц сайтов и тема здоровья, которую можно рассматривать как традиционную, перекочевавшую сюда из прежних каналов общения – писем и телефонных разговоров. В целом, однако, *эти темы, в отличие от СВО и экономики, не определяют повестки ближайшего будущего, но, скорее, формируют постоянный фон для тех событий, которые влияют на планы и действия людей*.

Заключение

Как очевидно из изложенного выше, восприятие темпоральных характеристик со стороны корпоративных институтов – министерств и ведомств, крупных организаций – существенно отличаются от темпоральностей (предвосхищение будущего, выражающееся в страхах, опасениях, надеждах), т.е. от отношений граждан с ближайшим будущим. Организации видят будущее более комплексно и обычно на более длительную перспективу. В их отчетах риски и вызовы будущего охватывают множество аспектов разного масштаба (от глобального до локального) и различных направлений – от внутренней политики и экономики до пожарной безопасности и спасения на водах.

Очевидно, что повседневность организаций и граждан устроена по-разному, и это отражается на их отношении к будущему. Отношение к будущему среди обычных граждан, не занимающихся профессиональной прогностикой или форсайтом, опирается на значительно более близкий и узкий горизонт ожидания, а содержательная сторона таких ожиданий (опасений, страхов и надежд) во многом определяется личным опытом и текущей повесткой масс-медиа (в случае среднего поколения – новостных каналов телевидения).

Профили опасений и надежд оказываются тесно связанными, и в них преобладают мотивы, связанные с СВО и состоянием экономики. Сужение горизонта ожиданий у населения в отношении к будущему

может описываться как «пунктирное время», когда наложение кризисов (военно-политического, экономического, климатического) создает ситуации неопределенности, ослабления уверенности в будущем, которая основывалась на более стабильных международных отношениях и экономике и, стало быть, укорачивает время индивидуальных ожиданий и прогнозов.

Источники и литература

Бедность – Бедность // ФОМ. https://fom.ru/Obraz-zhizni/14512 (дата обращения: 19.04.2021)

Индекс страхов б.г. – Индекс страхов // ВЦИОМ. https://wciom.ru/ratings/indeksstrakhov (дата обращения: 15.04.2021)

Итоги 2023 – Итоги-2023, ожидания-2024 // ВЦИОМ. Новости. 21.12.2023. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/itogi-2023-ozhidanija-2024

Карта страхов россиян 2020 – Карта страхов россиян: осень-2020 // ВЦИОМ. Новости. 02.02.2020. https://wciom.ru/analytical-reviews/ analiticheskii-obzor/karta-strakhov-rossijan-osen-2020

НИТ-2024-I – Национальный индекс тревожностей за I квартал 2024 г. // КРОС https://www.cros.ru/ru/exploration/anxiety/4111/ (дата обращения: 10.10.2024)

МО РФ 2021 – Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Под общ. ред. А.С. Коржевского; редкол.: В.В. Толстых, И.А. Копылов. М.: РГГУ, 2021.

ПМ–2024 Правительство г. Москвы – программа «Безопасный город». https://www.mos.ru/drbez/documents/view/310888220/

Страхи 2019 – Страхи // Левада-центр. 29.10.2019. https://www.levada.ru/2019/10/29/strahi-4/

Ожидания россиян 2023 – Ожидания россиян от 2024 года // ФОМ. 26.12.2023. https://fom.ru/Nastroeniya/14964

Научная литература

Адилов 2019 – *Адилов С.Г.* Способность к антиципации и феномен неопределенности // Национальное здоровье. 2019. № 3. С. 81–83.

Бродель 1986 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3 тт. Структуры повседневности возможное и невозможное. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.

Бродель 2015 – *Бродель Ф.* Очерки истории. М.: Академический проект, 2015.

Ле Гофф 1992 – *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992.

Ле Гофф 2002 – *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002.

Митрофанова 2024 – *Митрофанова А.В.* Антиципация и образ будущего в условии неопределенности // Научный аспект. 2024. Т. 16. № 7. С. 1958–1962.

Нигматуллина 2020 – *Нигматуллина М.М.* Подходы к изучению понятия антиципация и прогнозирование // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11–1 (50). С. 174–177.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

*Guyer 2*019 – *Guyer J.I.* Anthropology and the Near-Future Concept // *Poli R.* (ed.). Handbook of Anticipation. Theoretical and Applied Aspects of the Use of Future in Decision Making. Cham: Springer Nature, 2019. P. 375–392.

Thompson 1967 – *Thompson E.P.* Time, work-discipline, and industrial capitalism // Past and Present. 1967. Vol. 38, no. 1. P. 56–97.

Глава 9

НОВЫЕ СЕЛЬЧАНЕ В ПОИСКЕ БУДУЩЕГО

И.С. Савин

Введение

В июле 2021 г., в живописных окрестностях Тарусы (120 км от Москвы), вдоль обеих берегов Оки на проселочных дорогах, ведущих от обустроенных поселков в глубь неосвоенных полей и перелесков, каждые выходные можно было встретить кавалькаду машин с пассажирами несельского вида. Раз за разом объезжали они выставленные на продажу участки размером от 5 до 15 гектар, пытаясь увидеть в некошеной траве и зарослях березняка очертания несуществующего пока поселка. Поселка, в котором они хотели увидеть поселение своей мечты, представления о котором были зафиксированы в групповом чате: «1. Детская площадка обязательно (а может, со временем, и детский сад, если будет потребность, что-то типа, Монтессори; 2. Общие какие-то территории, в т.ч., для всяких семинаров, групп, шатлов – да. Спортплощадка, ангар с байдарками, летний кинотеатр. 3. Вода-речка – обязательное условие)»[1].

Становилось понятно, что жить в таком поселке собираются люди достаточно молодые, физически и творчески активные, ориентированные на совместное длительное проживание. Первоначально из 25–30 человек не все были знакомы между собой, являясь друзьями и знакомыми небольшой группы начинателей «дачного кооператива», как они сами себя называли. Профессиональная принадлежность указывала на вовлеченность большинства участников в деятельность, связанную с изучением, управлением и проектированием современных социальных процессов, причем преимущественно в городской среде, включая интерес к образованию и внутреннему развитию людей: «шеф-редактор журнала, фотожурналист–фрилансер, психолог, гештальт-терапевт, журналист, метеоролог-климатолог, медиаменеджер и редакторка, социальный ученый, исследователь миграции и этничности, социолог, пиарщик в сфере образования, науки и технологий, исследовательница диаспор и групповой культуры, исследователь в сфере образования и разработчик учебных программ,

[1] Из личного архива автора, являвшегося участником сообщества.

научный журналист, гештальт-терапевт, в прошлом маркетолог и яндексоид, менеджер по продукту / коммуникационный стратег, культуролог, менеджер в образовательном проекте, визуальный документалист, продюсер, директор библиотеки, гештальт-психотерапевт и супервизор»[2].

Но объединило их вместе нечто иное: стремление изменить образ жизни, проводить бóльшую, чем ранее, часть жизни вне города, проводить ее в пространстве, которое бы создавалось ими сами и на основе их собственных представлений о желаемом будущем. Причем, не о будущем вообще, а о том, какое они начали строить уже сейчас, отдавая часть своей энергии и времени сегодня во имя собственного завтра.

Причины, побудившие сугубо городских жителей видеть свою будущую жизнь преимущественно за пределами городов, уже не раз рассматривались исследователями в России и за рубежом и вряд ли они сильно отличались у участников нашего «дачного кооператива». Чаще всего они связаны с «психологической и/или эмоциональной невозможностью жить в городе» (*Загоруйко* 2021: 141), стремлением избежать негативного влияния «психополя Москвы» (Между домом 2016: 392), «дефицитом свежего воздуха и личного пространства» (Там же: 407) и т.д. Эти настроения усилились после карантина 2020 г., вводимого по поводу Ковид-19, и добавили еще один мотив поиска дома за городом для городских жителей – комфортного местопребывания в случае ограничений передвижения.

К сожалению, наш «дачный кооператив», щедро наполненный представлениями о будущей жизни, но не обладавший необходимым волевым ресурсом для их реализации, распался к весне 2022 г., и лишь несколько человек стали владельцами обычных дачных участков в рамках различных СНТ, реализовав первоначальную задумку о совместном загородном будущем лишь частично. Автору же на протяжении 2022-2024 гг. пришлось в поисках своего «места на земле» встретиться со стольким множеством людей и сообществ, находящихся на разных этапах активного выстраивания собственного будущего в ходе не только размышлений о нем, но и попыток его каждодневного созидания, что стало ясно: перед нами целое социальное явление, целая страта людей, для которых будущее – это не только ясные и не очень представления о нем, но и усилия, иногда довольно радикальные, направленные на его достижение.

Эти люди и сообщества, ими организуемые, уже были в фокусе российских исследователей, которые изучали и их распространенность

[2] Из саморепрезентаций в групповом чате.

(*Позаненко* 2016: 134) и мотивы переезда из больших городов (*Задорин* и др. 2014: 71–74), и особенности их мировосприятия (*Покровский* и др. 2019: 74–78, *Крюкова* 2022: 49; *Крюкова* и др. 2022: 337–34, *Андреева* 2020), и перспективы встраивания в окружающий социум и в программы развития России на ближайшую и долгосрочную перспективу (*Задорин* и др. 2014: 75–76; *Крутов* и др. 2024: 73–75).

Часто их называют экопоселенцами, жителями родовых поместий, новыми сельчанами, переехавшими и т.д. Мы не будем стремиться к терминологической однозначности, тем более что не все из них переехали в сельскую местность, не все занимаются сельским хозяйством и не все ставят во главу угла экологическую повестку. Есть и те, кто переехал в маленькие города из крупных, занимаясь городскими ремеслами, есть и те, кто никуда не переезжал из мест постоянного проживания, но вовлекся в деятельность ранее для себя не свойственную, направленную на преобразование своей земли в будущем.

Для нас принципиальным обстоятельством, характеризующим людей, находящихся в фокусе данного исследования, является возникшее в какой-то момент желание изменить свою жизнь, среду, в которой жил ранее, освоить новые виды деятельности, обрести новое видение своего будущего. В большинстве случаев это ведет к перемене места жительства и смене рода занятий. Также важным условием является стремление вкладывать свои силы и ресурсы в развитие того места, где человек живет сейчас, рассматривая его как основу своего будущего и будущего своих детей.

Нам показалось, что представления о будущем этой категории людей будут интересны в контексте общего исследования по антропологии будущего, поскольку эти люди не только представляют и планируют свое будущее, но и «делают» его, совершая определенные усилия, направленные на изменение среды вокруг себя: от постройки или реконструкции жилища и до формирования устойчивого круга общения единомышленников и смены характера повседневных взаимодействий.

В рамках общей цели изучения восприятия будущего «делателями будущего» (выражение рождено в сообществе людей, переехавших из Москвы в небольшой древний город в 35 тыс. чел. населения) и влияния этого восприятия на их жизнь здесь и сейчас необходима реализация нескольких более частных исследовательских задач:

– Выяснение тех обстоятельств, которые не устраивали участников исследования «в прежней жизни» и повлияли на поиск альтернативных путей жизнеустройства.

– Определение отдельных сторон будущего, как оно представляется нашим собеседникам: семья будущего, экономика будущего, школа будущего, социальное управление будущего, религия и идеология будущего, страна будущего.

– Выявление мотивов и ресурсов, задействованных для создания основ или предпосылок будущего уже сейчас, степень распространения их в обществе сегодня, вероятность масштабирования рассмотренного в данном исследовании опыта на более широкие круги жителей страны.

Как представляется, ответы на намеченные выше вопросы имеют не только научное, но и прикладное значение, поскольку позволяют не только понять взаимосвязь образов и смыслов России будущего с настоящим, но и увидеть возможно неочевидные и незадействованные пока «факторы устойчивого развития малых территорий и сельских сообществ» (*Покровский* и др. 2019:79).

Методы и объект изучения

Для бóльшей репрезентативности выводов в исследовании участвовали люди с отличающимся опытом активного «делания будущего» на протяжении последних 10–15 лет. Шестеро наших собеседников представляли три экопоселения и поселения родовых поместий в Московской и Ярославской областях, находящиеся на разных этапах своей эволюции: от активно развивающихся до превратившихся в соседские поселения людей, не связанных никакими регулярными идеологическими и организационными взаимодействиями. Пять человек объединены в сообщество людей, вовлеченных в посильное развитие городских и сельских пространств вокруг небольшого города. Они занимаются разными видами деятельности: фермерство, городской и сельский общепит, образовательные проекты, художественное творчество. Двое участников исследования живут в поселении, основанном в сельской местности в Тульской области, но не ориентированы на аграрное производство и остаются включенными в городские профессии (удаленно и непосредственно), большее внимание уделяя развитию школы, созданной в поселении для собственных детей. Наконец, два человека переехали в села около небольшого города в Ярославской области, исходя из личных предпочтений, не будучи связанными ни с какими сообществами.

Наибольший опыт проживания на «новом месте» имеется у одной из сезонных жительниц экопоселения – 17 лет. Остальные переехали преимущественно в 2014–2019 гг., но ни у кого не прошло после переезда менее 5 лет.

У всех этих 15 человек были взяты интервью глубинного характера на протяжении октября–ноября 2024 года. Интервью проходили как лично, так и по телефону, в ряде случаев личные интервью были дополнены последующими уточнениями по телефону. Кроме того, на протяжении 2022–2024 гг. автор имел опыт длительного общения и проживания на территориях всех изучаемых сообществ и поселений. Приходилось участвовать там в нескольких публичных мероприятиях, помогать на волонтерских началах восстановлению фасадов старинных домов, обучать ребенка в рамках создаваемых сообществом образовательных инициатив. И все это не в ходе выполнения исследовательского задания, а в поисках удовлетворения собственных потребностей, так что можно говорить об опыте трехлетнего включенного наблюдения, которое на протяжении последних полутора лет стало носить более интенсивный, практически ежедневный характер. Кроме того, некоторые экопоселения и сообщества имеют свои сайты и публикации, цитаты из которых также использованы в исследовании.

Характеристика явления

Миграция из городов в сельскую местность наблюдалась на территории России\РСФСР еще в конце 1970-х гг., когда она в ряде случаев стимулировалась государством и была ориентирована на определенные территории (Калининградская область, некоторые районы нечерноземных областей) и решение народнохозяйственных задач (*Алексеев* и др. 1979, *Пискунов* 2016). Переселение в деревни на основе разнообразных экологических и идеологических представлений усилилось после 1991 г. и привело к возникновению сотен экопоселений и поселений родовых поместий практически во всех регионах РФ, Украины, Белоруссии, Казахстана.

Значительную, но не определяющую, роль внесла в это движение книга Владимира Мегре «Анастасия» из серии «Звенящие кедры России», вышедшая в 1996 г., где рассказывалось об основных принципах экологического восприятия окружающего мира, ответственного отношения к месту, где живешь, необходимости заботы о будущих поколениях путем подготовки для них комфортных условий в рамках создания на земле родовых поместий: участков земли не менее 1 гектара, где люди живут на основе заботы о природе, которая в ответ наделяет их всем необходимым. Для многих именно эта книга стала толчком к изменению жизни и сознания, но заметные потоки переселения в села представителей технической и творческой интеллигенции отмечались и в 1970-е, и в 1980-е гг., т.е. задолго до книги В. Мегре (Между домом 2016).

Начиная с 1991 г. мотивы эскапизма, характерные для предшествующих переселенцев, сменились намерениями возрождения «новой духовности», «освоения себя и мира вокруг себя», самореализации с опорой на собственные силы, освобождения от «гнетущей атмосферы городов» и т.д. Но и в этом случае не все они основывались на представлениях из книги «Анастасия». В 1990-е гг. изменились и упростились правила предоставления в частную собственность земель, ранее принадлежавших колхозам и совхозам, и окрестности крупных городов покрылись густой сетью коттеджных поселков, фермерских хозяйств и садовых товариществ, и вряд ли возможно точно определить, кто из миллионов новых сельских жителей просто расширял жизненное пространство, а кто искал «на земле» свой собственный «путь к себе», к тому же эти мотивы могли и пересекаться.

Тем не менее, попытки подсчетов примерного количества жителей экопоселений и поселений родовых поместий (ПРП) неоднократно предпринимались и свидетельствовали, что в 2015 г., по данным сайта поселения.ру, в России насчитывалось 12 тыс. жителей экопоселений, из которых лишь 40% жили в них круглогодично (*Позаненко* 2016, *Карпов* 2014). В последующие годы выходили публикации о кризисе движения, и сегодня сайт движения «Звенящие кедры» говорит о 387 поселениях, в каждом из которых заявлено о 10–80 поместьях, но кто из их жителей регулярно и постоянно проживает на земле, а кто наведывается периодически, сказать трудно (https://anastasia.ru/static/ patrimony_list.php).

В то же время, в сельской местности основаны и новые поселения неанастасийского характера, а в уже существующие деревни и малые города переселились в последние 30 лет десятки, а может и сотни тысяч людей, часть из которых могла использовать «дальние дачи» как место для своего духовного обновления, так что процесс оценки хотя бы примерного количества тех, кто задумывается уже сегодня о построении будущего, затруднен. Нужно учитывать и «выталкивающие» из городов факторы пандемийных ограничений и желания избежать возможных негативных последствий после начала СВО, которые привели к резкому росту спроса на загородные дома и участки в последние три года. В частности, по итогам 2023 г. он вырос на 68% по сравнению с предыдущим годом (https://iz.ru/1662494/2024-03-10/spros-na-zagorodnuiu-nedvizhimost-v-rossii-rekordno-vyros-na-68). А поскольку приобретение загородной недвижимости, независимо от мотивов (исключая спекулятивные перепродажи

– И.С.), неизбежно ведет к изменению не только образа жизни, но и горизонта планирования, то можно сказать, что в процесс конструирования будущего вовлечена заметная часть населения современной России.

Почему нельзя как раньше

Несомненно, активизация размышлений о будущем возникает в условиях, когда привычное течение жизни перестает казаться естественным и необходимым, возникает потребность в поиске альтернативных путей достижения будущего и возникают новые представления о нем. У наших собеседников подобная ситуация была порождена различными обстоятельствами.

Есть те, которые видели, пусть смутно и неосознанно, такую перспективу с самого детства и встреча с идеями анастасийцев лишь укрепила их понимание того, что жить как раньше нельзя: «*вся моя семья, вот там папа, мама, мы бы все были намного более счастливы, если бы имели вот такое свое, такую свою усадьбу. Вот была такая идея в мозгу. Просто эта идея, она как сказка, она как бы осветила мой мозг, ну и запомнилась. Эта мечта, она уже в голове была, поэтому ее невозможно было отбросить… Она уже, понимаете, сама по себе существует уже инфернально, или как это правильно сказать. А ты только просто вот как кисть, которой Бог как художник рисует вот эту мечту. Вот эту мечту*» (ПМА: С.).

Ознакомившись с книгой В. Мегре, наша собеседница С., переехав в Москву в 2002 г. из одного из сибирских регионов, сразу начала искать пути воплощения этой мечты и в 2007 г. приобрела участок в одном из экопоселений в районе Сергиева Посада Московской области. Она считает, что это событие изменило не только ее образ жизни, но и мышление: *«Нас допустили к земле, и, можно сказать, мы там начали духовно расти. Если бы не допустили, мы бы так и не росли, мне кажется»* (Там же).

По ее словам, теперь она находится в гармонии с собой и развивает свой творческий потенциал, проводя на своем гектаре селекционные эксперименты с ягодными культурами, и подчеркивает, что привязанность к определенной территории – это абсолютно необходимый элемент внутреннего развития и включения в глобальные структуры мироздания: «*для нас это абсолютно четкая модель нормальная, что у тебя есть и свой мирок территориальный, и в то же время он как в сотах набран: вот биологическая модель, я же врач по образованию, я на природу смотрю ее структурным языком, взглядом».* При этом она так и не живет на своем гектаре круглый год, проводя там каждый свободный

час, «*так что мне уже 20 лет никакого отпуска в другом месте не нужно*» (Там же).

Для другой нашей собеседницы время переезда в деревню совпало с кризисом отношений в семье, и она решила переехать жить рядом со старинным небольшим городом, чтобы не видеть привычной ранее обстановки: *«Раньше мы, когда ездили на дачу, мы проезжали этот городок постоянно и я видела его из окна автомобиля и думала: как красиво и как хорошо, наверное было бы здесь жить».* (ПМА: О.). Повлияло на ее решение и то обстоятельство, что она узнала, что там теперь обосновалось несколько инициативных людей, стало ясно, что «теперь там будет интересно». После переезда она включилась в создание системы досуговых и образовательных инициатив для детей, «переехавших» из Москвы, и считает, что в Москве в ее случае реализовать это было бы невозможно.

Состояние общедоступных школ в крупных городах также стало мотивирующим обстоятельством для переезда на новое место для некоторых наших собеседников. В одном случае человек специально искал поселение, где есть школа, пронизанная экологическим воспитанием и гуманистическими принципами. *«Нынешние огромные образовательные комбинаты это не дело. Предметы должны бионически перетекать из одного в другой*» (ПМА: А.). Он не мог доверить современным школам воспитание своих троих детей и переехал в поселение со своей школой в Тульской области.

С его мнением согласна и наша предыдущая собеседница, у которой оба ребенка после переезда в деревню перешли на домашнее обучение*: «Я не вижу на данный момент тех ценностных ориентиров, которые бы позволяли действительно иметь ту мотивацию, чтобы развиваться в школе в контексте развития страны*» (ПМА: О.). Исходя из этого, она включилась в создание альтернативной образовательной модели в маленьком городе, далеко от Москвы.

Разочарование от существующих московских школ может стать дополнительным мотивом для переезда, если предпосылки к этому уже существуют. «Наша московская школа за те одиннадцать лет, что там училась старшая дочь, очень сильно испортилась во всех отношениях, и качество образования, и атмосфера. То, ради чего я отдавала туда детей, – в школу с крепкими традициями и доброй атмосферой, – потихонечку ушло, и виной тому реформа образования, объединившая школы в образовательные центры. Так что от переезда дети только выиграли. Старшие мальчики учатся в частной школе при содействии нашего местного

сообщества. Там очень хорошие, сильные педагоги, в т.ч. бывшие москвичи, переехавшие в деревню около нашего городка и в сам наш город» (*Акимов, Степанов* 2022: 71–72).

Наконец, к желанию изменить свою жизнь и искать новые пути к будущему могут привести размышления о закономерностях городской жизни со всеми ее плюсами и минусами: «В современном мире есть тенденция дегуманизации повседневности, социальных практик, жилища, что особенно заметно в современном мегаполисе, плодящем многоэтажные гетто, в которых личность нивелируется и сводится к одномерному и однонаправленному менеджериальному функционалу» (*Покровский* и др. 2019: 78). Учитывая, что среди новых сельских жителей много людей с высшим образованием и учеными степенями, вышеприведенное высказывание не выглядит уникальным.

Сходным образом рассуждают и многие другие люди, активно вовлеченные в процесс создания комфортной для себя социальной среды на неосвоенных ранее местах: «У жителей мегаполиса даже планировки в квартирах такие, чтобы прятаться друг от друга. Живой, а не виртуальный контакт страшит людей, ведь в реальном общении ты не можешь нажать “отбой”... Людям, которые работают головой, архиважно что-то делать руками. Именно поэтому мы едем подальше от цивилизации, а не потому, что нас нужда гонит. … Пока я ношу из колодца воду, грею ее на печке, нахожусь в некомфортных бытовых условиях, мои мозги переключаются– становится больше энергии и сил. Это момент качества жизни. Роскошь – это не материальные ценности, а уровень сознания» (*Акимов, Степанов* 2022: 57–58). Это мнение предпринимательницы, которая после традиционного бизнеса в Москве переехала в сельскую местность и реализует проекты восстановления старых домов, через совместные усилия множества совладельцев-попечителей в рамках концепции «экономики заботы», а не «экономики потребления».

О негативной роли экономики потребления нам не раз приходилось слышать в ходе исследования: «экономика бесконечного потребления, лишает человека национальной, культурной и даже половой идентичности, оставляя единственную – «потребитель» (*Акимов, Степанов* 2022: 11), и пагубность этих трансформаций в том, что потребителю трудно что-либо создавать. *«Если ты в городе, ты созидать ничего не можешь, даже управляющую компанию выбрать. Ты начинаешь быть ограничен. Квартира-работа-кафе, квартира-работа-кафе-магазин: большая часть*

личности не может проявляться и начинает атрофироваться. ...Ты это просто лицо на карточке, инициалы на кредитной карточке и аватар в соцсетях и все, а больше-то ты кто? (ПМА: А.).

Еще один беспокоящий в городской жизни фактор – концентрация отдельных функций, например, обеспечения безопасности в руках специальных организаций, не связанных непосредственно с самими людьми, что порождает всевозможные преграды между ними: «кругом заборы и охранники. Охранники – это вообще форма социального разложения миллионов мужчин» (*Акимов, Степанов* 2022: 22). Причем эти атрибуты безопасности не рождают чувства защищенности, а наоборот: «Сейчас, когда у каждого в кармане телефон, кому надо уже знают, где ты находишься, везде камеры, чего бояться-то? А ведь нет ощущения своей безопасности, возникает чувство страха и разделения… Мир победившего постмодерна как раз в том, что чем больше безопасность, тем сильнее ощущение опасности» (Там же: 23).

Особенно тревожит наших собеседников грозящее в таких условиях отчуждение от собственных детей, что угрожает целостному образу будущего как непрерывного взаимодействия поколений: «Большой город разъединяет людей: дети в школу, родители на работу, увиделись вечером в лучшем случае. Может, кто-то с утра сходил в бассейн, а кто-то вечером в фитнес-центр, но все по отдельности. Трудно себе представить, что в Москве вся семья, шесть человек ежедневно что-то делают вместе» (Там же: 74). «*Для нас это важно, что здесь, в поселении, дети и взрослые постоянно находятся вместе и совместно решают все возникающие задачи. Не какой-то учитель рассказывает им как* “*нужно поступать*”*, а они сами видят это постоянно, на примере друзей и родителей. В городе, в обычных школах общение детей и родителей сведено к минимуму»* (ПМА: А.).

Иногда это принимает гротескные формы: *«*В Пинежском районе деревня на семьдесят домов, школа на тридцать детей, и там сидит охранник, турникеты установлены. Я говорю: “Але, ребят! Ну кто здесь, кроме меня и медведя?”. Тем более, что против медведя охранник бесполезен» (*Акимов, Степанов* 2022: 22).

Подводя итоги, можно отметить, что в основе отказа людей от «прежней жизни» лежат несколько мотивов:

– представления, согласно которым духовный рост человека невозможен без взаимодействия со своей землей, на которой он творит себе и земле во благо, т.е. – быть ближе к земле – это быть ближе к себе;

– понимание, что потребление, достигательство препятствуют развитию личности человека, ограничивают его возможности как творца, превращают его в функцию отчужденной от него (не им созданной) цепочки обмена товаров и услуг;

– опасения, что развитие специализированной инфраструктуры для удовлетворения социальных запросов людей в больших городах (особенно это заметно на примере систем обеспечения безопасности и образования) приводит к росту тревожности людей по поводу невозможности свободного взаимодействия с окружающими и с собственными детьми.

Разные стороны будущего

Представления о будущем и уже реализуемые проекты по созданию зримых его очертаний во многом являются ответом на вызовы, перечисленные в предыдущем разделе. Нам остается только выделить отдельные блоки этого образа мира и проанализировать их с точки зрения влияния на их конкретные характеристики обстоятельств личного опыта участников исследования.

Семья и Школа. Говоря о семье будущего, все наши собеседники имели в виду традиционный ее вариант – как союз мужчины и женщины, приводящий к рождению детей, как правило многочисленных. Исследователи уже отмечали, что уровень многодетности среди новых сельчан или переехавших в малые города прежних жителей мегаполисов заметно выше, чем в среднем по стране (*Позаненко* 2016: 143). Среди участников исследования детей не было только у двоих. У остальных их число колебалось от двух до пяти. Но от них приходилось слышать, что среди их соседей и знакомых есть семьи и с семью и с девятью детьми. Это естественно вытекает из идеологии родовых поместий, где обширные угодья предполагают повышенное количество членов семьи, которые эту землю обрабатывают. Как видим, в целом наши собеседники реализуют подобные представления на практике.

Отношение к нетрадиционным формам семьи в виде союза двух мужчин, двух женщин или изначально одного родителя с усыновленными или искусственно выношенными детьми можно описать как сдержанно негативное, но без активного неприятия: «*Конечно, для меня семья – это мужчина и женщина и дети, все вместе. К сожалению, у меня самой это пока не получилось. Но и нетрадиционная семья не является для меня каким-то триггером негативных эмоций, пусть это будет, но это не мое»* (ПМА: О., 2 детей, разведена). Мужчина, отец 4

дочерей высказался более определенно: «*У нас нет папы-мамы одного пола в сообществе, и мы, скорее всего, таких ребят к себе не пустим. И тем самым вот это будет заложено, что привычная модель поведения – это нормальная семья*» (ПМА: А., 4 детей, женат)**.**

Представления о том, какими бы они хотели видеть своих детей в будущем, в основном сводятся к свободной, мотивированной к учебе и самосовершенствованию личности: *«Я хочу, чтобы они были свободными, достаточно образованными, всесторонними людьми, которые будут действительно вносить вклад в развитие нашей страны, которую я очень люблю и ценю. Но я вижу будущее за тем, чтобы формировать в первую очередь у ребенка мотивацию к учебе, именно мотивацию к учебе. Не выдавливание из него знаний посредством тестов или какие-то отрывочные обсуждения*» (ПМА: О., 2 детей, разведена). Вышевысказанное суждение в целом перекликается с мнением отца из другого поселения: «*Самое главное для детей – это возможность выбора, возможность выбора направления, где ты хочешь быть счастливым. От научной деятельности, заканчивая туризмом, заканчивая или включая музыкальную деятельность, музыкально-художественную, а может быть, какая-то производственная и вот еще что-то. … Второе, чтобы они имели внутреннюю волю и возможность идти к своей цели, идти к своему счастью. Потому что можно же мечтать и не идти никуда, и всю жизнь промечтать. А третье, чтобы у них какой-то был базовый набор скиллов, умений для того, чтобы в том пути... шагнуть, ну, т.е. не в пропасть с головой, не зная, что там, да, хотя и так мы все время часто, да, часто делаем, ну, а просто, т.е., когда мы понимаем примерно, что нас там ожидает, нам туда легче пойти, легче там сориентироваться и легче там уже начать развиваться*» (ПМА: А., 4 детей, женат).

Это мнения родителей детей в возрасте средней школы. Видно, что пока они достаточно расплывчаты, т.к. у детей еще есть время на поиск своего пути к будущей профессии. Тем не менее, все дети этих участников исследования ходят в частные школы, основанные усилиями членов сообщества, т.к. там, по мнению родителей, желаемые у детей качества буду развиваться наилучшим образом благодаря особому формату школ. Автору довелось бывать в этих школах и наблюдать изнутри специфику процесса обучения: школы немноголюдны (до 50 учащихся), в каждом классе 3–10 человек, питание готовится прямо в школе, с учетом

индивидуальных запросов школьников, продукты поставляются членами сообщества, обеспечено свободное общение детей между классами на переменах, предусмотрены многочисленные активности, вовлекающие в совместную игру и деятельность детей разных возрастов, прямо в здании школ проводятся кружки и внеклассные занятия (т.к. занятия происходят четыре дня в неделю, на это остается много времени), обеспечено свободное общение детей и родителей в любое время, отсутствует необходимость сложной электронной отчетности.

Все это возможно благодаря статусу школ в качестве образовательных и репетиторских центров, тогда как для контроля качества образования и соблюдения утвержденных федеральных образовательных стандартов каждый ребенок в формате домашнего обучения прикреплен к какой-либо из сертифицированных государственных школ. В ходе бесед не раз отмечалось благотворное влияние российского законодательства, которое позволяет переходить на домашнее обучение по желанию родителей, на развитие разных типов школ, которые разрабатывают и апробируют экспериментальные модели образования, которые будут востребованы в будущем. В других странах, в частности, в Германии и США, по наблюдениям бывших граждан этих стран, ныне влившихся в число новых сельчан в Ярославской области, переход на домашнее обучение возможен преимущественно по медицинским показаниям, и хотя ситуация там медленно, но меняется, возможностей для развития альтернативных вариантов образования в России сейчас гораздо больше.

Школа в сельском поселении дает возможность детям наблюдать закономерности природной или хозяйственной жизни, не отходя от здания дальше 20-ти метров: там расположены специально выделенные участки для учебного земледелия. *«Мы прививаем не любовь к сельскому хозяйству и не навыки агротехнической деятельности, а понимание процесса возникновения всего того, что нас окружает. Начиная, например, от стекла и заканчивая хлебом. Т.е. дети у нас... сажают по осени зерна озимых, маленький участок на вспаханном тракторном поле, но с помощью плуга, вручную, 5 квадратных метров они вспашут, посеют, дождутся. Семена вырастут, после этого они их соберут, обмолотят, сделают муку и испекут собственные хлеб. Так же и по другим процессам, которые у нас есть возможность воссоздать»* (ПМА: А., 4 детей, женат).

Совместное проживание и участие в общих делах формируют у детей и приветствуемые этические принципы: «*У наших детей есть, как*

я сейчас вижу, ощущение, осознание, наверное, того, что есть третий вид собственности, коллективный, помимо личной и общественной (государственной), т.е. то, что принадлежит нашему коллективу жителей поселения (Там же). Очень важным считается в сообществе возможность творческого развития детей, «созидание созидателей», как выразился наш собеседник. Для этого необходимо создать вокруг ребенка творческую среду, комфортную среду и дать ему представление о том, куда можно направить свою энергию, что улучшить, что придумать нужное людям: *«Просто провести с ребенком вместе время. Покидать вместе дрова. Еще такое что-то сделать. Например, у нас общий субботник, дети ходят, веточки собирают, взрослые деревья собирают. И много этого. Это раз. Второе, это возможность созидать. Причем, в той степени и форме, в которой тебе самому удобно»* (Там же).

Не очень отличаются представления о будущем детей и у представителей сообщества, где нет своей школы и дети учатся в соседнем городе Московской области, куда их отвозит специальный автобус: *«Наиболее важны сейчас те навыки детей, которые помогут им быстро думать, иначе искусственный интеллект обгонит, а дальше технократическая эволюция покажет, что нужно. Но, при этом, школа должна быть гуманистической, воспитывать больше индивидуальности, большей совместной включаемости учителя и родителя в процесс обучения*» (ПМА: К., 3 детей, женат). В этом поселении, где нет своей школы, есть свой регулярный театр, где профессиональные актеры, режиссеры и музыканты из числа поселенцев ставят с детьми музыкальные спектакли, т.к. полагают, что труд на земле и художественное творчество должны пересекаться.

Там же детям отводится особая роль: они важны во время общественных мероприятий (они и ведущие и сценаристы, играют в спектаклях без разделения на «детских» и «взрослых» персонажей). Эта особенность позволила одной из жительниц сформулировать в ходе разговора описание «*киндерократии». Это особый подход, это когда молодой человек свои ожидания от мира, свое видение мира, свои представления начинает транслировать в сообществе наряду со взрослыми, и они учитываются не как «детские», а как достойные учета и рассмотрения в качестве важных для сообщества. Это дает возможность увидеть всем, что человек полноценен в любом возрасте своей жизни, как творческая личность*» (ПМА: О., детей нет, замужем).

Управление школы в поселении, где она создана, также построено на принципе учета каждого мнения в качестве важного и достойного: «*У*

нас нет директора. Просто у каждого, у каждой сферы есть свои ответственные лица. Все, что связано с педагогикой, это и учебный процесс, это обучение педагогов, это все, что с этим связано, это делает коллегия педагогов – общее собрание педагогов. А все, что связано с деньгами, зданиями, обслуживанием, это делает совет школы. И раз в полгода у нас там перевыборы, люди могут меняться, т.е. ты позанимался одним, тут надоело (дороги), пошел, позанимался другим (обслуживание коммуникаций). И вот мы все вот это и созидаем, создаем то пространство, в котором мы живем, в т.ч. и школу (ПМА: А., 4 детей, женат).

Участники исследования упоминали и о сельской школе в Борисоглебском районе Ярославской области, которая стала драйвером развития села, куда переезжают люди, в т.ч. и из городов, чтобы дети могли учиться именно в этой школе. Школа имеет традиционный 6-дневный формат обучения, но внедряет разные модели преподавания некоторых предметов, ориентированных на глубокое погружение в историю и современность окрестностей. Там введены, к примеру, курсы «Добротолюбия» и «Отечествоведения», используются приемы исторической реконструкции т.д. Школа на протяжении ряда лет являлась утвержденной в органах образования Ярославской области экспериментальной педагогической площадкой (*Акимов, Степанов* 2022: 151–171).

В качестве вывода можно отметить, что среди новых сельских жителей представления о семье будущего и школе будущего вполне определенны и отчасти апробированы в виде действующих школ, каждая из которых работает более 5 лет. Полного цикла выпуска детей, которые бы поступили в первый класс и выпустились бы в 11-м, пока нет. Но дети, поступившие в 9 класс, окончившие школу и поступившие в университеты в Москве, уже есть. Насколько устойчивы подобные модели образовательных систем, покажет время. Главное отличие их от обычных школ – возможность почти индивидуального подхода, включенность в жизнь сообщества, отсутствие избыточно строгих правил безопасности и внешнего контроля.

Что касается образов семьи будущего, то для большинства участников исследования их воплощениями являются собственные семьи, по преимуществу многодетные, включающие детей и взрослых в совместную каждодневную деятельность по обиходу собственной жизни, что

обеспечивает основу семейного воспитания. Общий подход к воспитанию подрастающего поколения ярко выражен во фрагменте манифестного заявления на сайте одного из сообществ: «Мы мечтаем воспитать целое поколение настоящих русских людей, которые будут беречь и охранять природу, любить родину и никогда не предадут ее. Которые будут растить прекрасные сады, огороды, будут подходить к этому с умом и сердцем, не только как потребители, но как созидатели. Вот наша главная мечта, самая важная цель. Затраты на нее никогда не окупятся. Но плоды, которые она принесет, будут бесценны» (https://mirodolie.ru/about).

Экономика заботы. Среди мотивов смены рода деятельности и желания переехать в сельскую местность часто называлось желание выйти из-под гнетущего давления незримых оков экономики потребления: «Глобалистская логика видит общественное благо в создании надчеловеческой системы, где индивидууму уготована роль биотехнического существа – потребителя произведенных и справедливо распределенных благ» (*Акимов, Степанов* 2022: 149). Из критики существующих сегодня экономических порядков рождаются представления об альтернативных экономических моделях развития, в т.ч. и на земле: «Современный агропромышленный комплекс – это тотальное уничтожение биоразнообразия. Происходит исчезновение местных пород животных, исчезновение местных сортов растений. Появляются некие крупные игроки, которые начинают снабжать рынки своим племенным скотом и своими семенами … всегда хотелось, чтобы эффект вот этого действия предпринимательского – он ощущался как бы так, не так, как это принято в бизнесе с точки зрения как-то денег в первую очередь, а с точки зрения того, что смотришь: ой, мир изменился в лучшую сторону, здорово. Может быть, это мирок маленький даже какой-то деревни отдельно взятой» (https://retailer.ru/fermerskie-rynki-jeto-vrane-na-vran/).

Механизмы новой экономики пока только нащупываются в виде разнообразных моделей по вовлечению местных мелких производителей во взаимовыгодный обмен товаров и услуг: «Фермеры поставили нам продукты в долг, а покупатели положили эти деньги на специальный счет и сейчас совершают покупки с 20% скидкой. Зачем нам банки вообще нужны? Да-да, изначально мы хотели создать не просто магазин, а сообщество людей, которые общаются виртуально и реально. Сейчас с нами работает более 150 фермеров – для кого-то это основной канал сбыта, для кого-то – незначительная часть продаж» (Там же). При этом, идеологи нового крестьянства отдают себе отчет о нереальности вытеснения

крупных агрохолдингов мелкими производителями, но уверены, что часть рынка будет освоена именно последними, причем, это задача не только экономическая: «Мне кажется, что как бы новый крестьянин, современный – это не обязательно тот человек, который прямо вот завел какую-то скотину или огород, для того чтобы жить этим в смысле зарабатывания денег. То есть, может быть, он завел просто потому, что он кормит себя, или это его хобби, или что-то еще. В любом случае это способ коммуникации, способ общения его как раз с этой землей. Он как бы прирастает к земле. В этом смысле чем больше крестьян, т.е. людей, которые какую-то часть своей жизни уделяют какой-то, условно, крестьянской жизни, крестьянскому какому-то быту, пусть 10% времени, а не 100%, тем больше, что ли, человечности будет вокруг. Потому что вот это прирастание к земле – оно дает возможность расти и духовно тоже… с точки зрения фермерской миссии важно не увеличение поголовья скота, а вот именно разведение самих крестьян, грубо говоря» (*Акимов, Степанов* 2022: 149).

Даже беглый анализ экономических параметров существования рассмотренных нами экопоселений показывает, что полностью самодостаточны не более 10–15% хозяйств. В основном это те, которыми руководят люди, которые имеют биологическое образование и опыт работы на селе. Для остальных – это занятие любимым делом и возможность обеспечить себя определенными видами продуктов животноводства и растениеводства, будучи уверенным в их качестве. Также популярны селекционная деятельность, эксперименты по внедрению перма-культуры (отказ от перекапывания\вспахивания почвы, полива, внесения удобрений) и других агротехнических нововведений (высокие грядки Хольцмана, создание самодостаточных, работающих почти без участия человека экосистем и т.д.), проведение натурных мастер-классов для желающих, продажа эксклюзивных продуктов в экологические рестораны и кафе. «*У меня уклон на создание коллекционной среды, сожительства очень биоразнообразных растений и возвышенностей, и пологостей, и прудов…идут эксперименты коллекционные, там и орехи, там и дальневосточники, красивые, и декоративные, и питомник. Подход бионический»* (ПМА: С.).

В то же время, и сами жители экопоселений и идеологи движения видят за этим более важные процессы обретения навыков ответственного земледелия и создания устойчивых сообществ, привязанных к земле: *«Мы возрождаем древнюю, как сказать, мне кажется, модель*

освоения. Мы ближе похожи на тех первопроходцев тех земель, которые русские постепенно осваивали. Поэтому мы больше вот к этому подходим. У нас совершенно своя должна быть освоительная модель…Мы себя ощущаем некими творцами, естественно, когда земля перед нами. Ты не просто пришел к ней, как доильщик, из нее там, вот, начну сейчас землю эксплуатировать и делать. А здесь какой-то другой подход, больше, может, философский, мозговой» (Там же). В дальнейшем предполагается, что мелкие предприниматели на селе и в мелких городах путем взаимовыгодного обмена создают сообщество людей, связанных именно с конкретным данным местом, где остаются и все налоги и все полученные деньги, которые затем вкладываются в развитие этой территории, которую они рассматривают как «свою».

Подобным представлениям находятся и экономические обоснования: «Исследование сельских муниципалитетов РФ, проведенное АНО «Большая земля» в 2020 г., выявило несколько парадоксов. Например: есть общепринятый взгляд, что крупные инвестиционные проекты улучшают экономические показатели территории и повышают уровень жизни населения, – это не так. На «больших данных» от Сбера и МТС о движении денежных средств между счетами физических и юридических лиц было установлено, что реальные доходы жителей удаленных сельских районов, где нет крупного и среднего бизнеса, выше, чем в районах, тесно связанных с большими городами и инвестициями. Почему? Да просто – малый бизнес не выводит деньги за пределы территории, он «местный» от макушки до пяток, от первого рубля до последней копейки» (*Акимов, Степанов* 2022: 189).

Одновременно, поскольку люди знакомы друг с другом и представляют характер взаимосвязей с местным сообществом, они больше доверяют друг другу. «*Будущее за честностью и за очень честными отношениями между клиентом и агентством. Будущее за принципами работы, когда все стороны работают на то, чтобы совместно развивать проект и совместно развиваться таким образом*», - считает хозяйка рекламного агентства, живущая теперь в деревне (ПМА:О.). Подобные взаимоотношения характерны для сообщества примерно в 250 человек, живущих в небольшом городе Ярославской области и близлежащих деревнях. Приходилось не раз наблюдать их практические взаимодействия в виде коллективной помощи участникам сообщества, попавшим в трудную ситуацию, строительства дорог, очистки замусоренных территорий, организации бартерных поставок продуктов в свою

школу, рестораны и кафе, кооперацию для совместного безвозмездного труда по восстановлению фасадов старинных домов, расположенных на главной улице города.

Последняя активность стала мощным фактором по включению в деятельность сообщества местных жителей, которые в первые годы не верили в бескорыстные цели «реставраторов-волонтеров», но позже, убедившись в этом, включились не только в реставрацию, но и в другие инициативы сообщества «*Мы изменили местных людей, они стали участвовать в наших акциях. Мы их заставили поверить в реальность и эффективность объединений*» (ПМА: Л.). Так, постепенно формируются очертания модели будущей «экономики заботы» которая остается экономикой, т.е. ориентирована на извлечение прибыли, но предполагает, что часть прибыли, произведенных продуктов, времени производителей пойдет на общие цели: «Главным становится не эффективность инвестиций, а комплексные многовекторные цели экономической деятельности, которая должна преображать непосредственно окружающий тебя мир, мир твоей семьи, твоей деревни, твоего города. Возникающая экономическая реальность описывается индексами человеческого капитала, социокультурного ландшафта» (*Акимов, Степанов* 2022: 53).

Проекты, реализуемые сегодня в малых сообществах в России, «стоят в одном ряду с передовыми экономическими идеями о корпоративной распределенной собственности – это шеринг, коливинг, нонпрофит организейшн. Они дают представление о том, как должна быть реформирована мировая экономика, чтобы выйти из кризиса, к которому ее привела классическая либерально-демократическая модель цивилизации» (Там же). На счету «экономики заботы» становление нескольких совместных предприятий из числа участников сообщества, отремонтированная за счет участия коллег дорога к деревенскому ресторану, очищенная храмовая территория, бартерное обеспечение продовольственных потребностей собственной школы, семь отреставрированных фасадов старинных домов и все это без копейки денег от государства или крупных бизнес-структур.

В момент подготовки статьи критика потребительской экономики прозвучала из уст Г. Грефа, который считается ярым сторонником либерального развития России. 22 ноября 2024 г. на второй конференции Банка России «Фокус на клиента» он сказал: «Потребительская экономика, которая направлена на то, чтобы любыми путями как можно больше заработать на клиенте, себя исчерпала. Будущее за человекоцентричными компаниями» (https://www.banki.ru/news/lenta/?id=11008773).

По словам Грефа, Сбербанк будет готов к этому через 10 лет. Ну а мелкие производители из маленького города Ярославской области, похоже, дальше продвинулись на пути к этому будущему.

Контуры саморегуляции общества будущего. Будущее страны и общества невозможно представить без определенных правил общежития, социальных норм и ценностей, инструментов социального контроля и т.д. В живущих уже сегодня по своим правилам сообществах формируются, корректируются, совершенствуются различные модели будущего управления.

Яснее всего они у сообщества, построенного вокруг собственной школы. Все участники сообщества живут постоянно вместе, выезжая только на работу или за продуктами, культурными или медицинскими услугами, поэтому они разработали определенные правила совместного общежития, которые сконцентрированы в Уставе, который периодически обновляется. Правила, эти, впрочем, достаточно просты и исходят из приоритета индивидуальных прав отдельных семей (их сегодня в поселении около 20), которые объединяют свои возможности во имя совместного комфортного проживания.

Все вопросы, касающиеся жизни сообщества, решаются на общем сходе, во время которого формируются временные (на полгода) органы, ответственные за те или иные стороны повседневных забот: обслуживание зданий, электрических коммуникаций, дорог, закупки продуктов для школьной столовой, инвентаря для игр и т.д.). Существует общий фонд, который пополняется не только деньгами, но и трудом. К примеру, можно сдать деньги на очистку территории или рубку дров, а можно выполнять определенный участок работ самостоятельно.

В сообществе не приветствуется алкоголь и курение. Это не запрещено, но публичная демонстрация порицается. Регулярно проводятся общественные мероприятия в специально построенном общем доме, средства на которые также собираются «всем миром». По мнению одного из активистов, юриста по профессии: *«Я считаю, что это идеальное мироустройство для тех, кому это, кто разделяет такие принципы, и кому это по душе. Ну, т.е. это модель с точки зрения, наверное, саморазвития, она самодостаточна. Не в продуктах, которые мы сами внутри себя производим, а самодостаточность в тех принципах, по которому мы построены и по которому мы живем. Мы все индивидуальны, и мы все приехали со своими личными целями, в которых было что-то общее, совпадающее у всех: строить школу и жить на природе.*

И мы строим школу, и для нас это как бы считается вот градообразующее предприятие, но не с точки зрения дохода, а с точки зрения объединения нас. Эта модель может развиваться, может быть использована. Она не идет вразрез и не противоречит, и не является конкурентной государственным моделям. И я не думаю, что она подойдет всем. Но, я думаю, определенному кругу лиц, а дальше-то будет все больше, она бы подошла» (ПМА: А.).

Сообщество постоянно является объектом всевозможных проверок со стороны районных властей: санитарных, пожарных, потребнадзора и т.д., взаимоотношения с которыми за последнее время улучшились: «*Местные проверяющие, может, даже завидуют нам, что мы решились жить, так как хотим. Мы не требуем от них дорог (сами построили и чистим)*» (Там же). Представления об органах управления в будущем ограничиваются самоуправлением собственного сообщества: *«На верхнем уровне (власти), пусть будет так как есть – области, края и т.д. но на местном уровне местные администрации могли бы давать землю, убедившись, что мы берем ее не для перепродажи. За 30 лет наигрались, эти выборы… – это нам не заходит, т.к. ничего не зависит от конкретного лица избираемого, ведь есть общий курс. В целом я за нынешний курс, голосовал за него» (*Там же).

До сих пор не все земли, на которых расположено сообщество, оформлены в его собственность, и до 2022 г. местные власти не спешили с этим *«но после 22-го года нам прямо сказали, ребят, все изменилось, давайте свои документы, будем делать как надо. Мы не знаем, что у них произошло. Но у нас было так»* (Там же). Трудно сказать, что повлияло, то ли жители сообщества выдержали определенный временной ценз (девять лет, без происшествий и конфликтов), то ли власти стали более заинтересованы в укоренении местных сообществ на земле, то ли захотели способствовать доверию к власти и внутренней консолидации в обществе, но этот факт положительно повлиял на общественно-политические настроения внутри сообщества.

Иным путем идут жители экопоселения в Московской области, поскольку не все они постоянно живут в своих домах на земле и не имеют возможности регулярно запросто общаться между собой. Они начали с традиционной системы общего собрания и выборов, как в обычном СНТ, но постоянно совершенствуют этот механизм: *«Да, у нас все настроено на учет интересов друг друга. Мы как бы и учились, и учимся, и продолжаем учиться. Вся территория, часть общих территорий*

есть, управляем их назначением, управляем их размещением. Возможно, уже там, не знаю, удавалось, когда капитализация земельки начинает идти вверх, какая-то часть земельных топов, никому не принадлежащих, уже определенную цену имеет и выставляется на общий анализ» (ПМА: С.). Не обходится без конфликтов интересов и споров, как и в предыдущем поселении, но в итоге до сих пор все решалось мирно внутри сообщества без привлечения внешних акторов правового поля.

Совет сообщества внимательно следит за развитиемы федерального законодательства в этой сфере и принимает участие в обсуждении вопросов на различных площадках, начиная от Госдумы и Минсельхоз развития, на общественных форумах в других регионах, куда активисты ездят для обмена опытом: «*Теперь вместо СНТ будет КРТ (комплексное развитие территорий), и вопрос рассматривается на государственном уровне с точки зрения продовольственной безопасности, т.е. самообеспечения людей, живущих на земле. Это большой прогресс за 2 года. Раньше КРТ не рассматривались, а теперь есть проекты с государственной поддержкой экспериментальные, например, в Дмитрове. Государство – это безопасность прежде всего, и в эту сферу мы не идем. Наше поселение это не про сельхозавтономность, а про гектар и жизнь на природе. Биоразнообразие – можно создать на этой площади в 1 гектар. Монокультуры истощают землю. Но Минсельхоз Московской области постепенно отходит от этого подхода, и мы с ними в этом совместно работаем. В этом наша миссия. Будущее я вижу в развитии форм общих собраний согласно закону 217 о садоводческих товариществах. Есть и второй вариант – анархический. Я думаю, многие поэтому и убежали из города, чтобы быть свободными в системе управления, но есть минус – анархия долго не работает, сиюминутные вопросы они закрывают, но потом начинаются конфликты. Ну а нынешняя система государственного управления – она не плоха. У некоторых есть иллюзия, что устав поселения будет главенствовать над законами федеральными, это не так, т.к. совесть у людей засыпает, как только они вступают в коллектив. Есть федеральный закон, он это должен регулировать»* (ПМА: К.).

То есть, в будущем будут развиваться различные формы частно-государственного партнерства, направленные ко взаимной выгоде. Уже сегодня сельские администрации приветствуют развитые в агротехническом отношении поселения, поскольку они культивируют земли, что

позволяет местным властям отчитываться за введение в оборот ранее пустующих и деградирующих территорий.

Вполне осязаемые и приземленные даже формы развития управления сообществом не мешают некоторым его членам рассуждать о других вариантах. Есть мнение о замене правительств и администраций искусственным интеллектом, который будет агрегировать баланс социальных баллов у каждого человека и повышать его социальный рейтинг и соответственно возможности потребления общественных благ. Это, по мнению сторонников такой идеи, поможет избежать корыстолюбия людей в системе управления и обеспечить прямую демократию: «*Благодаря определенным мобильным приложениям, участвуя в них, как бы человек сможет поставить свой голос, написать свой комментарий, написать свою идею, и к нему прислушается искусственный интеллект, и это все будет так работать, это в будущем так будет. И по сути, т.е. каждый гражданин, он и есть власть. Вот оно именно конкретно у этих людей, оно в голове, это будущее есть. То есть мы можем себе позволять свободно фантазировать, энергию туда запускать в эти фантазии. А люди ведь в городе это себе позволить вообще не могут»* (ПМА: С.). Тот факт, что во многом уход на землю и вызван как раз стремлением избежать всякого ранжирования, некоторых членов экопоселения не смущает.

Еще один вариант самоуправления реализуется в сообществе людей, объединяющих свои усилия вокруг развития небольшого города в Ярославской области и деревень вокруг него. Здесь нет вообще никаких представительных и исполнительных органов и люди обмениваются своими ресурсами и запросами, обсуждают совместные инициативы через социальные сети. Возможно, полагают активисты, в дальнейшем это будет общественное объединение без образования юридического лица. Такая организационная неопределенность не мешает сообществу реализовывать свои начинания, о которых говорилось выше. То есть форма соучастия выбирается в ответ на конкретный запрос и зависит от задач, которые необходимо решать: от помощи тем, кто пострадал от форсмажорных обстоятельств до организации новых услуг и продуктов на основе объединения ресурсов друг друга: экскурсовод и хозяйка сельского кафе узнали через сообщество друг о друге и организовали гастротуры, фермер поставляет продукты школе в обмен на бесплатное обучение детей и т.д. *« Наше сообщество – это социальный рентген, который просвечивает общество и высвечивает инициативы, которые исходят из*

того, в чем у человека есть потребность, и это все кипит и образуются малые группы и новые проекты» (ПМА: Б.).

Местные власти как минимум не мешают, т.к. видят созидательное начало людей, живущих и работающих в этом конкретном месте: «За два года пандемии сформировалось гражданское общество, и государство вынуждено встраиваться, т.к. ему нужна точка опоры» (*Акимов, Степанов* 2022: 55). В свою очередь, члены сообщества ожидают от местных властей, чтобы они были местными не только по месту работы «здесь и сейчас», но и по происхождению и вовлеченности в развитие конкретных территорий. «*Идеально, если представители власти входят в сообщество, это рождает громадные возможности, посмотрите, какие мощные преобразования произошли от такого сотрудничества в маленьком Муслюмовском районе Татарстана* (подробнее см. *Акимов, Степанов* 2022: 93–113). *Процветающее государство может состоять только из процветающих муниципалитетов-земств. Возможно, в будущем вся земля покроется сетью микросообществ. Нельзя доверять управление собой человеку, которого не знаешь, а он не знает этой земли. Поэтому будущее – это не про политику и выборы*» (ПМА: Б.).

Некоторые члены сообщества собираются активнее участвовать в совместной с властями деятельности по улучшению экологической ситуации, т.к. понимают, что без больших ресурсов что-то изменить невозможно, но выступают не просителями помощи от государства, а партнерами с собственными проектами и компетенциями: «*Я прошла тестирование на получение статуса общественного инспектора в области охраны окружающей среды. Это будет мой вклад в дело экспертизы и новых проектов в этой сфере*» (ПМА: О.).

Будущее культурное многообразие. Чаще всего сообщества и экопоселения свободны от общей идеологии, за исключением самых общих экологических принципов и стремления заботиться о земле, на которой живут. Это же касается и религии: «*Религия – это один из клубов по интересам – у нас нет этого*» (ПМА: С.). «*Хочется даже оторваться, в принципе, от каких-либо критериев, каким человеку быть по вере. Мне бы хотелось, чтобы этого вообще не возникало, потому что априори люди развиты настолько, чтобы, в принципе, быть хорошими, независимо от того, в какой они вере»* (ПМА: О.).

При этом многие члены экопоселений декларируют свою приверженность к традициям православия, даже старообрядчества, считают

это важным фактором правильной жизни и сейчас и в будущем, но церквей и часовен прямо на территории поселений видеть не приходилось, поскольку другие люди, живущие рядом, могут быть индифферентны к религии. Впрочем, некоторые нерелигиозные люди готовы допустить распространение христианства в качестве вынужденной, временной меры: «*понятно, что насаждение христианства, возможно, на данном этапе и хорошая идея, но это затыкание дыр, понимаете. То есть, поскольку ценностных ориентиров на данный момент нет, они не сформированы в силу многих обстоятельств геополитических и многого всего» (*ПМА: О.).

Вопрос о культурном и религиозном разнообразии будущего заставал наших собеседников врасплох, поскольку в своем деятельном настоящем они редко видят проблемы, исходящие от несовпадения культурных и религиозных норм и привычек. Живя среди людей, в основном референтных к русской православной или светской культуре, они имеют лишь утопически-гуманистические представления о взаимодействии с людьми другой культуры: «*человек только что вышел, допустим, из мечети, а рядом проходит человек, допустим, русский, я с длинной косой там, да? Он не будет же меня плечом толкать, у нас есть межчеловеческие взаимоотношения, понимаете? И я на него тоже посмотрю таким светлым, прозрачным взглядом. Увижу в нем хорошие черты там тоже какие-то. У нас только на этом все строится. У нас никто друг другу не кидает в глаза принадлежность к какому-то клубу, в котором он участвует»* (ПМА: С.).

Некоторые члены поселений говорили о периодическом привлечении рабочей силы из числа выходцев из Центральной Азии и взаимодействии с фермерами мусульманами, разводящими скот для халяльного питания, но эти разовые, нерегулярные контакты не порождают каких-либо устойчивых представлений и принципов культурного разнообразия будущей России.

Роль России в мире. Несмотря на то, что большая часть наблюдений и все интервью были сделаны после начала СВО, т.е. в период, который часто характеризуют как сложный для страны, связанный с возникновением новых внешне- и внутриполитических вызовов, все участники исследования и жители наблюдаемых сообществ наполнены социальным оптимизмом и ощущением, что они живут в лучшем для себя месте на земле: «*история России, она слишком богата для того, чтобы никак не отражаться на уровне генетической памяти и притяжения. Моего уровня мозга не хватает на то, чтобы это объяснить. Но у меня нет даже*

мысли о том, чтобы жить где-то в другом месте. Просто ее нет и все», – говорит женщина, переехавшая в деревню около древнего туристического городка в Ярославской области самостоятельно, вне сообщества (ПМА: О.).

Об особой роли России говорит многодетный отец, переехавший в поселение, возникшее вокруг собственной школы в Тульской области: *«Особую роль России нам диктует ее многотысячная история. И от этого мы уже никуда не уйдем. И это наше как право, так и обязанность. Так думать, считать и здесь находиться. Ну вот мы так родились, мы от этой яблони упали, и эту яблоню нам нужно дальше растить. Это то, что нужно не только нам, это то, что нужно детям в России. Для того, чтобы сделать созидателей. Как-то еще разве можно вырасти?»* (ПМА: А.).

Интересно, что люди, обосновывающие особую роль России в мире и в своей жизни ее историей, ориентированы в своей деятельности не на реставрацию прежней России, а на развитие новых социальных институтов, которых ранее не было. «Если бы мне 4 года назад сказали, что с России начнется возрождение мира, это утверждение показалось бы мне плоским и безосновательным. А сейчас я знаю, что так и будет. Как именно это будет, не всегда понятно и очевидно, но путь открылся, и движение пошло» (*Акимов, Степанов* 2022: 59). Возможно, это связано с тем, что люди все больше понимают, что «так, как раньше» в новых условиях больше не будет: «*я на самом деле вижу, как раз-таки, что сейчас очень интересное время. Очень интересное время, потому что появляется все больше и больше людей осознанных. Сейчас огромные просто возможности для личностного развития и для любого, собственно говоря, интеллектуального развития. Все это настолько открыто, что я вот, честно, я даже не всегда успеваю спать, потому что все интересно»* (ПМА: О.).

Можно понять энтузиазм жителей России, вовлеченных сейчас в работу по созданию тех сторон своего будущего, которые оказались им близки в силу особенностей личного опыта: развитие альтернативных образовательных платформ, «горизонтальной экономики» попечителей-владельцев старых домов. Они чувствуют свою сопричастность к земле, на которой росли поколения их предков, и они, поездив вдоволь по миру, решили вернуться «к себе». Но в числе новых крестьян, переехавших в пределах России, есть и немало граждан других стран, ставших жителями сельской глубинки в Ярославской области, не имея никаких корней в России. Они приехали из

Германии, Дании, Швейцарии, США, Франции и нашли себя и свое дело в России. В часто цитируемой нами книге, написанной участниками сообщества в Ярославской области «Россия 2062», есть несколько интервью с такими людьми, которых по наблюдению автора примерно семей 20 из 250 участников (*Акимов, Степанов* 2022: 327–362).

В числе наших собеседников также была одна из переселившихся в Россию людей, открывших для себя здесь перспективы личного и профессионального развития. Она приехала из Германии шесть лет назад и основала придорожный экокемпинг в деревне около трассы Москва-Холмогоры за 100 км от Ярославля. Свою миссию они вместе с партнершей (также из Германии) видели в создании недорого (1000 рублей в сутки) путевого пристанища для людей в живописном месте, «т.к. в гостиницу меньше, чем за 3000 рублей не поселишься». Место стало популярным, туда стали приезжать специально провести время и полюбоваться на виды, а не только останавливались по пути. После начала СВО они с партнершей уехали домой в Германию, но уже к лету 2022 г. наша собеседница вернулась к своим «*вагончикам и туманам над рекой*», объяснив автору тогда свое желание невозможностью «*жить дома, т.к. там все сложно и зарегламентировано*». В России, по ее словам, «*тоже все сложно и непонятно поначалу, но постепенно начинаешь разбираться и все решаешь*» (ПМА: Г.).

К осени 2024 г. она продала свой экокемпинг, «т.к. сложно одной без партнера», живет в своем доме в деревне недалеко от трассы и занимается консультированием по оптимизации групповой работы в крупных компаниях по всей России, проводя тренинги (очно и заочно) по всей России. Этим она занималась и в Германии, но теперь, после освоения русского языка, это ей интереснее делать в России. Почему именно здесь, «*потому, что здесь легче, здесь люди больше хотят узнать и сделать нового, с ними приятнее общаться*» (ПМА: Г.).

С этим перекликаются слова нынешнего деревенского жителя Ярославщины из Швейцарии, ставшего старовером, казаком и органик-пасечником: «Швейцария прекрасна: там повсюду Альпы перед глазами. Но это как жить в маленькой комнате. Это тоже может быть очень красиво, но не развернешься. А в России пространство открытое – видишь далеко. Для меня просторы и масштабы крайне важны. Это ощущение свободы все объясняет!» (*Акимов, Степанов* 2022: 330).

Можно поспорить с подобной объяснительной моделью, но об энергии *пустоты* как пространства, свободного от конкуренции и поэтому пробуждающего к действию и развитию, нам не раз приходилось слышать от наших собеседников.

Ресурсы построения будущего(щей) России

Описывая представления о будущем людей, которые уже сегодня активно участвуют в формировании его очертаний, мы не раз встречались с упоминанием ресурсов, которые, по их мнению, будут определять мотивы, желания, энергию грядущих преобразований, т.е. волю, которая превратит общие образы в программу каждодневных усилий и создаст механизм поддержания этих усилий на нужном уровне. О свободном пространстве, т.е. наличии в России сфер и областей, не включенных в процессы скрупулезной регламентации и стимулирующих поэтому намерения людей приступить к их преобразованию, мы уже упоминали чуть выше.

Как именно формируется желание «делать будущее» видно из цитаты одной из наших собеседниц: *«как влага пропитывает почву, примерно так же это происходит. Совершенно естественным путем, люди, которым я про это* (экопоселения) *рассказываю, они узнают с интересом, и видно, что в них эта ячейка есть, этот файл есть в каждом. Но уж как они потом там возьмут, земли у нас много в России, да, это уж, понимаете, это как сложится жизнь, но самое же главное, с мыслями начать. Вот мы создаем тот образ, который в голове, и так уже есть, понимаете. А мы только даем возможность этому происходить»* (ПМА: С.). Об этом говорили многие участники исследования: естественно присущее человеку созидательное начало активизируется, как только он видит возможное поле деятельности, вне сковывающих его до того рамок прежних жизненных укладов.

За последние несколько лет были серьезные поводы для разрушения прежних «рамок нормальности»: пандемия, ограничения на перемещения, СВО, ограничение использования для работы и отдыха пространств вне России, непосредственные угрозы безопасности проживания в больших городах и т.д. Все это ставит людей перед необходимостью искать новые горизонты деятельности, новые сферы самореализации, новые способы комфортизации жизни свой семьи вне сформировавшихся угроз: быть ближе к самообеспечению продуктами питания, рекреационными и образовательными услугами, жить вне крупных городов, быть включенными в сообщества действенной взаимопомощи.

Это пробуждает дремавшие ранее способности: *«сейчас мы пришли к тому, что люди сами себя включают. Мы говорим, ребят, есть возможность не всем активно участвовать в обеспечении сообщества: кто-то может просто быть потребителем и наблюдать это сверху, ну сбоку. Они такие, не-не-не, ребят, мы хотим быть в деле. Мы хотим сами это созидать. И это потребность у большинства людей, которые к нам приезжают. И получается, это, скорее всего, потребность, которая у нас, когда объективно продиктована и ее надо реализовывать. Поэтому через такую модель мы видим, что она востребована и будет востребована и нужна для того, чтобы человек жил более полноценной жизнью. В т.ч. и через взаимодействие с детьми, взаимодействие с другими взрослыми, с работой какой-то, которая тут на месте, на земле нужна*» (ПМА: А.).

Это желание совместных действий порождает и экономическую устойчивость новых сообществ: «*Важный момент в развитии местного сообщества – потребление местных товаров и услуг. Члены сообщества покупают у соседей и своим покупателям рассказывают о других членах сообщества, тем самым продвигая друг друга. Один делает сыр, другой – кровать, третий компьютеры ремонтирует, четвертый шьет одежду, кто-то дом сдает, кто-то баню. Люди друг друга узнают и начинают друг у друга покупать товары и услуги. Значит, деньги остаются на одной территории. Это – основа местной экономики, а не инвесторы и не налоговые реформы, все это вторично. Экономическое взаимодействие тысяч небольших, даже микробизнесов, начатых теми, кто здесь живет и никуда не собирается уезжать, – вот ключ к успеху»* (ПМА: Б).

Одновременно, человек чувствует себя счастливым, т.к. он испытывает удовлетворение не от достижения какого-то пока недоступного уровня потребления, т.е. потом, но уже здесь и сейчас, потому что видит плоды своих трудов сразу. *«Ты счастливый от того, что ты находишься на своем месте и в любой точке этой шкалы развития тебе уже хорошо. Энергия местных сообществ – это полезное ископаемое, сильнее, чем нефть и газ. Причем, лежит ближе к поверхности. Происходит сейчас взрывной рост источников этой энергии, особенно если районные власти являются частью этого сообщества»* (Там же). С этим согласны и другие участники исследования, которые наблюдают вокруг себя «все более увлеченных и осознанных людей. Сейчас мы на уровне «объединяй и царствуй» (*Акимов, Степанов* 2022: 62).

Отсюда рождаются утверждения «*Мы хотим жить в России, где местные сообщества, состоящие из творческих и предприимчивых людей, будут брать на себя ответственность за землю. Тогда забудут о патернализме, и каждый начнет менять страну к лучшему – со своего подъезда и своей улицы. Крепкое местное сообщество должно быть основано на любви к малой родине. А другая сторона любви – ответственность. Любим – значит несем ответственность*» (ПМА: Б.). Или появляются даже еще более масштабные высказывания: «у России сейчас есть шанс встать на путь создания общества, цель которого – раскрытие творческих возможностей человека на своей земле, гармонизация всего, что его окружает. Именно такая Россия будущего, может предложить своим жителям, да и жителям всего мира свой собственный новый путь, путь гармонии и заботы» (*Акимов, Степанов* 2022: 149).

Задорный пафос подобных утверждений может вызвать улыбку, но рост спроса на загородные дома, увеличение числа заведений, связанных с досугом людей вне крупных городов, наблюдаемые в масштабах даже одного небольшого города, заставляют предположить, что некоторые основания для таких настроений имеются. Мы рассмотрели лишь несколько сообществ в трех областях страны, но ничто не препятствует развитию подобных тенденций и в других регионах. Как бы то ни было, но в современной России существует определенная категория людей, которая не только озабочена будущим своей семьи, деревни, города, страны, но имеет более-менее намеченную программу действий по созданию этого будущего, как оно видится сквозь призму своего социального горизонта.

Особенно важен тот факт, что эти *образы будущего являются не плодом хоть и плодотворных, но кабинетных размышлений, но рождены реальным опытом нескольких поколений людей, желавших идти по пути освоения новых возможностей развития, альтернативных тем, которые выбирало большинство жителей страны.* Сегодняшние экопоселенцы или переехавшие в небольшие города бывшие жители мегаполисов могут восприниматься нами как последователи или наследники тех, кто уходил в деревни или длительные туристические походы, спасаясь от чрезмерного контроля советской эпохи. Но это наши современники, живущие в мире современных вызовов и информационных потоков.

Их желание строить свой мир по-иному – это не стремление создать какую-то герметичную конструкцию, закрытую от угроз и соблазнов сегодняшней российской действительности. Нет, это часть наших повседневных забот, устремлений, направленных на изменение жизни в России «здесь и сейчас», но имеющих несколько более расширенный горизонт планирования и видения одной из перспектив развития страны в целом. Кто знает, какой из проектов развития будущей России окажется наиболее востребованным. Возможно, их будет несколько. А тот факт, что люди оказавшиеся в фокусе исследования в данной главе, имеют опыт формирования осязаемых уже сегодня представлений по поводу собственного завтра и источники воли для их осуществления, делает их опыт ценным для нашего общего будущего.

Источники и материалы

ПМА – Полевые материалы автора (ПМА) Интервью, взятые в Московской, Тульской, Ярославской областях в октябре-ноябре 2024 г. Информанты: С. 1974 г.р., О. 1989 г.р., А. 1988 г.р., К. 1979 г.р., Л. 1989 г.р., Б. 1978 г.р., Г. 1992 г.р.

Акимов, Степанов 2022 – Акимов Б.А., Степанов О.В. Россия 2062. Как нам обустроить страну за 40 лет. М.: АНО Центр «Никея». 2022.

Научная литература

Алексеев и др. 1979 – *Алексеев А.И., Данилова И.А., Зубаревич Н.В., Никулин Е.И.* Современные переселения «город – село» в Нечерноземной зоне РСФСР (опыт изучения на примере Вологодской области) // Вестник Московского университета. Серия «География». 1979. № 1. С. 55–61.

Андреева 2020 – *Андреева Ю.О.* Модели сельской жизни в российских экопоселениях // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 52–69.

Загорулько 2021 – *Загорулько А.В.* Сельское население постсоветского периода в Приморском крае (по материалам исследования 2020 г.) // Труды ИИАЭ ДВО РАН, 2021. Т. 32. С. 132–142.

Задорин и др. 2014 – *Задорин И.В., Мальцева Д.В., Хомякова А.П., Шубин Л.В.* Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. 2014. № 1. С. 64–77.

Карпов 2014 – Карпов А.Е. Феномен поселений родовых поместий как одна из современных форм дезурбанизации (на примере Владимирской области) // V Международная научная конференция «Социальная география, социобиология и социальные науки: моделирование и прогностика процессов развития регионов Ближнего Севера России». 2–4 мая 2014 года. М.: Грифон, 2014. С. 15–21.

Крутов и др. 2024 – *Крутов О.Д.* и др. Новые сельские жители и формы их территориальной организации в Воскресенском округе Нижегородской области // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2024. Т. 79. № 2. С. 66–79.

Крюкова 2022 – *Крюкова Н.В.* «Счастливые люди» // Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России: коллективная монография / отв. ред. О. Ю. Артемова. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 48–52.

Крюкова и др. 2022 – *Крюкова Н.В., Архарова М.А., Коровина Е.Ю.* Мотивы переезда горожан в экопоселения (по материалам пилотажного выезда в Ясногорский район Тульской области) // Вдали от шума городского: антропологи о сельской жизни в России: коллективная монография / отв. ред. О. Ю. Артемова. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 331–345.

Между домом 2016 – Между домом… и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016.

Пискунов 2016 – *Пискунов С.А.* Государственное переселение в сельскую местность нечерноземья РСФСР: вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х годов // Вестник МГПУ «Исторические науки». 2016. № 2 (22). С. 48–55.

Позаненко 2016 – *Позаненко* А.А. Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. 2016. № 25(1). С. 129–153. https://mirros.hse.ru/article/view/4914

Покровский и др. 2019 – *Покровский Н.Е., Николаева У.Г., Демидова Ю.А.* Феноменология «жизненного мира» горожанина во внегородском пространстве Ближнего Севера: дом и доместикация // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 71–80.

Глава 10

МЕДИЙНЫЕ ДИСКУССИИ О БУДУЩЕМ РОССИИ

В.К. Малькова

Общество, прежде всего в лице его интеллектуальной элиты,
вместе с властями формулирует представление о народе,
который живет в государстве и которому принадлежит это государство.

Тишков В.А. Российский народ
и смысл национального самосознания.
ИЭА РАН. М. Наука, 2013. С. 69.

Введение

В конце первой четверти XXI в., в условиях жесткого противостояния России с группировкой западных стран в центре общественного внимания россиян в очередной раз остро встал вопрос о сохранении своей страны и о дальнейшей ее судьбе. Социально активные россияне и многие другие граждане, искренне болеющие за свою Родину, серьезно задумываются о разных сторонах жизни современной России – ее экономическом и научно-техническом суверенитете, нынешнем социально-политическом строе, о власти, судьбе и деятельности российской элиты, об отечественных духовных и материальных ценностях, о воспитании молодого поколения. От общественного внимания не уходят и актуальнейшие темы об истории России, ее значимых персонажах и героях, о народосбережении, о миграционных проблемах и т.д. На многих дискуссионных площадках – серьезных политико-экономических форумах, в научных аудиториях, на разнообразных медийных каналах идет жаркое обсуждение всех этих и других российских проблем. На фоне драматических событий, связанных со специальной военной операцией на Украине (СВО), в условиях жесткого противостояния России и «коллективного Запада», среди публичных обсуждений и споров о важных для страны проблемах проявляется искреннее желание россиян участвовать в судьбе страны, защищать ее, помогать найти оптимальные пути ее развития, рациональнее использовать наши общие богатые ресурсы и ценности. Власть и экспертное сообщество понимают, что гражданская активность россиян – это важнейший социально-политический ресурс развития страны.

В данной главе отражены результаты исследования в рамках проекта «Образы России: проектирование будущего» (2023-2025 гг.), который выполняется в ИЭА РАН под руководством академика РАН В.А. Тишкова. В ней исследуется содержание информационного пространства страны, в частности – распространяемые в нем образы современной России и представления россиян о ее возможном и желаемом будущем. Информация (оценки, мнения, идеи, предложения о жизни в стране), которую получают россияне через свои СМИ, в определенной мере ориентирует людей, способствует формированию их массовых представлений об окружающей действительности, о принятых в нашем обществе социально-политических и духовных ценностях и нравственных нормах и помогает формированию российской идентичности. Из огромного потока медийной информации, зачастую отрывочной и фрагментарной, аудитория узнает многое о России и о народе, стремящемся построить на своей земле мирную и благополучную жизнь. Из сообщений СМИ люди узнают и о том, что Россия в очередной раз вынуждена была вступить в страшное противостояние с мировым злом, с фашизмом и терроризмом, за свой суверенитет, за спасение от насилия своих граждан, за восстановление справедливости, за наше будущее.

В приведенной в качестве примера Табл. 1 показано многообразие новостных и информационно-аналитических передач на российских ТВ-каналах в период проведения СВО (только в течение одной недели, с 29 мая по 4 июня 2023 г.).

Таблица 1. *Количество социально-политических новостных и информационных передач на российских ТВ-каналах в период СВО (по данным ТВ - программы из газеты «Московский комсомолец». М., 2023, 29 мая)*

Каналы ЦТВ:	*Название передачи:*	*Количество выходов передач в эфир в течение недели:*
Первый канал	Информационный канал = 24 Новости = 30 **Куклы наследника Тутти = 3** Время = 7 **Большая игра= 3**	67
Россия 1	Вести = 35 **60 минут= 10** **Кто против = 5** **Вечер с Вл. Соловьевым=5**	55

Каналы ЦТВ:	*Название передачи:*	*Количество выходов передач в эфир в течение недели:*
ТВЦ	События =28 В центре событий = 1 Постскриптум = 1	30
НТВ	Сегодня = 42 Место встречи =5 Своя правда с Ром. Бабаяном = 1	48
5 канал	Известия = 24	24
РЕН ТВ	Новости = 24	24
Канал ЗВЕЗДА	Новости дня = 22 Сегодня утром= 4 Москва – фронту=3 Военные новости = 7 Открытый эфир= 8 Между тем= 4 Здравствуйте товарищи = 1	49
ОТР	Новости = 49 Отражение = 20	69
360 градусов =	Новости Московской обл. = 23 Новости 360 =73 Информационно-аналитическая программа = 10 Соловьев Лайф (круглосуточный канал)	106
МИР	Новости =23	23
ВСЕГО		495

Авторами представляемых образов и идей на многочисленных медиаплощадках являются, условно говоря, «медийные спикеры» – современные интеллектуалы, или «думающие люди», российские «эксперты»[1], среди которых политологи, философы, историки, экономи-

[1] Экспертами обычно называют знающих и опытных в определенных сферах людей. Эксперты в обществе риска представляют собой некую элиту, которая неявным способом влияет на взгляды и жизнь населения. Между экспертами известна проблема разночтения, поскольку, как объясняют исследователи, специализация становится все у́же, а информации, в т.ч. и недостоверной, все больше. Существует и проблема зависимости экспертов от заказчиков и лоббирующих их сил (см.: Экспертная деятельность в сфере гуманитарных наук: сборник материалов международной научно-практической конференции,

сты, военные, журналисты, представители художественной интеллигенции и некоторые другие россияне. Им современные СМИ предоставляют свои трибуны. Именно их высказывания о сегодняшней ситуации в России и мире в аналитических передачах ЦТВ или опубликованные в виде статей в центральных газетах и интернет-блогах положены в основу данной работы. Мы рассматриваем мнения участников общественно-политических передач Центрального ТВ и авторов газетных публикаций, поскольку государственные (полностью или частично) медийные каналы предоставляют им общественную трибуну, где они озвучивают для населения идеи сохранения и защиты своей страны и своего народа, идеи патриотизма (любовь к родине, служение ее интересам в мирные и опасные времена). Эти, в основном государство-ориентированные, источники массовой информации, были выбраны осознанно, поскольку на основе их материалов можно выделить акценты на рассмотрение в обществе актуальных на сегодняшний день для нашей страны проблем и увидеть попытки их решения. Конечно, в стране есть и другие медиа источники, которые распространяют иные идеи, порой противоположные патриотическим взглядам, условно «идеи несогласных». В отдельных случаях мы приводим и их мнения.

«Будем строить новую Россию!»

В течение трех постсоветских десятилетий, несмотря на экономические сложности и некоторую социально-политическую неопределенность, в России вместе с социально-экономическими изменениями происходит и заметное изменение социально-психологического настроя общества. Среди позитивных изменений заметен рост социальной активности граждан, их сплочение для достижения победы нашей страны в СВО и построения новой жизни. В.В. Путин после своего избрания Президентом страны на встрече с доверенными лицами в феврале 2024 г. озвучил курс: «Будем строить новую Россию!» (*Путин* 2024). И этот призыв был с энтузиазмом воспринят российским населением.

Но пока *образ новой будущей России* представляется нашим современникам чем-то неопределенным, неясным и неодинаковым. Даже среди авторитетных экспертов – политологов, философов, экономи-

Санкт-Петербург, 22–23 марта 2019 года / под ред. проф. А.В. Воронцова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 268 с.).

стов, других аналитиков и мыслителей нет четкого видения будущего России. Одни представляют нашу страну капиталистической, другие хотят вернуть ее в социализм или говорят о преобразованном неосоциализме, порой мелькают мысли и о конституционной монархии. Страна видится «думающим людям» как «великая держава», как суверенная, многонародная сплоченная нация, как часть западной цивилизации или как самостоятельная культурно-самобытная евразийская страна-цивилизация. И вдобавок к этим предложениям иногда в общественных дискуссиях звучит понятие «империя», что в сложившихся на просторах бывшего СССР условиях представляется явно провоцирующим высказыванием. Одни авторы обосновывают свои представления географическим фактором, природными богатствами России, другие в основу своих представлений кладут многовековую и неоднозначную историю страны, многонациональную российскую культуру и психологию россиян с их духовно-нравственными ценностями.

И в самом деле, в представлениях о сегодняшней и будущей России, распространенных в общественном пространстве, много разночтений, в которых довольно трудно увидеть общее представление и даже контур страны будущего. Академик В.А. Тишков видит Россию как «национальное государство» и как «нацию-государство» с многоэтничным составом населения в содружестве объединенных наций (*Тишков* 2013: 7). Он задается вопросом: «Что нужно сделать, чтобы Россия «победно шагала по планете» среди зрелых и благополучных национальных государств? Территория, ресурсы, разнообразное и образованное население, культура, оборона, писаный закон и система коммуникаций – все это у России есть. Внешнее признание в качестве суверенного государства у нас есть. Более того, мы среди немногих, кто входит в мировую политическую организацию наций-государств с правом вето. Тогда чего же не хватает? Не хватает, казалось бы, простой вещи – осознания, что мы есть национальное государство и мы есть один народ. Это означает, что не хватает национальной идентичности» (*Тишков* 2014: 21–22).

Рассматривая Россию как *государство-цивилизацию,* некоторые мыслители (А.Г. Дугин) указывают на то, что «… пока и ориентация на традиционные ценности, и провозглашение России государством-цивилизацией, и даже утверждение многополярности – это наши слоганы, это наши лозунги. Это то, чего мы хотим. Это прекрасно. И то же са-

мое – цели СВО. Мы стоим на пути. Но продвинулись мы пока не слишком далеко» (*Дугин* 2024*)*. Продолжая свою мысль, автор далее замечает: «… Представим все-таки, что мы – часть западной цивилизации. Я-то, конечно, против, но наша элита до сих пор, даже на третьем году СВО, ведет себя так, что они как будто именно часть, продолжение Запада, что они – часть либерального мира, что монетаристская система – это единственная форма организации нашей экономики. Однако в таком случае, если Запад падет первым, то мы падем вторыми. В той мере, в которой мы являемся частью Запада …» **(**Там же).

Интересно и еще одно мнение, когда, соглашаясь с тезисом о том, что Россия – это страна-цивилизация, и рассматривая складывающуюся в мире ситуацию, политолог А. Живов замечает: «Можно сказать, что, с точки зрения философии, пока это не борьба отдельной русской цивилизации с Западом – это борьба внутри Запада. Восточная часть единого Запада взбунтовалась против западной из-за неравноправных условий, так сказать, общежития. То есть, идет спор западных стран, в котором Россия тоже является такой же западной страной. Поскольку мы изначально были в этой истории миноритарием, когда от своей большой советской истории отказались, мы еще не можем задавать тон. Мы пока не перевернули эту доску. Доску, на которой идет вся эта большая международная шахматная игра» (*Живов* 2024*)*. Для современных историков, политологов, философов и других специалистов до сих пор остается открытым вопрос о том, «является ли Россия частью Европы?», хотя они рассматривают при этом и физико-географический, и геополитический и историко-культурный факторы (*Мощелков* 2017: 28–29).

Образы сегодняшней и желаемой России обсуждаются как в телевизионных аналитических передачах, так и во множестве печатных публикаций и интернет-блогах. Рассматривая многие российские проблемы, медийные аналитики ищут пути совершенствования нашей жизни, предлагая при этом использовать опыт других стран. В своих размышлениях о судьбе России эксперты нередко сравнивают нас с другими странами, более успешно демонстрирующими свои экономические и социально-политические достижения. Для нас таким примером в некотором смысле может быть Китай. Так, ученые (Ю. Тавровский, С. Глазьев и др.) в одной из статей в газете «Московский комсомолец» отмечают, что желание России повторить китайский успех на

нашей почве вполне понятно. Конечно, – рассуждают они, – базовые условия у нас далеко не одинаковы. У нас нет объединяющей долгосрочной патриотической цели, типа «великого возрождения китайской нации». У России нет массовой политической силы, типа КПК с ее 100 млн членов и с 4 млн ее партийных организаций. У них правящая партия регулирует взаимодействие государственного и частного секторов экономики… Но формулирование «Русской мечты», создание «социализма с российской спецификой» могло бы стать столь же эффективным двигателем прогресса нации (*Тавровский* 2022). Соглашаясь в принципе с такими мыслями, некоторые аналитики предупреждают об осторожности использования Россией чужого опыта, напоминая о нашей самобытности и об особом историческом пути.

Вопрос о месте России в современном мире**,** о ее величии – это вопрос и о ее будущем. И он все активнее обсуждается в общественном пространстве. Об этом свидетельствуют выступления экспертов, посты в интернет-блогах, данные опросов россиян. Так, по данным опроса ВЦИОМ (август 2023 г.), за возрождение статуса *«Россия – супердержава»* выступают 44% россиян. Авторы опросов подчеркивают, что – это вектор развития страны. Конечно, представление о России у всех граждан свое, что связано со многими объективными и субъективными факторами, но общее «суммарное – среднее» впечатление у российских граждан о России позитивно-оптимистичное:

> ***«За последние 20 лет общественное восприятие роли России в мире (Станет ли России Великой державой?) изменилось кардинально.*** *Доля убежденных в ее великодержавности выросла за это время в четыре раза (2003 г. – 12%), а доля пессимистов («скорее всего – не станет») снизилась вдвое (2003 г. – 36%). Таким образом, если в начале 2000-х гг. россияне только ожидали улучшения позиций России в мире («скорее всего, станет» – 40%), то сегодня значительная доля опрошенных уже признает ее высокий статус.* ***Сегодня каждый второй опрошенный считает нашу страну одной из великих держав*** *на международной арене* ***(50%),*** *максимальный прирост показателя пришелся на минувший год. Более четверти наших сограждан полагают, что в ближайшие 15–20 лет Россия скорее станет великой державой (28%), а 17% – что не станет. Более того, как и в*

2022 г., ответ на этот вопрос гораздо меньше, чем когда-либо, вызывает затруднения у россиян» (Страна оптимистов 2023).

По данным этих же опросов россиян, ВЦИОМ делает выводы о том, что Россия – не просто страна оптимистов. Сами граждане хорошо представляют ее долгосрочные перспективы, верят, что у ее высшего руководства есть стратегия развития российского общества, и могут представить, какой будет страна через 5 лет:

> ***«В ответах россиян на вопрос о том, какое будущее ждет Россию в ближайшие 8–10 лет, преобладает позитив.*** *Почти три четверти наших сограждан полагают, что за это время ситуация улучшится (72%), в т.ч. 31% ожидают существенных изменений к лучшему и видят Россию сильным и процветающим государством. С прошлого года доля оптимистов несколько поубавилась (2022 г. – 39%). Каждому пятому близок альтернативный сценарий развития России – 20% ожидают ухудшения ситуации в ближайшей перспективе*» (Там же).

Идея великой России

Одной из важнейших духовных ценностей, скрепляющих народ в единое государственное сообщество, является коллективная *национальная (гражданская) идентичность* или самосознание. Именно национальная идентичность, по убеждениям исследователей, как «общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним, … не менее важны для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты» (*Тишков* 2013: 66). В большой и неоднородной по своему составу России такое явление как согражданство, сообщество «мы – россияне», его идея могут сформироваться и укрепиться не только по факту совместного культурно-исторического прошлого или территориальной общности (хотя эти факторы первостепенны), но и при осознании гражданами своей общей исторической судьбы, общего прошлого, настоящего и совместного будущего. В трудные для страны периоды эта ценность, способствующая сохранению социально-политического и национального единства народа, приобретает особое значение. Это коллективное понимание общности формируется не только временем,

но и при значительном участии всей окружающей нас реальности. При этом очень важна и государственная «политика идентичности» – целенаправленное сплочение и объединение граждан, мобилизация их общественного сознания, активности и патриотизма для решения актуальных задач, включая общественную безопасность и работу государственных и общественных инструментов власти. Бесспорно, что гражданская идентичность в большой степени строится «сверху» (*Тишков* 2013), и объединяющая роль лидеров, руководства страны и социально ответственного экспертного сообщества в этом очень важна. Поэтому формирование позитивных представлений граждан о нашей общей стране, о самих россиянах и о наших общих целях и интересах, о духовных и материальных ценностях – это одно из важных направлений, озвучиваемых в современных государственных документах и общественных медиа каналах.

Долгие десятилетия российские идеологи и официальная пропаганда представляли нашу страну в общественном пространстве как великую, могучую, сильную, непобедимую, красивую, с многочисленными, всемирно известными историческими памятниками, с нашими национальными героями, людьми, культивирующими высокие нравственные принципы. Гимн Российской Федерации – один из официальных государственных символов страны – также характеризует Россию как «священную, любимую, великую», ее россияне «любят и гордятся ею». И это не так уж далеко от реальности. Хотя понятно, что не все граждане безоговорочно согласились бы с этим. Но все же хочется надеяться, что большинство положительных характеристик и особенностей России, воспетых в нашей литературе, кинематографе, песнях и стихах, закрепленных в памяти и в душах россиян, сохранятся в общественном сознании и впредь на многие века.

Образ страны, как известно, включает в себя множество компонентов – ее территорию и границы, природные условия, положение на политической карте мира. В массовом сознании россиян и в современном медийном пространстве наша страна обычно представляется как огромное государство под знакомым для всех названием *«Россия»*, официально и заметно реже – как *«Российская Федерация»,* как *«наша Родина», «Отечество», «Отчизна»* или *«Держава»*. У России немало официальных и полуофициальных названий, с яркими эпитетами и без них, в т.ч. используемых и в наших СМИ. Это: «*Россия»,* «*Великая Россия», «страна», «Отечество», «Великая держава», «вечная Россия»,*

«многонациональная страна», «наша Родина». Это также – «*Москва», «Кремль», «РФ»* и другое. Иногда слово «Россия» дополняется ласковыми (а в некоторых контекстах насмешливыми) словами» – «матушка», «Рассея». В любом случае и политики, и журналисты, чаще других авторов употребляющие эти названия, практически не позволяют себе говорить о стране без уважения. На недружественном сегодня нам Западе Россию порой называют «экономическим карликом», «бензоколонкой, у владельца которой есть атомная бомба» (что также становится известным из отечественных СМИ) (*Баррель* 2023*)*. И это не одобряется нормальными гражданами, которые гордятся своей страной.

Исследование информационного пространства последних лет выявило, что основные характеристики России периода СВО, фрагментарно представленные в выступлениях экспертов и аналитиков на разных медийных каналах, обрисовывают довольно реальный, хотя и неполный облик сегодняшней страны. Отрывочные фрагменты нередко стереотипной, а порой и лозунговой информации, выбранные и объединенные в нашем исследовании в некоторую цельность, кратко и в целом позитивно высвечивают разные грани образа России, некоторые ее характеристики и особенности. Тем не менее, даже из этой фрагментарной информации у читателей, слушателей, зрителей может создаться представление о силе и могуществе России, обладающей огромными природными богатствами, о стране, где на обширной территории веками вместе живут сильные люди разных национальностей с богатой культурой и историей, желающие построить на своей земле мирную и благополучную жизнь. Ежедневные медийные публикации последнего времени напоминают о том, что Россия в XXI в. вынуждена была вступить в страшное противостояние с мировым злом, фашизмом, терроризмом, бесчеловечностью, за свой суверенитет, за спасение своих граждан, за восстановление справедливости.

«Величие страны» – это очень многозначное и не очень определенное ее состояние. В ряде публикаций медийные аналитики пытаются его конкретизировать, схематично акцентируя некоторые его составляющие. Как правило, упоминаются ее основные или базовые характеристики – огромное пространство и природные богатства, многонациональный и многоконфессиональный народ, издавна живущий совместно и имеющий общую историю, великую культуру, общих героев и многие общие духовные ценности. В этих высказываниях кон-

статируется факт нашей сплоченности, единства, подчеркивается польза и важность этого единства и патриотизма для всех россиян, коллективная уверенность в будущих победах. Величие страны обычно подтверждается и ее значимыми экономическими, научными, культурными и спортивными достижениями, подчеркивающими ее особый вклад в развитие всего человеческого общества. Многие из россиян помнят, как радостно, с большим энтузиазмом реагировали в свое время советские люди на крупные достижения наших ученых, космонавтов, как гордились успехами советских людей – строителей, хлеборобов, нашими культурными достижениями, победами в спорте. И эта гордость за свою страну, ее особую роль в мире имела под собой реальные основания. Но и сегодня слова, лозунги и идеи о России, распространяемые в общественном пространстве, становятся привычными ценностными стереотипами для граждан, хотя далеко не все воспринимают их одинаково. Приведем некоторые комплиментарные цитаты из высказываний участников общественно-политических ток-шоу Центрального телевидения (2022–2023 гг.).

> *Россия – наша страна, большая и богатая! // Россия – один из акторов перестройки мира // У страны есть резервы и рычаги, чтобы решить все поставленные задачи // Мы гордимся своей страной, ее успехами и достижениями! // Наша идея – Великая Россия! // Безопасность и благополучие народа – наша цель! // У нас будут большие победы в новом году // Великая нация ставит перед собой трудную задачу. Но не надо расслабляться. У нас третья принципиальная схватка с Западом.*

Идея о возрождении величия России и общественная дискуссия о ней динамична и неоднозначна. И озвучивалась она в информационном пространстве в основном в начальные месяцы СВО, хотя продолжает время от времени отражаться в разных формах в медиа материалах и в последующие периоды. Представления о величии России даже в обществе экспертов пока еще нечеткие. Одни из них задаются вопросом: возвратит ли Россия статус великой державы? Другие сомневаются – почему мы должны быть великой державой? Третьи считают, что Россия, хоть и ослабленная, но и сегодня остается великой. Ниже приведены некоторые идеи о России, прозвучавшие в передачах Центрального российского телевидения в открытых выступлениях и в публикациях представителей российского экспертного сообщества:

Наша идея – Великая Россия! // Россия – наша страна, большая и богатая! //Возвратит ли Россия статус Великой державы? // И сейчас Россия, хоть и ослабленная, но Великая Держава! Хотя «они» не хотят этого // Почему мы должны быть великой державой? Почему мы должны быть суверенными? // Суверенитет – это когда сам себя держишь, как сама Россия // И каждый человек сам себя держит // У страны есть резервы и рычаги, чтобы решить все поставленные задачи // Есть государства, которые ведут внешнюю политику, принося в жертву свое население, свою внутреннюю жизнь – США, Европа. Но не мы // Они хотели переименовать нас в Московию. Тогда они сами будут Подмосковьем. Лицемерие, которое многие не видят // Россия опирается на саму себя. Мы спасаем других и себя. Мы всегда сами себя спасали //Защищать наши ценности. Это Россия может делать! // Право России – быть сильной // Государство меняется, Отечество остается …

Нынешние экспертные критические обзоры и общественные дискуссии текущей российской ситуации в разных областях общественной жизни нацелены на то, чтобы выявить потенциал сегодняшней России, увидеть то, что мешает нашему обществу совершить очередной заметный рывок в развитии, устранить наиболее вопиющие проблемы и осмыслить способы и пути нашего движения вперед, в будущее. Предложений в информационном пространстве на эту тему можно увидеть немало (*Литвиненко* 2022*; Панов* 2024*)*.

Кратко характеризуя нашу страну и ее особость, нельзя не остановиться на теме ее многонациональности. Факт существования единой многонациональной и многоконфессиональной России, как одна из важных ее государствообразующих характеристик, несомненно включается в образ нашей страны. И россияне понимают, что это не просто политическая риторика, а именно содержание и смысл существования и развития России. С разных медийных площадок, особенно в первые месяцы СВО (как, впрочем, и прежде) подчеркивается идея нашего единства и национальной общности, звучат утверждения:

Мы – многонациональная страна, где издавна вместе живут люди разных национальностей и вероисповеданий! // Мы – многонациональное, единое сообщество, уверенное в

нашей победе // У нас – россиян совместное историческое прошлое, общее настоящее и, надеемся, прекрасное будущее! // Наш народ имеет вековые традиции, богатую культуру // У нас общая историческая судьба, язык, культура, эмоциональные и родственные связи // У нас много исторических героев, которых мы почитаем. Много общих праздников, которые отмечаем вместе, много духовных и материальных культурных ценностей, которые нам дороги // Вместе мы чувствуем себя увереннее, защищеннее! // Мы едины, значит – мы непобедимы! //Мы гордимся своей страной, ее успехами и достижениями! // У нас тоже есть проблемы – сепаратизм. И мы этого тоже боимся. И бережем страну…

Российское экспертное сообщество, конечно же, тревожит важный вопрос – как сохранить многовековое содружество российских народов и оптимально использовать его в целях сохранения и развития страны. С одной стороны, многонациональность и единство российского народа – это наша безусловная историческая, политическая, экономическая, этнокультурная и духовная всеобщая ценность. Такая идея, хотя и с некоторыми нюансами, постоянно присутствует в информационном пространстве. Но одновременно единство российских народов – это и фактор уязвимости, который не в первый раз пытаются негативно использовать наши противники, что заметно ощущается в условиях жесткого военного и психологического противостояния России с западным противником. По мнению профессора И. Зевелева, «…Распад Советского Союза не решил для русских “национальный вопрос”, напротив, он его создал». В своей статье «Будущее России: нация или цивилизация? Распад СССР и “русский вопрос”» автор писал: «Под влиянием целого ряда исторических обстоятельств, Россия, поднявшаяся из-под обломков СССР, представляла собой не вполне оформившуюся нацию с удивительно низким уровнем самосознания и без какого бы то ни было массового национального движения. В этом заключалось ее фундаментальное отличие от других бывших республик СССР, в частности от государств Балтии, Армении и Грузии. … На протяжении многих веков в сознании русских так и не сложилось сколько-нибудь отчетливых и исторически обоснованных критериев, позволяющих отличить «нас» от «них». Непонятная ситуация с определением границ русского народа играла роль важнейшего фактора, который

формировал историческое развитие Евразии в течение, как минимум, трех столетий и облегчал задачу строительства гигантской империи. … Отсутствие четких границ между империей и ее русским ядром позволило некоторым аналитикам заключить, что в России не существовало доминирующей этнической группы: все группы, в т.ч. и русские, являлись подданными имперского центра. Этот тезис, который на первый взгляд служит для русских самооправданием, играет чрезвычайно важную роль в их постсоветском сознании» (*Зевелев* 2009).

К этому можно добавить и одно из личных наблюдений автора, когда недавно в кулуарах научной конференции об этносоциальных процессах в современной России представитель одной из республик РФ с обидой заметил: «Почему русский народ у нас называется *государствообразующим*? А другие народы разве не участвовали (-ют) в укреплении, сохранении и защите государства? Разве на протяжении веков многие народы во всех конфликтах вместе с русскими не защищали нашу страну?». И этот вопрос об употребляемых в политической риторике понятиях, связанных с исторической ролью, этническим самосознанием составляющих Россию народов, стоит специалистам еще не раз серьезно проанализировать и обдумать. А один из ответов на вопрос почему русский народ является государствообразующим, можно увидеть, например, в работах этнополитологов, считающих, что вклад русского народа в создание и существование российского государства является определяющим (*Тишков* 2014: 31).

Независимость или суверенитет нашей страны – также одна из важных ценностей современной России и, конечно же, одна из главных сторон ее величия. Поэтому немалое внимание в этой связи уделяется в медиа дискуссиях положению нашей страны в мировой политике, экономике, культуре, спорте. Сегодня, уже третий год, наша страна живет в условиях специальной военной операции, и это сказывается практически на всех сферах жизни, хотя и неодинаково для разных слоев россиян. Аналитики фиксируют факт, что СВО затронула весь мир, что «начался новый этап мировой истории», наступила «эпоха строительства нового мира». Человечество должно осознать это, а россияне, трезво оценивая ситуацию, должны понимать, что этот этап станет для нас реальной борьбой за наше выживание, за будущее государственности России. В этих условиях независимая, свободная Россия должна не просто выстоять против всех враждебных сил, но победить их и построить новый, справедливый мир.

Человечество стоит в преддверии фазового перехода к новому миру. Каким он будет – зависит от России // Россия меняет мир. «Мы свой, мы новый мир построим» // По всему миру идет процесс выхода стран из-под влияния Запада. Под шумок целые регионы уходят от них // Их ценности, их идеология не работают // Мы должны дополнить эти процессы заменой их ценностей своими // Мы вступили в эпоху смены госграниц в Европе. Россия – крупнейшая европейская держава, и она не может не участвовать в этих процессах // Изменение границ в Германии, Польше. Мы исторически ответственны, например, за бывшую Восточную Германию.

Представители экспертного сообщества, осмысливая окружающий мир и судьбу нашей страны, видят ее на пути «мощного движения к возрождению». При этом четкой картины желаемого будущего пока в обществе не сформировано. Но время от времени в дискуссиях звучат идеи о будущем экономически и технически развитом государстве, при этом в разных формах предлагается разработать для обновляющейся России новую экономическую идеологию. Говоря о будущем, интеллектуалы мечтают о «нравственном, справедливом и ответственном обществе», о желаемом прогрессе, о наших традиционных семейных ценностях, их сохранении и защите, о реальных социальных лифтах для молодежи, о развитии многочисленных и мало освоенных российских территорий и о создании «образованного и культурного общества всеобщего благосостояния».

Вместе с этими представлениями о желаемом для страны будущем некоторые эксперты считают, что одно из главных предназначений России в создавшихся условиях – это спасение мира. И напоминают, что Россия делала это уже не раз, спасая себя и других. Подчеркивая мессианский смысл «русской идеи», а точнее, самой России в построении нового многополярного, справедливого мира, они все же объясняют, что Россия не собирается на данный момент устанавливать везде «русский порядок» или уничтожать другие страны. Мы лишь соблюдаем важные принципы и идеи новой системы – равноправие, невмешательство, уважение, разноскоростное развитие.

Идея мессианской роли России и в наши дни рассматривается поразному и далеко не всеми россиянами однозначно поддерживается. Так, анализируя выступление В. Путина на Международном дискуссионном клубе «Валдай» «Справедливая многополярность» (октябрь 2023 г.), в одном из блогов известный политолог С.А. Михеев замечает:

«… Стремление доминировать над всеми, всех осчастливить и заставить жить так, как ты считаешь правильным, приводит в тупик, к поражению. К такому поражению придут и американцы со всем своим стремлением всех заставить жить одинаково». …Мы видим в данном случае, что Россия не пытается осчастливить всех, заставить жить по-своему, а видит мир как мир разных цивилизаций, цивилизационных объединений, которые друг с другом сотрудничают, но при этом желательно не воюют, не конфликтуют, не вторгаются в сферы внимания друг друга.... Конечно, такой мир немножко идеалистичен, но получается, что в этом и есть миссия России, как ее видит президент Путин на данном историческом этапе. Миссии вроде бы нет, но она как бы есть… Думаю, что Россия без миссии жить совершенно не способна. Вернее, способна, но она будет превращаться не в Россию. В любой схеме всегда есть частичка утопии. Но она – более рабочая, чем попытка всех в этом мире построить в линейку, чтобы все думали, говорили и жили одинаково» (*Михеев* 2023).

От обсуждения проблем величия своей страны внимание мыслящих россиян переходит к актуальному для многих времен вопросу: что надо делать? По этому поводу в медийном пространстве России уже накопилось много советов и предложений, связанных с различными сферами нашей жизни.

*Россия – один из акторов перестройки мира // **Мы должны** спасать мир. Это предназначение России // В любых военных союзах Россия спасала себя и других // **Мы обязаны** победить полноценно. От этого зависит и судьба Западного мира // Мы не только выстраиваем новую страну, мы выстраиваем новый мир // Россия на данный момент не претендует на то, чтобы установить везде русский порядок // **Россия не собирается** уничтожать другие страны. Мы видим мир с равными правами // Для нас это борьба за наше выживание, за будущее нашей государственности // Пока мы обсуждаем различия между социализмом и капитализмом, **мы должны** предложить новые пути (*на базе БРИКС?*), а возглавить это **должна Россия // Должна быть** создана новая организация для наших противников! Например, с задачей за-*

щиты детей от гадостей. Это может затронуть многих людей и страны…

Но, чтобы перейти к «светлому будущему», надо многое изменить в настоящем. В российском сообществе, как и во всех других, безусловно имеются и свои немалые проблемы. Одна из них – наша зависимость от Запада, хотя аналитики фиксируют, что идея неполноценности нашей страны по отношению к Западу, которая была долгое время распространена в российском общественном пространстве, постепенно уходит из массового сознания. В настоящее время в стране формируются новые (или реанимируются давние) характеристики образа уверенной в себе мощной России, стремящейся к независимости, справедливости и победе. И в этом формировании нового образа участвуют многие т.н. идеолого-воспитательные структуры страны (общественные и государственные), в т.ч. через образовательные программы в школах и вузах с некоторыми их недавними и неясными пока изменениями, медийные сообщения и комментарии на федеральных телеканалах, ориентирующие граждан не на Запад, как это делалось в течение многих десятилетий, а на российские особенности, ценности и достижения.

В одной из своих публикаций писатель А.А. Проханов, размышляя о будущем, ярко и эмоционально проследил путь России за последние три десятилетия:

«*… Россию сбили в полете. В 1991 г. она рухнула на землю и разбилась. И пропала Россия. Остановилось русское время. Пришел враг-победитель, опоил Россию своим ядовитым пойлом, сделал Россию никчемной, забывшей о своем величии, о своем божественном предназначении. Из России вынимали ее сердце, мозг, ее глаза, ее душу. И казалось, нет больше России, нет больше Грановитой палаты, нет Пушкина и Шолохова, нет русской Волги, русского Урала, русского Байкала, нет больше русской Сибири. … Но вновь ожила молекула русского бессмертия. Из этой молекулы появилось нынешнее Государство Российское. Государство очнулось, воспряло, идет в контратаку, отвоевывает свое место в истории, сбрасывает западное иго, исцеляется от болезней, которыми ее заразил Запад. Вырывает из себя шприцы, которые Запад вкалывал в русские вены, лишал Россию всего, что делало ее русской, вселен-*

ской. Сегодня Россия приходит в себя, становится собой, открывает в своем давнем и недавнем прошлом великие сокровища духа. Возвращает себе то, что именуют традиционными ценностями и что в политической философии зовется консерватизмом. Возвращает мышление, спасающее от разорения драгоценное наследие народов, без которого народы перестают быть народами, а становятся гигантским слипшимся куском пластилина…» (Там же).

Внутренние проблемы России

Постсоветская Россия, ее интеллектуальные силы ищут себя в новых обстоятельствах, понимая смыслы и последствия многих процессов, происходящих в мире и в самой стране. Рассматривая медийные высказывания о России, нельзя не заметить и некоторые сомнения экспертов, их недоумение из-за того, что у нас пока не все получается, как хотелось бы. Проблемы фиксируются не только на линии фронта, о чем идут ежедневные дискуссии в информационном пространстве и на других дискуссионных площадках. По мере дальнейшего развития СВО, выступления экспертов становятся не только позитивными, но тревожными и все более критичными. С телевизионных экранов, в газетных публикациях и особенно в интернете нередко звучат жесткие критические вопросы, слышатся намеки на необходимость перемен и изменений в разных областях жизни, ставятся вопросы о непонятной для многих россиян стратегии действий правительства, Центрального банка и в целом – развития страны, звучат реплики о слабом или недостаточном разъяснении «сверху» сущности и задач нашей страны во внутреннем пространстве.

Одно из критических направлений дискуссий связано с тем, что российское общество, спустя три десятилетия после распада Советского Союза, все еще не совсем смирилось с новым состоянием страны. Вспоминая лучшие моменты советского прошлого, критично подходя к недостаткам прошлой жизни, многие россияне вспоминают этот период жизни нашего государства с добрыми чувствами и даже как некий идеал. Эти мотивы прослеживаются и в медийных дискуссиях:

У нас в генах от Советского Союза осталось очень много хорошего // У нас 50-е и 70-е годы были самыми спокойными и счастливыми // Люди в Советском Союзе не просто хотели

повысить уровень жизни. Это была идея построения рая на Земле. Причем – для всех, прежде всего для тех, кто всю предыдущую историю человечества на видел просвета в жизни // «От развала СССР проиграл весь мир. В советской школе мы мечтали о будущем. Образу будущего тогда уделялось огромное внимание, потому что сам Советский Союз был государством будущего, государством-мечтой, о котором всю историю человечества грезили все философы и освободители. И напротив, на Западе, да и у нас сейчас, будущее представляется исключительно мрачным. И это понятно – с таким настоящим есть все основания его бояться // Мы-то думали, что будущее – это космические корабли и роботы-уборщики улиц, а оказалось, что это несчастные гастарбайтеры с лопатами. Средневековье со смартфонами…» (*Аграновский* 2023).

И все же, несмотря на понятную ностальгию части населения по утраченному «справедливому» обществу в СССР, после паузы в несколько десятилетий, несмотря на скептическое отношение к некоторым реалиям сегодняшней российской действительности, люди понимают, что «*Государство меняется, а Отечество остается»* и надо заботиться о нем – нынешнем.

«*…Мы не знаем, какие сюрпризы готовит время государству, обществу, всей нашей цивилизации в отдаленном и даже ближайшем будущем. О стране-утопии можно мечтать, но реальность другая. Замкнуться? Но тогда растопчут. Наш многонациональный генотип, выработанный веками, он особый. Весь мир на перепутье. Куда идти, что делать?» (Синенко* 2024*).*

Идеи о настоящем и будущем России в последние годы широко обсуждаются и в российской общественно-политической печати. Многие сюжеты связаны не только с тревожащими всех россиян военными действиями, не только с бурными геополитическими событиями, но и с социально-экономическими проблемами в стране. Авторами многих публикаций в прессе также являются известные ученые, деятели культуры, журналисты и реже – высшие чиновники. Во многих публикациях остро ставятся серьезные вопросы о российской действительности и делаются прогнозы о ее развитии. И горячих вопросов, которые об-

суждаются в общественном пространстве страны, здесь немало. Это – сложное протекание СВО, экономическое состояние и дальнейшее развитие страны, проблемы народосбережения, сложности миграционных процессов и многое другое.

Автор *теории «четырех Россий»,* известный экономист, профессор Н.В. Зубаревич озвучила в газете «РБК» свою концепцию о настоящем и о возможном будущем разных территорий страны. Ниже представлено ее видение.

… «Первая Россия» – это города-миллионники, т.е. наиболее модернизированные и экономически развитые территории. «Вторая Россия» – это средние города с ярко выраженным индустриальным профилем. «Третья Россия» – малые города, рабочие поселки, сельская местность. По сравнению с Первой и Второй – это глубокая периферия в плане качества социально-экономической жизни. «Четвертую Россию» составляют национальные республики Кавказа, а также Юга Сибири (Тува, Республика Алтай). Эти территории также представляют собой периферию, но специфическую: демографический переход здесь не завершен, урбанизация находится в зачаточном состоянии, а в обществе все еще сильны патриархально-клановые устои»… Рассматривая изменения, которые могут произойти в каждой из этих групп в ближайшие десятилетия, автор отметила, что не стоит ждать радикальных изменений. В стране и дальше будет происходить миграция в крупные города Первой России, урбанизация будет продолжаться, крупные города будут расти за счет миграции более молодой возрастной группы… Вторая Россия, по наблюдениям автора, будет стареть дальше. Молодежь из нее будет уезжать, как и из Третьей России. А вот население Четвертой России пока сокращаться не будет, хотя в следующих поколениях рождаемость и здесь может снижаться… Депопуляция ускорится, как и дефицит кадров… Автор считает, что «мобилизация и серьезная раскачка ВПК приведут к тому, что произойдет экономическая перезагрузка ряда территорий» … Однако возвращение бывших фронтовиков во Вторую и Третью Россию может привести к росту напряжения. Эти люди будут требовать других зарплат, также могут сказываться их психологические травмы. Повысится уровень насилия… (*Зубаревич* 2024).

Подводя итоги, Н.В. Зубаревич отметила, что в российской истории может быть «множество кульбитов ... С очень высокой вероятно-

стью мы останемся среднеразвитой страной. Практически неизбежны дальнейшая депопуляция и территориальная концентрация населения. Природные ресурсы останутся значимой частью экономики…. Остальное скрыто в тумане» (Там же).

Профессор МГУ О. Буклемишев в интервью «Московскому комсомольцу», рассматривая складывающуюся в экономике страны ситуацию, отказался «заглянуть в завтрашний день», считая, что «лучше заглянуть в послезавтрашний». Он предвидит, что после нынешнего военного конфликта нам будет трудно остановить военно-промышленное производство, развернутые мощности, целые регионы, которые уже свыклись со своим особым статусом и повышенными зарплатами… «Некогда в этот тупик уперся Советский Союз: в экономике существовал большой военно-промышленный блок, с которым, несмотря на разворачивающийся кризис, ничего нельзя было сделать. Он устойчиво требовал своей львиной доли ресурсов – трудовых, материальных, финансовых…» (*Беклемишев* 2024).

Издание «РБК» вместе с учеными из Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ разрабатывают спецпроект «Дорожная карта будущего». Исследователи, о которых рассказывает газета, наблюдая, как мир ускоряется, как снижается время на реакцию и ответные действия, на осмысление информации и принятие решений, также приходят к выводу «о хрупкости традиционных прогнозов», «о нелинейности и трудно предсказуемом будущем». И определенный выход они видят в «формировании среды для дискуссий о будущем в объединении ключевых стейкхолдеров». Среди них авторы «Дорожной карты будущего» видят представителей науки, общества, бизнеса, государства, объединенных вокруг важнейших вызовов и поиска их адекватных решений (Дорожная карта 2024).

В «Независимой газете» обсуждаются сценарии будущего России глазами американского профессора Стивена Коткина, опубликовавшего статью «Пять будущих России или как Америка должна подготовиться к тому, что может случиться» (Сценарии будущего 2024). Неизбежно упоминая при этом лидера России, он утверждает, что «Путин сегодня – это ледокол, который разносит на мелкие кусочки международный порядок во главе с США. Путин действует от имени той части человечества, что «не – золотой миллиард». Коткин в своей статье предлагает пять различных вариантов преобразования России для без-

опасности Запада: первый: «Россия как Франция» … со всеми комплексами великой державы и культурного шовинизма. Второй – «сжатие России» из-за сокращения населения, отставания от мировых трендов (роботизация, автоматизация и т.д.), оттока специалистов в области IT… Третий сценарий – «Россия – вассал» – связан с взаимоотношениями нашей страны с Китаем. В четвертом сценарии автор рисует Россию как Северную Корею. Пятый сценарий – «Россия в хаосе», который может быть связан с угрозой потери территориальной целостности… И в целом С. Коткин «делает ставку на военное давление США». Автор публикации в «НГ», комментирующий сценарии американского профессора, удивляется, что он не остановился на «русском вопросе»: «В век, провозглашенный Западом “веком меньшинств”, никто на Западе не замечает прав и свобод русских граждан, оказавшихся не по своей вине, а в силу распада СССР “гражданами второго сорта”, “оккупантами”. Может ли Россия не замечать такую проблему?! Конечно нет!».

Свой взгляд на будущее России приводит российский писатель А.А. Проханов:

> *«… Сегодня Россия, отстояв свое прошлое, станет отстаивать свое будущее… Будущее – это развитие. Будущее – это движение от великих потрясений к величию. Этот поворот России от прошлого и настоящего к будущему мучителен. Русское будущее – это не только космодромы, ледокольный флот, скоростные дороги, искусственный интеллект. Русское будущее – это стремление к несказанному идеальному бытию, к тому, что церковь зовет Царствием Небесным, а люди мирские – царством справедливости, которое объединяет в цветущую целостность множество населяющих Россию народов, множество земель и культур. И она, эта божественная справедливость, обеспечит земное процветание. Появятся новая индустрия, могучая наука, скоростные дороги, процветающие города, и каждый живущий в России человек испытает сладость творчества, русское чувство общего дела. В этом стремлении к будущему раскроется восхитительный русский цветок – Роза Мира, ради которой Господь и создал Россию (Проханов* 2023*).*

Российское общество: идеи и образы

Жители нашей страны со времен крещения Руси пережили множество эпох, в которые менялись названия самой страны и названия ее народа. Термин «россияне» – политоним, общее название современных граждан России. Но в разные эпохи наших предков называли поразному: *русами, россами, московитами, православными, великороссами, русскими, русаками, советскими, кацапами, москалями, ватниками, орками* и т.д. В первой четверти XXI в. самоназвание «россияне» обозначает не только территориальное, но и устойчивое государственно-политическое сообщество. *«Россияне»* – это красивое слово, объединяющее граждан России так же, как и под единым своим названием объединяются граждане любой другой страны (китайцы, бразильцы, египтяне, французы, итальянцы). В информационном пространстве этот термин звучит редко. Хотя именно он мог бы помогать эмоционально и содержательно усиливать нашу гражданскую идентичность, коллективное осознание нашей общности, психологической принадлежности к стране с ее историей и культурой, открытиями и достижениями.

Численность постоянного населения современной России (по официальным данным) насчитывает в 2024 г. более 146 млн человек. Это – все жители страны, но не все они россияне. Однако, кроме сложного состава российского общества со всеми его санкционными трудностями и военными сложностями, к сообществу «мы – россияне» сегодня уже можно отнести и другую часть нашего населения – жителей Донбасса. Предполагается, что после того, как жители присоединенных территорий (Донецкой, Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей) будут учтены в статистике Росстата, население РФ может вырасти еще более чем на 2 млн человек (Население РФ 2023). О них, включенных в жизнь России, также немало идей у наших властей и у общественности. И главная из них – защита, безопасность и благополучие нового российского населения. В этих республиках, в их освобожденных городах и селах уже идет большая работа по восстановлению мирной жизни. Многостороннюю помощь мирным жителям оказывают правительство России, военнослужащие, многочисленные россияне – меценаты, добровольцы, волонтеры.

Российское сообщество, как известно, многонационально и поликонфессионально. Однако этнический фактор в центральных СМИ и в общественном российском пространстве в целом в последние годы

специально не акцентируется и проявляется в центральных СМИ не так заметно. Это говорит об относительном спокойствии в межнациональных отношениях в стране. В своих суждениях о России и ее народе общественная мысль порой подхватывает идею славянофилов о государствообразующем русском народе как о «народе-богоносце», которому покровительствуют «высшие силы». Эту идею пытаются модернизировать для нашего времени, и один из вариантов этой модернизации – «*россияне – это русские люди разных национальностей».*

О серьезном социальном расслоении современного российского общества тоже как-то не очень принято системно упоминать, хотя газеты, в отличие от социально-политических ТВ-передач, не оставляют эту тематику без внимания. О различиях в жизни разных социальных групп все же говорить приходится. Нередко в прессе звучат упреки (вопросы) в адрес властей, чиновников, в адрес предпринимателей, бизнесменов, финансистов, артистов и… «либералов». И если о чиновниках и предпринимателях общество имеет какое-то представление, то сегодняшние российские *либералы,* о которых в последнее время стали говорить довольно часто, это очень неопределенные для россиян социально-политические персонажи с их расплывчатыми общественными взглядами и ценностями. О них каждый думает самостоятельно, хотя с медийных трибун нередко доносится, что, кроме прочего, главный враг нашей страны – либерализм. «И, если это враг, – замечают аналитики, – то нужно четкое определение либерализма».

> *Маленькое меньшинство у нас пытается помешать нам. Они громкие, расселись везде в кабинетах, в научных организациях. Они мимикрируют, маскируются… Нам предстоит жесткая внутренняя борьба. Народ тащит на себе этот крест // У нас внутри много проблем. В сфере культуры у нас активизируются кружки, группки, зарубежные контакты. Надо маркировать учебные заведения, где такие процессы идут // Либерализм, ценности… Это все словесный мусор. Главное для них – деньги.*

Говоря о формировании и сохранении российской идентичности в обществе, нельзя обойти и короткое местоимение ***«мы».*** Его также можно считать одним из объединяющих россиян риторических факторов. Оно важно и значимо как для небольшой группы людей, так и для населения целой страны, и оно уже само по себе показывает, что речь

идет не об отдельном человеке, а о коллективе. Это емкое слово «мы» несет в себе большой смысл, особенно, если у людей есть общие ценности и цели, есть разные причины для объединения, как радостные для всех, так и печальные. В большой и неоднородной по своему составу России гражданское сообщество «*Мы – россияне*», его идея формируется и укрепляется не только по факту совместного культурно-исторического прошлого или территориальной общности, но и при осознании гражданами своей общей исторической судьбы, своего общего настоящего и совместного будущего в этой стране. В медийном пространстве при употреблении слов «россияне», «мы», «наше» – дополнительно распространяются идеи общности и единства граждан, идеи их солидарности и поддержки своих в настоящем и будущем. Приведем некоторые выдержки из выступлений участников аналитических ТВ передач «Вечер с Владимиром Соловьевым» (канал «Россия 1).

> *Мы вместе! Мы – граждане России – мы – россияне! // Мы – патриоты своей страны! //Мы – сплоченное общество // Наш народ имеет вековые традиции, богатую культуру // В XIX в. Россия была примером добропорядочности, благородства. И мы гордимся этим // Мы открытые, искренние, миролюбивые // У нас неплохая молодежь // Мы добрые, простодушные и доверчивые. Нас обманули // Нашим людям надо разъяснять // Мы сохраняем в себе человечность //Мы расшатали мироустройство // Мы не можем разбомбить всю Украину. Нам это не надо. Мы другие. Мы правы // Идет война за ценности против сатанизма. Но мы не разрушаем их мирных жителей // Мы не собираемся нападать на Европу. Нас не интересует ни Латвия, ни Эстония // Россия предлагает свой путь уважения каждого государства // У нас лидерство морально-идеологическое, и его надо поддерживать и развивать // Москва своих не бросает! // Хорошо мне – хорошо моей стране!*

Как в жизни, так и в СМИ, образ «мы» очень многогранный. В прессе, которая способствует формированию представлений россиян о себе самих, мы – это «*россияне», наш народ», «единый многонациональный народ», «русские»* ... И это российское общество – простые люди, молодежь, женщины, дети, пенсионеры, студенты, интеллигенция, предприниматели, фермеры, рабочие, «синие и белые воротнич-

ки», это наша армия и высшее российское руководство во главе с президентом В. Путиным, «правительство страны», члены Государственной Думы, чиновники. Обо всех этих персонажах и их действиях с разной степенью внимания ежедневно в разных контекстах упоминают наши СМИ. И заметим, что слово «мы» в разных его формах постоянно употребляют в своих выступлениях авторы разнообразных медийных публикаций. Разумеется, «мы–образ» или наш общий автостереотип на страницах российских медиа сегодня в основном позитивный (*Малькова* 2008). Во многих публикациях специально подчеркиваются позитивные черты россиян – человечность и гуманизм, честность и порядочность, духовность и нравственность, наше благородство («мы играем по правилам»).

На фоне происходящих попыток обновления России общественность пытается разобраться и с таким явлением как *патриотизм.* Для россиян – это одна из исторически значимых духовных ценностей, включающая любовь и уважение к своей родине, преданность ей и ее интересам, любовь к своему народу и солидарность с ним, любовь к родному языку, культуре и другим ценностям. Патриотизм включает в себя и гордость успехами своей страны, и чувство горечи от неудач, а порой и самоотверженность для защиты ее интересов.

В трудный для нашей страны период серьезного противостояния с противником некоторые эксперты обращают внимание соотечественников на перекосы в нашей духовной сфере, связанные в т.ч. и с патриотизмом. В частности, внимание общественности привлекается к проблеме двойного гражданства. Россиян интересует и удивляет, как в период активного противоборства нашей страны с враждебными странами, некоторая часть наших людей имеет два или больше паспортов других государств? «По данным МВД РФ, в 2023 году о наличии гражданства другого государства или права на постоянное проживание в нем заявило около 68 тысяч россиян. Это в два раза больше, чем в 2022 году. Среди популярных стран называют Израиль, Турцию, Армению, Германию, ОАЭ, Украину, Испанию, Финляндию, Казахстан, Грузию, Кипр и США» (Можно ли в России 2024*)*. Отметим, что «российским законодательством это не запрещено (при некоторых исключениях). Помимо российского, россиянин может иметь два, три и более паспортов иностранных государств. Но каждая из стран будет считать его только своим гражданином. Например, когда россиянин получает

паспорт Израиля, он приобретает второе гражданство. Однако в России его будут рассматривать только как россиянина, а в Израиле – как гражданина этой страны». «Согласно закону, получение россиянином иностранного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства РФ» (Кому в России 2021).

Показательный случай с «выбором гражданства» в конце лета 2024 г. обсуждался не только в российском, но и в мировом информационном пространстве. И он также связан с проблемой патриотизма. Павел Дуров, российский гражданин по рождению, владелец Telegram с четырьмя паспортами в кармане (кроме российского еще паспорт государств Сен-Китс и Невис, ОАЭ и французский) был задержан во Франции и теперь не может выбраться на свободу, несмотря на усилия дипломатов. Пресса, эксперты, блогеры обсуждают ситуацию с разных сторон, одновременно подсмеиваясь над этим: «Паспорт, как проклятье. Желание Павла Дурова быть “гражданином мира” сыграло с ним злую шутку», «чем больше гражданства, тем больше скорби» *(Антонова* 2024). В этой истории много для россиян непонятного. Но один из выводов может быть сделан: человек без своей родины беззащитен.

Все, кто жил в нашей стране как гражданин, кто учился в нашей школе, знали, что у каждого человека есть родина, место где он родился – город, село, страна, где живут его близкие, говорящие на одном языке, люди, которые его понимают, у которых есть много общего – язык, культура, обычаи, традиции, где все знакомы с героической историей своей страны, знают о ее героях, о многих прошлых и современных достижениях и ценностях своего народа, и граждане гордятся этим… Но в последние десятилетия у части граждан России, несмотря на массовое участие других россиян в добровольно-патриотических акциях, наблюдается «кризис идентичности» и растет недоумение: «родина одна, а гражданство не одно»? И разве это не взаимосвязано? Если это относится к чиновникам, законодателям, которые вершат нашу жизнь, или к писателям, артистам, спортсменам, которые так же влияют на духовную жизнь россиян, то этот вопрос еще больше обостряется и требует честных объяснений для граждан.

> *«Неприятно, что этот самоочевидный факт прямо, открыто и последовательно отвергается действующим российским законодательством… В частности, российское законодательство и по сей день считает нормальным*

множественность гражданств, попросту не обращая внимания на возможность существования у гражданина России гражданств любого числа иных государств… Налицо агрессия против России ее собственной коррумпированной бюрократии, которая смывает русскую цивилизацию с лица земли целенаправленно организуемой волной миграции» (Делягин 2024*).*

Среди современных проблем в экспертном сообществе, прессе и интернете остро дискутируется и другой вопрос, связанный с российским патриотизмом. Он касается случаев «уехавших» или «релокантов», которые после объявления частичной мобилизации сбежали из страны. По разным данным, их было от полумиллиона до 700 тыс. человек, причем, преимущественно молодых мужчин. Среди них было немало нужных стране специалистов, в т.ч. т.н. «айтишников», программистов. Конечно, массовый отъезд молодых россиян – это большая потеря для нашей страны, и в российском обществе неоднозначно отнеслись к этим событиям. Российское общество в очередной раз было заметно взбудоражено. Мнения россиян (как и экспертов) раскололись, что отразилось и в информационном пространстве. Перед российской общественностью встал вопрос: «Уехавшие – они наши или нет?». В СМИ звучали предложения, что их надо просто забыть и не говорить о них. Другая часть граждан вместе с прессой стали обвинять их и порицать: «Одни россияне идут защищать страну, а другие трусливо убегают»!». Наиболее радикальные предложения касались применения жестких мер против *«уехавших», «изменщиков», «врагов»*. Но более решительными были утверждения, что они – «предатели и дезертиры», и мы справимся без них.

Некоторые ведут речь о прощении тех, кто убежал. Как можно простить?! Их надо на фронт! Им надо печать на лоб! Предатель – есть предатель! Они – клиенты для вербовки. Почему их не отрабатывают? // Враги народа есть, но почему их не наказывают?! // Эпидемия прощенничества удивляет. Почему мы должны их прощать?! У нас что, начались позитивные подвижки в образовании?! // Это популизм. А прекраснодушные надежды о том, что все само рассосется, это популизм, так же, как и доклады наверх // Наши артисты – инагенты. Как быть с ними? // Сотни тысяч россиян по-

кинули страну. Патриотизм остался у нас? // Надо убрать шваль из страны! // Враги народа // В сети быстро находят тех, кто что-то вякнет. А, например, наши спортсмены – их никто не трогает. Это проблема и политическая, и нравственная // А убежавшие будут рассматриваться как аморальные и антигосударственные? // Есть люди, которым родина не нужна. Они могут состояться и в других местах. Космополиты – это провал нашего государства. Сегодня мы должны от этого уйти // Госдума должна приостановить защиту интеллектуальной собственности уехавших // Депутаты должны принять закон о запрете, если деньги за использование идут на поддержку ВСУ. Давно надо было это запретить!

Российская пресса и интернет бурно и эмоционально обсуждали эти события. Но мнения о релокантах все же разнятся. Так, в одной из статей «Деловой газеты» под названием «Уехавшие из России делятся на четыре разные группы» автор писал: «Этим людям, тем, кто еще не вернулся, тем более необходимо помочь. Бороться за них. Показывать им настоящее положение дел в России. Разоблачать мифы о “пустых полках в магазинах” и “тоталитарном режиме”. Показывать, что наша страна – лучшее место на земле для того, чтобы быть счастливым, растить детей, создавать будущее. Объяснять, за что сегодня сражается Россия, каковы цели спецоперации, чем она была вызвана и как будет закончена. К двум этим первым группам, по моим наблюдениям, принадлежат 90% уехавших. Многие из них хотят, но не знают, как, или не могут решиться вернуться. Многим мешает ложная гордость и ложный стыд. Уверен, что эти наши сограждане со временем прозреют. Вернутся в Россию. Лишь бы для них самих это не было поздно … Но есть люди принципиально другого свойства. Их абсолютное меньшинство, но они самые громкие и потому более всех заметны. Только они заслуживают того, чтобы их называли прямо – *предателями.* Это те, кто оказался заражен вирусом русофобии. Стал ненавидеть страну, в которой родился, проклинает ее и хочет забыть о ней. Кто поливает Россию грязью в социальных сетях. Глумится над нашими военнослужащими. Клеймит сограждан как «ватников» и «агрессоров». На мой взгляд, такие люди не заслуживают ничего, кроме презрения. Они потеряли в себе одно из самых святых чувств – чувство Родины, чувство сопричастности к ней. Они желают Отечеству военного и политического

поражения, даже распада. Чем можно оправдать такое? Да, Бог им судья, конечно, но кроме того – и Уголовный кодекс РФ с его соответствующими статьями (за дискредитацию Вооруженных сил, например). Помочь им может только раскаяние. Пусть они сами подумают, как в такой ситуации могли бы искупить свою вину перед Родиной и перед нашим народом» (Уехавшие 2023).

И далее автор продолжил: «Но наибольшее отвращение у меня лично вызывает самая малочисленная, четвертая группа. Это те, кто деятельно перешли на сторону противника. Не просто словом проклиная Россию, но и помогая ее врагам. Работая на врага, финансируя его, снабжая его, усиливая его. А некоторые – даже воюя на его стороне. К сожалению, есть граждане России, которые с оружием в руках вышли против российских Вооруженных сил на поле боя. Их очень мало, но они есть. … И поскольку они целиком встали на сторону врага, то они и стали врагами. Такие заслуживают того, что заслуживает любой, кто осмелился поднять оружие против русского солдата, – уничтожения. Прямо на поле боя. Как человек военный, я не вижу других вариантов. … Самое страшное во время любого конфликта – это внутренние склоки. Гражданский конфликт гораздо опаснее драки с внешним противником. Единство российских граждан перед лицом испытаний, которое переживает сегодня Отечество, – ключевое условие нашей грядущей победы. Именно поэтому мы не должны отказываться от уехавших. Но только при том условии, что они сами способны не отказываться от нас» (Там же).

Много споров и неоднозначных взглядов по этому поводу отразилось и в интернет-блогах. На одном из сайтов с более чем полумиллионом подписчиков, развернулась дискуссия, где авторы и осуждают, и поддерживают уехавших:

> *Уехал – молчи! Могут ли уехавшие россияне поучать оставшихся? // Уехали? Критикуют? Осуждают? Ну вот и что мне с этого? Почему я должен на них злиться? Я рад за них, молодцы, хватило смелости и возможностей чтобы уехать //* @Russkii123: *Молодцы все, кто смог свалить! Не у всех есть возможность! Я остался тут выживать, но очень рад за того, кто смог //* @004080999: *Если будет еще одна волна мобилизации, то появятся еще и прячущиеся. Будь возможность уехать у тех, кто не согласен, все бы свалили //* @Vasilisa557: *Я восхищаюсь людьми, которые уехали в луч-*

шее будущее. Люди с интеллектом, адекватным критическим мышлением. Самые смелые и отважные!!! Желаю им успехов. Надеюсь примкнуть когда-нибудь, ради будущего ребенка // @Fran-tg5os: *Вся Россия все равно не может уехать, это факт. Уехал очень маленький процент на самом деле. Мы вот остались просто потому, что я не вижу себя эмигрантом, плюс маленький ребенок, но это вторично. Каждый делает свой выбор. Я осталась, пытаюсь разобраться в ситуации. Обязательно пойду на выборы в 2024 и надеюсь многие тоже поймут, что отчасти наше молчание и неучастие все эти годы привело к этому всему»* (Уехал 2023).

По этому поводу один из экспертов профессор Д. Евстафьев написал в одном из блогов:

«Есть у нас некая, ***категория “патриотов”****, ну типа патриотов, которые страстно желают поражения России. При этом, считая себя патриотами. ... Почему они такие? Почему такое противоречие? ... Да, нет никакого противоречия с их точки зрения. Просто людям невыносима ситуация, что победить в нынешнем фундаментальном, на полвека, как минимум, противостоянии может неидеальная с их точки зрения страна. Которая, по их мнению, победить не могла, потому что... И там двадцать пунктов, почему. А, вот, если сделать то-то и то-то (и двадцать пунктов того, что нужно сделать), тогда был бы шанс. ... Перемалывает мир, не весь, но значительную его часть, страна с колоссальным количеством проблем и пороков. С вороватым чиновничеством и мутной тусовкой вместо элиты. ... Они не видят, как эта неидеальная, страна меняет себя, да еще как меняет... Переламывает, режет по живому. ... Россия 15 февраля 2022 года и Россия 1 августа 2024 – это не просто разные страны. Это двигающиеся к противоположности общественные системы. Этого катарсис-патриоты видеть не хотят. Равно как и того, что условно “идеальные” на момент начала противоборства страны войн не выигрывают. Побеждают те, кто способен меняться в процессе “игры”, меняя под себя и правила. ... А мы понимаем, какой пусть страна прошла? Мы этот путь ценим? ... Мы понимаем, что эта категория “патрио-*

тов-пораженцев" *самая для страны опасная? Почему опасная? – Потому, что для них победа, пусть даже и ограниченная – крах всей картины мира. Им просто после этого незачем будет жить. Им будет негде жить. Их мир исчезнет. И они за свой* "*мир*" *будут драться»* (*Евстафьев* 06.08.2024).

Диапазон предложений в обществе – от одобрения или всепрощения «уехавших» и примирения с их позицией – до применения к ним самых жестких и решительных мер, особенно к тем, кто, оказавшись за рубежом, с неуважением отзывается о нашей родине. На это заметное общественное явление, касающееся патриотизма, не смог не среагировать и Президент России В.В. Путин. В одном из интервью президент коснулся отъезда из страны деятелей культуры, «несогласных с политикой государства», и объяснил их поступки «материальными вещами», которые они боятся потерять за границей. Российская культура, по мнению президента, от этого ничего не потеряла. Пусть лучше будут за границей, чем здесь «капать на мозг миллионам граждан и продвигать какие-то нетрадиционные ценности» (*Егорова* 2023).

Одной из важнейших тем для российского общества и для СМИ с февраля 2022 г. остается наше жесткое военное и политико-психологическое противостояние с Украиной и странами Запада. В первые месяцы специальной военной операции (и еще раньше, с 2014 г.) в нашем обществе замечалась некоторая растерянность – как это, украинцы, наши родные, братский народ, стали нашими врагами?! «Речь не про бандеровцев и их приспешников. Для наших родителей украинцы были братьями не разлей вода. Шумные застолицы, украинские песни, встречи с родными и близкими, смешанные браки. Сейчас же в информационном пространстве звучит слово "враг". Как же нам выбраться из этого трагического тупика?» (*Синенко* 2024). Постепенно первоначальный шок россиян, отражаемый во многих публикациях и выступлениях СМИ, стал меняться от непонимания к возмущению из-за жестокостей, вероломства и коварства украинских бандитов и террористов с их понукаемым Западом руководством. На третьем году военной операции наши аналитики уже не только информируют население о положении на линии соприкосновения, а по мере возможностей стараются разъяснить для огромной российской аудитории (и не только для нее) смыслы происходящего между нашими странами. Спикеры, как выразители своих личных и групповых мнений, выделяют вопросы, связанные с

актуальным положением дел на фронте, с героизмом и смекалкой наших воинов, с помощью государства и народа военнослужащим и их семьям, обсуждают участие добровольцев и волонтеров в СВО, многие другие проблемы, важные для противостояния врагу. И в процессе подобных обсуждений в обществе обостряется вопрос о нашей конечной цели этого противостояния. Ведь за прошедший период СВО начальная цель – защитить русскоязычное население Восточной Украины, демилитаризировать всю ее территорию и создать «санитарную зону» для нашей страны постепенно наполняется и другим содержанием.

Но и в этих вопросах в медийном пространстве и в целом в обществе порой нет полного единодушия**.** На фоне всеобщего желания нашей победы над врагом, на фоне многосторонней добровольной помощи россиян нашей армии, солдатам и их семьям, а позже – при большом сочувствии и поддержке беженцам с оккупированных территорий, в обществе слышны мнения наблюдателей скорее тактического характера. Информационное пространство переполнено экспертно-аналитическими, профессиональными и дилетантскими соображениями и размышлениями о процессе ведения военных действий, о достаточности или необходимости достойного снабжения армии оружием и довольствием, о настрое сторон на мирные переговоры или, наоборот, о более решительном боевом воздействии на противника, о предателях и террористах, о патриотизме, о будущем окончании военных действий, о желаемой россиянами мирной жизни. Во многих выступлениях военные обозреватели, эксперты, журналисты и обычные россияне призывают наше руководство «отвечать зеркально» на удары и провокации противника, быть более решительными, выводить из строя украинские энергообъекты: «Мы можем все это отключить. Нам только надо снять свои “белые перчатки”. Если бы хлопцы остались со свечками, у них не было бы возможности клепать новые ракеты, заниматься ремонтом и изготовлением нового вооружения» (*Федорова* 2024).

Все эти и многие другие темы, связанные с противостоянием России и стран Запада, волнуют общественность и обсуждаются ежедневно на медийных площадках. При этом распространяются идеи:

> *Не мы начали войну, но делаем все, чтобы ее закончить // Мы воюем не с ВСУ и даже не с НАТО, а с сатаной. Речь идет о жизни и смерти нашей страны и народа // Враг наш силен. Мы должны превосходить его. Наши воины – молодцы.*

Но не вся страна // В СВО сейчас сражаются все народы, защищают свою общую страну // Наш политический класс никак не может отойти от респектабельности. И они этим пользуются // Вызовы у нас стоят очень серьезные. Нужны быстрые решения // Наша державная машина должна двигаться // Они хотят уничтожить нашу страну. Как нам отвечать? // В нашей доктрине написано, что в случае угрозы территориальной целостности России мы вправе применить любое оружие, вплоть до ядерного // Мы не хотим ядерной войны, но отстаивать наш суверенитет мы будем // Нас пытаются уничтожить не в первый раз. Но победа будет за нами // У нас воюют представители многих российских наций // Это наши люди. Это герои // Многие военные – Мужики! Русские мужики разных национальностей // Если понадобится, мы все встанем. Тогда Запад вздрогнет! //Русская телега, если покатится, то мало не покажется // Мы не умеем давать задний ход // И нет сомнений, что наше дело правое. Мы победим!

Рамки данной работы не позволяют останавливаться на нюансах военного противостояния, но нельзя не сказать, что после многочисленных налетов вражеских беспилотников на наши приграничные территории, на другие российские области, после вторжения на территорию Курской области (август 2024 г.), восприятие спецоперации в российском обществе еще раз заметно ужесточилось. В обществе высказывают недовольство, что часть населения даже в этих условиях пока не замечает войны, по Первому ТВ каналу «показывают “Новую волну”, в которой участвовали почти все герои “голой вечеринки” … Теплый, убаюкивающий кисель “живем, как раньше”, которым продолжают заливать общество, это порочная практика. Это тоже наша уязвимость, которую использует враг» (*Попов* 2024а). Об этом пишут и блогеры в интернете, говорят аналитики в телевизионных передачах: «Ситуация опасная. Они не остановятся. Запад и Зеленский не остановят войну. Им это надо, им это выгодно. Они нас разобьют. Ситуация требует от *нас экстраординарных действий! А у нас одни праздники ежедневно!* То один город, то другой! А ведь это бюджетные деньги! Может, эти деньги нужнее в других сферах? Нам нужна мобилизация сознания!» (*Шахназаров* 2024).

В возмущенной России началась еще одна волна записи добровольцев на контрактную службу для защиты Родины. Журналисты, наблюдающие процедуру отбора добровольцев на службу по контракту, описывают людей разных возрастов и профессий, приходящих в пункты отбора и настроенных только на победу: «Мне так обидно стало, что ВСУ на нашей земле! Так не должно быть!» (*Бричкалевич* 2024).

Военные аналитики рассматривают атаку украинских бандитов на Курскую область как пиаровскую акцию, как один из способов «взбодрить украинское население, более 40% которого уже не верит в победу и согласны отдать территории в обмен на мир». К осени 2024 г. в информационном пространстве все чаще встречается идея о возможности переговоров между противниками. Но у нас для этого должна быть сильная позиция. «Как заявлял наш Президент, – Россия готова прекратить огонь, как только ВСУ полностью уйдут с территорий четырех новых российских регионов в пределах их административных границ… Но будет ли эта ситуация достаточной, а не просто передышкой – в нашем обществе есть много сомнений» (*Попов* 2024б). Ниже представлены некоторые высказывания участников аналитических телепередач о СВО, прозвучавшие в эфире с 4 августа до 8 сентября 2024 г.

> ***А. Гурулев:*** *Нам нужна наступательная стратегия. Оборонная никогда не спасает. Нужны военно-политические союзы, как и экономические. Нужны стратегические направления и задачи. Надо видеть на 10 лет вперед, давать задачи промышленности, дипломатам //* ***В. Соловьев:*** *Фронт берет все. Гражданские делают все, но им не дают деньги. Дроны из Китая не надо покупать, надо покупать их заводы. Нужна господдержка этого. Надо все делать быстро. Вопросы надо решать немедленно и системно //* ***А. Гурулев*** (после нападения на Курскую область): *Почему-то не оказалось у нас там резервов… Почему разведка не видела сосредоточения там группировки? У нас никто не любит правды в докладах! Никто не хочет ставить свою подпись под директивами и брать на себя ответственность! // Нам угрожают ракетами. Чего же мы ждем?! Почему-то на линии фронта (я проехал) никто не остановил? Надо перекрыть и изолировать районы… Наши руководители должны отвечать за свои по-*

*зиции…// **В. Соловьев:** Все натовские генералы изучают сейчас нашу реакцию, поэтому мы должны действовать умно, провести анализ и сделать выводы на всех наших границах // **А. Бабаков:** Коллективный запад видит давно, что Украина терпит поражение. И они ищут варианты… У нас нет документа, что война объявлена. Но это не что-то таинственное. И все это знают у нас. А ответственность? Здесь есть поле для деятельности. Наш ВПК работает на всех направлениях…. // **К. Шахназаров:** По ТВ с утра до ночи идут американские фильмы о великих американских силовиках… А у нас своих нет? // Запад создал из Украины жесткую милитаристскую страну. А у нас где контроль? // Хватит говорить о том, что у нас все хорошо! Хватит говорить, что у них не хотят воевать! А они воюют и неплохо. Почему показывают по ТВ наши военные заводы и их продукцию? Кто этим занимается у нас? Почему мы не реформируем это? Мы можем проиграть, если пропускаем такие ляпы. Нужен поворот. Нужны мощные стимулы, чтобы все организовать. Не нужна двойственность // Врать нельзя, ошибаться можно! Но только один раз! Должна быть ответственность // **Е. Бужинский:** О Курске: если это планировали американцы, то это бездарно! В этой операции только расходники. Если цель – захват АЭС, то нужно пройти еще 80 км, нужно удерживать большой кусок земли. Это демонстрация того, что украинцы еще могут // Нам надо заканчивать с их энергетикой. Пора заканчивать и с американским туризмом на Украину. Почему мы не остановим «военно-политический туризм»? // Генеральный штаб проводит анализ этого прорыва. Нам надо создавать санитарную зону // Нужно сбивать их самолеты-разведчики. Нам сейчас рано ввязываться в широкомасштабную войну, но над Черным морем самолеты НАТО надо сбивать! Надо отвечать жестко, но дозированно! // **С. Михеев:** Курск: С этим было ясно. Разве у нас не было данных разведки? Почему в 2022 г. не сделали линию обороны фронта в приграничных областях? Об этом говорили, но не сделали. Как бы война… И как бы не война // Противник считает, что мы не будем вести войну в полную силу. Их цель –*

внести панику в наше население. Но у российского населения растет вопрос: почему мы не раскурочим украинцев? Мы не создали им никаких проблем. Почему? Это что – закулисный договорняк? Это что – хозяева мира? Это предательство! Непонятная, мутная игра. Или это ошибка? – Имя, фамилия, отчество!!! // Информационная среда – ее надо контролировать! Иногда это важнее колонны танков – паника // Создается ощущение поражения, которое нельзя не видеть. Контроль? // Есть много фальшивых интернет-каналов. В военное время так может быть?! // ***В. Соловьев:*** *Надо работать законодателям, надо понимать, что идет война, что надо защищать страну. Тероборона… Вооружение… Не должно быть в стране партии мира. Мы должны нанести удары по центрам принятия их решений. Это первая война, когда срочники тоже принимают участие. Нельзя расслабляться! Ребята, время пришло!*

***

Для успешного завершения специальной военной операции, как заявил в одном из своих выступлений наш президент, необходимым условием должно быть укрепление экономической базы страны. Экономика – еще одна горячая тема, обсуждаемая в сегодняшнем российском обществе. По этому поводу также имеется много мнений специалистов, иногда довольно противоречивых. Конечно, санкции, объявленные России Западом, дорого обошлись нашей экономике, но официальные экономические итоги первого полугодия 2024 г. в целом оказались в нашей стране позитивными. Однако аналитики предвидят, что до конца года в стране может произойти «определенное замедление экономического роста». Некоторые наблюдатели считают, что рост экономики шел в первую очередь за счет развития военно-промышленного комплекса. Но у этого взгляда есть авторитетные оппоненты, считающие, что «причиной роста ВВП является изменение модели экономического развития России, что деньги в стране наконец-то потекли не в заграничные инвестиции, не в государственные мегапроекты, а на внутренний рынок… И это наглядные результаты ориентации страны на свой внутренний рынок. … В дальнейшем ключевыми драйверами роста будут отрасли, ориентированные на внутренний спрос, в первую очередь – отрасли гражданского сектора экономики» (*Афонцев* 2024).

Но для большинства россиян речь идет не только о макроэкономике, не только о том, какой путь выгоднее для обновляющейся России – капиталистический, социалистический или смешанный, оставаться ей сырьевой страной или индустриально развитой. Кроме этого, им приходится думать и о простых, но жизненно важных экономических проблемах – своих личных и семейных. Если на телевизионных площадках об этом вспоминают реже, то пресса не оставляет эти вопросы без внимания. Бедность большой доли российского населения, растущая инфляция, проблемы для многих россиян с жильем и ипотекой, оплата коммунальных услуг, невысокие зарплаты… Опираясь на данные статистики, пресса напоминает, что больше половины россиян в наши дни получают зарплату всего лишь от 19 ты. до 75 тыс. рублей в месяц. А оклад 100 тыс. рублей получают всего лишь 4,88 млн человек (*Степанов* 2023).

Среди уязвимых групп населения – российские пенсионеры, количество которых в ближайшие два года увеличится с 41,8 млн до 43,5 млн человек (в связи с повышением пенсионного возраста и с присоединением новых территорий). Наблюдатели предсказывают, что «перспективы у российских пенсионеров на реальное повышение пенсий сомнительные. Пенсионная система в обозримом будущем останется дефицитной, финансируемой из бюджета. Исправить эту ситуацию можно только с быстрым развитием экономики и с ростом производительности труда. Еще один из вариантов для армии российских пенсионеров – самоспасение: частное негосударственное пенсионное страхование или самостоятельные накопления “на благополучную старость”» (*Чуприн* 2023). В рамках дискуссий о состоянии российской экономики и на фоне «кадрового голода» в стране журналисты обратили внимание даже на группу «тунеядцев» (неработающих трудоспособных жителей старше 18 лет) в разных регионах страны. В трудные военные годы, когда в стране все острее становится кадровый голод, некоторые социальные активисты видят и здесь определенный трудовой резерв. Приведем некоторые идеи об экономике, высказанные медийными аналитиками – участниками ТВ передач «Вечер с Владимиром Соловьевым» в августе – начале сентября 2024 г.:

> *Экономика влияет на все процессы. У нас в стране две экономические власти. Но нет консенсуса. Нам надо формировать новую экономику с новой идеологической повесткой // У нас завершается процесс перехода к плановой экономике.*

Но либеральный взгляд остается. Либеральные взгляды очень глубоко вошли в нашу экономику // Мы сегодня имеем охлаждение в экономике. Надо делать выводы… // Товаров нет, цены растут. Почему? Говорят – перегрев. Но все эти проблемы рукотворны // Мы гордимся нашими военными, но их надо обеспечивать! Это зависит от нашего экономического развития. Почему ЦБ не слышит требования разума? // Пора заменить импортную модель в голове! // К чему нас призывают либеральные авторы? – отказаться от суверенитета. У них нет экономической теории. Но есть идеология Запада – рецепт для России: несуверенность и послушание. Это то, что идет с 90-х гг. // Россия не справится, если будет продолжать этот путь. У нас не те условия, как у Запада. Мы не должны идти по их пути // У нас нет крупных работ по экономике, а сколько институтов! Это – проблема для движения вперед. Где суверенные мысли? // До сих пор мы не нашли свою идеологию – рынок или нет? Что нужно стране? У нас нет суверенности сознания! У нас своя-то башка есть? // Мы не должны зависеть от других… Мы разучились многое делать. Наши опытные кадры исчезают. И новых мы не научили // Разве современная реальность не показывает необходимость изменить экономическую концепцию? Я вижу здесь подготовку к провалу. И маскируют теорией, жонглированием // Нужны директивные методы государства. Почему Сталин мог ограничивать цены во время войны, а сейчас мы не можем?! Нефть, бензин… Почему там цены растут? Проблематика огромная… А что делать? Надо вернуться к ценам // В сельском хозяйстве много успехов, но цены на хлеб растут. Почему?! (Архив автора).

Настрой на перемены

Вместе с темой о возрождении великой России в экспертном сообществе поднимается вопрос о необходимости четко осмыслить стратегию дальнейшего развития России, **о**пределить и разъяснить обществу сущность миссии нашей страны во внутреннем и внешнем пространстве. И ответ на часто задаваемый в стране вопрос: *«Куда мы идем?»* пока для многих остается неопределенным: *«Идем – куда идется»*.

Приглашенные в общественно-политические телевизионные передачи эксперты, наблюдая за происходящими событиями на Донбассе и в мире, оценивая складывающуюся в стране ситуацию, во многих вопросах не могут оставаться равнодушными. В процессе развития событий, связанных с СВО и в целом – с жизнью страны, они озвучивают с медийных трибун свое видение и предлагают российскому руководству и обществу идеи по обновлению и дальнейшему развитию страны. Центральное телевидение вслед за центральной прессой, где подобная тенденция наблюдалась и прежде, стало больше показывать не только накал страстей при обсуждении проблемных вопросов развития страны, но и указывать на ряд недостатков и болевых точек в управлении страной – бюрократизацию, чиновничью неповоротливость, коррупцию.

Российскую общественность беспокоит не только ситуация на фронте. Непонимание нашей длительной осторожности на фронте рождает вопросы и к ситуации внутри страны. В общественном пространстве распространяется мысль о том, что в стране есть силы, специально препятствующие успешному поступательному развитию.

> *Наша политика не активна. Чем это вызвано – непонятно! // Люди вкалывают и в три смены. Но есть и другие… // В России есть партия поражения. Эти голоса говорят, что мы меняем свою зависимость от США на китайскую. Нет! Мы просто проводим балансировку! Но медленно, только в ручном режиме. А нам надо быстро и срочно этим заниматься! // Есть группы – болото. Это – финансовый блок, образование… // У нас много «молчунов». Им что-то не нравится, но они пока тихо сидят, молчат и ждут // Мы у нас ощущаем нормальную жизнь. Это приятно. Но наше ТВ показывает репортажи о СВО, показывает наши машины производства 1976 г. Почему в армии на фронте такие машины – буханки?!// Уместно ли тратить миллионы на легионеров (!!!), а вместо этого не купить новые машины для фронта?! // Идет война! Несправедливо! Общество не понимает. Почему это не объясняют народу «сверху»? Почему мы много раз говорим об этом, но ничего не меняется?! Миллионы людей не понимают. Жизнь должна быть справедливой! // Нужны четкие разъяснения не географии, а политики, того, что мы хотим и что должны делать, какой внутренний мир мы хотим построить…*

Конечно, российское общество под влиянием новых внутренних и внешних обстоятельств уже меняется. И заметную роль в этих изменениях играет в т.ч. и информационная деятельность. Под напором массовой информации люди становятся общественно активными, самостоятельно и с помощью лидеров мнений осмысливают ситуацию, высказывают свое отношение к событиям. Наблюдатели замечают, например, что «идея неполноценности» нашей страны по отношению к Западу уходит из массового сознания. Но, замечая многие позитивные стороны и улучшение качества сегодняшнего бытия, граждане все же хотят видеть и более существенные успехи в разных сферах жизни – в экономике, культуре, образовании, здравоохранении, демографии. Размышляя о судьбе России, о ее нынешнем и будущем состоянии, «думающие головы» неоднократно поднимают важный вопрос о необходимости мобилизации всех возможных ресурсов страны, включая более полную мобилизацию общественного настроя россиян. Исследователи политических процессов считают этот ресурс одним из важнейших в политической безопасности и стабильности страны (*Гаджиев* 2018: 140). Речь и в телевизионных дискуссиях, и на страницах газет идет в первую очередь об экономической и духовно-нравственной мобилизации, поскольку немалая часть россиян все еще не осознает, что Россия втянута в жесткое противостояние с группой стран Запада. В духовной сфере российского общества, по мнению аналитиков, должна ярче присутствовать идея о серьезности и жизненной опасности этого противостояния с противником, идея необходимости общих усилий россиян для нашей победы.

Постепенно властные и медийные структуры страны осознают, что для укрепления уверенности и повышения социального оптимизма нам необходимо во многом демонстрировать *примеры успеха* как для самих россиян, так и для «уехавших», и для зарубежных стран. Тем более, что у России этих успехов сегодня немало, причем в разных сферах общественной жизни. Российские информационные каналы, не упуская из виду многочисленные проблемы страны в разных сферах жизни, в 2023 г. и особенно в 2024 г. стали заметно чаще говорить о достижениях в экономике, включая социальную сферу, медицину, образование, кинематограф, стали акцентировать «разворот», видимое оживление страны и в целом – позитивное изменение общественных настроений россиян.

В этой связи в информационном пространстве высвечиваются и поддерживаются позитивные образы не только самой страны, но и ее современного руководства. В этом плане на информационном поле выделяется образ Президента России В.В. Путина и некоторых его соратников, демонстрирующих традиционное российское спокойствие, мудрость и силу. В информационном пространстве заметен большой эмоциональный вклад лично Президента В.В. Путина в формирование гражданского сознания россиян, в укрепление их эмоционального настроя, веры в нашу правоту и справедливость. Пресса, телевидение, интернет ежедневно публикуют фрагменты его речей, разъяснения сложных ситуаций, показывают его внимание к глобальным и малым проблемам, его заботу о стране и ее жителях. Президент, обладая огромной информацией о жизни страны, сам является, условно говоря, авторитетным экспертом, объясняющим обществу многие актуальные вопросы. Так, большой общественный резонанс вызвало его «Послание к Федеральному собранию СФ РФ» (2024 г.), которое В.В. Путин назвал *взглядом в будущее,* и в котором были намечены «стратегические задачи уверенного и долгосрочного развития страны». Россиянам была представлена «программа действий, конкретных мер, которая во многом формировалась и в ходе поездок в регионы, во время прямого разговора с рабочими, инженерами гражданских и оборонных заводов, с врачами, учителями, учеными, волонтерами, предпринимателями, с многодетными семьями, с нашими героями-фронтовиками, добровольцами, солдатами и офицерами Вооруженных Сил России» (Послание 2024).

Одним из важных шагов после президентских выборов 2024 г. стал Указ «Об утверждении основ государственной политики РФ в области исторического просвещения» (Указ 2024), который также направлен на строительство будущего, на формирование нового российского гражданина, любящего свою страну и служащего ее национальным интересам. В Указе, нацеленном на будущее России, в частности, сказано, что задача в сфере образования и просвещения граждан, а вернее, «регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний» направлена на формирование «научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной ис-

торической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества». Этот указ вызвал неоднозначные комментарии в обществе. Газета «Коммерсант» сделала акцент на фиксацию наблюдаемого в последнее время «кризиса российской идентичности» на самом верху, с подчеркиванием идеологической направленности нового исторического курса для школьников и студентов, а также на использование процесса обучения истории как инструмента контрпропаганды. Высказывались опасения, что *такое* историческое просвещение может негативно отразиться и на культурной, и на информационной деятельности (*Родин* 2024). Как всегда, было много высказываний и в интернет-блогах. К дискуссии о необходимости введения курса по истории России для студентов неисторических специальностей присоединился известный политолог С.А. Михеев, высказавший по этому поводу свое мнение*:*

«Мы много говорим о патриотизме, об упущениях в работе с этой темой в какой-то период времени, а ведь патриотизм в первую очередь базируется на знании и на способности аргументированно отстоять свою позицию и самому себе объяснить, почему вы правы. Если вы не обладаете достаточными знаниями, то не сможете даже себе это объяснить, не говоря уже о других. Если вам нужен “винтик”, тогда можете его вообще ничему не учить – ему даже писать учиться не обязательно. Если вам нужен гражданин и патриот, то ему надо знать, для чего он крутит свою гайку, для чего выполняет свою функцию. Что за ним стоит? Что представляет собой его страна? Почему у нее великая история, великая культура? Если он этого не будет знать, но очень хорошо будет крутить гайку или выполнять узконаправленную функцию, то не сможет быть гражданином. Что касается гуманитарного образования и разговоров о том, что “оно не нужно мне, моему сыну (дочери)”, наверное, каждый индивид может себе позволить личную точку зрения*» (Михеев* 2024*).*

Как известно, мировоззренческие позиции и споры, особенно касающиеся разных взглядов на деятельность государства, в среде научной и другой творческой интеллигенции– это вполне обычный процесс. Вместе с тем, многие представители экспертного сообщества понимают, что постоянные негативные оценки и критика российской реальности способны привести к расколу общества.

«Разделение России приведет к войне. И это будет гибель. Война всех против всех. Но мы верим в вечную Россию // Власть услышала. Бояться говорить о проблемах не надо // Гражданская идентичность у нас доминирует (56%) // Но у нас тоже есть «авось», шапкозакидательство. Не надо обольщаться. Противник еще силен. Расслабляться нельзя // Россия за последние 100 лет несколько раз восставала, как Феникс из пепла, как ртуть…

Конечно, под влиянием новых внутренних и внешних обстоятельств сама страна и российское общество постепенно меняются. Эти позитивные изменения отмечают и медийные спикеры, фиксирующие, что на постсоветском пространстве продолжается государственное строительство, обновляющаяся страна – Россия XXI века поднимается – суверенная, мужающая, уверенная в себе. В обществе утверждаются представления и о самом российском народе – сильном, активном, стремящемся к справедливости, к обновлению и к победе. В конце 2023 г., наблюдая за переменами в стране, журналисты отмечали в прессе:

«В кои-то веки *социологи фиксируют рекордный уровень оптимизма* – две трети наших людей назвали 2023 год удачным для себя, половина (за всю историю наблюдений) считает, что 2024-й год будет лучше нынешнего. Возвращение оптимизма – это ли не чудо? … Весь этот год жизнь шла в рост… И вот мы слышим, как наши враги неохотно, сквозь зубы, но бормочут: “…русские побеждают”, Россия сильна и развивается, Кремль не ждет катастрофа. Этот год делами своими доказал: мы можем. Можем сами. Превозмогаем. Справляемся. Это ли не повод для оптимизма? ... Кончилось безвременье, когда казалось, что пластмассовый мир победил. Время опять пошло вперед. Наше время. Страна настоящих живых людей пришла в движение, и это движение уже не остановить» (*Попов* 2023).

Нападение украинских террористов на Курскую область, попытки их дронов атаковать приграничные города России внесли некоторую растерянность в оптимистический настрой российского общества. Тем более, что и до этого далеко не все россияне видели только позитивные перемены в стране. В среде медийных экспертов сначала осторожно, но потом все решительнее высказываются мнения о нынешней тревожной ситуации в стране, о «периоде неопределенности». Все чаще

слышатся элементы критики, намеки на необходимость важных перемен и изменений в разных областях внутренней жизни.

«Мы должны, нам необходимо»

Все наше информационное пространство – это довольно громкая и интересная площадка для обсуждения и распространения многочисленных общественных точек зрения, мнений и идей. Особенно ярко и эмоционально споры разгораются в выступлениях телевизионных спикеров, в постах интернет-блогеров и несколько спокойнее в прессе – в статьях ученых, журналистов и публицистов. Профессиональные аналитики и обычные социально активные россияне, с тревогой наблюдающие за развитием событий, предлагают свои советы и предложения по реконструкции страны. Разнообразные идеи: *«мы должны», «нам необходимо»* звучат в российском общественном пространстве. Приведем некоторые выдержки из выступлений участников аналитических ТВ передач «Вечер с Владимиром Соловьевым» (канал «Россия 1):

> *Президент сказал: «Да, мы выжили!» // **Нам нужны** свои успехи, их надо постоянно повышать // **Нужна консолидация** нашего общества по каждому направлению, которым мы занимаемся // **Надо думать** о стране. **Надо работать** над собой // Мы живем в эпоху перемен, под эту эпоху мы все **должны поменяться.** Все 140 млн человек. **Мы должны** осознать это все // Мы на пороге очень серьезных событий. **Должны** готовиться очень серьезно // **Нам надо** выиграть глобально. Иначе **мы не сможем** ничего изменить // **Нужна консолидаци**я нашего общества по каждому направлению, которым мы занимаемся // Не хотят. Почему? Человек в МИДе говорит, что пока не надо. Это ждуны и бездельники // **Мы должны** выстоять и окрепнуть, укрепить свою идентичность. Укрепить единство нации // Мы тоже **должны измениться** // **Народ хочет** побед и справедливости // **Нам нужна воля**, плюс пассионарность. А эта пассионарность сейчас у нас не наверху, а внизу // **Нам не хватает** в обществе пассионарности, дерзости // **Государство должно** охранять своих пассионариев. Без таких людей все начнет рушиться. У нас их немного // **Мы должны** активничать, предлагать, учитывать все варианты // **Нам нужно иметь***

*дерзость! Победить в XXI в. нужно дерзко // **Надо действовать** по парадоксу // **Надо показывать,** что мы сильные // Сейчас Россия хочет выглядеть респектабельно. А **народ хочет дерзости,** ответов на пощечины, которые получает Россия // **Нужно** предлагать людям перспективы // **Нужна** социальная справедливость, особенно для молодежи // Молодежь пока не видит своих будущих возможностей // **Нужна идея, мечта, образ будущего.***

Участники медийных дискуссий, касаясь заметных проблем в российском обществе и указывая на серьезность и сложность ситуации, складывающейся в разных сферах общественной жизни, понимают, что только лозунги и призывы, как и сами реальные оценки ситуации, мало чем помогут поменять положение в стране, если не провести существенных изменений. Они отмечают «неполное включение чиновников и граждан в процесс», коррупцию, безответственность и отсутствие дисциплины, расслабленность части населения в воюющей стране. Предложения о решительных изменениях в стране связаны как с вопросами проведения СВО, так и со сферами экономики, политики, с кадровыми ситуациями, с установлением в стране политической и ценностной идеологии, с реформами в сфере образования, науки, с самой информационной сферой. Причем, по мнению медийных дискутантов, российское общество ждет не просто реформ, не долгой эволюции процессов, а революций в этих и других сферах. С экранов центральных телевизионных каналов и в прессе звучат идеи о том, что само время и наблюдаемые в стране процессы требуют более внимательного общественного осмысления и решительной корректировки.

*Мы получили желаемые сдвиги в нравственном фундаменте общества. Но опасно и головокружение от успехов // Нынешняя ситуация воспитывает думающих людей // Кризис идентичности понятен – трудности в экономике; меняются границы государства; социально-политическая система; система образования; сфера культуры, нравственность. Нет общественной стабильности // **Нужна мобилизация** общественного сознания, но не паника // Мы рассчитывали на многое, но у нас многое провалилось // **Нужна положительная** динамика в политической, экономической, социально-культурной жизни страны // **Нужны новые герои** и их рас-*

*крутка и новая культурная повестка // **Надо объяснять людям** – в чем состоит цель каждого периода // В чем концепция развития нашей страны? // В чем будет наша победа и что такое образ будущего? Что строит нынешняя капиталистическая Россия – непонятно никому // Это **надо объяснить** россиянам // К рискам **надо готовиться** заранее (информация…, синхронизация идей в обществе) // **Нам нужна сильная страна** и сильная власть! // **Нужна чистка,** непредсказуемость // **Надо действовать** против линейной логики. **Нужна воля, решимость** // Что мы предлагаем миру? – Мы загадочно молчим // **Настало время** прибраться в России! // Пока жареный петух не клюнет, ничего у нас не движется.*

***

Заканчивается первая четверть XXI в., бурная, почти непредсказуемая, переполненная политическими, экономическими и другими событиями и непонятными для большинства землян погодными катаклизмами. А для России все это происходит еще и на фоне ее серьезного военно-психологического противостояния с недружественными нам странами. В этих условиях, несмотря на многие трудности, огромная Россия в очередной раз выпрямляется, разворачивается и обновляется после десятков лет социально-политической неопределенности; не только воюет, отстаивая свой суверенитет, но и ищет пути и смыслы своего настоящего и будущего, контуры которого уже проявляются. Российское общество беспокоится и, используя обширное медийное поле, активно участвует в обсуждении самых горячих и простых бытовых вопросов жизни страны. Среди них – сохранение самой страны, тысячелетней страны-цивилизации и ее многонационального народа, обеспечение своей безопасности, самобытности и суверенности в глобальном многополярном мире, научно-техническое и экономическое развитие, усиление ее мощи, совершенствование социальной жизни, здравоохранения, образования и всей культурно-психологической сферы. Важнейшей задачей для страны является и воспитание нового человека – истинного россиянина, патриота своего Отечества, свободного гражданина – трудолюбивого, образованного, миролюбивого, благополучного. Для этого необходимо всеми средствами избежать ядерной катастрофы, с победой закончить СВО и построить новые, мирные, партнерско-дружеские отношения с другими странами, наладить с ними устойчи-

вые и равноправные политические, экономические, культурные связи, решить многочисленные внутренние проблемы, среди которых бюрократизация, коррупция, бедность, мигрантофобия, жилищные проблемы.

Зафиксированная в данном исследовании картина и ее фрагментарное отражение в данной работе показывают, что одновременно с ведением непростых военных действий со странами Запада, наиболее социально активная часть населения современной России на своем опыте вполне здраво оценивает ее настоящее (и прошлое) и рассматривает возможные (желаемые) модели будущего нашей страны, направления и способы ее обновления и обустройства. Бурные общественные дискуссии, как и выявленные в информационном пространстве идеи и предложения, показывают немало позитивных оценок современной российской действительности. И в этом проявляется не просто выраженный пример гражданской активности, но и неравнодушие немалой части «думающих граждан» – политологов, журналистов, ведущих ученых, военачальников, представителей художественной интеллигенции, которые пытаются объективно разобраться в происходящих в стране и в мире процессах.

Источники и литература

Аграновский 2023 – *Аграновский Д.* Наше солнце взойдет! // Московский комсомолец (далее – МК). 29.12.2023.

Антонова 2024 – *Антонова* Т. Паспорт как проклятье» // МК. 28 08.2024.

Афонцев 2024 – *Афонцев С.* Модель убитая и ожившая // МК. 02.09.2024.

Баррель 2023 – *Баррель Ж.* Глава дипломатии ЕС назвал Россию «бензоколонкой с атомной бомбой» // Ведомости. 19.08.2023.

Беклемишев 2024 – *Беклемишев О.* Степанов Г. Крутые виражи… // МК. 16.08.2024.

Бричкалевич 2024 – *Бричкалевич И.* Наши парни настроены только на победу! // МК. 02.09.2024.

Делягин 2024 – *Делягин* М. Ложь двойного гражданства. Родина одна, и гражданство должно быть единственным! // МК. 16.07.2024.

Дорожная карта 2024 – Дорожная карта будущего. Взгляд российских исследователей / РБК Тренды. https://future.trends.rbc.ru/ (дата обращения: 06.08.2024)

Дугин 2024 – *Дугин А.* Высокие кабинеты придется побеспокоить // Миртесен. 06.08.2024. https://medvejiyugol.mirtesen.ru/blog/43589837682/Vyisokie-kabinetyi-pridyotsya-pobespokoit

Евстафьев 2024 – *Евстафьев Д.* Есть у нас некая категория патриотов // https://medvejiyugol.mirtesen.ru/blog/43272152134/Est-u-nas-nekaya-kategoriya-patriotov (дата обращения: 06.08.2024)

Егорова 2023 – *Егорова* Е. Сейчас не 1937 год // МК. 13.09.2023.

Живов 2024 – *Живов А.* Мы пока не перевернули шахматную доску // Дзен. 02.08.2024. https://dzen.ru/a/ZqzZfCMaR2FxaKw0?ysclid=m542zmo6a5217028561#m_poka_ne_perevernyli_shahmatnyyu_dosky

Зубаревич 2024 – *Зубаревич Н.* О том, какое будущее ждет «четыре России» // РБК Тренды. https://trends.rbc.ru/trends/social/64e30dd89a7947b8f0158fe1 (дата обращения: 05.09.2024)

Кому в России 2021 – Кому в России нельзя иметь двойное гражданство // Государственная Дума РФ. 01.07.2021. http://duma.gov.ru/news/51926/

Литвиненко 2022 – *Литвиненко В.* Как России вернуть статус мощной державы с лучшими в мире образованием и наукой? // Ведомости. 26.12.22.

Михеев 2024 – *Михеев С.* Для того, чтобы иметь позицию, надо иметь знания // Миртесен. 10.08.2024. https://sputnik.mirtesen.ru/blog/43662882158/ Sergey-Miheev-Dlya-togo-chtobyi-imet-pozitsiyu-nado-imet-znaniya?

Михеев 2023 – *Михеев* С. Думаю, что Россия без миссии жить совершенно не способна // Дзен. 07.10.2023. https://dzen.ru/a/ZSDsuO4pkyWDM_p3

Можно ли в России 2024 – Можно ли в России иметь второе гражданство? // Т-Ж. 09.01.2024. https://journal.tinkoff.ru/guide/dual-citizenship/

Население РФ 2023 – Население РФ сократилось на полмиллиона человек. Мониторинг демографии // Коммерсант. 02.02.2023.

Панов 2024 – *Панов В.* Россия вернула себе статус великой державы... // Русское агентство новостей. http://новости-россии.ru-an.info›новости/ (дата обращения: 07.08.2024)

Попов 2023 – *Попов Д.* Оптимизм между прошлым и будущим // МК. 2023.

Попов 2024а – *Попов Д.* Главный вопрос СВО // МК. 08.08.2024.

Попов 2024б – *Попов Д.* Парадокс ожидаемой неожиданности // МК. 02.09.2024.

Послание 2024 – Послание к Федеральному собранию СФ РФ // Президент России. 29.02.2024. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585

Проханов 2023 – *Проханов* А. Будущее – это движение от великих потрясений к величию // Спутник. 14.09.2023. Политика. https://sputnik.mirtesen.ru/blog/43105808149/Aleksandr-Prohanov

Путин 2024 – *Путин* В.В. «Победа на выборах – это только пролог». Путин заявил о планах построить новую Россию // МК. 20.03.2024.

Родин 2024 – *Родин И.* Путин вводит монополию власти на историю // Независимая газета. 15.05.2024. https://www.ng.ru/politics/2024-05-08/100

Синенко 2024 – *Синенко А.* Где искать выход из хаоса. // МК. 04.04.2024.

Степанов 2023 – *Степанов Г.* Сто тысяч на бедность. Кому из россиян платят больше всех и почему // МК. 05.10.2023.

Страна оптимистов 2023 – Страна оптимистов // ВЦИОМ. Новости. 07.08.2023. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-optimistov

Сценарии будущего 2024 – Сценарии будущего России по Стивену Коткину. В чем прав, а в чем ошибается американский профессор // Независимая газета. 21.04.2024.

Тавровский 2022 – *Тавровский Ю.* Нужна ли России «китайская мечта»? // МК. 29.11. 22.

Уехавшие 2023 – Уехавшие из России делятся на четыре разные группы // Деловая Газета «ВЗГЛЯД». 15.02.2023. https://dzen.ru/a/Y-zftF9zBzcLYizX

Уехал 2023 – Уехал – молчи! Могут ли уехавшие россияне поучать оставшихся? Разборы // https://www.youtube.com/watch?v (дата обращения: 03.10.2023)

Указ 2024 – Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Официальное опубликование правовых актов. 08.05.2024. http://publication.pravo.gov.ru›document/0001202405080001

Федорова 2024 – *Федорова О.* Оставить Киев со свечками // МК. 06.09.2024.

Чуприн 2023 – *Чуприн В.* В пенсионном полку прибыло. Рост числа пенсионеров заставит их умерить социальные аппетиты // МК. 05.10.23.

Шахназаров 2024 – *Шахназаров К.* Выступление // Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. 01.09.2024. (архив автора).

Аналитические передачи центрального телевидения

В центре событий (ТВЦ)

Вечер с В. Соловьевым и Воскресный вечер с В. Соловьевым (Россия 1).

Информационно-аналитическая программа (ТВ канал 360)

Кто против (ТВЦ)

Между тем (ТВ канал ЗВЕЗДА)

Место встречи (НТВ)

Открытый эфир (ТВ канал ЗВЕЗДА)

Постскриптум (ТВЦ)

Своя правда с Романом Бабаяном (НТВ)

Соловьев Лайф (круглосуточный канал)

Научная литература

Гаджиев 2018 – *Гаджиев Х.А.* Эффективность президентской власти: критерии оценки // Вестник российской нации. 2018. № 1. С. 131–144.

Зевелев 2009 – *Зевелев И.* Будущее России: нация или цивилизация? Распад СССР и «русский вопрос» // Россия в глобальной политике. 2009 г. № 5. https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-rossii-nacziya-ili-czivilizacziya/

Малькова 2008 – *Малькова В.К.* Образы многонациональной столицы в современной московской прессе. Образ «Мы – россияне». М. ИЭА РАН, 2008.

Мощелков 2017 – *Мощелков Е.Н.* «Россия – Европа» как вечная тема общественного и научного дискурса // Вестник российской нации. 2017. № 4. С. 18–34.

Тишков 2013 – *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания // Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М. Наука, 2013.

Тишков 2014 – *Тишков В.А*. О русских (введение к новому изданию коллективного труда «Русские» в серии «Народы и культуры») // Вестник российской нации. 2014. № 6. С. 30–46.

Глава заключительная

ОБРАЗ РОССИИ: ПРОЕКТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

В.А. Тишков

Автор заключительного раздела учебного пособия «Основы российской государственности» для студентов-гуманитариев профессор МГУ И.И. Кузнецов так оценил ситуацию в области конструирования будущего России: «Задача формулирования образа будущего России, его идейного содержания и стратегического наполнения занимает особое место в общественно-политической повестке, объединяя вокруг себя идеи государственных деятелей, представителей общественных движений, культуры и искусства, ученых, публицистов. Получившая новый импульс в общественно-политическом дискурсе в начале 2010-х гг. работа по выдвижению новых, амбициозных проектов преобразований прошла в своем развитии несколько этапов: от обсуждения широкого многообразия сценариев развития России до концентрирования повестки вокруг идей и ценностей, разделяемых различными группами населения. В конце 2000-х – начале 2010-х гг. получили широкое распространение либеральные и консервативные, умеренные и радикальные проекты развития российского общества и государства. Предлагаемые различными акторами идеи и решения зачастую отличались полярностью и традиционно активно критиковались представителями тех или иных политических взглядов. Однако уже ко второй половине 2010-х гг. количество облеченных в проектную форму идей значительно сократилось. Что в первую очередь было связано с укреплением отечественной социально-политической системы, сокращением потенциально возможных направлений развития России, объединения общества в рамках “ Крымского консенсуса”» (*Перевезенцев* 2023: 462–463).

Как мы выяснили, имеется уровень стратегического планирования и нормативного закрепления образа будущего России и уровень общественных представлений, связанных с этим образом. О верхушечном уровне речь шла в первой главе. В заключительной главе перевернем оптику анализа и точкой отправления возьмем ориентированные в будущее низовые и личностные представления, стратегии, ожидания и предчувствия. Участниками проекта «Россия: проектирование будущего» в рам-

ках более широкой программы исследований этнокультурного облика России и формирования российской идентичности (2023–2025 гг.) проводились изыскания в сфере междисциплинарной проблематики темы будущего. Были выполнены обзор и анализ теорий и концепций социологии и социально-культурной антропологии по данной теме, философско-политологические и политтехнологические подходы. Исследовались прогностический потенциал, методология, категориальный аппарат; различия в подходах в России и за рубежом. Ожидается, что завершение проекта даст возможность сформулировать некоторые практико-ориентированные положения и рекомендации как в исследовательской области, так и в области общественно-политических практик. Однако уже на основе предлагаемой коллективной монографии представляются возможными следующие размышления и рекомендательные выводы.

Определение исследовательских приоритетов будущего

С целью оценки процесса формирования российской гражданской нации, выявления представлений россиян о желаемом будущем страны, идеалов и устремлений граждан России и оценки ими перспектив развития страны в российской гуманитарной науке можно определить следующие основные направления исследований:

– суть и цель утверждения концепта российской нации в современных условиях;

– настоящее и будущее России в представлениях экспертного сообщества;

– нормативная система ценностей российского общества и представления о желательном развитии страны;

– патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития России;

– ожидания, жизненные планы, представления о России среди разных групп населения.

Представляется важным установить прогностический потенциал социально-культурной антропологии с использованием ретроспективного и перспективного подходов с целью анализа футуристических компонентов общественной мысли и практик управления эпохи *постмодерна*. Для нас это эпоха глобальных перемен, пришедшая на смену европейскому Новому времени. Это – эпоха современной глобальной культуры, которая включает в себя явления в общественной жизни и в

культуре конца XX – начала XXI века и характеризуется настроениями разочарования, критики идеалов и ценностей т.н. западной цивилизации, неверия в идеи прогресса и возможности человека, особыми способами индоктринации и политической мобилизации человеческих сообществ, разрушением некоторых базовых биологических и культурных основ жизнедеятельности людей.

В гуманитарной сфере последних десятилетий распространение получила практика смешения дисциплинарных границ, часто междисциплинарность стала подменяться внедисциплинарностью, безответственная теоретическая схоластика и (псевдо)научная эклектика оказались на вооружении политики и всемогущих медиа. В то же самое время современность (или постмодерн) характеризуются рядом выдающихся теоретиков (Ю. Хабермас, Д. Белл, З. Бауман). Их работы стали итогом политики и идеологии неоконсерватизма, ставшего своего рода реакцией на характеристики так называемого постиндустриального общества и неолиберальные политические и культурные воздействия. В России также утверждается консервативный поворот в общественно-научном дискурсе с рядом известных имен ученых и публицистов (А.А. Зиновьев, А.Г. Дугин, А.С. Панарин, Б.В. Межуев, С.В. Перевезенцев, Е.Б. Шестопал, А.А. Ширинянц), опирающихся преимущественно на наследие отечественной общественной мысли консервативного направления, теоретиков «русского космизма» и евразийства (Н.А. Бердяев, Л.Н. Гумилев, Н.Я. Данилевский, И.А. Ильин, К.Н. Леонтьев). Сложилось целое направление так называемых цивилизационистов, разрабатывающих концепт цивилизации применительно к современным странам и регионам, а применительно к России – концепта державы-цивилизации (А.С. Ахиезер, М.Б. Ешич, Д.Н. Замятин, В.А. Каганский, Д.В. Тренин, Н.А. Хренов, И.Г. Яковенко). Для обоснования нового варианта цивилизационного подхода также задействованы критически скорректированные западные авторы (А. Тойнби, З. Бжезинский, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма). Определение России как «державы-цивилизации» становится почти догмой в обозначении нашей страны и сути ее государственности. Хотя вполне справедливо по этому поводу в одном из учебных пособий по основам российской государственности содержится достаточно адекватная характеристика этого понятия: «цивилизация – это максимально обобщенное понятие из всех, которые используются для характеристики объединений людей» (*Ларионов*

и др. 2023: 108). Такая характеристика понятия, на наш взгляд, верная, но явно недостаточная для определения суверенного государства Российской Федерации.

Что касается исследовательского поля социально-культурной антропологии и этнологии, то в ее репертуар, помимо изучения раннегосударственных структур, племенных и этнических сообществ, в последние десятилетия были включены современные социальные системы и группы с разными идентичностями с их интенциями и потенциалом. Знание об основных институтах человеческой культуры дополнилось более специализированными исследованиями, проводимыми в рамках субдисциплин (политическая, городская, экологическая, гендерная антропологии и др.), где также обозначились ориентированные на будущее сюжеты.

К проектированию будущего в социокультурной антропологии можно отнести следующие концепции и подходы:

1. Подход, рассматривающий культурные традиции как универсальные функции социального развития и обновления. Согласно этому подходу, опора на традиции позволяет обществу определить темп и направленность социально-культурных инноваций.

2. Концепция, ставящая будущее в центр антропологического анализа и фокусирующаяся на ориентациях в повседневной жизни, чувствах, эмоциях, действиях, с помощью которых настоящее проецируется в будущее, а будущее притягивается к прошлому и настоящему.

3. Подход, предполагающий технологическую трансформацию человека за пределы его биологической формы с помощью достижений науки и техники. Появляются исследования, свидетельствующие, что антропология способна реагировать на изменчивость современного мира (от киберантропологии до антропологии новой материальности).

В целом обзор научного поля показывает, что в *системе гуманитарных наук потенциал антропологии в изучении будущего пока носит скромный характер в силу преобладающей ориентации этой дисциплины на анализ прошлого и настоящего*. Особо это заметно в одержимости зачастую идеализированными традициями, прошлыми нормами и ценностями. По этой и другим причинам теоретико-методологическая база прогностического моделирования в дисциплинарных рамках антропологии находится в стадии формирования. Однако вполне возможны заслуживающие внимания предварительные размышления и оценки.

Перспективы российского национального проекта и опыт «работы с идеей нации»

Прежде всего сам термин *формирование нации* зачастую воспринимается учеными и практиками как некая направленная в будущее переделка социокультурной реальности, ее отмена или замена чем-то, что сконструировано умозрительно в головах ученых как идеальный проект. На самом деле речь идет об утверждении одной из форм самосознания по истории, культуре и гражданско-правовым нормам держателей суверенной государственности, которая не исключает среди них других форм коллективной идентичности (этнической, религиозной, регионально-местной и других). Речь идет о *национальногосударственной идентичности (самосознании) членов суверенных сограждданств, которая во многом опирается на исторический опыт, культурные и ценностные составляющие, а также на общеразделяемую идею нации*. Последнюю вырабатывают и утверждают те, кого называют «отцами нации» или же это может быть экспертное сообщество и более широко – интеллектуальная элита.

Другими словами, в современной России имеет место большой проект, известный в истории как проект нациестроительства (nation-building) и который безусловно относится к ориентациям будущего из настоящего, хотя и имеет исторические корни. Об этих проектах в мировой истории имеется обширная литература, главным образом про то, кем, когда и как была создана та или иная нация как общеразделяемая идея-концепт. В России этот проект имеет драматическую историю и был подвержен многим воздействиям (см. мои работы по этой теме: *Тишков* 2021а, а также *Тишков* 2013, *Тишков* 2021б). Его явные и скрытые критики – это не только этнонационалисты разных мастей, для которых «онтологическая субстанция» *этнос-нация* превыше всего, но и некоторые обученные по старым прописям ученые-гуманитарии.

В рамках нынешнего проекта нами исследовались проблемы и перспективы формирования российской гражданской идентичности и в добавление к этому – перспективы восприятия России как самостоятельной цивилизации. На основе анализа опыта нациестроительства в многоэтничных и поликультурных государствах изучались возможности и особенности его воплощения в российских реалиях. Напомним, что ключевым ресурсом такого большого проекта, как страна или нация, являются не только материальные ресурсы в виде географиче-

ских пространств и природных запасов, сильной экономики и оборонной системы, но и адекватное понимание «кто есть мы?», т.е. национальная (страновая) идентичность и эффективное управление обществом. Наш вывод: *нациестроительство как формирование устойчивого и общеразделяемого образа страны и ее народа на основе поверхностной публицистики и верхушечного предписания политтехнологов осуществить крайне сложно*. Кроме того, есть риск, что закоренелые этнонационалисты могут с восторгом воспринять рыхлую концепцию страны-цивилизации, по новой воспеть «дружбы народов надежный оплот» (вместо дружного народа), чтобы при случае иметь возможность и раздружиться. Нельзя забывать уязвимый смысл лозунгов типа «Башкортостан и Россия навеки вместе!», которым и аналогичными ему в 1990-е гг. встречали президента страны в российских республиках. А всего то было бы лучше написать «Башкортостан и остальная Россия…», чтобы избежать сомнительной трактовки.

Нами был рассмотрен опыт нациестроительства в крупнейших странах мира, схожих с Россией своей разнообразной историей и культурой, с возможностью их трактовки как самостоятельных цивилизаций. Прежде всего это страны БРИКС, где в каждой имеется свой опыт работы с идеей нации и нациестроительством в общегосударственном масштабе.

В основу строительства государственности в полиэтничной и полной конфликтов Индии положена идущая от Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру объединяющая идея индийской нации, и данная «идея Индии» именно как форма самосознания (идентичности), а не как формируемая культурно-гомогенная целостность, сохраняет эту страну много десятилетий и способствует ее динамичному развитию, в т.ч. научно-технологическому прогрессу (см.: *Шнирельман* 2012; *Тишков, Филиппова* 2016; *Beumer* 2019: 5–19; *Khilnani* 1997). Как писал известный российский индолог А.А. Куценков, «национальная идея выросла из индийской истории и в этом ее сила и убедительность. Однако нельзя не заметить, что «индийская идея» не свободна от внутреннего противоречия. Оно относится именно к тому, что составляет ее основу, ее стержень – к концепции единой индийской нации. С одной стороны, индийская нация фигурирует как реальность, объективная данность, с другой – ее формирование, «национальная интеграция» представляется в качестве важнейшей задачи на будущее» (*Куценков* 2007: 205). Точно

такими же словами можно охарактеризовать и российскую ситуацию. А что касается культурной сложности индийской нации, то эта страна обладает не сравнимым с другими странами разнообразием: только одних этнических и племенных групп Антропологическая служба Индии насчитала 4635, более 1600 «живых индийских языков», не говоря уже о религиозных, расовых и кастовых различиях. За последние пару десятилетий страна успешно преодолевает социальные контрасты, преодолевает нищету и отсталость, добивается разительных успехов в области науки и технологий и утверждает себя одним из лидеров не только входящих в БРИКС наций, но и всего мира.

С 1990-х гг. национальная политика Китая направлена на создание «полиэтнического национализма», «национализма всей китайской нации». При этом традиционная китайская культура не является антитезой современного пути страны. Напротив, она выступает источником его исторической легитимности. Имея в своем составе, как и в Российской Федерации, внутренние этнотерриториальные автономии для автохтонных народностей, составляющих около 10% всего населения Китая, вместе с доминирующим народом ханьцев, которые также имеют внутренние этнорегиональные различия, все это составляет китайскую «нацию народностей» (*джонхуа миндзу*) (*Гельбрас* 2004; *Закурдаев* 2016).

Примеры «работы с идеей нации» и нациестроительства заслуживают внимания и в таких совсем не схожих с Россией странах, как Бразилия и Южная Африка. В Бразилии (пятая по населению нация мира) с начала XX века шли поиски объединяющей основы для очень разного в расовом и этническом отношении населения, сформировавшегося из европейских, аборигенно-индейских и африканских компонентов. От выдвинутой в 1920–1930-е гг. бразильскими интеллектуалами, прежде всего Жилберту Фрейре, идеи расового смещения как определяющей характеристики бразильской культуры поиски основ нации прошли через разные периоды – от расистского неприятия и отрицания значения коренного и африканского населения в формировании нации, через политику «отбеливания» и растворения меньшинств в составе единой метисной нации, через игнорирование социального неравенства этнорасовых общин. Только в конце XX в. бразильские политики и интеллектуалы пришли к идее равенства прав и возможностей всех групп бразильского населения на основе расового смешения и в рамках совре-

менного понимания нации как солидарного согражданства, основу идентичности которой составляют такие известные миру отличительные характеристики, как уникальная природа, музыкальная культура, карнавал, футбол, телевизионные сериалы (см.: *Данилова* 2019: 330–344; *Eakin* 2017: 373–386). Окончательному утверждению бразильского гражданского национализма во многом способствовали футбольный чемпионат мира 2014 года и Олимпийские игры 2016 года.

Среди основных членов БРИКС наиболее значительны различия между Россией и Южно-Африканской Республикой – страной, которая совсем недавно обрела полную государственную суверенность, избавившись от колониального наследия и такой его социальной язвы, как апартеид. Но и здесь, получив дополнительный энтузиазм после чемпионата мира по футболу 2010 года, в стране произошел заметный поворот в пользу утверждения концепции «радужной нации», т.е. южноафриканской нации в составе основных расовых и этнических сообществ (см.: *Pieterse* 2022: 1–18; *Moya* 2021; *Stinson* 2009).

Из всего этого вытекает практический вывод, что *крайне нежелательно, чтобы наша страна оказалось единственной среди членов-основателей БРИКС, в которой части политиков и экспертов удается убедить снять с повестки идею гражданской нации в планах государство-строительства, заменив его историософскими суждениями об уникальной цивилизации* и ошибочно полагая, что Россия – «самая разнообразная страна в мире» (*Ларионов* и др. 2023: 8). При всем разнообразии своего облика и уникальности исторического пути, Россия развивается в том числе и по общим законам человеческой эволюции и в значительной мере схожа по своему устройству и проблемам с другими крупнейшими нациями мира, претендующими своими уникальными культурными достижениями и местом в мировой политике называться цивилизациями.

Не будем скрывать, что цивилизационный подход к объяснению России как державы-цивилизации прямо или косвенно зачастую противопоставляют российскому национальному проекту. Выход из этой коллизии предлагается нами в признании и научной разработке двух категорий, которые не исключают друг друга: а) историософской и культурологической категории *«цивилизация»* с желательным обоснованием ее более определенных признаков и б) социально-политической, нормативно-правовой категории *«нация»* как согражданства с общей истори-

ческой памятью, культурой, ценностями и самосознанием. При этом подходе не отрицается использование категории «нация» и в отношении этнических общностей, учитывая советский опыт трактовки национального сугубо в этническом смысле и результаты конструирования многих «социалистических наций» на основе этнического многообразия населения Российской империи. Таким образом, мы имеем в итоге две максимы: *Россия – это и нация, и цивилизация, а российский народ – это нация наций*.

Будущее России в политической стратегии и представлениях экспертного сообщества

Важным направлением в обновленных подходах к пониманию России стало изучение проблемы российской идентичности как чувства сопричастности с Россией на коллективном и на личностном уровнях. За последние два десятилетия общими усилиями политиков и ученых выработан единственно возможный вариант существования и развития нашей страны как полиэтничного и поликонфессионального государства на базе российского национального проекта и его основной формулы «единства и многообразия». А вместе с этим *понятие «национальная политика», которая до этого понималась только как этническая политика, наполняется новым, более адекватным содержанием как политика национального строительства и обеспечения национальных интересов российского народа как полиэтничной гражданской нации*. Имеющая место в управленческих и экспертных структурах нынешняя разработка стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2035 года – пример ориентации будущего, а после «проработки» управленцами и экспертами этот документ стратегического планирования станет частью ориентаций и действий настоящего времени.

Как выясняется, изучение темы восприятия будущего возможно только с учетом мобилизующей роли информационного воздействия на массовое сознание россиян, его важной роли в общественной жизни страны, в том числе – в формировании российской гражданской идентичности. Массмедиа имеет серьезный потенциал в общественной организации населения и в создании культурно-психологических импульсов для укрепления мощи и позитивного развития России.

В рамках проекта исследовались возможности российского информационного корпуса и выявлялись распространяемые в обществен-

ном сознании россиян оценки состояния нынешней общественно-политической жизни страны, суждения об успехах и проблемных узлах, а также идеи и предложения по переустройству и модернизации страны. Примененные методы исследования – дискурс-анализ, контент-анализ, обзорный анализ медиа информации, ее тематики, акцентов и направлений. Основным источником стал медийный материал, собранный и систематизированный в российском информационном пространстве. Исследование показало, что, критически рассматривая нашу российскую реальность, сообщество известных ученых, высших военных, политиков, государственных служащих, политологов, журналистов, представителей художественной интеллигенции, а также блогеров выделяют наиболее острые проблемы и в общественных дискуссиях конструирует модели развития России. В поисках новых смыслов и взглядов, общественных мировоззренческих ориентиров на фоне глобальных мировых социально-политических, военно-экономических и нравственных изменений, проектируется и обсуждается (создается) не только будущее страны, но и будущее остального мира, формируются консолидирующие российское общество представления.

Среди экспертных оценок, мнений и идей об образах России выделяются выводы о том, что *современная Россия, несмотря на многие трудности, последовательно отстаивает свои интересы и самоутверждается в мировом пространстве.* Россияне, довольно критично оценивая некоторые недоработки и ошибки властей, все же активно поддерживают высшее руководство, разными способами стараются помогать стране выстоять в противостоянии с противником, верят в военную победу и благополучное будущее страны. Они также видят и понимают стоящие перед страной задачи – *необходимость восстановления полного суверенитета страны, необходимость создания идеологии консолидации россиян и процветания страны.*

Общество волнуют проблемы гражданственности и патриотизма, связанные в т.ч. и с формированием российской идентичности, и в целом – с задачей очищения нравственного состояния общества (гражданская ответственность, включая верность родине и народу и вклад каждого гражданина в ее социально-экономическое развитие). *Общество хочет видеть от властей не только четкий образ «страны–мечты», «страны будущего», но и ощутимые примеры социальной справедливости, серьезные экономические успехи России, и в целом позитивный имидж России в мировом пространстве.*

«Идея неполноценности» нашей страны по отношению к Западу постепенно уходит из общественного сознания, создаются новые или реанимируются давние характеристики образа сильной, мощной, уверенной в себе России, стремящейся к справедливости и к победе. Вместе с темой о желаемом величии страны в экспертном сообществе поднимается вопрос о необходимости осмыслить стратегию развития России, понять для себя и разъяснить обществу сущность и миссию страны во внутреннем и внешнем пространстве.

И все-таки четкой картины желаемого всеми будущего пока в обществе не сформировано. Возможно, что в большой и сложной по составу населения стране и при ее региональном разнообразии такой образ сформировать трудно. Но если взять более широкий общественный дискурс, то в замечаниях и ответах, комментариях и сетевых обсуждениях звучат *идеи о «нравственном, справедливом и ответственном обществе», желаемом прогрессе, традиционных семейных ценностях, реальных социальных лифтах для молодежи, развитии пустеющих российских территорий, необходимости «движения страны вперед» и создании «общества всеобщего благосостояния».*

Что касается желаемого будущего как цели руководителей высшего уровня и ведущих медиа-пропагандистов, то здесь многое изложено в документах т.н. стратегического планирования. Но есть и особые предельные высказывания относительно отдельных регионов и сфер жизни. Так, например, президент В.В. Путин в ответе на вопрос, что он бы посчитал успехом всех проектов развития региона Дальнего Востока, ответил: «Это – рост населения». С точки зрения общенациональных интересов это более чем актуальная и жизненно важная цель для страны с ее территорией 17 млн кв. километров. Но подобное стратегическое планирование будущего может не совпадать с ожиданиями рядовых жителей, которых больше волнуют то «желтая опасность» китайских мигрантов, то переселенцы из других регионов страны. Политическая стратегия высокого уровня также может не совпадать с интересами частного капитала. Несмотря на утвержденные концепции пространственного развития страны, жадные до прибыли застройщики-девелоперы предпочитают заманивать россиян квартирами с «видами на Кремль» или в «ближнем Подмосковье», а не переносить свой бизнес к востоку за Урал или в районы русского Севера.

Отметим также, что нынешние жесткие ограничения иммиграции из стран бывшего СССР, казалось бы, отвечают интересам политиков и

озабоченностям рядовых граждан, но отказ от мигрантов сдерживает развитие страны и лишает граждан многих жизненно важных услуг. Можно предвидеть (в антропологии будущего *предвидение* относится к вполне легитимной категории), что растущая мигрантофобия и дискриминация приезжих грозят ухудшением отношения жителей стран исхода к России и к ее жителям. В таком случае в проектировании будущего *нельзя исключать риск появления русофобии и антироссийскости среди населения центрально-азиатских стран, и здесь, на наш взгляд, был бы желателен приоритет будущего расчета над современными озабоченностями*.

Система ценностей и представления россиян о желательном развитии страны

Для анализа этой темы хорошей базой исследования служат результаты социологических опросов, проводившихся различными исследовательскими центрами и научными коллективами. Уже в конце 1990-х гг. волна прозападных настроений в России стала быстро спадать, а в общественном сознании все больше утверждалась мысль, что стратегия заимствований является неэффективной. «*Западничество» как специфический комплекс умонастроений не исчезло, но сфера его влияния значительно сузилась*. Наиболее распространены прозападные умонастроения в самой младшей по возрасту когорте респондентов, не имеющей достаточного жизненного опыта. Однако после 25–26 лет соотношение этих полярных мнений меняется на противоположное.

Соответственно усиливающемуся запросу на укрепление национального суверенитета переформатировались и представления населения о желаемом будущем. В представлениях россиян основным принципом, который должен соблюдаться в России будущего, – это базовые условия достойной жизни: *равный доступ к медицинскому обслуживанию, возможность получить желаемое образование, хорошие рабочие места, отсутствие массовой бедности, возможность решить жилищные проблемы*. При этом различия в социальном статусе и уровне благосостояния признаются неизбежными и необходимыми, но они подлежат регулированию и являются объектом социального контроля.

Следом за социальной справедливостью в числе характеристик России будущего упоминаются *соблюдение прав человека, демократия (при этом для большинства россиян многопартийность и чередование лиц у власти являются в лучшем случае лишь второстепенными при-*

знаками демократии, поскольку государство в российской ментальности выступает как смыслополагающая инстанция, образующая экзистенциальный центр национального бытия, политические стратегии которого должны быть рассчитаны не на периодичность электоральных циклов, а на «длинные времена»), *свобода самовыражения, сильная власть, способная обеспечить порядок и успешное развитие страны, сохранение национальных традиций*.

Большинство россиян согласны с тем, что цели на перспективу должны носить глобальный характер, но в большинстве своем наши граждане не стремятся занимать в мире какое-то исключительное положение. Более чем половину россиян вполне удовлетворило бы положение одной из наиболее развитых мировых держав. Таким образом, *когда российское руководство обосновывает и продвигает концепцию многополярного мира, оно, по сути дела, действует в унисон с настроениями основной массы населения страны*.

Образ будущего в сознании российского общества тесно связан с идеей прогресса, который является для россиян значимой ценностью. Но следует отметить, что практически такой же значимостью для них обладает и традиция. При этом инициативность и предприимчивость не выступают в социальном мышлении россиян как ценностная антитеза традиционализма. В российской политической культуре наличествует особый механизм реактуализации традиций, когда происходит включение традиций в новые смысловые контексты, благодаря чему, отсылая к исторической памяти, они в то же время становятся генераторами новых смыслов и специфическими источниками инноваций. Происходившее в России на рубеже XX и XXI вв. преодоление глобалистских увлечений и возвращение к аутентичным ценностям, которое сказалось не только на настроениях большинства населения, но и на поведении политических элит, привело к формированию *особой модели развития, которую с учетом значительной роли механизма реактуализации традиций, предложено называть традиционалистской модернизацией*.

Социальной базой традиционалистской модернизации являются старшее и среднее поколения, социализировавшиеся в эпоху научно-технической революции, что выработало у них отчетливо «прогрессистские» ценностные установки. Способность занимать и удерживать позиции одного из наиболее передовых по уровню и динамике развития гос-

ударств современного мира для этого поколения была и остается главным критерием оценки политического курса правительства страны.

Главным фактором, создающим отличия будущего от настоящего, в глазах россиян выступает расширение научных знаний и развитие технологий. Россияне старшего и среднего возраста связывают научно-технический прогресс в первую очередь с изменением окружающего мира, считая, что сам человек не является продуктом технического прогресса, его сущность и природа носят естественный характер. Эту позицию разделяет и значительная часть российской молодежи. Однако в младших возрастных когортах отчетливо наметилась и другая позиция, допускающая использование научных знаний и технических средств для произвольной модификации естественных характеристик человека, связанных с его личной идентичностью. Это является проблемой, и она может вылиться в культурно-психологический разрыв между поколениями, создавая на будущее угрозу преемственному развитию российского общества.

Однако приходится признать и недостаточную проработанность концептуальных основ противопоставляемой Западу российской модели развития, расплывчатость сопрягаемых с ней образов будущего. В сегодняшнем мире складывается ситуация роста значимости суверенных наций-государств и цивилизационно отличительных регионов мира, предполагающих разные модели государственного строительства, выбор разных «парадигм современности». Осуществляя такой выбор, Россия концептуально артикулировала повестку традиционалистской модернизации, тем самым заявив о себе как о центре консолидации политических сил, не принимающих продвигаемую Западом повестку дня неолиберального глобализма.

Проектирование и созидание будущего России становится уже не только ее собственным внутренним делом, но и фактором глобального порядка. Смысловым стержнем российского проекта будущего является, с одной стороны, сохранение и воспроизводство культурного многообразия человечества, а с другой стороны – удержание развития цивилизации в рамках гуманистической парадигмы, исключающей несовместимые с естественной природой человека «постчеловеческие» и, возможно, античеловеческие перспективы, которые порождают все шире укореняющиеся на Западе манипулятивные практики произвольного конструирования идентичностей.

Жизненные планы и представления о России в студенческой среде и патриотизм молодежи как ресурс

Патриотически настроенная молодежь – опора государства и важнейший ресурс его защиты, укрепления, устойчивости и успешного развития. От уровня патриотизма в молодежной среде в значительной степени зависят преемственность культурных традиций и утверждение национальной идентичности. В условиях глубоких перемен и стратегических вызовов, стоящих перед Россией, важно изучать характер патриотических установок и деятельностных проявлений российской молодежи, степень ее вовлеченности в общественно-политическую жизнь страны. В рамках проекта были исследованы настроения и ценностные установки в молодежной среде и выявлены факторы, негативно влияющие на формирование патриотических установок среди молодежи. Исследование показало, что *ряд факторов, действующих на протяжении постсоветского периода развития России, обусловил недостаточный уровень патриотизма в молодежной среде на современном этапе.* Среди этих факторов такие, как отсутствие четкой идеологии в системе патриотического воспитания молодежи, слабая обеспеченность усилий по актуализации и утверждению традиционных духовно-нравственных ценностей и идеалов, социальные и общественно-политические условия, не позволяющие молодежи реализовывать жизненные планы и устремления. Для небольшой части российской молодежи имеет значение и такой фактор, как ощущение себя униженным по национальному (этническому) признаку. С другой стороны, есть проявления своего рода ультра-патриотизма со стороны особо озабоченных положением дел и перспективами, якобы «угнетенного русского народа». Одним из вызовов для патриотического воспитания молодежи являются глобализация и международный обмен информацией, что привело и может приводить в будущем к конфликтам между традиционными ценностями российской культуры и образцами западной культуры.

Молодежь – это потенциальные носители предстоящих изменений, своего рода авангард строителей будущего. В этой связи важно при проектировании будущего страны изучать жизненные ориентации и устремления, представления о будущем самих молодых граждан. Необходимо понимать, каким образом они коррелируют с системой ценностей и проектами будущего России, которые утверждаются эли-

той и которые утверждаются в общественно-политическом пространстве страны. При этом для анализа важен комплекс характеристик именно в прогностическом измерении. Заслуживает изучения воздействие на жизненные стратегии таких инновационных явлений, как искусственный интеллект и цифровые технологии. В частности, для выявления возможного будущего важно в какой степени нынешняя молодежь допускает возможность использования научных знаний и технических средств для произвольной модификации естественных характеристик человека.

Среди результатов исследования следует обратить внимание на следующее. Более двух третей опрошенных в ходе пилотного опроса студентов трех российских регионов затруднились ответить на вопрос «Что, по Вашему мнению, могло бы стать национальной идеей России?». Это симптом говорит о недостаточной проработке национальной идеологии и отсутствии четкой национальной идеи в обществе. Почти такая же ситуация наблюдается в распределении ответов на вопрос о том, что является традиционными ценностями России. Этот вопрос вызвал затруднения у значительной (почти половины) части студентов, что может свидетельствовать об отсутствии длительное время работы с молодежью по сохранению и укреплению традиционных ценностей, а также о возможном умозрительном характере самого официального перечня этих ценностей. Недостаточная осведомленность также говорит о размывании культурно-исторической памяти и ослаблении преемственности поколений. В то же время, в структуре представлений студентов присутствуют практически все ценности, закрепленные в перечне Указа Президента РФ № 809. В этой связи, несмотря на определенную степень парадности представлений молодых граждан, *можно говорить о сохранении в России механизма трансляции и преемственности межпоколенческих ценностей.*

Выявляется слабая вовлеченность молодых граждан в политические процессы, принятие решений и общественную жизнь. Для значительной части характерны высокий уровень индивидуализма, преобладание личных интересов над общенациональными, в первую очередь это касается тех, кто в качестве предпочтительного для себя жизненного пути выбирает отъезд из страны (таких более четверти), что говорит о влиянии глобализации, массовой культуры и цифровых технологий, нивелирующих национальную специфику. В целом, некоторые мифи-

ческие или идеалистические ценности типа соборности или примата духовного над материальным явно уступают более реальным и жизненно важным установкам на справедливость, равенство, свободу выбора, семейное и личное благополучие. При этом из эмоционально-идеальных установок в несомненном приоритете остаются любовь к собственной стране, гордость за ее культуру, научные и спортивные достижения.

В этом контексте напомним о проекте «ДНК России», в рамках которого два года назад началось преподавание для всех студентов страны многообещающего курса основ российской государственности. Этот реверанс в сторону проекта, помимо высказанных выше критических замечаний, делается мною в заключение в связи с полученным от соавтора нашей коллективной монографии профессора А.Л. Андреева электронным посланием следующего содержания: «*Ваши замечания по поводу курса «Основы Российской государственности» кажутся мне очень своевременными. Уже накопился кое-какой опыт, и можно высказывать суждения. По моим впечатлениям (а я этот курс читаю уже второй год, причем в разных вузах), его введение было полезным, и в студенческой аудитории отношение к нему в целом позитивное, хотя, конечно, не всегда и не везде. Этот курс насыщен конкретным, часто очень наглядным, материалом, и потому дается относительно легко. Я мог бы привести примеры, когда он вызывал даже некий энтузиазм. Видели бы Вы, как активно, с увлечением студенты ВГИКа выступали на семинарах с рассказами о своих родных регионах, о населяющих их народностях, их обычаях, фольклоре, кухне и т.п.! Рассказы затянулись на несколько пар, но у меня рука не поднялась их остановить или ограничить по времени, видя, как тщательно и с неподдельным интересом они готовились. Некоторые такие рассказы, сопровождаемые презентациями, слушатели встречали аплодисментами. Тем не менее, Вы правы, высказав определенные критические замечания. И кроме Вас это никто бы не осмелился сделать, поскольку все понимают, что данный курс «идет сверху». А недостатки в постановке дела, конечно, есть. Прежде всего, очень отчетливо проявляется неискоренимое стремление наших преподавателей «впихнуть» в студентов все то, что когда-то учили сами…* »[*].

[*] А.Л. Андреев – В.А. Тишкову, 24 ноября 2024 г. (письмо в электронной почте).

Мне представляется, что в этих словах известного профессора-наставника содержатся те самые позитивные ожидания, что на смену нашему поколению придет не менее достойное и не менее патриотично настроенное поколение будущих россиян. Этим ожиданиям придают силу выявленные нашим исследованием такие характеристики студенческой молодежи, как лояльность молодых граждан по отношению к традиционным российским ценностям, значительный духовно-нравственный потенциал, желание большинства применять полученные знания в работе по своей специальности, что является в одним из проявлений патриотизма и стремления приносить пользу своей стране.

Научная литература

Гельбрас 2007 – *Гельбрас В.Г.* Китайская Народная Республика: возрождение национальной идеи // Национальная идея: страны, народы, социумы // отв. ред. Ю.С. Оганисьян. М.: Наука, 2007. С. 185–201.

Данилова 2019 – *Данилова Г.А.* Вопросы нациестроительства в риторике латиноамериканских интеллектуалов и элит: от прошлого к настоящему // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Том 11, № 2. С. 330–344.

Закурдаев 2016 – *Закурдаев А.А.* Национальная идентичность как продукт управляемых этнических процессов в КНР // Культурная сложность современных наций / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: РОССПЭН, 2016. С. 306–326.

Куценков А.А. Индия: Идея «на вырост» // Национальная идея: страны, народы, социумы / отв. ред. Ю.С. Оганисьян. М.: Наука, 2007. С. 202–223.

Ларионов и др. 2023 – Основы российской государственности: учебное пособие для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей / рук. проекта *А.А. Ларионов* (иеромонах Родион), науч. ред. *П.Ю. Уваров*, ред. *О.А. Чагадаева* / Авт. колл.: А.П. Шевырёв и др. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

Перевезенцев 2023 – Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгенье-ва и др. Под ред. *С.В. Перевезенцева*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

Тишков 2013 – *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.

Тишков 2021а – *Тишков В.А.* Избранные труды в пяти томах. Том 5. Этнология и политика. Статьи 1989–2021 годов. М.: Наука, 2021.

Тишков 2021б – *Тишков В.А.* Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021.

Тишков, Филиппова 2016 – Культурная сложность современных наций / Под ред. *В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой*. М.: РОССПЭН, 2016.

Шнирельман В.А. Религия, национализм и межконфессиональный конфликт в Индии // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012. С. 57–109.

Beumer 2019 – *Beumer K.* Nation-Building and the Governance of Emerging Technologies: The Case of Nanotechnology in India // NanoEthics. 2019. Vol. 13. P. 5–19.

Eakin 2017 – *Eakin Marshall C.* Becoming Brasilians: Race and National Identity in Twentieth-Century Brasil // Nation, State and the Economy in History. Cambridge U. Press. 2017. P. 373–386.

Khilnani 1997 – *Khilnani Sunil*. The Idea of India. L.: Penguin Books, 1997.

Moya 2021 – *Moya Nasiphi*. Banal Nationalism in the post-apartheid South Africa // Academic Letters. October 2021.

Pieterse 2022 – *Pieterse Hendrik R.* Nation: Nation Building in the New South Africa // Safundi: The Journal of South African and American Comparative Studies. 2002. Vol. 3, No. 1. P. 1–18.

Stinson 2009 –*Stinson Andrew T.* National Identity and Nation-Building in Post-Apartheid South Africa. https://www.academia.edu/26719311/NATIONAL_IDENTITY_AND_NATION_BUILDING_IN_POST_APARTHEID_SOUTH_AFRICA (дата обращения: 01.01.2024)

ОБ АВТОРАХ

Тишков Валерий Александрович – академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН, директор Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета

Андреев Андрей Леонидович – д. философ. н., главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор НИУ МЭИ

Артемова Ольга Юрьевна – д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, заместитель директора Учебно-научного института антропологии и этнологии РГГУ, профессор

Артемова Юлия Александровна – к.и.н., доцент Учебно-научного института антропологии и этнологии РГГУ

Гузенкова Тамара Семеновна – д.и.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

Драмбян Михаил Игоревич – аналитик, старший преподаватель Учебно-научного института антропологии и этнологии РГГУ

Зыкина Ольга Александровна – младший научный сотрудник Отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН

Кульбачевская Ольга Вячеславовна – научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН

Малькова Вера Константиновна – д.и.н., главный научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН

Подлесных Ольга Николаевна – научный сотрудник Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН

Савин Игорь Сергеевич – к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН

Научное издание

РОССИЯ:
ВОСПРИЯТИЕ БУДУЩЕГО

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Коллективная монография

Под ред. В.А. Тишкова; сост. О.В. Кульбачевская

Утверждено к печати Ученым советом Ордена Дружбы народов
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ISBN 978-5-4211-0338-7

9 785421 103387 >

Технический редактор, верстка: О.В. Кульбачевская
Обложка: Е.В. Орлова

DOI: 10.33876/978-5-4211-0338-7/2024-12/1-374

Подписано в печать 24.12.2024 Формат 70x100 1/16

Усл.-печ. л. 30,4 Тираж 500 экз. Заказ № 211421

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии» (АО «Т 8»)
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5